

"I am a definite fan of Hayes and shall add him to the 'watch' list along with the likes of Scott Lynch and Douglas Hulick."

—DEBBIE RUSHBY,
RUSHBY'S RANTS
AND REVIEWS

ROB J. HAYES

THE PRICE OF
FAITH

III
THE TIES THAT BIND
III

Третья книга из цикла "Связующие Узлы" — Роберта Хейса.

Перевод — Vydloman_Tb

Внимание! Это — черновик любительского перевода!

Редакторы, корректоры и бета-тестеры сюда не заглядывали!

Читать строго на свой страх и риск!

*Посвящается Дейву, как доказательство,
что злейшие враги могут стать лучшими друзьями.*

Часть 1 — Сжечь ведьму!

Не впервые за последнее время Танкуил проснулся привязанным к кровати. Он рассмеялся и заморгал, стараясь стряхнуть остатки сна. Джеммет сидела на краю постели и наблюдала за ним, криво улыбаясь уголком рта. Он некоторое время смотрел на неё, и его глаза увлажнились от вида её длинных рыжих волос, смуглой кожи, неземного красного сияния.

— Погоди, — сказал Танкуил, тряся головой. Ты ведь не Джем. Чёрт, кто ты? И... почему ты светишься?

Призрачная женщина на краю постели низко, гортанно рассмеялась, изящно встала и подошла ближе. Танкуил осмотрел комнату и понял, что он всё ещё в гостинице, в той же самой комнате, которую снял прошлым вечером. Дверь на вид всё ещё казалась запертой, а окно закрытым. Весьма досадным был вопрос, как именно женщине удалось проникнуть, но сейчас у него были дела важнее.

— Это сон? — спросил он женщину. — Поскольку, если да, то может быть ты...

— Физически я не здесь, арбитр, — сказала она, садясь на кровать у его груди. Её голос был тёплым и медовым, а глаза сверкали, как кинжал на солнце — опасно и слепяще.

— Тогда как ты связала мои руки? — Танкуил вытянул шею и посмотрел на правую руку. Дерево кровати проросло и стянуло половину его руки. — О-о... понятно.

— Я не желаю причинять тебе вред, арбитр, — сказала видение, положив призрачную руку ему на грудь. Он почувствовал покалывание в том месте, где мягкое красное сияние коснулось кожи.

— Хм... кто ты?

Она рассмеялась.

— Я та женщина, которую ты преследуешь.

— Ведьма, — выдохнул Танкуил. — Что ж, это, наверное, многое объясняет. — Он подёргал узы, крепко державшие его руки, но те не поддавались. Ноги были свободны, но скованными руками он совершенно застрял. — Чего ты хочешь?

Ведьма улыбнулась. Она была удивительно красивой, и не только на лицо. Все изгибы её тела подчёркивались при каждом движении. Ярко-рыжие волосы цвета раскалённой стали, а глаза глубокие и серые, словно грозовая туча. Мягкое красное сияние, окружавшее её, лишь усиливало красоту, придавая ведьме опасный вид. За последние два года Танкуил понял, что у него есть слабость к опасным женщинам.

— Чего я хочу? — ответила она. — Я хочу отпустить тебя невредимым, арбитр. Я хочу, чтобы ты прекратил меня преследовать.

Танкуил фыркнул.

— Этого я сделать не могу.

— Почему?

— Ну... ты ведьма, а я охотник на ведьм. Этим я занимаюсь.

— Я думала, таким как ты не нравится термин "охотник на ведьм", — сказала она. Улыбка по-прежнему играла у неё на губах, но глаз не затрагивала.

— В этой конкретной ситуации, — сказал Танкуил, — он подходит.

Видение глубоко вдохнуло, её корсаж поднялся, и стала отчётливо видна ложбинка между грудями. Танкуил сглотнул и попытался думать о чём-нибудь другом, о чём угодно.

Ему это не удалось. Потом ведьма вздохнула.

— Тогда у меня будет к тебе иная просьба, арбитр.

— Что ж, это немного навязчиво, но думаю, я смогу найти время, чтобы тебя выслушать.

Ведьма посмотрела на него, её лицо потемнело от отвращения.

— Я хочу, чтобы ты сгорел! — А потом она пропала, исчезла, словно её и не было.

Танкуил вдохнул и неровно выдохнул. Уж конечно она не первая ведьма, за которой он охотился, но быстро становилась самой проблематичной. Всего два дня назад его лошадь споткнулась и сломала ногу. Такое событие во всех смыслах не назовёшь неслыханным, но это была уже третья лошадь за три недели. И к тому же погода, которая до того была сравнительно мягкой для этого времени года в Драконьей империи, внезапно стала беспрецедентно ухудшаться. Сначала прошла гроза без дождя — такая сильная, что удары молний опалили всю окружающую землю и подожгли амбар, в котором остановился Танкуил. Но даже гроза меркла по сравнению с другим погодным феноменом: ветер хлестал так неистово, что свернулся в вихрь кружащегося воздуха, который, касаясь земли, вырывал здания, почву и всё, что оказывалось на его пути. Некоторые жители окрестных деревень кивали, заявляя, что иногда такое случалось и раньше, но не в это время года, и никогда так неожиданно. Танкуил же отлично понимал, что к чему — он опознал признаки магии, как только увидел этот вихрь.

Лёжа на кровати, Танкуил сместил свой вес, собрался с духом и попытался высвободить руки из уз, но те по-прежнему не поддавались. Он подумал, что за магия может контролировать мёртвое дерево, заставив расти и скручиваться в такую форму, но это ему предстояло выяснить позже.

Танкуил почуял резкий едкий запах и, мгновение спустя, понял, что это такое. Будучи арбитром, он лучше кого бы то ни было знал запах горячей плоти. Он поднял голову и взглянул в сторону двери своей комнаты. Через щель под дверью проникал тёмно-серый дым. Танкуил напряг слух и едва-едва расслышал знакомые звуки — кто-то кричал от боли, от такой боли, которая бывает, только когда человека сжигают заживо.

Танкуил вздохнул. Где бы он ни появлялся, кому-нибудь непременно нужно было разжечь огонь, и так редко именно он держал факел. И снова он принялся сражаться со своими узами, нащёптывая благословение силы. Тщательно отработанным благословением обычный арбитр может практически удвоить свои силы, но Танкуил не был нормальным арбитром. Он отличался и в благословеньях и в проклятиях. На краткий миг он почувствовал, как магия вливается в него, увеличивая его силу, и дерево, сдерживавшее его руки, затрещало. А потом он потерял дар речи, и та самая магия покинула тело, оставив после себя истощение и головокружение.

Он потряс головой, сосредоточился и снова начал читать заклинание. Снова благословение наполнило его магией, и он почувствовал, как растёт сила. И снова потерял дар речи. Это сбило его с толку — ведь раньше он никогда не испытывал подобных речевых проблем. К тому же дыма в щель под дверью проникало всё больше, и он почувствовал, что в маленькой комнате стало намного жарче. Танкуил запаниковал.

Он видел слабое оранжевое свечение с другой стороны двери и слышал треск, шипение и щелчки огня. Арбитров первым делом учили использовать огонь для очищения еретиков — в конце концов, в пламени имелась очищающая сила — но и у самого Танкуила уже были ожоги. Не далее чем год назад его правая рука горела, и до сих пор она до конца не зажила. Кожа осталась скрученной, натянутой и чувствительной к жару и к холоду, не говоря уже о

боли... Меньше всего Танкуил хотел быть сожжённым, а особенно, сожжённым до смерти.

Он сражался со своими узами, безуспешно тянул и толкал руками, пинался ногами и выворачивал всё тело, но привязан он был крепко. Наконец он снова попытался произнести благословение силы, и снова правильные слова вылетели у него из головы. Дым в комнате густел, и Танкуил не смог не закашляться, беспомощно дёргаясь. Он поднял голову, чтобы взглянуть на дверь, и тогда её и увидел — маленькую полоску бумаги, прикрепленную к его груди чуть ниже середины. Это было заклятье, которое любят использовать арбитры: маленькая полоска бумаги, которая, если прикрепить её к коже человека, блокирует память о магии, буквально не даёт человеку вспомнить, как использовать магию. И хуже того, Танкуил узнал почерк на бумажке — тот был его собственным. Проклятая ведьма пыталась убить арбитра его собственной магией. Часть Танкуила была рада, что здесь нет Джеззет, и она не видит его затруднения, а другая часть хотела, чтобы она оказалась здесь и спасла его, как обычно.

Танкуил глубоко вздохнул и сдержал кашель.

— ПООООМОГИИИИТЕ! — закричал он изо всех своих сил. Ответа не было. Никакого ответа, кроме голодного пламени по ту сторону двери. И снова он закричал о помощи, и снова в ответ не услышал ничего.

Танкуил промок от пота. Дым и слёзы кололи его глаза. Он кашлял и смирялся с тем, что умрёт медленной мучительной смертью, сгорев в этой дерьмовой пародии на гостиницу, расположенной где-то в заднице Драконьей империи. Именно тогда он понял, что больше всего сожалеет о том, что никогда уже не увидит Джеззет. Никогда не увидит её прекрасную улыбку, никогда не услышит её насмешливый голос, полный скрытого влечения, никогда не почувствует под собой её гибкого тела в тот миг, как она тихо постанывает ему на ухо.

Танкуил бессмысленно закричал от ярости и осмотрел комнату в поисках чего-нибудь поблизости.

— Я НЕ умру здесь! — громко пообещал он себе.

Справа всего в нескольких футах на сундуке для одежды лежал его плащ. Арбитрацкий плащ, униформа членов Инквизиции, и по его особому виду все опознавали их принадлежность к ордену охотников на ведьм. Но прямо сейчас было куда важнее, что в нём имелось множество скрытых карманов, в которых арбитры хранят свои заклятия, руны и другие предметы, которые нужны им в их профессии.

Танкуил отвлёл ноги влево, а потом всем телом бросился вправо. Кровать слегка подпрыгнула, переместившись чуть ближе к плащу. Ещё пара таких прыжков, и он уже мог достать плащ ногой. Он снова качнул ногами влево, бросился вправо, и снова кровать подпрыгнула. Кашляя и шипя от дыма, потая от жары, Танкуил ещё раз качнул ногами влево и бросился всем телом вправо. Кровать подпрыгнула, наклонилась, покачалась мгновение и опрокинулась. Танкуил увидел пол, мчавшийся ему навстречу. В приступе паники он дёрнул ногой в сторону своего плаща, и почувствовал, как что-то щёлкнуло под босой ногой, прямо перед тем, как кровать рухнула, придавив его.

Танкуилу пришлось признать, что, не будь на кону его жизнь, ситуация выглядела бы комично. Огонь лизал обратную сторону двери, в трещине уже виднелись языки пламени, и всё здание начало скрипеть. Не говоря уже о жаре... тут Танкуил перестал дёргаться. В комнате уже не было жарко. На самом деле в ней даже явно похолодало. Потом он услышал звук цепей — отчётливый стук гигантских металлических звеньев, удерживавших нечто ужасное и могущественное.

Запертый под кроватью, Танкуил не видел демона, но чувствовал его. Как только существо, вызванное из своего дома в пустоте, явилось в эту реальность, от его злобного присутствия у Танкуила занял каждый нерв.

— Арбитр Даркхарт, — сказал демон, и от его голоса в комнате повеяло морозом. Тварь рассмеялась, и доски пола загромыхали от этого шума.

Танкуил почувствовал, как покалывает его кожу — находиться так близко от демона всегда было неприятно.

— Помоги, — пропищал он, и его голос надломился, как только слова сорвались с губ.

Демон не ответил, но Танкуил слышал, как дышит существо, и чувствовал, что оно наблюдает.

— Вытащи меня отсюда! — снова приказал он, стараясь говорить как можно увереннее.

Демон низко, гортанно зарычал и ответил:

— Мы повинемся.

Деревянная кровать разлетелась в щепки, деревянные осколки полетели во все стороны, и множество из них вонзилось в голую кожу Танкуила, причинив сильную боль. В дыму, заполнившем комнату, он пересилил агонию и заставил себя подняться на ноги, а потом взглянул на останки кровати. Танкуил не знал ни одного связанного демона, обладавшего такой мощью в этой реальности. Небольшая видимая часть головы существа была размером с Танкуила, и жёлтые глаза яростно сияли из чернильной тьмы, составлявшей лицо. За годы в Инквизиции Танкуил встречал множество демонов, и все они выглядели одинаково, хоть и отличались размерами. Но всё же его не отпускало чувство, что этого он уже видел раньше.

Они стояли лицом к лицу и, казалось, долгие минуты пристально смотрели друг на друга, а потом демон, чуть склонив голову, посмотрел в сторону входа в комнату. Танкуил проследил за его взглядом и обнаружил, что пламенем уже охвачена не только дверь, но и значительная часть стены. Если бы сверхъестественное присутствие демона не охлаждало воздух, жара была бы уже непереносимой.

Танкуил схватил свой плащ, башмаки и ремень и в последний раз обернулся к демону.

— Возвращайся в пустоту.

И снова демон рассмеялся, отчего комната затряслась.

— Мы повинемся.

Когда лицо демона исчезло, Танкуил бросился в единственное окно, закрытое ставнями. Дерево расколосось, и он полетел вниз, а земля мчалась ему навстречу.

Неожиданно Танкуил оказался не готов к удару от прыжка с первого этажа гостиницы. Его ноги неловко ударились в плотно утрамбованную землю, он споткнулся, пытаясь перекатиться, и его левое плечо стукнулось об землю. Танкуил почувствовал, как щёлкнул сустав, и его затопила волна боли и тошноты. Мир сократился до маленького тоннеля острой боли и неприятной жары пожара. А потом чьи-то руки поволокли его от горящего здания, потащили по пыли.

Когда руки убрались, Танкуил перекатился на правый бок и зашёлся в заслуженном кашле. Щепки в спине доставляли мучительную боль, но намного, намного хуже оказалось выбитое плечо. Он как раз собирался открыть глаза, когда снова почувствовал руки на своей коже. Эти были мягче и нежнее, и они натренированно ощупывали раны от щепок на спине, вынимая самые крупные осколки.

Он услышал женский голос, хриплый и командный.

— Некоторые раны придётся зашить, остальные сами заживут, но срочного ничего нет.

Плечо... — руки двинулись к левому плечу, и Танкуил вскричал от боли, так и не собравшись с силами, чтобы открыть глаза, — нужно будет вправить на место, прежде чем мы его понесём. Ты и ты, держите его!

Танкуил почувствовал, как большие руки обхватили его за грудь, другой человек взял его за ноги, а потом умелые пальцы схватились за его руку и начали поднимать её.

— ПОГОДИТЕ! — закричал он, и его глаза открылись как раз вовремя, чтобы увидеть как горящая гостиница обрушивается в фонтане пламени и пепла. А потом что-то выкрутило его руку, и где-то посреди затопившего его моря боли Танкуил вырубился.

Проснувшись, Танкуил первым делом отметил полное отсутствие боли. Он весьма ярко помнил свой прыжок из горящего здания и выбитое плечо. А ещё у него сохранились яркие воспоминания о том, как кто-то вправлял сустав на место — а это обычно ещё болезненнее, чем выбивать его.

Второе, что отметил Танкуил, были бинты. Он весь был ими обмотан. Чувствовал по меньшей мере одну повязку на голове, на груди почти не осталось открытой кожи, на левой руке прочная перевязь, и, хотя под одеялами он их и не видел, но чувствовал, что ноги тоже замотаны в бинты. Он попытался при помощи правой руки приподняться и сесть, и тут вернулась боль. Со сдавленным криком он рухнул назад на кровать и подумал, не вырубиться ли снова.

— Вам пока не следует двигаться, — донёлся голос, который казался знакомым. — Вы опасно выпали из окна и...

Голос женщины ушёл на второй план, когда Танкуил забормотал проклятие, чтобы притупить свои чувства. Он молча поблагодарил Вольмара, что кто-то убрал заклятие, блокировавшее магию, а потом сел, прислонившись спиной к стене комнаты.

Как только Танкуил прекратил читать проклятие, его тут же снова затопила боль, но вскоре она начала стихать, он перестал морщиться, открыл глаза и осмотрелся.

Танкуил находился в чём-то похожем на лазарет, и был далеко не единственным пациентом. Кровати стояли вдоль стен в паре метров друг от друга, и все были заняты. Некоторые люди были в сознании, другие нет. Некоторые были связаны, некоторые лежали, а другие сидели. Танкуил заметил у них множество ожогов.

Женщина, которая советовала сидеть, смотрела на него. Она оказалась невысокой, с широкими бёдрами, тяжёлой грудью, и на её лице только начали появляться морщинки. Её тёмные волосы были связаны в пучок на затылке, но некоторые пряди свисали, ниспадая на щёки. Ледяные голубые глаза с любопытством разглядывали его. Она была совсем не похожа на типичных женщин Драконьей империи.

— Немногим людям хватило бы сил сесть после таких ранений, как у вас, — сказала она. Её голос хорошо ей подходил: мрачный, привычный отдавать приказы, но с акцентом человека, привыкшего говорить на другом языке.

Танкуил засмеялся.

— Если Джез смогла зашить себя после того, как её проткнули насквозь, то уж, наверное, сесть-то я смогу.

— Кто такая Джез? — спросила женщина.

Танкуил чуть не ответил, но спохватился и покачал головой.

— Это неважно. Где я?

Он почувствовал, как его принуждение захватило разум женщины, почувствовал краткий прилив экстаза, когда его воля подчинила её волю, заставляя женщину думать лишь об ответе на вопрос. В этот краткий миг Танкуил ненавидел себя за свою слабость.

— В моём хосписе в деревне Колмир, — ответила женщина и содрогнулась, когда воля к ней вернулась. Она прищурилась, и Танкуил ждал, что она побежит, закричит, ударит его. Он ожидал от неё чего угодно, но она лишь села на край его кровати.

— Значит, вы один из этих арбитров, — сказала она, и это не было вопросом.

Танкуил кивнул.

— Плащ на это намекает.

— Этот? — спросила женщина, кивая на другую сторону кровати. Танкуил посмотрел туда и увидел свой плащ, висевший рядом, запятнанный и порванный в нескольких местах, потемневший от сажи и пепла. Плащ был частью Танкуила, и без него он чувствовал себя обнажённым. — Я его заметила, — продолжила она. — Сомневалась, но подумала, что это именно он. Никто из остальных не осмеливался подойти к вам, даже после моего приказа.

Танкуил фыркнул.

— Ага. Несомненно, боялись, что я их сожгу.

Лицо женщины посуровело.

— Так это вы начали пожар?

Он покачал головой.

— Нет, но он был устроен из-за меня. Весьма ироничная ведьма связала меня и попыталась сжечь. Надеюсь, однажды отплачу ей тем же.

— Мне её спасти, если она тоже выпрыгнет из окна и станет притворяться? — с улыбкой спросила женщина.

Танкуил усмехнулся.

— Я не притворялся. Я вырубился. Есть разница.

Женщина хлопнула по ноге.

— Конечно есть. — Она встала. — Вам надо отдохнуть, по меньшей мере пару дней. Если вам что-то понадобится, просто скажите мне.

Танкуил чувствовал, что женщина права насчёт отдыха — его руки и ноги были тяжёлыми, а на веки, казалось, давила тяжесть всего мира.

— Для этого мне понадобится ваше имя.

— Шен, — сказала женщина своим мрачным тоном и ушла.

Спустя три дня после побега из горячей гостиницы Танкуил вовсе не радовался тому, как идёт восстановление. Его спина и ноги хорошо заживали от щепок, вонзившихся, когда демон взорвал кровать. Раны покрылись коростой, и уже почти не мокли, зато чесались, словно от укусов огненных муравьёв. Шен уверила его, что зуд — хороший знак.

С плечом же всё было совсем иначе. Редко у него бывало ранение, так сильно ему досаждавшее, за исключением ожога, покрывавшего большую часть правой кисти и треть руки. Но ожог он по крайней мере получил в сражении с еретичкой-инквизиторшей Герон. В сравнении с этим ранение от неловкого падения с двадцатифутовой высоты казалось дурацким.

Шен всегда находилась поблизости. Да, у неё было немало других пациентов, но она задерживалась возле Танкуила. Он нередко встречался с подобной реакцией, и обычно по другой причине. Некоторые так боялись арбитров, что не подходили ближе пределов слышимости, только чтобы охотник на ведьм их не заметил. Другие строили из себя храбрецов, играли в игру "кто дольше продержится в компании с арбитром". Танкуила это немало удивляло: хотя он состоял в Инквизиции — самой страшной организации в известном мире, — а ещё обладал властью судить людей, и мог немедленно выносить приговор лишь из прихоти, всё равно некоторые продолжали к нему тянуться. Шен несомненно была одной из таких. Её поток вопросов был нескончаемым.

- Как становятся арбитрами?
- Сколько занимает обучение?
- Вам нравится ваша работа?
- Почему вы сжигаете людей?
- Кто такая Джезет?

Пытливая целительница имела даже наглость спросить Танкуила, скольких людей он убил. Он прекратил считать давным-давно, но не стал бы отвечать, даже если бы мог вспомнить. Кое-что лучше оставить Богу.

— Как поживает нынче наш охотник на ведьм? — спросила Шен, приближаясь. Утренний свет лился в окна уже с час, и одна из младших целительниц уже приходила с завтраком. С остальными девушка останавливалась поговорить, по крайней мере с теми, кто был в сознании, но еду Танкуилу она едва только не бросила и тут же скрылась с его глаз долой.

— Устал, — проворчал Танкуил, с трудом усаживаясь на кровати. Ему уже не требовалось проклятие, чтобы приглушить свои чувства, чтобы скрывать боль, и за это он благодарил Вольмара, но усталость давила ему на нервы. Казалось, истощение проникло глубоко внутрь его костей, и, сколько не спи, от него не избавиться.

— Это было ожидаемо, арбитр, — с улыбкой сказала Шен, усаживаясь на край его кровати. — Практически наверняка пройдёт неделя-другая, прежде чем вы снова приметесь бегать по округе, выискивая, кого бы сжечь.

— Обычно я выздоравливаю довольно быстро, — сказал Танкуил, — но на этот раз... — он почти чувствовал, как из него выходит энергия, как опускаются его веки. Его плечи поникли, и он тяжело вздохнул.

— Мужчины... — сказала Шен, покачивая головой. — Вечно считают себя непобедимыми, и вечно стонут, обнаружив, что это не так.

Танкуил фыркнул.

— Я давным-давно понял, что это не про меня. Непобедимая у нас Джезет.

— Как она выглядит?

Танкуил почувствовал, как уголки его рта изгибаются в улыбке, и уже собирался ответить, но спохватился и сдержался.

— Наверняка у вас есть какой-нибудь отвар, напиток или трава, которая может ускорить выздоровление, или по крайней мере даст мне сил убраться отсюда.

Шен пожала плечами.

— Лучше нескольких дней отдыха вам ничего не поможет.

— У меня нет этого времени.

— Никак не можете забыть о погоне за той ведьмой? К слову, если отправитесь наружу в таком состоянии, то возможно кончите с верёвкой на шее. Там я вас защитить не смогу.

На первый день за стенами лазарета собралась группа людей, кричавших, угрожавших и требовавших от Шен выдать им охотника на ведьм. Похоже, некоторые в Колмире винили его за пожар, и так шумели, что Танкуил слышал всё даже с постели. Кто-то даже стал бросать камни, но Шен быстро положила этому конец. Похоже, лекарша держала жителей деревни в узде, что было редкостью для Драконьей империи. Но если арбитр окажется снаружи и будет не в состоянии себя защитить, то толпа немедленно слетится, и Шен уже ничего не сможет поделать. Танкуилу неприятно было это признавать, но она была права.

Ему просто придётся подождать, пока тело само не излечится. Или же ускользнуть глухой ночью, когда все, кроме самых безрассудных, будут давно спать.

— Вам надо ещё отдохнуть, — с тёплой улыбкой сказала Шен. В каком-то странном смысле она была красивой, для почтенной женщины, и нельзя сказать, что Танкуилу она не нравилась.

Он покачал головой, но понимал, что она права.

— Я чувствую себя так, словно только что проснулся.

— Поспите ещё, — с улыбкой сказала она. — Когда наберётесь сил, у вас будет полно времени поохотиться на эту вашу ведьму.

Она мягко надавила ему на грудь, и несмотря на желание сопротивляться и не спать, Танкуил почувствовал, что сдаётся и ложится в постель.

— Мне и правда...

— Т-с-с, — услышал он её шёпот, его глаза закрылись, и на краткий миг ему показалось, что он почувствовал прикосновение её губ к своим. А потом отключился.

Танкуил смеялся вместе с Шен.

— Честно, ночная ваза. Он убил, должно быть, сотни людей, включая нескольких арбитров, и я встречаю его, ворующего ночную вазу.

— Похоже, он интересный текко, — сказала Шен, используя для обозначения наёмника слово из своего языка. Она снова сидела на краешке его кровати, смотрела на него своими ледяными голубыми глазами, в уголках которых виднелись морщинки из-за возраста и смеха. Её рука лежала на его ноге, чуть ниже колена, и это прикосновение казалось обнадёживающим.

— Так и есть, — признал Танкуил. — Я бы сказал, что слово "интересный" лучше всего его описывает. — Его смех оборвался, как только он вспомнил.

— Что с ним случилось? — спросила Шен. Её улыбка испарилась, лицо теперь выражало озабоченность. Удивительным образом она читала его эмоции, словно открытую книгу.

— Он... уф, — Танкуил отвёл взгляд, не в силах посмотреть ей в глаза. — Он умер.

Она убрала руку с его ноги и бросила на него странный взгляд.

— Вы его убили?

— Нет! — едва не вскричал Танкуил. — Или, быть может, да. Я отправил его за одним человеком, который был сильнее его. Я его не убил. Просто дал его убить. — Странно было признавать это. Свою вину в смерти Шипа он не открывал никому, даже Джеззет.

Некоторое время они оба молчали, пока наконец Шен не нарушила тишину.

— Уверена, это не было...

В этот миг из противоположного конца помещения донёсся пронзительный крик. Проснулся один из пострадавших при пожаре и обнаружил, что половина его тела почернела от ожогов, и у него нет одной из ног. Несложно представить, как удивило его это открытие.

Шен вскочила с кровати. Ещё один из лекарей уже был возле кричащего человека, но для таких повреждений нужен лучший врач, а таковой являлась Шен.

— Прощу прощения, — сказала она, — но мне надо идти. А вам надо отдохнуть.

Танкуил кивнул, и почувствовал, как его веки тяжелеют, стоило лекарше поспешить прочь, чтобы заняться обожжённым человеком. Он смотрел за её работой со своей постели, наблюдал, как она успокаивает и утешает, как она управляет с ранами больного, и как раздаёт указания остальным лекарям — хотя некоторые из них были вдвое старше неё. Шен неплохо удалось успокоить мужчину, а потом она заварила чай и помогла ему выпить. И уже спустя несколько минут мужчина снова потерял сознание, а она встала и вытерла лоб окровавленной рукой. Она глянула в сторону Танкуила и улыбнулась, прежде чем один из лекарей утащил её в соседнюю комнату.

Танкуил действовал быстро: подвинулся на кровати, протянул руку и дотянулся до своего плаща. В плаще арбитра было десять карманов, и в каждом множество рун, заклятий и других полезных предметов. Танкуил уже давным-давно выучил, что хранится в каждом кармане. С учётом его склонности неосознанно красть вещи, это было несколько сложно, но руки быстро отыскали нужный карман и нужное заклятье. Это была маленькая полоска бумаги шириной не больше двух пальцев, а длинной с его кисть. На бумажке был нарисован единственный символ, насыщенный энергией. Заклятье бессонницы. Оно не избавит его от чувства усталости, но не даст заснуть или потерять сознание — сильное заклятье, и опасное,

если использовать неправильно, но Танкуил практиковался долгие годы. Он вернул плащ на своё место и припечатал заклятие к коже, над коленом, а потом прикрыл одеялом. А затем стал ждать.

Шен вернулась, когда солнце давно прошло зенит. На самом деле в лазарете уже быстро темнело, и недавно заходил один парнишка, чтобы зажечь свечи. Довольно удивительно, думал Танкуил, что его по-прежнему не боялись оставлять поблизости от открытого огня — многие, несомненно, до сих пор винили его в поджоге гостиницы, а большая часть пострадавших теперь находилась с ним в одном здании.

— Мне казалось, что я приказала вам отдыхать, — сказала Шен, приблизившись. Она выглядела усталой, истощённой от напряжённого дня, вся была измазана кровью и покрыта потом. Каким-то образом это лишь усиливало её привлекательность.

— Приказывали, — ухмыляясь, сказал Танкуил. — Но я всегда не очень хорошо следовал приказам. Упрямец, так меня называла Джеззет. Говорила, что я это специально делаю, хотя она никогда не понимала зачем.

Кудрявая лекарша кивнула.

— Похоже, вы сильно о ней беспокоитесь.

Несколько секунд Танкуил смотрел на Шен, после чего решил, что пора отвести взгляд.

— Наверное. Мне и правда придётся когда-нибудь уехать. Как скоро выздоровеет плечо?

Теперь настала очередь Шен отвести взгляд.

— Повреждения суставов всегда плохо заживают. Думаю, ещё по меньшей мере неделю. Вы и впрямь так спешите вернуться?

— Вернуться... мне нужно поймать ведьму, Шен.

Она фыркнула.

— Вам надо оставить её в покое. Она не делает людям ничего, кроме добра.

Танкуил сдержал улыбку: наконец-то они куда-то продвинулись.

— Прошу вас, Шен, расскажите мне всё, что знаете. И не заставляйте меня вас спрашивать.

Она посмотрела на него, и её голубые, как лёд, глаза были холодными и суровыми.

— Только попробуйте, и я привяжу вас к кровати.

— Благодарю покорно, в последнее время меня привязывали к кроватям более чем достаточно. Ведьма, Шен. Вы знаете больше, чем говорите.

— Вас не волнует ничего, кроме погони за ней?

Танкуил начал подниматься, словно собирался встать с кровати. Она положила руку ему на грудь и мягко надавила. Он неплохо разыграл сопротивление, пока она наклонялась над ним.

— Спи, — прошептала она ему, и тогда он почувствовал — руки и ноги налились свинцом, а веки закрылись. Энергия, казалось, вытекала из каждой частички его тела, и он рухнул обратно на постель.

Лицо Шен оказалось в нескольких дюймах от его лица, холодный взгляд исчез, сменившись жалостливым.

— Теперь спи.

Танкуил закрыл глаза и обмяк, позволяя себе полностью расслабиться. И снова он почувствовал касание её губ, а потом она прошептала ему на ухо:

— Прости.

Она подождала ещё мгновение, а потом зашагала прочь. Танкуил слушал её удаляющиеся шаги, продолжая притворяться. Если он оценил верно, придётся подождать пару часов, пока солнце совсем не сядет, и темнота не станет снова властвовать на небе. Если он хочет справиться с задачей, то ему понадобится тень.

Эти два часа показались ему самыми длинными в его жизни. Ему и раньше казалось, что притворяться спящим не очень-то весело, и вскоре он понял, что в действительности тут веселья ещё меньше. Шен больше не появлялась, или, по крайней мере, не заговаривала. Время от времени он слышал голоса других лекарей — они перешёптывались, и изредка он слышал своё имя, но Танкуил не собирался рисковать и усиливать свои чувства благословением, чтобы подслушать несколько слухов.

Когда все звуки стихли, он, наконец, решился чуть приоткрыть глаза. Быстро осмотрел комнату и обнаружил, что лекарей в ней нет — остались лишь больные и раненые, большая часть из которых либо спала, либо и вовсе уже никогда не проснётся.

Задержав дыхание, Танкуил скинул одну ногу с кровати, затем другую, а потом соскочил на пол. Его ноги закачались, но он выстоял, вцепившись в кровать. Он и раньше получал ранения, и некоторые хуже нынешних, но никогда не чувствовал себя таким слабым, и это доказывало, насколько этот недуг неестественен.

Глубоко вздохнув, он начал читать благословение силы, и почувствовал, как она вливается в руки и ноги, выжигая слабость. Он мастерски соединил его с благословением выносливости. Немногие арбитры могли использовать двойные благословения, но Танкуил давным-давно отточил этот навык. С мечом он, может, обращался не очень хорошо, зато всегда отличался в занятиях, связанных с благословениями и проклятиями.

Танкуил сорвал перевязь с левой руки и пошевелил плечом. Оно закричало от боли, но боль Танкуил мог пережить. Он натянул свои поношенные, поблекшие штаны и быстро подвязал их, успокоенный знакомой тяжестью меча и пистолета. Рубахи не было, и он вспомнил, что оставил её в гостинице, когда прыгал из окна. Он набросил кожаный плащ на плечи, просунул руки в рукава и с трудом натянул. Наконец он оглянулся в поисках башмаков, но не нашёл их. Должно быть, они тоже остались в гостинице. Ходить босиком — плохая идея, но иногда нужда заставит.

Другие пациенты в большинстве своём уже спали, отдыхая и восстанавливаясь, но один мужчина подозрительно смотрел на Танкуила. Половина его лица скрывалась под толстым слоем повязок со свежими грязно-красными пятнами. Он не шевельнулся, не заговорил, чтобы предупредить кого-нибудь о скором убытии охотника на ведьм, и лишь наблюдал за тем, как Танкуил готовится улизнуть из лазарета.

Танкуил прошёл мимо мужчины, не в силах поднять взгляд.

— Мне жаль, — тихо сказал он. — Не я начал пожар, но... мне жаль.

Мужчина ничего не сказал в ответ, и Танкуил решил уходить.

Дверь лазарета была не заперта, но даже будь это не так, Танкуил нашёл бы выход. В юности он провёл немало времени в воровской банде Сарта. Там он утолял свою страсть к воровству и получил множество полезных в жизни навыков, главный из которых — способности к побегу.

Он приоткрыл дверь и поблагодарил Вольмара за то, что петли были смазаны: они не издали ни звука. Он выглянул в коридор за дверью, освещённый тусклым оранжевым мерцанием свечей. Неудивительно, что здания здесь сгорали дотла, раз людям хватало ума оставлять открытый огонь в деревянных строениях. В Сарте большая часть города была

построена из камня. Королевство славилось своими почти неограниченными запасами прекрасного белого мрамора, и, в качестве демонстрации богатства и власти, большая часть города была построена из этого прекрасного материала. Разумеется, у белого мрамора есть ещё отвратительная привычка покрываться грязью, и поэтому его ежедневно чистила армия рабов. С этой практикой сам Танкуил был не очень-то согласен, но в конце концов, политика была не его делом — ведь он, странствующий арбитр, большую часть времени проводил во внешнем мире, выслеживая ересь, а не сидел в уютном кабинете, записывая правила на бумагу.

С его сравнительно ограниченной точки зрения коридор казался пустым, и он ничего не слышал, кроме тихого шипения и щелчков свечей, а ещё неровного храпа пациентов позади. Продолжая читать благословения силы и выносливости, Танкуил прошёл в дверь и закрыл её за собой.

Впереди была другая дверь, точно такая же, как та, через которую он только что прошёл. Танкуил решил, что за ней очередное отделение для пациентов, и лучше её не трогать. Коридор слева от него вёл прямо, с одной стороны располагалась витая лестница, а с другой ещё одна дверь. Ступая босыми ногами по грубому полу, Танкуил тихо дошёл до двери, и глянул в щель закрытого ставнями окна. Он увидел голую землю, приподнятую платформу с наспех сооружённым складом и чистое тёмное небо, на котором звёзд было не счесть. Они напомнили ему о Джеззет — она всегда любила звёзды. Обычно такая беспокойная и энергичная, а звёзды занимали её внимание, как ничто иное — она могла часами сидеть и смотреть на мерцающие огоньки. Это воспоминание обрадовало и расстроило Танкуила, и он отвернулся от выхода, и от свободы, и вместо этого поднялся на первую ступень.

Верхняя ступенька скрипнула, стоило Танкуилу встать на неё, и он тут же замер. Подождал, напрягая слух, пытаясь понять, не услышал ли кто-нибудь. Казалось, время тянулось бесконечно, пока он стоял одной ногой на ступеньке позади, а второй на скрипучей доске, решившей выдать его присутствие.

Ничего.

Самодовольно ухмыльнувшись неисправной ступеньке, Танкуил поднял ногу и шагнул на лестничную площадку. Словно в насмешку над ним, первая доска площадки издала протяжный стон, стоило ему перенести на неё весь свой вес. Танкуил тихо вздохнул.

Он временно прекратил читать свои благословения, тут же почувствовал слабость, и, казалось, каждый дюйм его тела заболел. Но, используя благословения слишком долго, он устал бы ещё сильнее, чувствовал бы себя истощённым, и не мог бы сосредоточиться. А прямо сейчас Танкуилу нужен был острый разум. Он не знал точно, что встретит в следующей комнате, не говоря уже обо всей деревеньке, поэтому нужно было любой ценой сохранять ясность рассудка.

Танкуил остановился у первой двери и прижал ухо к грубому дереву. Изнутри не было слышно ни звука, и свет не лился из щелей, так что он быстро перешёл к следующей. И снова прижал ухо к дереву.

— ... это не тебе решать, — сказал мужской голос с отчётливым местным акцентом.

— И ты думаешь, что решение должно быть за тобой? — ответил женский голос, очень похожий на голос Шен, хотя дверь приглушала звуки.

— Да!

— Ну так это не так. Это мой госпиталь, и пока он остаётся моим, все и каждый в нём под моей ответственностью. Я не позволю вам убить человека, который не может себя защитить.

— Женщина, ты нас не остановишь. Весь город меня поддерживает. Мы пришли к соглашению, все мы...

— Только не я.

— У женщин нет права голоса. Либо ты отдашь нам охотника на ведьм, либо...

— Либо что, Хизо? Ты пробьёшься сюда и захватишь его силой? Поступишь так, и кто тогда будет лечить тебя, или твоего глупого сына в следующий раз, как у вас загниёт рана? А когда кто-то из деревни подхватит яйца розовой мухи — кто станет их доставать, если меня не будет рядом? Кто-нибудь из девчонок? Ни одна из них не знает даже, как зашивать рану, если я не стою за плечом.

Ненадолго опустилась тишина, а потом снова заговорил Хизо.

— Ты не уедешь из-за него. Кто он тебе?

— Он под моей опекой, и я... я не... позволю причинить ему вред.

Снова тишина.

— Он убьёт тебя, — сказал Хизо так тихо, что Танкуил едва его услышал.

Танкуил потрясённо отпрянул от двери. Кусочки начали складываться воедино. Шен одним лишь словом умела заставить людей уснуть, у неё были способности к лечению, и плюс ко всему отношение к ней других жителей деревни. Она не походила на видение, с которым Танкуил разговаривал в гостинице, перед тем, как та сгорела дотла, но теперь всё

обретало смысл. Шен и есть та ведьма, на которую он охотился, ведьма, которую его послали убить.

Он покачал головой, подумав обо всём, что случилось с тех пор, как он покинул столицу. Лишь в одном не было смысла: если Шен и есть ведьма, то почему она защищает его сейчас, когда два месяца изо всех сил старалась убить. Она сожгла гостиницу дотла, чтобы уничтожить его, а теперь не даёт жителям деревни закончить за неё дело.

Дверь открылась, и за порогом стоял Хизо, уставившись на Танкуила с раскрытым ртом. Он был большим мужчиной, на добрую голову выше Танкуила, что в Драконьей империи делало его гигантом, и масса делала его весьма опасным. Люди в этих местах в основном выращивали фрукты — они привыкли целыми днями лазать вверх-вниз по деревьям и были крепкими и сильными, но не бойцами.

Повезло, решил Танкуил, что вид охотника на ведьм застал Хизо врасплох, и врезался в крестьянина, мощно толкнув его в грудь. Хизо отступил на шаг назад, крикнул и сильно ударил Танкуила по лицу.

Танкуил уклонился от удара, начал читать благословение силы и про себя вознёс хвалу Джеммет за то, что научила его некоторым приёмам рукопашного боя. Благословенным кулаком он ударил Хизо по почкам и поморщился, когда здоровяк с криком боли упал на колени. Танкуил из первых рук знал, каким болезненным может быть такой удар — Джеммет всегда была отличным учителем. Он быстро зашёл Хизо за спину и схватил его руками за шею, как учила Джеммет. Мастер Клинка показывала ему, куда именно надо надавить, чтобы остановить поступление крови в мозг человека, и сколько держать, чтобы тот потерял сознание. Однажды она проделала такое с Танкуилом, и к тому времени, как он проснулся, она уже разделась и занималась...

Хизо, шатаясь, встал на ноги, подняв Танкуила на спине, и отшатнулся назад. Танкуил сильно ударил, и они оба провалились через трухлявые доски в соседнюю комнату. Здоровяк упал на спину, приземлившись на Танкуила, но тот не разжал хватку, стискивая всё сильнее.

Танкуил слышал, как Шен что-то кричит откуда-то поблизости, но у него не было времени смотреть на ведьму. Ему надо было быстро разобраться с её подручным, чтобы сражаться с ними по одному.

Хизо уже слабел, его пальцы бессильно хватали усиленным благословением руки Танкуила, а его рот открывался и закрывался, словно у рыбы на берегу. Затем здоровяк обмяк и замер.

Скатив с себя Хизо, Танкуил заставил себя подняться на ноги. Его плечо болело, словно только что вышло из сустава, а ноги подкашивались. Ведьма охнула и бросилась вперёд, встав на колени возле Хизо и положив руку ему на шею.

— Он жив, — со вздохом объявила она.

Танкуил фыркнул.

— Конечно жив, — как только он заговорил, его благословение силы стало меркнуть, руки и ноги отяжелели, словно их потянула вниз неодолимая сила. — Если бы я хотел убить его, то достал бы меч.

— Тогда зачем вы на него напали? — требовательно спросила она. Её лицо зарделось, а глаза увлажнились. Танкуил определённо почувствовал себя виноватым.

— Я... ну... то есть... он... — Танкуил зарычал и схватил Шен, вздёрнул её на ноги и прижал к стене. Изувеченной правой рукой он схватил её за шею, а левой вытащил из-за пояса пистолет. Направил ствол ведьме в голову и взвёл курок. Она положила лёгкую

мозолистую руку ему на грудь и прошептала ему:

— Спи.

Он почувствовал, как тяжелеют веки, но теперь магия бы не сработала, не смогла бы сработать. Заклинание бессонницы не дало бы ему потерять сознание ни в каких обстоятельствах.

— Думаю, Шен, пора нам как следует поговорить. Вы ведьма?

Глаза женщины расширились, когда воля Танкуила сковала её волю, вытягивая из неё правду, и её голова яростно закачалась.

— Нет, не ведьма.

— Вы... что...

Глаза Шен намокли от слёз, но в доказательство своей силы она не позволила им течь.

— Я не ведьма, арбитр. Клянусь вам.

Танкуил отпустил её шею и начал шарить в одном из карманов своего плаща, не отводя пистолета от женщины. Его пальцы сомкнулись на предмете, который он искал, и Танкуил вытащил маленький зелёный драгоценный камень, который обычно был тусклым и безжизненным, но от прикосновения Танкуила светился тёплым внутренним пламенем. Камень укрывался в маленьком бронзовом футляре с длинной цепочкой. Неподготовленный взгляд увидел бы в нём лишь драгоценное изделие, ожерелье для бедных, но арбитры Инквизиции знали, что это такое. Драгоценный камень светился, когда к нему прикасался тот, кто обладал потенциалом владения силами магии.

Он уронил камень, поймав цепочку изувеченными пальцами правой руки. Без его прикосновения сияние не поддерживалось, и камень вновь стал тусклым и безжизненным. Он поднёс камень к голове Шен. Она вздрогнула, но не съёжилась. Танкуил уважал её за это. Зелёный камень не засветился, внутреннее сияние не ожило.

Танкуил убрал камень и сунул его обратно в карман. Отступил на шаг, опустив пистолет, и запнулся за лежащего ничком Хизо. Он не успел собраться и рухнул назад, на что-то мягкое, ударившись головой о деревянную стену комнаты. Шен мгновенно оказалась возле него, чтобы проверить шишку, но Танкуил оттолкнул её. Он посмотрел вниз и увидел, что приземлился на кровать — несомненно, кровать Шен, с учётом близости комнаты к её кабинету.

— Но вы использовали магию, — сказал он скорее себе, чем лекарше.

Шен покачала головой.

— Когда?

— Вы приказывали мне спать.

— Вы были уставшим.

— Нет... ну, да, но не только в этом дело. Я чувствовал работу магии, которая вытягивала мою силу.

— Ах... это.

Он глянул на неё. Она не поднимала глаз.

— Шен, скажите мне.

— Ваше плечо было хуже, чем я вам сказала, — проговорила она, уставившись на свои ноги. — Вы оторвали мышцу от кости. Вряд ли оно зажило бы само. Я не заставляла вас спать. Я ускоряла лечение. Такое обычно иссушает пациента.

Танкуил покачал головой.

— Магия. Но у вас нет потенциала. У вас не должно быть возможности использовать

магию.

Шен пожала плечами.

— Я не знаю, я просто могу. Эта способность у меня уже пару лет. Я могла бы... возможно, я могла бы вылечить вашу руку, — сказала она, и положила ладонь ему на правую кисть. Он не оттолкнул её.

— Нет, — сказал Танкуил. Рука не была искалечена, лишь обожжена. Кожа не излечилась до конца, зато служила теперь напоминанием о ереси тёмной инквизиторши. Напоминанием о том, с чем он сражался.

— Мне надо идти, — сказал Танкуил.

— Пожалуйста, не уходите, — Шен прислонилась левым плечом к его правому. — Вы могли бы остаться. Со мной.

Что-то во всей этой ситуации не нравилось Танкуилу, не в последнюю очередь оттого, что его искушали.

— Мне нужно найти ведьму, Шен.

— Не выйдет. В смысле, найти её. Во всяком случае, пока она не захочет, чтобы её нашли.

Он убрал руку, прищурился и выпятил челюсть. Лицо стало каменным.

— Вы знаете больше, чем говорите.

— Я...

— Не заставляйте силой вытягивать из вас правду.

— Она приехала несколько лет назад. С тех пор урожаи были обильными, люди меньше болели, рождалось меньше мёртвых младенцев, и ураганы нас уже не беспокоили. Она делала нам, всем нам только хорошее. Она не ведьма, она волшебница.

Танкуил фыркнул.

— Вы не понимаете, о чём говорите. Скажите, где мне её найти.

Шен закрыла рот, вскочила и побежала к двери, но Танкуил оказался быстрее. Он схватил её за запястье, развернул и швырнул на кровать, прижимая её своим весом. Она захныкала, но рта не открывала.

Глядя на лекаршу, Танкуил убедил себя в необходимости задать последний вопрос.

— Где ведьма?

Глаза Шен расширились от страха — она пыталась сопротивляться принуждению. Неудачно.

— Форт Таллон.

Танкуил вздохнул.

— Где форт Таллон?

— В четырёх днях пути на запад.

Танкуил чувствовал сильное наслаждение, которое приходило с использованием принуждения. Экстаз чудесно контрастировал с болью в плече. Ему хотелось задавать всё больше вопросов, ему это было нужно. Ещё один вопрос.

— Кто правит в форте Таллон? — спросил он.

— Принц Наарск.

— Драконий принц в сговоре с ведьмой?

— Да. — Шен разразилась слезами, ручьи стекали по её лицу на постель.

Вид плачущей лекарши остановил его, зависимость потрясла его. Танкуил оттолкнулся от кровати и отшатнулся, снова запнувшись за тело Хизо, и на этот раз ударился об пол.

Его трясло. Дрожали руки, ноги и даже голова. Его сотрясало от волны удовольствия из-за использования принуждения. Танкуил уже не мог позволить себе снова заговорить, не знал, что может произнести его язык. Он молча поднялся на ноги и направился к двери.

— Прошу, не надо... — сказала Шен сквозь рыдания. — Прошу, не уходи.

Танкуил повернулся один раз, взглянув на лекаршу. Она уже была не на кровати: стояла на полу, на коленях, умоляя его не уходить, и слёзы струились по её лицу.

Не сказав ни слова, Танкуил распахнул дверь и сбежал.

Танкуил

Том — возможно самый успешный, печально известный и по всей видимости бессмертный вор из всех, кого Танкуил когда-либо встречал, — сказал ему однажды, что он великолепный карманник и совершенный воришка. Разумеется, Том сопровождал комплимент кражей кошелька Танкуила с пояса, и отправив его восвояси ни с чем. Как бы то ни было, Танкуил кое-что знал, и в частности, как воровать из незапертых домов в бедных деревеньках глухой ночью. Так что, к тому времени, как Танкуил покинул Колмир, он разжился неподходящей ему по размеру рубашкой, сшитой из ткани, от которой всё зудело, и парой хорошо разношенных сапог, которые лучше было бы бросить в огонь, чем надевать на ноги.

Шен не бросилась за ним, и не послала никого вместо себя. Несомненно, ей достанется немало горестей от крестьян, за то, что позволила ему уйти вот так, но она не похожа была на женщину, которая может сломаться под таким давлением. Но всё же, Танкуил никак не мог выкинуть из головы её образ — стоящей на коленях, плачущей и умоляющей его. Он содрогнулся от воспоминаний, но больше от своих действий, чем от её реакции. Танкуил давным-давно дал себе слово не поддаваться зависимости от принуждения, но с этим приходилось бороться каждый день — с ноющей, сверлящей потребностью подчинять волю других людей. Он был отвратителен сам себе за то, что позволял себе даже небольшие промашки в этом намерении.

Солнце давно зашло, а отыскать запад по ночному небу было бы, возможно, нелегко, но Танкуил нашёл маленькую грязную дорогу, со следами множества копыт, ведущую из деревни. А старая деревянная табличка с единственным словом "Таллон" была всем, на что он мог надеяться. По крайней мере, указатель давал направление. И хотя Танкуилу в его состоянии нелегко было идти по дороге, но нужно было оставить Колмир как можно дальше позади, на тот случай, если крестьяне решат искать арбитра. Он сомневался, что Хизо из тех, кто просто стерпит такое поражение. А с рассветом Танкуил собирался сойти с дороги, найти дерево, под которым можно отдохнуть, и молиться Вольмару, что какой-нибудь дикий зверь не примет его за лёгкую добычу.

Как раз в такое время он больше всего скучал по Джеззет, и не только из-за защиты, которую она обеспечивала. Мастер Клинка, скорее всего, смогла бы пробиться из маленькой деревеньки, хотя, следовало признать, число убитых было бы гораздо больше. Но он скучал по Джеззет из-за её компании. Она заставляла его улыбаться, поднимала в нём всё лучшее, и Танкуилу нравилось думать, что он платил ей той же монетой. К сожалению, у Джеззет были небольшие разногласия с профессией Танкуила. Не то чтобы она была против охоты на ведьм и еретиков, или даже случайного сожжения тех, кого называли еретиком. Джеззет была не согласна со всей идеей о том, что Танкуил должен отчитываться перед Инквизицией. Она не доверяла этой организации с первой встречи и с последующего очищения инквизитора Герон, но более того, она была не согласна с тем, как после этого они обошлись с Танкуилом.

Во время расследования ереси инквизитора Герон, Танкуил не отчитывался перед советом инквизиторов, а вместо этого взял дело в свои руки и осуществил своё фатальное правосудие. За это совет наказал его. Они постановили, что он никогда не поднимется выше ранга арбитра, и планировали отправить его куда-нибудь, где он не причинит им никаких

неприятностей. А потом вмешался бог-император. Смертное обличие Вольмара возрождённого, император Франциск, потребовал, чтобы Танкуил был направлен в Драконью империю и предоставлен самому себе. Совет инквизиторов вряд ли мог отклонить требование своего собственного Бога, но постановил, чтобы Танкуил, работая на бога-императора, также выполнял свои обязанности арбитра и отчитывался перед советом.

В конечном счёте эта политическая борьба между советом и богом-императором поставила Танкуила в весьма неудобное положение. Он вынужден был отчитываться перед обеими партиями, от обеих принимать приказы, и быть верным обеим. Сам Танкуил принял это положение — хоть оно раздражало, но было ему совершенно неподвластно. А вот Джеззет не приняла. С тех пор их споры стали протекать жарко, а однажды и с применением силы. В тот раз Танкуила сбили на задницу и вынудили покориться, но он и не ожидал ничего иного от драки с Мастером Клинка, даже когда она без клинка.

И так, думая о Джеззет Вель'юрн, Танкуил с первыми лучами солнца, пробивавшимися через деревья с гигантскими листьями, ушёл с разбитой дороги в лес. Он изо всех сил старался игнорировать крики обезьян, надеясь и молясь, что никто в этом районе не будет достаточно большим или храбрым, чтобы доставить ему настоящих неприятностей. А ещё он надеялся, что в этой части леса не рыскают гигантские кошки, поскольку в его состоянии, чтобы с ним справиться, и одной-то было более чем достаточно, так они ещё и охотились стаями...

Он с трудом пробирался по лесу, постоянно запинаясь за упавшие ветки, но всё же продолжая путь. Уже не впервые в своей жизни Танкуил знал, что уже потерял бы сознание, если бы заклинание бессонницы не держалось до сих пор на его коже. Он снова запнулся и уткнулся в тоненькое деревце, которое тянулось высоко к пологу леса. Дерево закачалось, Танкуил услышал шелест сверху и взглянул вверх, как раз вовремя, чтобы увидеть, как что-то твёрдое и тяжёлое упало на землю в футе от него. Этот промах заставил его сосредоточиться, и при ближайшем рассмотрении Танкуил понял, что это волосатый плод, из тех, что во множестве росли здесь на деревьях. Он мысленно сделал себе пометку найти для сна дерево, на котором такие плоды не растут, а потом ещё одну пометку, чтобы не забыть о первой.

В конце концов, он остановился под гигантским деревом с таким толстым стволом, что понадобилось бы десять человек, чтобы обхватить его. Торчавшие из земли корни были громадными, а посмотрев вверх, Танкуил увидел, что дерево тянулось практически прямо вверх до самого полога леса, где раскидывало свои ветви во все стороны, закрывая от света листьями всё поблизости.

Танкуил рухнул между двух корней и завернулся в свой арбитрашский плащ. Воздух был тёплым и влажным, и не было сомнений, что проснётся он ещё сильнее пропотевшим. Но кожа плаща давала хоть какую-то защиту от кусачих мух, которые набрасывались на любого дурачка, отважившегося заснуть на улице без сетки. Измождённой рукой он открепил заклятье бессонницы от кожи, вырвав в придачу и несколько волосков. Как только заклятье перестало действовать, в глазах у Танкуила потемнело.

Танкуил смотрел снизу вверх на арбитра. На взгляд восьмилетнего мальчика этот мужчина казался почти гигантом. Сильный подбородок с редкой щетиной окаймляла копна грязных светлых волос. Впрочем, сильнее всего Танкуила завораживал арбитрашский плащ. Грязная и исцарапанная коричневая кожа больше походила на доспехи, чем всё, виденное

мальчиком, и пуговицы блестели в вечернем свете, приковывая взгляд. На каждой была одинаковая гравировка, но Танкуил со своего места не мог их разглядеть.

Арбитр положил левую руку Танкуилу на плечо, чтобы поддержать, или чтобы сдержать, кто знает. Мужчина посмотрел сверху вниз на Танкуила и коротко улыбнулся.

— Мальчик, ты знаешь, почему это должно быть исполнено? — спросил арбитр.

Танкуил хотел солгать. Ему это хорошо удавалось, даже родители не знали, когда он сочиняет, но по какой-то причине ему не удалось. Он почувствовал, как правда кипит у него внутри и вырывается из его губ.

— Нет.

— Мальчик, когда обращаешься к старшим, нужно использовать их титул.

— Простите, сэр.

И снова арбитр взглянул на Танкуила, но на этот раз никаких улыбок не было, лишь холодный блеск тёмных глаз.

— Я не какой-то рыцарь или жалкий лорд, мальчик. Я арбитр Инквизиции.

Танкуил не стал отводить взгляд. Он посмотрел в холодные глаза арбитра и шмыгнул.

— Простите, арбитр.

Удовлетворившись, мужчина отвёл взгляд, направив своё внимание на два костра, спешно сложенных горожанами посреди площади.

— Тогда вслушивайся в мои слова, когда я оглашу приговор. Слушай и запоминай. Не хочу, чтобы и тебя постигла та же судьба.

В другой части толпы Танкуил заметил Олли и Десятку. Оба парня были старше, и оба смотрели прямо на него, показывая грубые жесты. Танкуил знал: нужно продемонстрировать, что спуску он им не даст. В драке он бы проиграл — в конце концов, их было двое, и оба больше него, а история уже доказала и не раз, что он не справится даже с одним из них. Но несмотря на все причины, по которым ему не следовало доставлять им удовольствие избивать его, он знал, что придётся. Если он хоть раз сдастся, то они уже никогда не останутся.

— Не обращай на них внимания, — тихо сказал арбитр.

Танкуил перестал злобно смотреть на парней и злобно посмотрел на арбитра.

— Не могу. Не могу позволить им думать, что они победили без драки. Папа всегда говорил...

— Мальчик, забудь всё, что говорил тебе этот человек.

Танкуил пнул ногой грязь и сглотнул.

— Они меня оскорбляют.

— Люди будут оскорблять тебя. Научись не обращать на них внимания. И вскоре они поймут, что тебе всё равно. — Арбитр повернул голову и посмотрел прямо на Олли и Десятку. Оба парня замерли на середине жеста, а потом исчезли в толпе. Теперь уж точно Танкуил получит двойную взбучку за то, что прятался за арбитра. — С этих пор тебе придётся привыкать к оскорблениям, мальчик.

Танкуил не понимал, но не собирался спрашивать арбитра, что тот имел в виду. Вместо этого он угрюмо глазел в землю, на толпу, на небо — куда угодно, кроме костров.

Спустя некоторое время он уже не мог выносить напряжение.

— Люди говорят, что вы охотник на ведьм, — сказал он, злобно глядя на мужчину снизу вверх.

Арбитр не глядя шлёпнул Танкуила по затылку. Удар обжёг, словно укусы крысы, и

парнишка растянулся в пыли. Люди поблизости отвернулись, не желая участвовать в этом, не желая привлекать внимание арбитра.

Танкуил нетвёрдо поднялся на ноги и собирался побежать, но арбитр схватил его и подтащил к себе.

— Станешь драться со мной, и я добавлю костерок поменьше для тебя, мальчик.

Танкуил уже собирался укусить арбитра за руку, чтобы сбежать, но остановился: инстинкт самосохранения предупредил его, что мужчина не бросал слов на ветер.

— Сбежишь, и я найду тебя, и сделаю то же самое, — Арбитр отпустил Танкуила. — Нам не очень нравится, когда нас называют охотниками на ведьм. Этот урок тебе стоит запомнить с первого раза. Другие могут оказаться не такими великодушными.

Один человек просигналил, что костры сложены. Сухое дерево, которое хорошо горит, сложенное высокой кучкой, с единственным толстым столбом посередине. Арбитр двинулся вперёд, всё проверил и одобрительно кивнул.

— Выводите их.

Четыре человека сопровождали родителей Танкуила на городскую площадь, и он всех узнал. Геральд Пекарь, который продавал лучший хлеб в деревне и иногда давал Танкуилу ломоть своей свежайшей выпечки. Боб Лесник, здоровенный, как медведь, и примерно такой же волосатый — больше всего он был известен своими частыми посещениями таверны, но ещё добродушием и улыбчивостью. Дин Кузнец, которому миновал шестой десяток, наверняка был самым старым в деревне — хотя он потерял все зубы, но заявлял, что он всё ещё силён, как бык. Кольт Старшой, городской глашатай, был маленьким и пухлым, с красными щеками и голосом громче своего колокола.

Все четверо шли с каменными лицами и с оружием, которое, как знал Танкуил, принадлежало им. Герольд нёс мясницкий нож, острый как бритва и тяжёлый как молот. Боб тащил свой старый топор, давно не точеный и ржавый, но всё ещё довольно опасный. У Дина на поясе висел в ножнах охотничий нож, а Кольт — человек, который был почти семьёй, человек, которого Танкуил называл дядей с тех пор, как научился говорить — нёс короткий меч с гербом стражи Сарта на ножнах.

Он знал их всех, а они знали Танкуила и его родителей. Все, за исключением Дина, часто их навещали, и пару раз даже оставались на ужин. Всего лишь три дня назад они с радостью называли Рыболовов из Стоунпоста друзьями. А теперь они вели Тана и Изу Рыболовов, связанных, с кляпами во ртах, на казнь.

Иза плакала. Мать Танкуила всегда была такой суровой и строгой, но сейчас она открыто рыдала, осматривая толпу, пока не встретила взглядом с Танкуилом. На её лице он заметил проблеск надежды, призрак улыбки заиграл в уголках её глаз, а потом Геральд Пекарь толкнул её, и контакт разорвался. Танкуил сглотнул комок в горле и сдержал слёзы.

Тан Рыболов, некогда самый сильный и самый добрый человек из всех, кого знал Танкуил, на свою казнь шёл вовсе не покорно. Он таранился на каждого своего пленителя, смотрел каждому в глаза до тех пор, пока те не отводили взгляд. Это был вызов. Если они хотели его смерти за преступления, то пусть сами это сделают, а не перекладывают на охотника на ведьм Инквизиции. Никто не мог долго выдерживать этот вызов. Никто, кроме арбитра.

Охотник на ведьм подождал, пока Рыболовов крепко привязывали к столбам на кострах, а потом повернулся к собравшейся толпе.

— Вы знаете этих людей. — Он лишь слегка усилил голос, но на площади опустилась

странная тишина — люди сами замолкали, чтобы услышать его слова. Танкуил заметил, что сам в благоговении слушает слова арбитра. — Вы с ними жили, вы работали с ними. Но они принесли зло в Стоунпост и в Сарт.

Арбитр окинул толпу взглядом и остановил его на Танкуиле.

— Одержимые демоном. Они виновны в самой гнусной ереси из всех возможных — они заключили сделку с демонами. За это преступление они должны быть преданы огню.

Иза Фишер снова разразилась слезами, но её муж не дал толпе удовлетворения — он лишь смотрел на арбитра, решительный и твёрдый перед лицом этих обвинений.

Дин Кузнец поджёт факел от ближайшей жаровни и передал арбитру.

— Пусть их кара послужит напоминанием всем, кто носит грехи в сердце. Инквизиция не потерпит еретиков.

Арбитр начал с костра отца Танкуила: медленно опустил факел к пропитанному маслом хворосту, пока языки пламени не охватили дерево. Его мать начала кричать сквозь кляп, когда загорелся её костёр. Арбитр отбросил факел, отвернулся и пошёл к Танкуилу.

— Не отворачивайся, мальчик. Смотри, как пламя смывает ересь твоих родителей, — сказал арбитр, положив твёрдую руку на плечо Танкуилу.

Он и не собирался отворачиваться. Он видел, как горят его родители, как пламя охватывает их тела, слышал их крики, чуял запах их горелой плоти. Он ощутил, как слёзы ручьями текут по его лицу и почувствовал соль на губах, но ни на миг не отвернулся от ужаса.

Когда крики прекратились, и тела его родителей стали всего лишь безжизненными обгоревшими трупами, толпа стала рассасываться. Некоторые люди бросали взгляды в его сторону, другие чертили пальцами в воздухе священные символы, но никто не делал попыток заговорить с ним. Танкуил, застыв, смотрел на пламя, и тяжесть руки арбитра на плече отчего-то успокаивала.

Что-то светлое и тёплое стукнуло Танкуила по лбу, и он поднял глаза, увидев, что арбитр держит цепочку с маленьким светящимся зелёным камнем на конце. Драгоценный камень замер у его лба и сиял яростным внутренним светом. Танкуил двинулся, чтобы схватить его, но арбитр быстро отдернул камень и положил в один из многочисленных карманов своего плаща.

— Я так и думал, — сказал арбитр, понимающе кивнув. — Мальчик, как тебя зовут? — спросил он, и Танкуил почувствовал, что из него вырывают правду.

— Танкуил.

— Танкуил, ты понимаешь, почему это нужно было сделать?

Он кивнул.

— Да.

И снова арбитр кивнул.

— Тогда ты составишь мне компанию в Инквизицию Сарта.

— Чтобы быть арбитром?

— Чтобы стать арбитром, Танкуил Даркхарт.

Он ненавидел этот сон. Было время, когда он видел, как горят его родители, всякий раз, закрыв глаза. Он знал, что это нужно было сделать, видел, как они общались с демонами. Но вид единственной семьи в его жизни, пожираемой огнём, преследовал его много лет. Всё это происходило давным-давно, и теперь он не мог вспомнить, когда видел этот сон в последний раз. На этот раз он казался несколько иным — более реальным, словно Танкуил на самом деле был там, вновь переживая казнь, вновь переживая день, когда арбитр Йеллон завербовал его и назвал Даркхартом.

Открыв глаза, Танкуил удивился, что дневной свет по-прежнему просачивается сквозь листья деревьев. Уже темнело, и солнце только начинало опускаться на западном горизонте, погружая лес в мир грозных теней, тянувшихся друг в друга. На трясущихся ногах он поднялся и потянул затекшую спину. Вопреки всему, что-то на его шее зудело, и после краткой инспекции Танкуил обнаружил множество ярко-красных отметин. Похоже, плащ всё-таки не защитил его от укусов насекомых, но по крайней мере они кусали его не в лицо, предпочитая места с более удобным доступом к крови.

Измученно вздохнув, Танкуил направился в сторону садящегося солнца. Он определённо всё ещё чувствовал себя очень усталым, но арбитров специально тренировали обходиться малым количеством сна. На первых же уроках их учили, как заставить тело идти или бежать на одних резервах, пока наконец не появится возможность рухнуть и восстановиться. Одним из таких заданий для посвящённых Инквизиции было неподвижно простоять, бодрствуя, три полных дня без еды и воды. Этот урок Танкуил провалил дважды, поддавшись сну и рухнув посередине испытания, прежде чем наконец его прошёл.

Лесные животные замечали, как он идёт — от мелких насекомых до разноцветных птиц, которых можно научить говорить, и до гигантского существа, похожего на медведя, которое цеплялось за стволы деревьев и передвигалось не больше нескольких метров за день. Все они наблюдали за ним, но особого внимания на него не обращали.

Когда Танкуил, наконец, добрался до дороги, которая вела в форт Таллон, он остановился, чтобы восстановить дыхание, и посетовал на свою глупость. Он вышел из Колмира без еды и воды, и теперь вряд ли у него получится пройти четыре дня по такой жаре. Танкуил поднял у обочины один из упавших волосатых плодов и счистил жёсткую кожуру. Он знал, что плод перезрел, но ещё знал, что выбор у него небольшой. Высыхающая мякоть плода была тёмно-красного цвета, изобиловала семенами, пахла очень похоже на рвоту, и на вкус была почти так же отвратительна, но Танкуил вгрызся в это месиво и проглотил так быстро, как только мог. Потом он нашёл ещё два плода, и поступил с ними так же, прежде чем двинулся дальше.

Он решил, что лучше всего идти ночью и отдыхать днём, чтобы избавиться от жестокого солнца и непереносимой влажности слепополуденных часов. Казнь родителей ему больше не снилась; к счастью, от этих мук он был избавлен. Зато ему стала сниться Джеззет. Прошёл уже месяц с тех пор, как они в последний раз были вместе — пожалуй, самый долгий срок с тех пор, как встретились, — и оказалось, что он скучает по ней сильнее, чем ему хотелось бы признавать.

Когда над верхушками деревьев показались стены форта Таллона, это стало почти шоком. Танкуил изумился, каким большим должно быть это строение, если деревья в этом

лесу вырастали под две сотни футов.

Он быстро проверил своё оружие. Меч, заново выкованный меньше года назад и гравированный четырьмя самыми мощными заклинаниями, был по-прежнему в идеальном состоянии, и таким же острым, как и в день создания. Его пистолет — слегка побитый и помятый после долгого использования — выглядел несколько хуже. Маленькое ручное устройство нуждалось в кремне, чтобы высекать искру, и хотя теперешний кремнь ещё работал, его следовало заменить как можно быстрее. Хуже была нехватка чёрного пороха. Без этого взрывчатого вещества пистолет просто не мог стрелять, и у Танкуила оставался лишь последний заряд. Чёрный порох в Драконьей империи был вне закона, и хотя сам Танкуил стоял над законом, торговцы не рискнут своими шеями, снабжая его этим веществом. Следовательно, единственным местом, где порох можно купить, оставался свободный город Ларкос, а Танкуил не был там уже много месяцев.

Танкуил сунул пистолет обратно в кобуру, проверил в карманах приготовленные руны и заклятья. Их тоже не хватало, с учётом того, что большая часть запасов хранилась в заплочной сумке, которая, скорее всего, осталась в гостинице, когда та сторела дотла. Придётся довольствоваться тем, что есть.

С мрачной решимостью отыскать проклятую ведьму, которая причинила ему столько неприятностей, и покончить с ней, Танкуил удвоил шаг и быстро добрался до форта.

Вблизи строение показалось ему даже более впечатляющим. Стены были невероятно высокими, возносились на сотни футов вверх, а единственная центральная башня взмывала ещё выше. Точно Танкуил не знал, но мог бы поспорить, что её размеры могут соперничать с башней Инквизиции "Чёрная Скала" в Сарте.

Стены форта Таллон были сложены из тёмно-серого камня и местами дочерна опалены огнём. Почерневшие участки резко контрастировали с большим участком стены на дальней стороне от Танкуила, сложенной из светлого цветного камня — несомненно, место недавнего ремонта. Похоже, форт видел битву ещё на памяти ныне живущих. Это было не очень удивительно, арбитр знал, что Драконьи принцы с радостью сражались друг с другом, поскольку были врагами. Они собирали армии на своих землях и старались выслужиться, доказывая свою силу в тактике и в битве. Лишь Драконья императрица могла объединить принцев ради единой цели, и такое случалось крайне редко.

Вблизи Танкуил уже мог разглядеть массивные военные машины на стенах форта. На деревянных поворотных платформах стояли громадные баллисты, способные стрелять снарядами длиной в рост человека. Танкуил понял, что размышляет, может ли такое оружие сбить дракона. Стены украшали и катапульты, способные пускать как камни, так и огненное масло, а на вершине башни Танкуилу удалось разглядеть силуэт гигантского требушета. Он едва различал смутные фигуры людей, движущихся среди зубцов стены, и не сомневался, что они уже наверняка заметили одинокую фигуру, бредущую по разбитой дороге к форту.

Словно в ответ на свои мысли он увидел, как поднимаются большие железные ворота форта, и услышал отдалённый скрежет цепей. Спустя мгновение ему навстречу выехал отряд конных Драконьих рыцарей, и каждый был вооружён мечом из практически неуничтожимой кости дракона. Они галопом прогрохотали по грязи и окружили его. Восемь вооружённых мужчин в доспехах против него одного. Танкуил не сдержал мрачной улыбки.

Один из рыцарей подвёл свою лошадь ближе и посмотрел на Танкуила поверх своего горжета. На каждом рыцаре был костюм из вываренной кожи, кольчуга с щитком на левом плече, пластинчатый горжет и толстые кожаные перчатки. Кроме того, в левой руке у

каждого было по длинному деревянному копыю, но драконьих мечей ни один не обнажил. Говорили, что когда Драконий рыцарь обнажает меч, должна пролиться кровь, чтобы почтить дракона, который отдал своё тело в кузни императрицы.

Некоторое время никто не говорил, все рыцари молча кружили вокруг Танкуила, а он в свою очередь тщательно осматривал их, запоминая лица.

— Привет, — наконец сказал Танкуил, когда решил, что никто из встречающих не собирается заговаривать первым.

— Вы арбитр, — сказал первый рыцарь, который уже осмелился подвести лошадь ближе к охотнику на ведьм.

Танкуил улыбнулся.

— Интересно, чем же я себя выдал. Держу пари, всё дело в плаще.

— Вы пришли встретиться с госпожой форта?

— Я бы сказал, что пришёл встретиться с принцем. Но если у него есть практика позволять ведьме осматривать всех гостей, то, полагаю, я сначала должен встретиться с ней.

Первый рыцарь уставился на Танкуила с неприкрытой враждебностью. Это был большой мужчина, весьма превосходивший арбитра как по длине рук, так и по силе, и к тому же вооружённый, но всё же он отвёл лошадь назад, стоило Танкуилу сделать шаг.

— Мы проводим вас в форт.

— Как это любезно с вашей стороны. Должен признать, я слегка беспокоился о своей безопасности.

Один из рыцарей рассмеялся, но быстро умолк под взглядами своих товарищей.

— Мы проводим вас в форт. Там принц и госпожа решат вашу судьбу.

Танкуил ухмыльнулся, постаравшись показать как можно больше зубов — этому мелкому жесту, заставляющему людей нервничать, он научился от Джеззет.

— Как пожелаете.

Эскорт из всех восьмерых мужчин, медленно ехавших вокруг шагавшего в форт Таллон Танкуила, всю дорогу отпускал насмешливые шуточки по поводу функционирования его пениса. Он ответил на несколько первых оскорблений, но вскоре решил, что лучше позволить людям развлекаться. Со времени его прибытия в Драконью империю они были не первыми, кто отпускал такие комментарии. Танкуил отнёс это на счёт их жизни в обществе, где большую часть женщин считали всего лишь вещами, чуть лучше животных, и поэтому мужчины чувствовали потребность оскорблять мужественность друг друга. В Сарте такое случалось редко, если вообще случалось, особенно по отношению к арбитру. Он почувствовал внезапное желание напомнить рыцарям, сопровождавшим его, что может на законном основании просто из прихоти обвинить в ереси и казнить любого из них, а то и всех разом. В Драконьей империи лишь особы королевской крови были неподвластны суду Инквизиции, и к несчастью это распространялось и на принцев.

Он прошёл через главные ворота форта, и за лошадьми и телами своего эскорта увидел ещё больше вооружённых солдат, наблюдавших за процессией. Похоже, половина форта вышла посмотреть на представление: арбитра ведут к ведьме. Ирония от него не ускользнула.

Внутренний двор был таким просторным, что на нём хватило бы места для небольшой армии, но Танкуил нигде не видел громадной фигуры дракона, а раз дракона здесь не было, то значит не было и принца. Они никогда не разлучались. Многие верили, что на самом деле дракон и принц это две половины одной души. Ни один не согласился бы жить дальше без

другого, и драконам от этого было тяжелее, поскольку, даже с учётом неестественно долгой жизни Драконьих принцев, продолжительность жизни драконов была ещё больше.

Рыцари разделились перед Танкуилом, и он оказался перед гигантским чёрным жеребцом с пламенеющей рыжей гривой, которая подходила огню, плясавшему в его глазах. На коне сидела женщина, одетая в белое — женщина, которую Танкуил узнал по видению в Колмире. На коне сидела его жертва.

— Впечатляющий трюк, — сказал Танкуил, указывая на лошадь. Множество рук двинулось к мечам, когда он махнул в сторону зверя, но когда Драконьи рыцари увидели, что дальше он не двигается, они немного расслабились.

— Благодарю, — сказала она с улыбкой, — труднее всего получить такие глаза. — Она была той же, что и в видении в Колмире, но в то же время и другой. Изгибы её тела всё так же манили, лицо по-прежнему было простым, и она по-прежнему была красивой, хоть и не из-за внешнего вида. Но теперь её волосы были мышинового цвета, а голос стал тише.

Ведьма перекинула ногу через коня и соскользнула на землю с помощью Драконьего рыцаря, поддерживавшего её под руку. Как только её ноги коснулись земли, через ряды рыцарей пробился ребёнок и подбежал к женщине, ухватился за её белые юбки и устоялся на Танкуила серыми глазами — такими же, как и у ведьмы.

— Всё в порядке, Берри, — сказала ведьма, поглаживая волосы маленькой девочке. — Мы здесь в безопасности, он не собирается причинять нам вреда.

Танкуил фыркнул.

— Я совершенно определённо собираюсь причинить вам вред.

Девочка прищурилась и показала ему язык. Танкуил ответил ей тем же, и девочка быстро укрылась за юбками матери. Ведьма рассмеялась и покачала головой.

— Теперь она будет в ужасе, и ночью её будет не уложить в постель, — сказала ведьма.

Танкуил оглянулся на Драконьих рыцарей — он насчитал двадцать два, и большинство явно горело желанием продемонстрировать ему лезвия своих чудных костяных мечей. Сложно было передать, как он нервничал, поскольку все осторожно держались от него на расстоянии, и ничего нельзя было украсть. Такие мелкие преступления всегда успокаивали его нервы.

— Послушайте... — начал Танкуил, но ведьма его прервала.

— Вы явно совершенно не в духе, арбитр Танкуил, — от него не ускользнуло, что она знала его имя. — Сир Табер, отведите арбитра в гостевые покои. Обеспечьте ему горячую воду для ванны и постарайтесь отыскать другую одежду. Принц Наарск не станет воспринимать вас всерьёз в таких лохмотьях. Боюсь, он весьма требовательный.

Рыцарь, сопровождавший Танкуила, склонил голову.

— Слушаюсь, миледи. Нам разоружить его?

— Разумеется.

Драконий рыцарь повернулся к Танкуилу и указал на дверь, которая, похоже, вела в тюрьму.

— Сюда, пожалуйста.

Танкуил посмотрел на крупного рыцаря, потом на ведьму и снова на рыцаря. Он отлично понимал, что находился не в том положении, чтобы спорить, и знал, что лучший способ справиться с этой женщиной — тянуть время. С этой мыслью он позволил отвести себя в тюрьму.

Гостевые покои были большими и просторными, со строгим убранством почти без роскоши и экстравагантности. Они сильно отличались от столичного королевского дворца. По приглашению Драконьей императрицы Танкуил и Джеззет пробыли там почти целый год, и он с трудом мог бы отыскать там комнату, в которой не нашлось бы картины, статуи или гравировки дракона. А в нынешних покоях, несмотря на обширное пространство, Танкуила не покидало ощущение, что это импровизированная тюрьма.

Понадобилась бы невероятная мощь, чтобы сдвинуть чугунные прутья на окнах. Дверь была сделана из крепкого, оббитого дуба и запиралась снаружи. Если бы Танкуил решил применить магию для освобождения, ни дверь, ни прутья его бы не остановили — взрывной руны было бы более чем достаточно для нескольких дюймов дерева. Но он не сомневался, что уйдёт недалеко, если против него выйдут Драконьи рыцари, и вряд ли он смог бы победить их всех. Особенно в его нынешнем состоянии.

В таком затруднительном положении Танкуил решил удовлетворить пожелания ведьмы. Он помылся в воде, которую ему принесли, потом оделся в принесённую ему одежду. Простая хлопковая рубаша и такие же штаны, коричневые и без украшений. Поверх он натянул свой плащ и впервые отметил, что одна из пуговиц исчезла. От этого он криво усмехнулся.

Несмотря на заявление ведьмы, что принц Наарск встретится с ним, Танкуил сомневался, что тот в настоящее время находится в форте. Принц никогда не стал бы надолго разлучаться с драконом, а Танкуил не видел и следа зверя. По его опыту в королевском дворце, драконы обычно были шумными и очень заметными, и хотя форт был довольно большим, Танкуил не сомневался, что к этому времени уже увидел или услышал бы свидетельства присутствия зверя.

Сильным преуменьшением было бы сказать, что ему не хватало его оружия. Как он теперь понял, несмотря на недостаток мастерства, ощущение меча на боку он воспринимал чем-то само собой разумеющимся. Пистолет также придавал ему храбрости и уверенности в себе, и прямо сейчас он чувствовал, что и то и другое ему бы не помешало.

Ведьма, как он и предполагал, явилась одна и на первый взгляд без оружия. Она сменила белое платье на простую серую сорочку с коричневым шарфом и белым передником. Передник усеивали многочисленные разноцветные пятна, что говорило о его частом использовании, но не о назначении. Ведьма закрыла за собой дверь и улыбнулась Танкуилу, когда тот подошел к одному из окон.

— Смело с вашей стороны прийти одной, — поприветствовал Танкуил женщину.

— Неужели? — спросила она. — Возможно, вам стоит воспользоваться шансом, пока я не передумала.

Танкуил фыркнул.

— Я не дурак. Вас я, может, и убью, но ваши ручные рыцари разорвут меня на части, прежде чем я доберусь до главных ворот. Я здесь не ради самоубийства.

Ведьма снова улыбнулась, и махнула рукой в сторону стола со стульями, стоявших в комнате.

— Как бы то ни было, вы мне не ровня, — сказала она таким тоном, будто это было неоспоримым фактом.

Она плавно прошла по ковру на полу и легко опустилась в деревянное кресло с высокой спинкой и таким количеством подушек, какого Танкуил ни разу не видел ни в одном борделе. Он в свою очередь остался стоять, скрестив руки и глядя на женщину. Он сбросил предмет из рукава в левую ладонь и провёл большим пальцем по его поверхности. Маленький медный завиток, серёжка из женского уха, украденная у одной из служанок, которая ранее наполняла его ванну. Бесплезная штука, но она придавала ему сил — как и любая кража.

Когда ведьма поняла, что Танкуил не собирается садиться, она изогнула бровь.

— Бойтесь, арбитр?

Танкуил прищурился.

— Как вас зовут? — Он вложил всю силу своей воли в принуждение, стараясь взять ведьму под контроль, но ничего не почувствовал. Не было сопротивления, ни волны удовольствия от того, как его воля подчиняет её волю. Казалось, будто принуждение просто прошло мимо неё. Такого чувства он никогда прежде не испытывал, даже с другими арбитрами. Ведьма не только знала о принуждении — она понимала его и разработала защиту от него, к тому же весьма оригинальную.

— Верла Пре'лейн, — с улыбкой ответила она, слегка склонив голову.

— Акантийское имя, — сказал Танкуил. — Это многое объясняет. Вы не похожи на местную. У людей Драконьей империи обычно миндалевидные глаза и светло-жёлтая кожа.

Ведьма кивнула.

— Да, родом я из Акантии. Но уже довольно давно не навещала это маленькое королевство. — Она глубоко вдохнула и долго выдохнула. — Арбитр Даркхарт, вы здесь, чтобы убить меня. Я собираюсь изменить ваше мнение.

— Почему?

— Вы в курсе, что это уже не первый раз Инквизиция посылает за мной своих представителей? Они вам этого не говорили? Ради безопасности меня и моей дочери мне пришлось убить двоих арбитров, и я не хочу больше никого убивать. — Она сурово уставилась на него. — Но это не значит, что не стану, если будете ей угрожать.

Танкуил сунул руки в карманы плаща, принявшись расхаживать по своей дорогой тюремной камере.

— Арбитр, прежде чем вы потянетесь к своим рунам, остерегитесь. Я тоже владею магией, как вам уже прекрасно известно.

Пальцы Танкуила коснулись шва скрытого кармана. В нём лежали не руны, как подозревала ведьма, а маленький ножик толщиной с бумагу. Чёрный Шип не раз предупреждал Танкуила: никогда не знаешь, когда кто-то попытается тебя обезоружить, так что лучше сделать так, чтобы это им не удалось. Он серьёзно отнёсся к этому уроку и быстро понял, что плащ арбитра отлично подходит для того, чтобы прятать ножи.

— Инквизиция мне ничего не сообщала, — признал Танкуил, — поскольку они меня не посылали. Я странствующий арбитр, хожу куда хочу, и, услышав истории о ведьме в этих краях, — не говоря уже о том, что из-за ссоры с Джеббет ему захотелось побыть некоторое время от неё подальше, — я решил выследить вас.

Она улыбнулась.

— И теперь вы нашли меня. Поистине, я вижу в этом руку судьбы.

И снова Танкуил прищурил глаза, пытаясь разглядеть правду в загадочных словах ведьмы.

— Что вы хотите?

— Вас, — ответила ведьма спокойным, ровным голосом. — Я устала убегать, арбитр. Ваша магия и связь с Богом даёт вам долгую жизнь, и моя магия даёт мне примерно то же. Я старше, чем выгляжу, и я устала бегать от Инквизиции. Устала смотреть, как за силу, данную мной, выслеживают и убивают моих детей, или, хуже того.

— Что может быть хуже? — спросил Танкуил.

— Когда из них делают одного из вас.

Хоть Танкуил и был не согласен, но понимал, о чём говорит женщина. Жизнь арбитра и так не из приятных, а уж тем более для дочери, у которой мать ведьма. Это живо напомнило ему о том, насколько мала разница между охотником и жертвой.

— Наняв арбитра, я могла бы убедить Инквизицию, что я мертва. И избавиться наконец от них, сосредоточившись на помощи людям этой местности, на помощи принцу Наарску и на воспитании нашей дочери.

— Это его ребёнок? — спросил Танкуил.

— Берри наша дочь, — сказала ведьма, с вызовом посмотрев в глаза Танкуилу.

Вне всяких сомнений, это всё серьёзно осложняло.

— А что насчёт Шен? — Танкуил не знал, отчего задал этот вопрос, он просто соскочил с его языка.

Ведьма пожала плечами.

— Деревенская девушка, родилась и выросла в Колмире. Я искренне надеялась, что ей удастся убедить вас остаться. Её чувства к вам были подлинными, по крайней мере до какой-то степени. Я... немного подстегнула их.

— А её магия?

— У неё её нет. Это моя магия. Я просто позволяю ей её использовать, а взамен...

— Вы её контролируете, — встрял Танкуил.

Ведьма помедлила, глядя на Танкуила со странной улыбкой, тронувшей её губы.

— Я оказываю воздействие на некоторые её решения. Она об этом ничего не знает, и я никогда не заставлю её сделать что-то, способное причинить вред ей или окружающим. Да она бы сопротивлялась мне в таком случае — её инстинкт защищать и лечить очень силен.

— А как насчёт принца Наарска? Вы тоже... оказываете на него воздействие? — ядовито спросил Танкуил.

Ведьма покачала головой и рассмеялась.

— Я бы никогда не осмелилась, арбитр. И его дракон бы мне не позволил. Я могу быть матерью его ребёнка, но если дракон хоть на миг почувствует меня внутри головы принца... — Она посмотрела на Танкуила, и по её лицу пробежала тень. — Вы когда-нибудь видели разъярённого дракона, арбитр? Зрелище впечатляющее, но не хотела бы я оказаться на месте того, на кого направлена эта ярость.

— Но, несмотря на это, — сказал Танкуил, — есть и иные способы, которыми женщина воздействует на мужчину. В конце концов, вы ведь мать его ребёнка.

И снова ведьма улыбнулась, как мать улыбается не по годам умному, но очень наивному сынишке.

— Если вы верите, будто тот факт, что я раздвигала ноги перед Наарском и принесла ему дочь, даёт мне возможность влиять на него, то вы определённо не знаете принца.

— А если вы верите, что я могу предать Инквизицию ради ведьмы, то вы определённо не знаете меня, — парировал Танкуил.

Ведьма сердито посмотрела на него, а он сердито смотрел в ответ. Ни один не хотел отводить взгляд, и каждый показал себя не менее упрямым, чем другой.

Наконец ведьма положила обе руки на деревянный стол и медленно встала, опрокинув кресло. Она вздохнула, повернулась, подняла кресло и поставила на место.

— Арбитр Даркхарт, я надеялась, что с учётом вашей репутации, вы окажетесь другим. Менее предвзятым. Принц будет...

Танкуил фыркнул.

— Более отзывчивым по отношению к ведьме? Вы говорите так, словно даже не понимаете, как работает ваша магия. Словно не понимаете, какое зло вы пускаете в мир.

Танкуил давно узнал, что обладает врождённой способностью доводить людей, злить их и подталкивать к эмоциональным взрывам. Похоже, на это у ведьмы иммунитета не было.

— Зло? — вскричала она. Женщина уже шла к двери, но теперь повернулась к Танкуилу, её лицо исказилось в праведном негодовании. — Я не сделала этим людям ничего, кроме добра!

— Неужели?

— Да! Я использую магию, чтобы исцелять раны, ускорять рост саженцев, удерживать лесных хищников за пределами деревень. — Она шагнула в сторону Танкуила, и тот почти видел силу, излучавшуюся из неё. Позаимствованную силу. В глубине одного из карманов он почувствовал тепло драгоценного камня, определяющего потенциал, который даже с такого расстояния отреагировал на силу. Назвать её могущественной было бы громаднейшим преуменьшением, и Танкуил уже не стал бы ставить под сомнение её утверждение, что он ей не ровня.

— Благодаря мне в окрестных деревнях рождается больше живых детей, и больше переживают первый год. Я помогаю этим людям...

— А что с жителями Колмира? С теми, которые были ранены или умерли от пожара в гостинице? — Танкуил швырнул вопрос как обвинение, и едва не улыбнулся, когда ведьма побледнела и запнулась. Он развил успех:

— Вы устроили пожар, чтобы убить меня, и вместо этого убили всех тех людей, которым вызвались помогать.

— Я не собиралась убивать вас, мне просто нужно было вас...

— От этого только хуже, — прошипел ей Танкуил. — Вы ранили этих людей ни за что. Вы убили этих людей ни за что.

— Нет, не ни за что. Я...

— Не бывает хороших причин, чтобы убивать невинных, — крикнул Танкуил, и немедленно понял, что не должен был этого говорить.

Ведьма вскинула голову, встретилась с ним взглядом, и он увидел, что к ней вернулись ясность и концентрация. Она прошипела чужеродное слово, помещение потряс гром, и стулья, стол и другие незакреплённые предметы полетели в стены. К несчастью, Танкуил оказался одним из этих предметов. Он отлетел назад, ударился об кроватный столб, перевернулся в воздухе, и полетел в дальнюю стену. Неловко ударился об неё, и плечо запыхало мучительной болью. Его ударил очередной импульс силы и удержал на стене, прижимая его к ней всё сильнее, по мере того, как ведьма приближалась к нему.

— Да как ты смеешь? — прошипела она, и её глаза полыхали яростью. — Ты винишь меня в убийстве невинных. Мой сын был невинным, и ваши люди убили его. Моя дочь была невинной, и вы забрали её, научили меня ненавидеть и отправили за мной. Ваша

Инквизиция заставила меня убить одну дочь, чтобы спасти другую, и ты обвиняешь меня в причинении вреда невинным?

Ведьма плюнула, и слюна полетела в Танкуила, влекомая той же силой, что прижимала его к стене. Она попала в стену в фуге от головы Танкуила и расщепила дерево — такова была её мощь.

Танкуил медленно, мучительно сжал пальцы правой руки в рукаве плаща в поисках скрытого там кармана. Он всё ещё мог говорить, несмотря на силу, давившую на грудь, но здесь ему не помогли бы ни благословения, ни проклятия.

— Ты хоть знаешь, откуда исходит магия, которую ты используешь? — прокричал Танкуил, преодолевая давившую на него силу. Ему удалось вдохнуть ещё раз и продолжить:

— Руны и заклинания могут использоваться от одной лишь твоей силы, но это... Кого ты вызываешь, чтобы устроить такое? Что ты вызываешь?

Ведьма шагнула к нему, и сила, прижимающая Танкуила к стене, увеличилась. Воздух вокруг неё потрескивал от энергии, и огромные слёзы катились из её наполненных яростью глаз.

— Вот почему... — начал Танкуил, но ведьма сделала ещё один шаг вперёд, и снова давление увеличилось. Казалось, рёбра гнутся от этой силы, и Танкуил был уверен, что грудь в любую секунду может схлопнуться. В любом случае, Танкуил знал, что не выживет, если она подойдёт ещё чуть ближе, и судя по лицу ведьмы, она тоже это знала. Его пальцы коснулись руны, спрятанной в рукаве.

— Вот... почему... мы охотимся на тебя, — сказал он между самыми мучительными вздохами в своей жизни. — Тебе плевать... откуда... исходит магия.

Ведьма ничего не сказала. Она лишь таращилась на него, молча оценивая.

— Ты думаешь... такая магия... безвредна? Ты призываешь... других существ... которые могущественнее тебя... себе на помощь... просишь... дать тебе займы... их магию... Но тебе... тебе плевать... что они делают... с твоей помощью... Ты работаешь... как проводник... их силы... чтобы воздействовать на наш мир. Ты думаешь... что используешь эту магию... чтобы помогать другим... но с твоей помощью... эти существа... могут причинять... столько вреда.

— А разве вы другие? — закричала она, но ближе не подходила. — Вы, арбитры, призываете своего трижды проклятого Бога ради силы. В чём отличие?

— В нём! — Закричал в ответ Танкуил, хоть это и причинило ещё больше боли. Он слышал приглушённые удары и знал, что это охранники пытаются пробраться в комнату, но магическая сила, державшая его на месте, сдавливавшая его, исходила от ведьмы во всех направлениях и крепко держала дверь. — Я никогда... не видел... чтобы Вольмар навёл порчу на дитя... лишил... мальчика нравственности... оставляя от него... оболочку ненависти и боли... Я никогда не видел... чтобы Вольмар... превращал животное... в уродливое подобие... и заставлял нападать... на своего хозяина... Я никогда...

Ведьма тихо заговорила, но слова всё равно доносились до него, а её левая нога чуть поднялась, готовая сделать последний шаг в его сторону.

— Тот факт, что ты никогда чего-то не видел, ещё не значит, что этого не существует. Ты считаешь Вольмара силой добра, но откуда ты знаешь, что это так?

Пальцы Танкуила сомкнулись на руне, и, делая последний вдох, он приготовился к тому, что должно было случиться.

— Потому что у меня есть вера.

Глубокая грусть наполнила глаза ведьмы, и её левая нога дёрнулась вперёд. Большим и указательным пальцами Танкуил сломал руны в правой руке, и всё тотчас же изменилось. Магический импульс вырвался из руны. Но в этой магии не было никакой кинетической силы — это был чисто нейтрализующий взрыв, разгоняющий магию, прижимавшую арбитра к стене.

Ведьма охнула и упала на колени, как только сила, пульсирующая из неё, внезапно обрубилась, и Танкуил грудой рухнул на пол. Не было времени подниматься на ноги, и его левая рука скользнула в карман плаща, вытащив метательный нож толщиной с бумагу.

Дверь комнаты распахнулась, и внутрь вбежал Драконий рыцарь, в полном доспехе и с обнажённым мечом. За ним вбежал ещё рыцарь, и ещё. Танкуил отпустил нож, упал на колени и поднял руки как можно покорнее. Первый рыцарь бросился к нему и поднял меч для атаки.

— Стоять! — крикнула ведьма. Танкуил не видел её за тремя Драконьими рыцарями, но слышал дрожание в её голосе. Она медленно вышла из-за мужчин и посмотрела на него сверху вниз.

— Не убивать его. Принц Наарск решит его судьбу.

Танкуил фыркнул от смеха.

— Мудрый выбор. Он...

Он не закончил предложение, поскольку рукоять меча из драконьей кости ударила его по голове.

— Кончай теребить его, — сказал Кош, дружески толкая его плечом.

— Легко тебе говорить, — пожаловался Танкуил. — Больно же.

— Так не тыкай его.

Танкуил последний раз сжал свой распухший нос, поморщился от боли, опустил руки и толкнул Коша в ответ. Тот был больше, хоть и младше на год, и не сдвинулся ни на дюйм. Танкуил быстро понял, что драться с Кошем всё равно что биться головой о каменную стену — больно, неприятно и совершенно бесполезно. Кош был выше Танкуила, шире в плечах и сильнее, несмотря на возраст. А ещё у него, похоже, было природное чувство драки, и он с радостью противостоял двум или даже трём противникам, в то время как большинство посвящённых могло драться лишь с одним.

Несмотря на фамилию Танкуила, которая считалась запятнанной, Кош быстро подружился с ним, и эта парочка стала почти неразлучной. Прошло всего пять лет обучения, а оба уже оставили своих одноклассников далеко позади. Кош превосходил всех в битве, даже парней постарше, а Танкуил сравнился с некоторыми выпускниками, когда дело доходило до благословений и проклятий.

Впрочем, их быстрое продвижение в начальном обучении никоим образом не увеличило популярность Танкуила среди сверстников. Кош мог избегать внимания благодаря своей внешности, мальчишескому очарованию и способности разбивать головы каждому, кому в нём что-то не нравилось. У Танкуила же не было ни одной из этих желанных черт, и к тому же преподаватели постоянно использовали имя, данное ему арбитром Йеллоном, не давая никому забыть, что он Даркхарт, и поэтому ему нельзя доверять.

Другие посвящённые прекращали свои насмешки и травлю лишь когда поблизости был Кош, и лишь потому что боялись вреда, который он мог нанести, и нанёс бы. Но Кош не мог всегда быть рядом, и категорические отказы Танкуила уступать в драке лишь сильнее настраивали остальных против него.

На самом деле именно постоянная травля была причиной того, что сейчас его нос был сломан. Пытаясь добиться хоть какого-нибудь уважения и развить навыки самозащиты, Танкуил в последнее время брал уроки боя у Коша. К несчастью, побои, которые он получал во время этих уроков, оказались сильнее, чем могли нанести другие посвящённые. Кош был чрезвычайно суровым учителем, но не имело значения, сколько шишек поставит ему друг: главным для Танкуила было выдержать, и в этом заключалась настоящая причина, почему он готов был переносить боль.

Конечно, кое-что было куда хуже сломанного носа, подбитых глаз, окровавленной губы, звона в ушах, боли в вывернутом запястье и отчётливой хромоты из-за сильно онемевшей ноги. Солнце встало час назад, и им с Кошем нужно было вернуться в корпус посвящённых, исполнять свои ежедневные обязанности по уборке общей зоны отходов, а потом впереди был целый день тренировок. Кош не строил из этого проблем, он был создан для физической выносливости, и, казалось, его энергия безгранична. Танкуил же не собирался молчать на этот счёт — он уже измучился до предела, и сделался от этого раздражительным.

— Как думаешь, какую тренировку они придумают нам сегодня? — спросил он друга, пока они шли в корпус. Или, во всяком случае, Кош шёл, а Танкуил хромал. — Зачитывать по памяти отрывки из адских книг, стоя на одной ноге и жонглируя бобами?

— Я надеюсь, будет боевая подготовка, — ответил Кош, и Танкуил увидел нахальную ухмылку на лице друга. — После этого утра мне бы не помешало размяться.

— Чудесно. Ты всё шутишь, а мне тут на самом деле больно.

— Сломанный нос — это ещё не боль, — фыркнув, сказал Кош. — Попробуй вывихнуть плечо, вот, блядь, где настоящая боль!

Танкуил стиснул зубы, услышав, как сквернословит друг. У него с этим словом не было особых проблем, просто Кош уж очень любил им бросаться.

— Ну, надеюсь, мне не придётся этого пережить.

Они шли по городу так быстро, как только позволяла хромота Танкуила, прервавшись на пять минут, чтобы окунуться в чистых голубых водах Брукловского канала. Тот не был самым глубоким и самым пустым каналом, зато самым чистым, а от купания обоим стало намного лучше — вода смыла утренний пот и большую часть засохшей на лице Танкуила крови. Технически плавать в канале было незаконно, но и арестовывать арбитра или посвящённого Инквизиции тоже было незаконно, и ни у одного стражника не хватило бы смелости сопроводить парней в Инквизицию, чтобы пожаловаться по такому незначительному вопросу. Так что стражники лишь поворчали, но ничего не сделали, а Танкуил с Кошем не стали испытывать их терпение. Прибыв в тренировочный корпус Сарта, они уже были вполне готовы приниматься за отхожие помещения.

Спустя отвратительный час, снова быстро помывшись, они выстроились с другими посвящёнными своей группы во дворе для собраний и ожидали наставников. Здесь Танкуил мог не опасаться физической травли, и не только потому, что рядом стоял Кош: если бы преподаватели заметили нападение, то наказали бы всех посвящённых, включая и его.

Джейкоб как всегда первым пришёл во дворик, и теперь сердито смотрел на остальных опоздавших. Этот парень был старше — он взялся организовывать других адептов, и никто не стал бы ему перечить. На самом деле он был единственным, кто мог дать отпор Кошу, и даже время от времени бил его. Помимо выдающейся силы и боевых навыков, Джейкоб был более чем опытным в рунах и заклинаниях, и даже овладел некоторыми наиболее существенными чарами. Кроме того, ему заметно не хватало опыта, когда дело доходило до благословений и проклятий, что вызывало у Танкуила ухмылку. Может, победа и мелкая, но сама инквизитор Герон во время обхода на прошлой неделе заговорила с Танкуилом и сказала, что мелкими победами можно одолеть даже величайшего из людей.

— Посвящённый Джейкоб, — сказал Кош, когда они прибыли.

— Кош, — ухмыльнувшись, сказал Джейкоб.

Два парня, которых многие считали самыми многообещающими в этой группе посвящённых, стояли друг напротив друга, грудь к груди, нос к носу, и вели себя как можно более вызывающе. Кош, хоть и был на два года младше Джейкоба, зато был выше — но Джейкоб был шире. Танкуил молча наблюдал с полуулыбкой за всей этой глупостью.

— Даркхарт, — Танкуил услышал своё имя и вздохнул от этого голоса.

Бек была единственной девочкой в группе, и для Танкуила — самым нелюбимым человеком в мире. Она ненавидела его, это было ясно, хоть он так и не узнал, за что. И хуже того, она становилась всё красивее из-за своей очаровательной пары грудей, которые, казалось, росли день ото дня. И к тому же другие парни вились за ней хвостом, готовые скакать по любому её слову.

Танкуил повернулся, и оскорбление готово было сорваться с его губ, но предательский голос замер в горле, как только он её увидел. Светлые золотистые волосы сегодня были

распущены, идеально обрамляя лицо, приковывая взгляд к сапфировым глазам. Простая коричневая рубашка, такая же, как и у парней, хоть и скрывала ложбинку между грудей, но не могла скрыть того факта, что она там есть. Танкуил тарасился, не в силах ничего с собой поделаться, и Бек ничего не оставалось, кроме как отметить это.

— Ближе к этой парочке ты не подобрёшься, Даркхарт, — сказала она, презрительно усмехнувшись, что Танкуил понял лишь по тону, поскольку не мог отвести глаз от её груди.

Со всех сторон раздался смех, и Бек подошла ближе — так близко, что её грудь почти коснулась его руки. Танкуил почувствовал, как быстро забилося его сердце, член зашевелился, и он изо всех сил старался не показать этого. Бек поднесла губы к его уху и прошептала:

— Надеюсь, он тебя сегодня сожрёт.

Танкуил нервно сглотнул, но как только Бек отступила, её слова дошли до него, и он понял, что понятия не имеет, о чём это она говорила. Прежде чем ему удалось об этом подумать, во дворик быстро вошёл наставник Джеймс и крикнул, чтобы все построились.

Наставники были равноправными арбитрами, только слишком старыми или немощными, чтобы продолжать выслеживать ересь, а ещё ими изредка становились те, кто больше не могли выдерживать давление. Они жёстко требовали от посвящённых дисциплины, и Джеймс не был исключением. Он был суровым мужчиной, высоким, стройным и угловатым. Он смотрел на всё, выпучив большие зелёные глаза. У него не хватало одного зуба, и он любил втягивать воздух через прореху, издавая свистящий звук, сильно нервируя Танкуила.

Все посвящённые выстроились и ожидали дальнейших указаний, а наставник Джеймс сердито осматривал их со свирепой внимательностью. Танкуил занял своё место возле Коша, и тот подмигнул ему.

— Надеюсь, все вы подготовились, — сказал наставник.

Танкуил взглянул на Коша и тот беззаботно пожал плечами в ответ.

— Бек, ты первая. За мной, живо. — Наставник Джеймс ушёл прочь, и Бек поспешила за ним, нервно оглянувшись на группу своих последователей, которые глупо улыбались в ответ.

Танкуил болезненно шмыгнул сломанным носом и подошёл к Джейкобу. Парень посмотрел на него сверху вниз с безучастной улыбкой. Джейкоб, хоть и не был дружелюбным, но не походил на остальных — он не травил Танкуила, но и не очень-то замечал существование его, как человека.

— Джейкоб, — поприветствовал его Танкуил.

— Даркхарт, — сказал Джейкоб, заинтересованно кивнув.

Танкуил отметил, что обожатели Бек с любопытством наблюдают и понизил голос, чтобы те не подслушивали. — Что сегодня происходит? Кажется, мы пропустили объявление.

Джейкоб взглянул на Коша, и снова посмотрел на Танкуила.

— Призыв демона, — сказал он с безумной ухмылкой. — Сегодня мы изучаем руну призыва и связывания этих тварей.

Танкуил почувствовал бурление в животе, отвернулся и постарался усмирить внутренности. Теперь последнее замечание Бек обрело смысл, но даже без него Танкуил был практически в ужасе. Он поднял взгляд и увидел, что Кош так же обеспокоен.

— Начинаю жалеть, что спал не всю ночь, — сказал Кош с ухмылкой, которой не хватало обычного задора.

— А я начинаю жалеть, что позволил тебе сломать мне нос утром, — ответил Танкуил.

— Позволил?

— Конечно, — быстро сказал Танкуил. — Иначе ты бы никогда не победил.

Кош улыбнулся, покачал головой, и напряжение несколько спало, но всё равно они нервничали, ожидая появления Бек и наставника Джеймса из тренировочного зала. Даже её последователи отпускали оскорбительных замечаний и бросали враждебных взглядов меньше обычного. Танкуилу почти захотелось иметь возможность каждый день вызывать демонов, чтобы остальные посвящённые не приставали.

Потом появились Бек и наставник Джеймс. Её голова была низко опущена, походка была медленной, ноги, казалось, немного шатались при каждом шаге, а рука Джеймса лежала на её плече — выглядело так, будто он то ли успокаивает её, то ли ведёт к остальным. Против своей воли Танкуил почувствовал жалость к девушке, к своей худшей учительнице. Он обругал свою глупость и сурово нахмурился.

Наставник Джеймс отпустил плечо Бек, и она с трудом дошла до своих последователей, не поднимая глаз. Наставник присвистнул, втянув воздух.

— Джейкоб, ты следующий.

Джейкоб взглянул на Бек, потом обернулся на Коша, ухмыльнувшись, а потом трусцой побежал к наставнику. Кош покачал головой и рассмеялся.

— Да он безумен.

В кои-то веки у Танкуила не нашлось возражений, так что он держал рот на замке, глядя, как Джейкоб трусит по двору и исчезает в тренировочном зале. Казалось, прошла вечность, прежде чем тот снова появился — он уже не бежал, а его лицо было зеркальным отражением лица Бек. Он шёл впереди наставника Джеймса, не поднимая глаз. Танкуил уже хотел было обратиться к Джейкобу, когда его прервал наставник.

— Посвящённый Даркхарт. Ко мне.

Танкуил кивнул и сглотнул ком в горле. Потом он понял, что его ноги не двигаются. Это не было сознательным решением оставаться на месте, а скорее фактом, что всё ниже пояса отказывалось выполнять его команды. Джейкоб и Бек были храбрейшими людьми из всех, что он знал, а теперь оба выглядели такими опустошёнными.

Наставник Джеймс не стал проверять, что Танкуил следует за ним — он ожидал и требовал немедленного подчинения. Танкуилу нужно было идти сейчас или заработать наказание. Он почувствовал руку на спине и сильный толчок, а потом его ноги заковывали и вспомнили, наконец, как двигаться — сначала одна нога, потом другая. Танкуил оглянулся и признательно кивнул Кошу, а потом поспешил вслед за наставником.

— Даркхарт, я ожидал от тебя большего, — сказал наставник, когда Танкуил его догнал. Он так умел произносить фамилию Танкуила, что она звучала как оскорбление.

— Не уверен, что понимаю, о чём вы, арбитр, — сказал Танкуил.

Инструктор Джеймс фыркнул.

— Ты ведь уже видел демона, не так ли?

— Я... не помню, арбитр. Думаю, видел.

— Поэтому я не ожидал, что из всех мешкать станешь именно ты. Похоже, в твоей еретической крови есть примесь трусости.

Танкуил безуспешно попытался прикусить язык.

— Уж лучше, чем желчь, которая течёт в вашей.

И прежде случалось, что он жалел о своих словах, и в то время, как они вылетали из его

рта, и после, но иногда он просто не мог сдержаться. Наставник Джеймс воспринял оскорбление плохо. Арбитр резко развернулся на пятках и ударил Танкуила по лицу тыльной стороной ладони. Даже будь Танкуил таким большим, как Кош или Джейкоб, удар свалил бы его с ног, а к тому же он отметил, что наставник шептал благословение. Странно было считать победой тот факт, что мужчине понадобилось увеличивать свою силу, чтобы ударить мальчика, но Танкуил уцепился за него, когда земля неслась ему навстречу.

Он больно ударился, почувствовав, как воздух выходит из лёгких, а мгновением позже он хватал воздух, словно рыба, и молил о передышке. Джеймс не дал ему её. Старый арбитр дважды яростно пнул Танкуила по рёбрам, перевернув его на спину, потом нагнулся, поднял за ворот и швырнул в сторону тренировочного зала. Слеплённый и задыхающийся, Танкуил заковылял вперёд, пытаясь напомнить лёгким, на что похож воздух. Он двигался недостаточно быстро, и наставник снова толкнул его в сторону двери.

Танкуил хотел было извиниться перед старым арбитром, но передумал. Извинение прозвучало бы фальшиво, и вряд ли что-нибудь дало бы ему. Вместо этого он позволил протолкнуть себя через дверь в огромный тренировочный зал.

Солнечный свет, лившийся в высокие окна, отлично освещал помещение, оставляя яркие полосы на твёрдом деревянном полу. Многочисленных тренировочных манекенов сдвинули к стенам зала, а молитвенные коврики скатали и сложили в дальнем конце. Танкуил никогда не видел этого помещения таким пустым — лишь в центре стоял маленький столик со стопкой хрупких деревянных пластинок и чернильницей. Подойдя ближе, Танкуил увидел ещё лист пергамента размером с ладонь. На пергаменте были выведены три чёткие руны — три руны, которых Танкуил не опознал.

Наставник Джеймс положил тяжёлую руку на плечо Танкуила и развернул его. Старый арбитр уставился на подопечного с едва скрываемой ненавистью.

— Я дам тебе пять минут, чтобы запомнить эти руны, Даркхарт. И больше я тебе их не покажу.

Танкуил решительно кивнул, потом повернулся, пробежал последние несколько шагов к столу и наклонился, тщательно изучая комбинацию рун. Очень скоро наставник подошёл к Танкуилу и выдернул пергамент, убрав из вида.

— А теперь запиши первую руну, Даркхарт.

Танкуил взял деревянную пластинку, обмакнул кисточку в чернила, вспомнил первую руну и принялся копировать её на дерево. Первая руна была плавной, заворачивалась сама на себя округло и естественно, заканчиваясь угловатым хвостом, который соединялся со второй руной. Танкуил ощущал, как энергия перетекает из него в деревянную пластинку, и чувствовал, как легонько дрожат его руки. Закончив, он отложил кисточку и отошёл, чтобы наставник проверил.

Наставник тщательно изучил копию Танкуила и неприязненно кивнул головой.

— Каково назначение первой руны, Даркхарт?

Танкуил ожидал вопроса и ответил на него без запинки.

— Это энергетическая руна, арбитр. Руна для призыва демона сильная, так что энергетическая руна требуется для её усиления.

Наставник Джеймс проворчал:

— Запиши вторую руну.

И снова Танкуил шагнул вперёд и взял кисточку. Вторая руна была более угловатой, в ней не было ничего плавного или гармоничного. Она была суровой и грубой, с

многочисленными краями и ветвилась самыми неестественными способами. Закончив, Танкуил отступил назад. От самой формы руны его глаза зачесались, но он сдержался и не стал тереть их.

Наставник присвистнул сквозь зубы.

— Сойдёт. Каково назначение второй руны?

— Это руна вызова, арбитр. Она открывает путь между нашим миром и пустотой, чтобы демон мог пройти.

— Запиши третью руну.

После двух удач Танкуил энергично склонился над столом, самонадеянная гордость грела его изнутри. Третья руна была простой, и знал он её хорошо — большой треугольник и ещё один поменьше сверху, с линией, проходящей прямо по центру обоих. Он закончил, положил кисть в чернильницу и с улыбкой отошёл.

— Это Вольмар, — объявил он, прежде чем наставник спросил. — Его имя, записанное рунически.

Старый арбитр с презрительной усмешкой обернулся к Танкуилу.

— И каково её назначение?

Танкуил уже открыл рот, чтобы ответить, но понял, что не знает. Он подыскивал слова, шевелил губами, но звуков не доносилось. Когда стало ясно, что ответа не будет, Джеймс проворчал:

— Она используется как связывающая руна. Демоны уже связаны и вынуждены повиноваться, но включение имени Вольмара в призыв напоминает им, кому они обязаны. Никогда не черти руну призыва без неё, Даркхарт. Если забудешь, то демон будет куда сильнее.

Танкуил кивнул и постарался запомнить эту информацию.

— А теперь, вызови своего первого демона, — сказал наставник, взмахнув в сторону стола.

Танкуил осторожно подошёл и взял руну обеими руками. Он оглянулся на наставника Джеймса, и в кои-то веки старый арбитр обнадеживающе кивнул. Танкуил вознёс молитву благодарности Вольмару, что старик стоит за его спиной, а потом, зажав руну большими и указательными пальцами, разломил деревянную пластинку пополам, бросил половинки на пол и сделал шаг назад.

Обе половинки загорелись синим пламенем, и Танкуил немедленно отметил, что в помещении стало темнее и холоднее. Полоски света из окон стали тусклыми серыми осколками, и от дыхания пошёл пар. На грани слуха заиграл металлический звенящий звук, словно где-то вдалеке зазвенели цепи, и Танкуил содрогнулся.

Место перед ним потемнело ещё сильнее, и Танкуил мог различить лишь фигуру огромного зубчатого лица, почти треугольного и покрытого смертоносными шипами. Два чёрных рога выступали из верхней части морды, и Танкуил уставился на два замерцавших ярко-жёлтых огонька. Неровная линия белого света сформировалась в пасть, и демон сделал вдох. Танкуил почувствовал, как холодеет кровь, а демон смотрел на него, и его морда искажалась в маниакальной ухмылке чёрных зубов и голодных глаз.

А потом тварь закричала. Из пасти демона всего в паре футов от Танкуила донёсся оглушительный рёв, и, хлестая и колотя, подул холодный воздух.

Танкуил услышал сзади вздох, а потом звук падающего наставника Джеймса, но сам не шевельнулся. Он таранился прямо на демона и молился Вольмару, надеясь, что трясётся не

так сильно, как ему казалось.

Раздался треск — одна доска пола перед Танкуилом раскололась, когда демон протянул гигантскую шипастую лапу из пустоты в этот мир. И по-прежнему он смотрел на Танкуила своими ярко-жёлтыми огнями.

— ИЗГОНИ ЕГО! — услышал он крик наставника Джеймса. Танкуил приглушил свой страх и хриплым голосом прокричал демону:

— Возвращайся в пустоту.

Демон уже исчезал, но форма его рта не оставляла Танкуилу иллюзий: тварь смеялась над ним.

— Мы повинемся, посвящённый Даркхарт.

Когда в зале стало светлее, демон исчез совсем, оставив Танкуилу в качестве доказательства того, что он вообще здесь был, лишь расколотую доску и всепоглощающее чувство облегчения. Он обернулся и обнаружил, что наставник Джеймс вытаращил глаза, в которых в равной степени виднелось благоговение и ужас. Спустя миг арбитр взял себя в руки, поднялся на ноги и громко закашлялся.

— Наружу, Даркхарт, живо. Скажи остальным, что занятия на сегодня отменены. Всем вам надлежит изучить слово Вольмара о проклятиях третьего уровня.

Танкуил проигнорировал приказ.

— Разве демон не должен был...

— Посвящённый, я отдал тебе приказ, — взревел наставник Джеймс.

Танкуил покорно склонил голову и рванул к двери, пока арбитр снова его не ударил. Он вырвался в раннее утро и быстро замедлился, намереваясь подойти к остальным так, словно не случилось ничего необычного, несмотря на растущее подозрение, что правда была прямо противоположной.

После снов о прошлом Танкуил никогда не просыпался по-настоящему отдохнувшим, а на этот раз ещё добавилась пульсация в голове от удара рукоятью меча. Он полагал, что должен был быть благодарен Драконьему рыцарю за то, что тот не сломал ему челюсть. Хотя заново пережить тот первый призыв демона было ужаснее, чем любой перелом в его жизни, а их он пережил немало.

Он услышал приветственные крики, громкие, хриплые и сопровождаемые явным звуком ударов стали по дереву. Мечи бьют по щитам, решил он, и понадеялся, что форт атакуют. Но знал: намного вероятнее, что это...

Оглушительный рёв, от которого застучали ставни на окнах, перекрыл шум приветствий, и Танкуил знал, что лишь один зверь способен издавать такой звук. Он слышал его много раз, над столицей, но обычно с куда бóльшего расстояния. Прибыл Драконий принц.

Великодушно решив на зло им ещё немного поспать, Танкуил перекатился и попытался прикрыть лицо. Тогда он и обнаружил, что его правая рука к чему-то прикована. Приоткрыв веки и поморщившись от боли, он понял, что прикован к каменной стене толстой железной цепью, на которой не видно ни пятнышка ржавчины. Для пробы он потянул цепь и решил, что та, скорее всего, выдержит даже благословение силы. Танкуил застонал, закрыл лицо левой рукой и подождал, пока его охватит беспомощность.

Как оказалось, беспомощности он был не нужен. Дракон ревел снова и снова, а Танкуил искренне старался игнорировать его, сосредоточившись на пульсирующей боли в черепе и пытаясь вспомнить лицо человека, который нанёс ему удар. Разум оказался столь же несговорчивым, как и беспомощность, и всё, что Танкуилу удалось вспомнить о Драконьем рыцаре, это каким тяжёлым был меч из кости дракона.

Вскоре он услышал, как поблизости открылась дверь, потом донёсся звон кольчуги и топот тяжёлых сапог по деревянному полу.

— Принц Наарск желает видеть вас, — сказал громкий, мужской, излишне неприветливый голос.

Танкуил не потрудился открыть глаза, но позвенел своей цепью.

— Не сомневаюсь, что хочешь, и я рад бы подчиниться, но, похоже, я немножечко связан.

— Почисти его, — сказал мужской голос. — Не волнуйся, мы будем рядом. И не позволим ему причинить тебе вред.

На этот раз Танкуил открыл глаза, отчего на него тут же накатила новая волна тошноты и боли, а потом поднял голову. Между двумя Драконьими рыцарями стояла маленькая девочка. Она казалась знакомой, и ему понадобилось мгновение, чтобы отметить сходство.

— Ты Берри, — сказал Танкуил, морщась от боли в лице. — Дочь ведьмы.

— Осторожнее, охотник на ведьм, — сказал драконий рыцарь, который казался подозрительно знакомым. — Тронешь принцессу хоть пальцем, и нам приказано тебя прикончить.

Танкуил улыбнулся и понадеялся, что ему удалось скрыть боль, которую принесла улыбка.

— Она не принцесса, — сказал он и быстро продолжил, прежде чем Драконий рыцарь мог бы возразить. — И никакие споры этого не изменят. Законы вашей империи весьма ясны

на этот счёт.

Драконий рыцарь проворчал что-то, чего Танкуил не расслышал, да и не хотел.

— Неважно, — продолжил он. — Я не причиню ей вреда.

Девочка двинулась вперёд с маленькой миской воды в руках и поставила её на кровать.

Потом вытащила из миски тряпку, дважды выжала и нежно приложила к левой стороне лица Танкуила. Он поморщился.

— Простите, — сказала девочка. — Папа сказал вас почистить.

— Разумеется, — ответил Танкуил, когда она коснулась тряпкой его лица. — Ему не хотелось бы видеть свидетельства жестокости своих войск. Предполагаю, это твоя мать предложила послать именно тебя.

Девочка кивнула.

— М-м. Она сказала, что может от этого у вас глаза откроются.

Танкуил посмотрел на девочку. Она казалась точной копией своей матери, только глаза слегка опускались в уголках, и кожа была немного темнее. Она покусывала губы, опуская тряпку в воду и снова выжимая её.

— Мама грит, вы не такой уж и плохой, — сказала девочка. — Просто... она грит, вы заблуждаетесь.

Танкуил попробовал пожать плечами, и левое плечо от этого заболело.

— Она ошибается.

Девочка хихикнула.

— Только папа всё время так грит.

Танкуил сомневался, что полностью верит девочке, но спорить не стал.

— Интересное ожерелье.

Девочка отпрянула, её рука потянулась к горлу.

— Вы его не получите. Оно моё.

Танкуил рассмеялся. Ожерельем был маленький зелёный камень в бронзовой оправе, светившийся внутренним белым светом. Танкуил отлично знал этот камень, поскольку тот принадлежал ему. Ведьма забрала его и подарила своей дочери, чтобы показать Танкуилу, что у неё есть потенциал. Несомненно, она ожидала, что увидев такую маленькую девочку и зная, как к ней будут относиться в Инквизиции, он заколеблется, и это убедит его не делать то, что он должен. Она ошибалась.

Он перевёл взгляд на Драконьих рыцарей.

— Мы закончили. Я хотел бы прямо сейчас встретиться с вашим Драконьим принцем.

— Берри, — сказал знакомый Драконий рыцарь, шагнув вперёд.

Девочка спрыгнула с кровати и стремглав умчалась прочь, спрятавшись за мужчиной.

Она выглядывала из-за ноги на Танкуила, но он по-прежнему видел сияние драгоценного камня в ожерелье. Девочка была могущественной, ничего не скажешь, но он раздумывал, насколько её обучили этим могуществом пользоваться.

Второй Драконий рыцарь — лысый мужчина с горжетом, закрывавшим всё ниже рта, вышел вперёд с тяжёлым железным ключом и принялся открывать кандалы, приковывавшие Танкуила к кровати. Потом он быстро отошёл и вытащил большой, очень острый на вид кинжал, который Танкуил не собирался опробовать на себе.

— Вставай, охотник на ведьм. Пошли.

Танкуил перекатился на кровати и медленно встал, а потом устроил представление, крутя плечами и вытягивая руки. Затем склонил голову и ухмыльнулся лысому рыцарю.

— После вас.

Драконий рыцарь казался обеспокоенным, но потом толкнул Танкуила свободной рукой. Танкуил споткнулся, а затем пошёл. Берри уже исчезла, но знакомый Драконий рыцарь повернулся и пошёл вперёд, полагаясь на своего товарища, что тот предупредит его, если их подопечный вызовет какие-либо неприятности.

Они вели его по форту, мимо запертых дверей и бдительных часовых, мимо слуг и солдат. Видимо, принц Наарск дом содержал в строгости, а войска — наготове. Это знание не удивило Танкуила — он знал, что Драконьи принцы сражаются друг с другом и очень рады убивать друг друга, но прежде он никогда не видел свидетельств их военных действий так близко.

Знакомый Драконий рыцарь остановился перед большими металлическими дверями и с ухмылкой оглянулся на Танкуила. Потом положил руки на створки дверей и навалился всем своим весом, чтобы их открыть. Спустя мгновение гигантские металлические плиты сдвинулись, но когда это случилось, они так заскрежетали друг о друга, что от шума у Танкуила зубы свело.

К тому времени, как двери ударились о держатели, Танкуил уже видел, что ожидало его внутри огромного зала форта. Если бы кто-нибудь сказал ему, что принц Наарск вызвал всех людей форта, Танкуил поверил бы ему, скорее всего. Люди занимали все углы, стены, столы и балконы в зале. В центре зала оставалась полоска, не занятая людьми, вдоль которой выстроились Драконьи рыцари — чтобы удержать Танкуила от толпы, или толпу от Танкуила, он не мог решить.

Впрочем, взгляд приковывал массивный помост, находившийся дальнем конце зала. Ведьма, Верла Пре'лейн, стояла и разговаривала с высоким стройным мужчиной в кожаной одежде и полулатах. У мужчины были длинные чёрные волосы, и стоял он с непринуждённостью хищника. Позади, возвышаясь над обоими, сидел дракон принца Наарска.

Словно гигантская чешуйчатая летучая мышь высотой с дом и шириной с полдома, дракон сидел позади них. Его крылья были сложены, но Танкуил по опыту знал, что их настоящий размах во много раз больше. Зверская голова сидела на короткой шее, и заострённое рыло оканчивалось пастью, полной острых как бритва зубов. Два глаза-бусинки заметили Танкуила и уставились на него с яростной напряжённостью. Гигантский хвост толщиной с человеческое тело и длиной вдвое больше роста самого высокого человека, дёргался будто бы возмущённо.

Танкуил много раз прежде находился в присутствии драконов, но никогда не подвергался столь внимательному осмотру ни от одного из этих зверей. Внешний вид этих рептилий давал неверное представление об их интеллекте, но Танкуил знал, что они способны к общению, хотя сам он так общаться не мог. Только дракон и принц могли понимать друг друга.

Стоило Танкуилу войти в зал, как в толпе поднялся шёпот, но дыхание дракона было значительно громче — он медленно с шипением делал глубокий вдох, а потом выпускал струю вонючего воздуха, и этот запах чувствовался даже на расстоянии. Когда Танкуил подошёл ближе, по-прежнему в сопровождении двух своих стражников, дракон низко, утробно зарычал, и принц Наарск обернулся, чтобы взглянуть на своего зверя.

— Вы ему не нравитесь, — сказал принц, повернув голову и кивнув рыцарям. Сопровождающие остановились, и мужчина позади Танкуила схватил его запястья и

вывернул за спину.

— Как жаль, — сказал Танкуил, поморщившись от боли в плече, — А я-то надеялся, мы станем лучшими друзьями.

Солнце уже опустилось довольно низко и освещало весь гигантский балкон позади дракона, купая животное в золотом свете, от которого мерцали его зелёные чешуйки. Танкуил отметил, что большинство фортов и официальных зданий в Драконьей империи имели огромные балконы, способные принять двух драконов.

— Зачем вы здесь, арбитр? — спросил принц.

— Разве ведьма не рассказала вам...

— У моей ведьмы есть имя, — перебил Танкуила принц Наарск, но его голос был спокойным и ровным, без следа гнева. С другой стороны, его дракон казался кипящей рекой ярости, которая в любой миг могла выйти из берегов.

— У них у всех есть имена, — пробормотал Танкуил.

Рыцарь за спиной Танкуила немного приподнял его руки, и арбитр ненамеренно охнул от боли. Танкуил вытянул шею и взглянул на рыцаря уголком глаза.

— Я был бы очень вам признателен, если бы вы так не делали. Это и в самом деле больно.

Рыцарь в ответ лишь поднял руки ещё выше, причинив ещё больше боли, и Танкуил мог бы поклясться, что дракон изобразил улыбку, но ведьма прошептала что-то на ухо Наарску.

— Нет, пожалуй, пусть постоит так, — сказал принц, и его лицо оставалось бесстрастным, как камень. — Мне нравится, когда он кланяется. — Грохот смеха пронёсся по собравшейся толпе, и рыцарь за спиной Танкуила слегка расслабился.

— Спрошу снова, арбитр, — сказал принц, когда смех стих. — Зачем вы здесь?

— Заявить о своём праве арбитра Инквизиции вынести приговор вашей ведьме.

— О вашем праве?

— Да. Инквизиция действует внутри границ Драконьей империи по особому разрешению Драконьей императрицы. Я имею право допрашивать, судить и выносить приговор любому внутри границ.

— За исключением членов императорской семьи, — сказал Драконий принц, немного прищурившись. — Мы выше ваших... подозрений. Моя жена выше ваших подозрений.

Танкуил взглянул на ведьму, которая стояла, опустив глаза.

— Она не говорила мне, что вы женаты.

— Это случилось недавно. Она моя жена и мать моей...

— Неважно, — перебил принца Танкуил. — У вас самого нет императорской крови, и к императорской семье вы относитесь лишь благодаря вашим взаимоотношениям с этой тварью. — Он кивнул в сторону дракона. — Защита, предоставляемая вам Инквизицией, не распространяется на вашу жену или дочь.

Давление на руки Танкуила снова усилилось, и на этот раз сопровождалось громким рёвом толпы, который утонул в куда более громком рыке дракона. Танкуил решил, что вполне возможно он сказал что-то не то.

Танкуил впервые заметил маленькую девочку, прячущуюся за одним из огромных сложенных крыльев дракона. Она выглядывала на процесс со своего безопасного места.

Снова принц Наарск подождал, пока не стихнет шум.

— Арбитр, вы пришли в мой дом. Вы угрожаете моей жене и дочери, и ожидаете, что я просто отдам их вам ради вашего фанатичного правосудия?

— Нет, — быстро крикнул Танкуил поверх шёпота толпы. — Меня не интересует ваша дочь, но я требую, чтобы вы отошли в сторону, пока я буду судить вашу жену. Таково моё право!

Принц Наарск медленно покачал головой и проговорил тихим командным голосом:

— Отказано.

Танкуил слегка сдвинулся в хватке своего стражника.

— Принц Наарск, вы испытываете моё терпение. У вас нет здесь права голоса. Если отошлёте меня прочь, то я отправлю петицию Драконьей императрице, и уверяю вас, она будет на моей стороне. Если вы убьёте меня, то Инквизиция пошлёт в следующий раз кого-нибудь могущественнее меня, может быть даже инквизитора, и уверяю, вас это не обрадует.

И снова ведьма что-то прошептала Наарску на ухо, и на этот раз его дракон издал рык, от которого затряслись камни, на которых они стояли. Даже толпа затихла от угрозы, заключённой в рычании существа.

Принц Наарск поднял руку, и ведьма отошла назад, снова опустив глаза и сомкнув губы.

— Отпустить его, — приказал принц, и рыцарь за спиной Танкуила немедленно подчинился. — Она говорит, что вы правы, арбитр. Похоже, она верит, что единственный способ покончить с этим, это позволить вам поступить по-вашему. А ещё она говорит, что это битва, в которой вам не победить.

Танкуил покрутил плечом и кисло оглянулся на рыцаря, который держал его, а потом снова повернулся к принцу Наарску. Дракон неотрывно смотрел на него своими бусинками без век, готовый ударить, если Танкуил сделает угрожающее движение.

— Я уже почти привык сражаться в битвах, в которых мне не победить.

Дракон низко гортанно зарычал, и Наарск повернулся к нему, словно сказав что-то, но не произнеся ни слова.

— Арбитр, я дам вам два часа, чтобы подготовиться.

Эскорт Танкуила уже выстроился вокруг него, направляя прочь из огромного зала. Танкуил крикнул, чтобы его услышали за этой стеной плоти и стали.

— Моё оружие... — напомнил он.

— Вернут вам завтра перед вашим... судом.

Знакомый Драконий рыцарь сильно толкнул Танкуила в грудь, и тому ничего не оставалось, кроме как заковылять в ту сторону, куда его вели — в прекрасно обставленную камеру.

Как часто всё доходило до этого. Танкуил не мог винить ведьму, он не мог винить никого из них — ведь даже если они не сражались, то кару всё равно получали. В большинстве ситуаций правосудие заключалось либо в том, чтобы заставить ведьму открыть себя использованием магии, либо определёнными испытаниями, многие из которых были инвазивными. И, если в редких случаях подсудимые оказывались не ведьмами, то испытания оставляли им жестокие раны, или хуже того. Сегодня подобные меры были ни к чему, поскольку ведьма уже открыла себя. Сегодня ему оставалось лишь огласить приговор, и эту часть работы Танкуил любил меньше всего.

Он был не из тех арбитров, что сжигают еретиков, за исключением случаев, когда действительно не оставалось другого выхода. Нельзя отрицать очищающую силу огня. Он посмотрел на свою правую руку, где кожа до сих пор была плотной и скрученной. Суд над ним самим и оглашение приговора были самой мучительной вещью из всех, что с Танкуилом когда-либо случались. И, словно мало ему было ожогов, пришлось ещё вызывать Воздаяние Праведных — самую могущественную магию Инквизиции. Обжигающий столп света, посланный от самого Вольмара, который в буквальном смысле выжигал грехи из человеческой души. Стоя в том свете, Танкуил из первых рук узнал, что он далеко не безгрешен.

Он решил, что не будет сжигать ведьму. Она не использовала свои силы во зло, хоть он и не сомневался, что зло совершалось с её посредством. Она использовала свои силы, чтобы помогать людям принца Наарска и защищать свою дочь. Танкуил решил, что даст ей быструю смерть... если только она не убьёт его раньше.

Выходя на сухую, пыльную землю, Танкуил шаркал сапогами по грязи. Утрамбованная земля, твёрдая как камень. Он взглянул вверх, на серое одеяло, укутавшее небо, закрывшее вечернее солнце. Облака собрались и отяжелели, но ещё не готовы были излить свой груз. Говорили, что нигде в мире дожди не лили так, как в Драконьей империи. Неделями могли длиться сильные грозы, во время которых ливни проливались такой плотной стеной, что видно было не дальше фута впереди. За несколько часов целые деревни оказывались затопленными, превращаясь в озёра и залитые водой развалины. Сильный паводок мог со скоростью молнии смыть целые города. Раньше здесь такие грозы не были редкостью, но сейчас не случались уже по меньшей мере несколько лет. Танкуил решил не оценивать, хорошо это или плохо.

Во всяком случае, толпа собралась даже больше, чем в огромном главном зале. Многие солдаты выстроились на стенах форта — так высоко, что им было едва видно происходящее. Другие — обслуга, крестьяне, и даже женщины и дети — толпились на каждом дюйме внутреннего двора, оставив в центре большой круг для вечернего представления. Многочисленные здания — дома, мастерские, амбары — окружавшие двор, а в них и окна, и двери и даже крыши кишели множеством людей. Тут и там предприимчивые продавцы еды торговали вразнос, по большей части гнилыми фруктами, собранными, несомненно, в лесу. Люди не осмелились бы швырнуть что-либо в арбитра сейчас, но если ведьма победит, то никто не упустит шанса унизить его ещё сильнее.

На помосте с виселицами сидел принц Наарск — он осматривал внутренний двор, свесив ноги с чудовищного сооружения. Его дочь сидела рядом с ним, повторяя его действия,

а ведьма стояла у подножия виселицы, ожидая арбитра. Дракона, к счастью, нигде не было видно.

Ведьма почти не изменилась. На ней по-прежнему было белое платье, но на этот раз обрезанное чуть выше голени и более открытое, для большей свободы действий; а ещё тяжёлые кожаные сапоги для защиты ног. Танкуилу пришлось признать, что белый цвет поистине украшал её. Короткая кожаная жилетка закрывала грудь и часть туловища, оставив руки голыми, за исключением кожаных нарукавников. Мышиного цвета волосы на этот раз были перевязаны тесьмой, свисавшей у левого плеча, а в глазах словно горел огонь. Когда Танкуил приблизился, она не обратила на него внимания и смотрела лишь на принца.

— Ближе не надо, арбитр, — сказал принц, когда Танкуил прошёл в очищенный круг. Его сопровождающие остались в толпе, и он почувствовал, как что-то брошенное попало ему по ноге. Взглянув вниз, Танкуил увидел свой ремень с мечом, пистолетом и кинжалом. Он быстро поднял его и принялся повязывать на пояс.

Принц Наарск нежно приложил ладонь к лицу ведьмы и кивнул ей. Женщина улыбнулась в ответ, сказала что-то своей дочери и, повернувшись к Танкуилу, зашагала в его сторону, высоко подняв голову и расправив плечи. На виду у неё не было никакого оружия, но Танкуил полагал, что оно ей и не нужно, если она столь могущественна, как заявляла.

— Он даёт вам последний шанс уехать, — сказала ведьма, подойдя ближе и остановившись почти на расстоянии удара, и уж точно за пределами досягаемости пистолета.

— А я даю вам последний шанс подчиниться моему правосудию, — бросил Танкуил с ухмылкой, на которую ведьма не ответила.

— Он хочет, чтобы я убила вас, — продолжила она, словно он и не говорил, — но он не понимает, что это будет означать его гибель. У Инквизиции ссора со мной, и пусть так оно и остаётся. Я нанесу вам поражение и вышвырну вас, а потом, когда вы вернётесь с другими, меня уже не будет. Умоляю вас, не говорите им о моей дочери — если они попытаются забрать её, Наарск будет сражаться. — Всё это ведьма сказала тихим голосом, так чтобы никто кроме Танкуила не мог этого услышать.

Он и не собирался никому рассказывать о ведьминой дочери, пока та не стала бы использовать магию матери.

— Я ничего не обещаю. Свадьба была его идеей?

Ведьма улыбнулась, и Танкуил увидел слёзы в её глазах.

— Он думал, это защитит меня.

— Глупый план.

— Так он показывает, что ему не всё равно. Скольких ведьм вы убили?

— Что-то среднее между одной и всеми.

— Это не ответ.

Танкуил отвёл взгляд. Он даже не знал, почему обдумывает ответ.

— Тридцать семь.

— А скольких невинных вы убили?

— Больше.

— Поэтому вы сейчас медлите?

— Что?

Ведьма слегка улыбнулась ему, что напомнило Танкуилу Джекзет, и он почувствовал, как крутит его внутренности.

— Вы уже получили своё оружие, — сказала она. — Могли бы напасть на меня в любой момент, и всё же вы медлите. Почему же?

Говоря это, ведьма повернулась и пошла влево, изменяясь. Верла Пре'лейн исчезла, и теперь стояла перед Танкуилом в образе его матери, какой та была, когда он был ребёнком. Она не была красивой, никто не называл её красавицей, но у неё была странная материнская аура, которая приковывала взгляд и заставляла Танкуила желать угодить ей.

— Это не сработает, — сказал он, злобно глядя на ведьму в образе его матери. — Моя мать тоже была еретичкой.

— Возможно, в этом-то и суть, — сказала его мать, а потом повернулась и пошла в другую сторону. И снова её внешний вид изменился — теперь она стала старой и скрюченной, с согбенной от долгого труда спиной. Кожа стала морщинистой и обветренной, волосы белыми, словно кость, и хрупкими, как солома, а во рту виднелись лишь дёсны с единственным оставшимся зубом. Теперь Танкуил снова смотрел на первую выслеженную им ведьму.

Его первая ведьма была осунувшейся старухой, но она никогда не собиралась никому причинять зла. Она просто не понимала, что именно выпускала в мир её магия. Она даже не сражалась с ним, когда он за ней пришёл, просто покорилась правосудию и позволила сжечь себя у столба. Она заслуживала лучшего, но Танкуил был молод, упивался триумфом праведности и твёрдо решил очистить её огнём.

— Так вы можете принимать форму одних лишь еретиков? — спросил он.

Старуха улыбнулась беззубой ухмылкой, и шагнула в сторону Танкуила.

— Возможно. — С этими словами она снова изменилась, на этот раз в Джеззет Вель'юрн.

Танкуил так хорошо знал стоящую перед ним фигуру, что образ, вытщенный ведьмой из его разума, был идеальным. То, как Джеззет стояла — лишь на дюйм выше него. Гибкое тело, с такими крепкими мышцами. То, как она стояла — в боевой стойке, в любой миг готовая к бою, левая нога выставлена вперёд. Её короткие чёрные волосы, и то, как они обрамляли её лицо, и её тёмно-карие глаза. На губах играла полуулыбка, так ему знакомая. Танкуилу не хватило бы слов выразить, как ему её не хватает — настоящей Джеззет. Но он был не настолько глуп, чтобы верить, будто эта магическая имитация могла когда-либо сравниться с оригиналом.

— Это колдовство меня не остановит, — сказал Танкуил.

— Ты убьёшь меня? — спросила Джез.

— Нет, я не стал бы, но ты не она.

Рука Танкуила нащупала рукоять меча, и клинок покинул ножны с металлическим лязгом, утонувшим в рёве дракона, донёсшимся откуда-то сзади. Танкуил повернулся, ища глазами крылатое чудище, и обнаружил, что оно вцепилось в зубцы высоко на стене, и тарачится на него, прямо как тогда в большом зале. Ближайшие солдаты разбежались, стараясь держаться подальше от существа, приходили в себя от его внезапного появления, врзались друг в друга, пытались убраться от твари подальше.

Удовлетворившись тем, что дракон не настолько близко, чтобы сожрать его, Танкуил снова повернулся к ведьме и обнаружил уже не один, а десяток образов Джез, окруживших его — каждый прекрасен, как и настоящая женщина, и каждый вызывающе ухмылялся.

Танкуил бросился к первому образу и рубанул мечом, но клинок лишь прошёл насквозь. Образ Джеззет рассмеялся и шагнул через него. Когда он обернулся, уже снова десять

образов поменялись местами, и снова Танкуил понятия не имел, где настоящая ведьма.

Язвительный смех, словно пожар, пронёсся по толпе, и вскоре, казалось, уже весь форт насмеялся над арбитром и глумился над тем, как он молотил по недостижимому противнику. Что-то твёрдое ударило Танкуила по спине, и он споткнулся, а по земле застучал камень. Тут же в него полетел очередной снаряд, но на этот раз промахнулся на несколько дюймов. Он взглянул на принца, но Наарск явно не собирался удерживать подданных от вмешательства. Танкуил знал, что ему нужно сделать что-то, чтобы вернуть ситуацию под контроль. Или, во всяком случае, вырвать ситуацию из-под контроля ведьмы.

Образы Джезет Вель'юрн смотрели на Танкуила, ожидая следующего его движения. Он упёр меч в землю и вытащил пистолет.

— Один шанс из десяти, арбитр. Если не промажешь, — в унисон крикнули образы, перекивая насмешки толпы.

Очередной камень вылетел из толпы в сторону Танкуила, но тот пригнулся, вытаскивая бумажную руну из кармана плаща и бесцеремонно засовывая её в дуло пистолета.

— И в кого же из нас вы выстрелите, арбитр? — спросила Джезет.

По голове попал камень, и Танкуил упал на землю. Пистолет выпал из его руки, а перед глазами всё качалось, плыло и застилалось белыми мерцающими огнями. Казалось, рёв толпы был повсюду, оглушая, поглощая его и ударяя со всех сторон. Танкуил лихорадочно осмотрелся в поисках пистолета и обнаружил его в футе от себя. Ещё один камень ударил в спину, а другие падали на землю вокруг — на него обрушился настоящий град из камней. Он пополз к пистолету, схватил его правой рукой и направил в небо.

Бам!

Громко и чисто прозвучал единственный оставшийся заряд и эхом разнёсся вокруг форта. Крики толпы прекратились вместе с попытками закидать Танкуила камнями, и он медленно поднялся на ноги. Повисла напряжённая тишина — все никак не могли понять, что он только что сделал. Образы Джезет выглядели ошеломлённо и не знали, как поступить. Танкуил провёл рукой по пыльным волосам, и та окрасилась красным — в том месте, где его ударил камень, было мокро и липко. Над двором держалась озадаченная тишина.

Меньше чем через минуту пришёл отклик на его выстрел. По небу над зданиями пронёсся рокот, и эта какофония была куда более громкой и неистовой, чем могла издать толпа собравшихся там глупцов. Раскат грома стал почти оглушающим, настав на толпу волну паники. Никто не хотел оказаться захваченным врасплох проливным дождём, особенно с таким количеством народа на ограниченном пространстве.

Вспышка молнии прочертила небо в тот миг, когда первые крупные капли отвесно упали на землю. Дождь, поначалу слабый, быстро усиливался и вскоре превратился в ливень.

Со следующим раскатом грома толпа раскололась.

Самонадеянные попытки Драконьих рыцарей навести порядок мгновенно потерпели неудачу, как только люди стали толкаться и пихаться, сталкиваться и врезаться друг в друга — все спешили и карабкались, чтобы убраться от дождя. С криками ужаса люди мчались прочь, подпирая своих соседей. Танкуил вытащил свой меч из земли как раз вовремя — толпа хлынула вперёд и поглотила его. Люди со всех сторон врезались в него, пытались бежать куда-нибудь, куда угодно, а дождь нарастал и нарастал, пока не стал падать шумной серой пеленой, заливая всё, чего касался.

Под волной людей и ливнем ведьма не могла больше сдерживать свои иллюзии, и они

исчезли, все как одна. Там, где стояло десять образов женщины, которую Танкуил любил, теперь осталась лишь одна — ведьма Верла Пре'лейн, и лицо её застыло в маске паники.

Драконий принц крикнул что-то, но его крик утонул в очередном раскате грома — и принц не мог помочь ведьме, поскольку вынужден был оставаться на своём помосте и защищать дочь от давки толпы.

Танкуил начал проталкиваться в сторону ведьмы, заставляя толпу расступаться перед собой благословением увеличенной силы.

Очередная ветвистая молния головокружительно осветила небо бело-голубым светом, дугой выгнулась в сторону форта и ударила в стену. Дракон, по-прежнему сидевший на стене, издал пронзительный вопль, который из этой гигантской глотки казался совершенно неуместным. Отползая от места, куда ударила молния, тварь растоптала двух солдат, которые недостаточно расторопно убирались прочь.

Как только началась паника, Танкуил не отводил взгляда от ведьмы — теперь она заметила, что он приближается, и начала пробиваться через толпу, пытаясь сбежать от него. Поток людей стал уменьшаться, но дождь и людские ноги уже взбили землю внутреннего двора в густую кашу, которая хлюпала и чавкала под ногами. Тут и там в бурой жиже лежали окровавленные растоптанные тела, некоторые раненые плакали от боли, просили о помощи, но Танкуил их всех игнорировал.

При помощи своей неестественной силы он столкнул последнего человека с дороги, и вот уже никого не осталось между ним и Верлой Пре'лейн. Ведьма проговорила слово и швырнула в его сторону сгусток обжигающей энергии, но Танкуил был готов. Он сломал деревянную руну, и заклинание распалось. Ведьма закричала и рухнула от удара нейтрализующей руны.

Её платье стало бурым от грязи и порвалось, когда она с трудом встала и заковыляла прочь. Бледная кровь сочилась из носа и из глаз. Женщина выглядела всего лишь как жалкая утонувшая крыса, но Танкуил не мог позволить жалости встать на пути правосудия. Он медленно двинулся вперёд, протянул руку и схватил ведьму за волосы на затылке.

Подняв меч для удара, Танкуил заметил уголком глаза, что Наарск соскочил с виселичного помоста в грязь и бежит в его сторону. Потом он почувствовал, как за его спиной что-то невероятно большое и тяжёлое ударило об землю, брызнула грязь и окатила спину его плаща.

Танкуил отпустил ведьму и медленно повернулся, уже зная и ужасаясь тому, что обнаружит. Сквозь серую пелену дождя он увидел возвышавшегося над ним дракона, который опустил свою массивную голову, но всё равно был не меньше восьми футов от земли, и бусинки его глаз с ненавистью таращились на арбитра. Танкуил почувствовал, что его рука дрожит, а колени слабеют, но удержался на ногах, и таращился в ответ на зверя, крепче стискивая меч.

Он понятия не имел, как сражаться с драконом. Сколько он ни изучал предметную область, но так и не узнал, как победить такое создание без очень большого самострела и исключительной меткости, а ни того, ни другого сейчас у Танкуила не было. Единственная мысль, промелькнувшая в его голове, была простым советом Коша по поводу сражений с человеком, который больше тебя: целься в глаза.

Где-то поблизости Танкуил услышал крик Наарска, приказывавшего дракону остановиться. Существо бросило взгляд на своего принца, и Танкуил побежал. Он понятия не имел, куда — просто повернулся и побежал.

Дракон был быстрее.

Громадная голова метнулась вперёд, челюсть клацнула, схватив полу плаща Танкуила. Он услышал, как рвётся кожа, но арбитрские плащи делали из прочного материала, и к несчастью тот выдержал. Резко дёрнув головой, дракон швырнул Танкуила через внутренний двор.

Небо, дождь и грязь головокружительными пятнами промелькнули перед глазами Танкуила, и тут же раскат грома грянул так близко, что это было похоже на взрыв. Потом Танкуил ударился об землю, перекатился и остановился, разом вдохнув грязи и стараясь откашляться. Он выблевал полный рот грязно-бурого навоза и вытер из глаз тыльной стороной ладони грязь — как раз вовремя, чтобы увидеть, как дракон снова игнорирует своего принца и тяжело ступает в его сторону.

Шатаясь, Танкуил поднялся на ноги. Хоть грязь и смягчила его падение, не дав ничего сломать, но теперь он весь был покрыт ею, пропитан ей. Чудесным образом оказалось, что он до сих пор держит меч, и Танкуил вознёс быструю молитву Вольмару за эту мелкую радость.

Дракон остановился в нескольких метрах от Танкуила и снова потянул к нему свою пасть. Танкуил успел наклониться вправо, и невероятно острые зубы клацнули в том месте, где только что была его голова. Он взмахнул мечом, и клинок попал в цель. Заточенный, заговорённый металл коснулся влажной, чешуйчатой шкуры, не причинив практически никакого вреда.

Зверь поднялся на задние лапы, захлопал массивными крыльями, и воздушный удар снова сбил Танкуила с ног на задницу в грязь под проливным дождём. Он как раз собирался с трудом подняться на ноги, когда над ним появилась драконья голова с раскрытой пастью. В нос ударил жаркий, вонючий воздух, и Танкуил задохнулся от запаха, но какая-то часть его разума понимала, что вонючее дыхание сейчас наименьшая из его проблем.

Тут новый рык разорвал внутренний двор, и Танкуил мельком увидел ещё одну тёмную фигуру, приземлившуюся на стену далеко позади дракона, пристально смотревшего на него. Зверь остановился и развернулся, вытянув шею, чтобы взглянуть на новоприбывшего. Танкуил позволил себе надеяться, что форт атакует другой Драконий принц. О втором варианте — что придётся сражаться с двумя драконами, когда и одного более чем достаточно, чтобы справиться с арбитром — не было смысла и думать.

Дракон принца Наарска издал вызывающий трубный звук, и новоприбывший дракон ответил рычанием. Зверь, чуть не убивший Танкуила, без предупреждения отступил, склонив голову в позе, очень похожей на покорность.

Танкуил поднялся на ноги, используя меч в качестве трости, и стал вглядываться через льющуюся серую пелену. Он увидел Наарска, который обнимал свою ведьму и дочь, встав на колени и склонив голову. Танкуил знал, что во всей Драконьей империи есть лишь два человека, способные вызвать такое уважение и подчинение, и он был практически уверен, что Драконья императрица не покидала столицу.

Новоприбывший дракон склонил голову, дав наезднику спуститься в грязь. Тот был одет в кольчугу из драконьей кости, латные штаны с сапогами и накидку ярко-алого цвета, которая под дождём промокла насквозь и тащилась по грязи, становясь по низу грязно-бурой. Этот уроженец империи был не выше Танкуила, и в его тёмных волосах виднелась седина. Он подошёл к Танкуилу, не обращая внимания на грязь, чавкающую под сапогами, и остановился в нескольких футах от него.

— Арбитр Даркхарт.

Танкуил равнодушно улыбнулся ему и подождал, пока не стихнет очередной раскат грома.

— Драконий герольд. Полагаю, не погода привела вас в эти леса... или джунгли, — крикнул он, перекрикивая ливень.

Драконий герольд — мужчина по имени Травайн — единственный человек во всей империи, кто мог отдавать приказы принцам от имени императрицы. Он был глубоко почитаемым героем, подавившим в юности восстание, и по сути являлся верховным командующим объединённых сил империи. Хоть он и не был принцем и, следовательно, не имел собственного дракона, для него обычным делом было позаимствовать дракона принца в случае необходимости. Сейчас он прибыл на звере с зелёными глазами и серебряной чешуёй, блестящей в приглушённом свете.

— Императрица требует вашего присутствия, — резко выкрикнул Драконий герольд.

Танкуил, стоявший в грязи под проливным дождём, обнаружил, что не может подобрать слова.

— Я... эм-м-м... не могу. Не сейчас. Она, хм, очень далеко отсюда, а у меня здесь есть дело.

Драконий герольд осмотрел Танкуила с головы до пят, а потом повернулся к дракону Наарска, по всей видимости только сейчас обратив внимание, что зверь пытался убить арбитра.

— Что здесь происходит?

Наарск под дождём вышел вперёд, а его жена и ребёнок пошли за ним.

— Он пытается убить мою жену, — крикнул принц, и очередной раскат грома подчеркнул его слова.

Драконий герольд повернулся к Танкуилу, который просто пожал плечами.

— Она ведьма. — Молния прочертила небо.

Герольд снова повернулся к Наарску.

— Он в своём праве.

Наарск так сильно стиснул челюсть, что его зубы едва не ломались.

— Она моя жена! — закричал он.

Драконий герольд шагнул к Наарску и почти небрежным движением ударил принца по лицу тыльной стороной ладони.

— Императрица лично дала Инквизиции право действовать в империи. Вы отказываетесь повиноваться ей, принц Наарск?

Танкуил почувствовал, что баланс сил сместился, когда принц покорно склонил голову. Он позволил себе победную улыбку и шагнул вперёд.

— Тогда решено, — крикнул Драконий герольд, поворачиваясь к Танкуилу. — Вы отправитесь со мной в Соромо, чтобы предстать перед императрицей. После этого можете вернуться и свершить своё правосудие.

— Нет! — крикнул Танкуил, и улыбка слетела с его лица. — Я свершу правосудие сейчас. Чего бы ни хотела ваша императрица, это может подождать, пока я не закончу. Уверен, мне не потребуется много времени, чтобы победить дракона и принца и добраться до ведьмы, и к тому же, до Соромо отсюда много дней пути. Один день ничего не изменит.

Промокший Драконий герольд встал между Танкуилом и ведьмой.

— Моя императрица требует вашего присутствия, арбитр, — крикнул он Танкуилу в

лицо. — Для суда над Джеззет Вель'юрн.

— Что? — не думая, спросил Танкуил. Вопрос был слишком общим, слишком размытым, и Драконий герольд лишь потряс головой и заворчал, словно пытаясь избавиться от приступа дурноты.

— Не используйте снова свою магию на мне, арбитр, — заплетающимся голосом сказал Драконий герольд, предупреждая следующий вопрос до того, как тот успел сформироваться. — Вы отправитесь со мной в Соромо сейчас. — Он схватил Танкуила за руку и потащил за собой. Прежде чем Танкуил понял, что происходит, он уже стоял перед огромным серебряным драконом, на котором прибыл герольд. Зверь был величиной с дом и смотрел на него спокойными умными глазами.

— Забирайтесь, — приказал герольд.

Танкуил посмотрел снизу вверх на крылатую ящерицу с чем-то похожим на страх, но раскат грома заглушил его проклятие.

Город Соромо, столицу Драконьей империи, Джеззет Вель'юрн прежде никогда не видела. Он был построен на Изумрудном море — озере посреди континента, таком огромном, что противоположного берега не увидеть и в самый ясный день. Соромо держался наполовину на плаву, поддерживаемый гигантскими каменными сваями, которые уходили глубоко под бирюзовую воду в каменное дно. Джез решила, что это поистине чудо Соромо — город был не меньше любого из тех, где она бывала, только этот был плавучим.

Несколько месяцев она привыкала к жизни на том, что казалось ей лодкой размером с город. Даже дворец императрицы и самые богатые районы, построенные на каменных сваях, отчётливо поднимались и опускались, когда воды моря были особенно бурными. Однажды Джеззет спросила, как такое возможно, и ей объяснили, что сваи на самом деле состоят из прочного внутреннего стержня из твёрдого камня, и многих тысяч гигантских, плавучих каменных колец. Город покоится на этих кольцах, и поэтому может в некоторой степени справляться с волнами Изумрудного моря. Кто такое придумал, и кто потом всё это построил, было для Джез вопросом, от которого голова шла кругом.

Сказать, что Джеззет испытывала благоговейный трепет перед городом, было бы сильным преуменьшением, но поскольку она не знала других слов, чтобы описать своё изумление, то решила остановиться на благоговении и просто старалась об этом не думать.

Бедные кварталы Соромо были не настолько чудесными. Бедные кварталы строили на чудовищно больших деревянных плотках, сложенных во много слоёв, обработанных так, чтобы выстоять перед временем и гниением. Их связывали между собой и укрепляли гигантские дорожки, которые тянулись над открытой водой, соединяя каждый квартал с соседними. Бедные кварталы строили ниже, и поэтому они могли нести меньший вес, чем каменные. Они окружали богатые районы концентрическими кругами, становясь всё меньше по мере удаления от центра.

Отдельные кварталы соединяли гигантские деревянные или каменные мосты, способные выдержать толпы людей и по меньшей мере четыре повозки в ряд, предоставляя лёгкий, хоть и слегка ограниченный, способ перемещения. Другим распространённым способом были лодки — от маленьких пассажирских гондол и крупных плавучих домов развлечений, до тяжёлых грузовых лодок, низко сидящих в спокойных водах и неспешно передвигавшихся от одного пункта назначения к другому. Лодки считались ключевым транспортом в Соромо, и жадные чиновники, стараясь добиться для себя продвижения, собрав больше денег, чем коллеги, высасывали из владельцев лодок все соки. Также лодки были ключом к богатству множества торговцев, а где торговцы, там и конкуренция, а где конкуренция, там и работа для таких людей, как Джез.

Конечно, Джеззет знала, что работать ей не обязательно — денег, которые оставил Танкуил, хватило бы, чтобы существовать много месяцев, а то и дольше. Но это были деньги Инквизиции, а Джез не хотела быть обязанной кому угодно, и менее всего организации, так крепко державшей Танкуила за яйца. Для людей с её навыками работа всегда имела, и особенно для людей, без колебаний желающих пользоваться этими навыками, а колебания Джез отбросила давным-давно. Вот так и вышло, и не в первый раз, что она взялась за работу для жирного торговца по имени Гок.

На грузовых лодках суровой необходимости в охранниках не было, но если уж торговец

Гок настолько всего боялся, что готов был нанять такого опытного охранника, как Джеззет Вель'юрн, то, видимо, его груз являлся поистине ценным. В любом случае, она не собиралась спорить с решением нанимателя.

Небольшой тяжеловесный рыбацкий ялик плыл неторопливо. Рыбак — тощий, сильно загоревший мужчина — в изумлении открыто глазел на Джез, даже когда она пристально посмотрела на него в ответ. Вмиг она оценила уровень его угрозы и решила, что тот несущественный, а потом снова принялась обследовать нефритовые воды впереди.

— Вель'юрн, ты там, на носу, смотришься чертовски впечатляюще, — сказал Салли сзади. Здоровенный и грубый, с шеей толщиной с бедро Джез, Салли всё время улыбался. Он утверждал, что родился и вырос в Пяти Королевствах, и она верила в это. Джез немного времени провела в Пяти Королевствах, но видела, какими большими бывают северяне, и говорил он определённо как житель Пяти Королевств — всегда обращаясь к людям по фамилиям.

— В этом есть смысл, Сал, — сказала Джез, не оборачиваясь на здоровяка. — Лучше отпугнуть их, чем драться с ними.

Салли усмехнулся.

— Не уверен, что я согласен с этим.

"Я тоже", — подумала Джеззет.

Она глянула на себя и улыбнулась. В одном Салли был точно прав — выглядела она впечатляюще — поставив правую ногу на широкий поручень, который шёл по всему борту ялика.

Джеззет больше не носила кожаную одежду, давно решив, что безжалостное солнце Драконьей империи слишком жаркое. К тому же, как не раз отмечал Танкуил, эта защита ей не требовалась. Вместо этого Джез носила пару мягких лёгких сапог, плотно зашнурованных на лодыжках и икрах, простые коричневые хлопковые штаны, которые заканчивались чуть ниже колен, и безрукавную льняную рубашку цвета кости. Поверх на ней был надет лёгкий табард от шеи до икр, открытый по бокам, выкрашенный в глубокий тёмно-синий цвет. На талии она подвязала табард красным поясом. Торговец тканями, который продал Джез табард, спрашивал о её гербе, но она вынуждена была признать, что не знает его. Фамилия Вель'юрн на самом деле ей не принадлежала — Джез решила взять её после убийства старого ублюдка, когда закончила своё обучение на Мастера Клинка. Джез завершила свой внешний вид, связав чёрные волосы в короткий хвост красной полоской ткани того же цвета, что и пояс. Редко она отращивала волосы настолько, что приходилось их завязывать, но в последнее время она чувствовала, что ей нужны перемены, так что позволила волосам свободно расти.

Ещё у Джеззет были её мечи. Без клинка она всегда чувствовала себя неполноценно, и нынче носила три. Длинный меч, как всегда, висел в ножнах у левого бедра. Она одинаково хорошо владела обеими руками, но держать сталь правой было так же естественно, как дышать. На поясе за спиной висели в ножнах короткие мечи. Тонкие, острые как бритвы, и оба клинка можно было выхватить мгновенно, а Джез отлично справлялась с двумя мечами одновременно.

С учётом всего этого Джеззет не сомневалась, что выглядела впечатляюще. Даже с её стройностью и красотой, любой заметил бы присущую ей опасность по её позе, осанке и манере держаться. Хоть Джез никогда этого и не признавала, но она очень гордилась своим внешним видом и любила выглядеть опасной.

Мимо грузового ялика проплыло другое маленькое судно, на этот раз гондола с парой пассажиров со знаками высокородных на руках — Джеззет никогда не давала себе труда запомнить, какие татуировки означают принадлежность какому дому. Гондольер длинным шестом оттолкнулся от их ялика, чтобы избежать столкновения, и они разошлись без происшествий.

Джеззет сдержала зевок.

— Выпить не хочешь, Вель'юрн? — спросил Салли.

Она повернулась и увидела, что он поставил маленький квадратный столик на забитую палубу. Сал уселся на крошечный стульчик, а Лей, крепкий покрытый шрамами ветеран, который в хороший день и двух слов не говорил, сдавал карты. Из-за штабеля тщательно перевязанных ящиков показался Джерин — весьма дружелюбный начальник маленькой команды охранников, — и сел за стол, дав Джез знак присоединиться к ним. Пожав плечами, она оставила свой пост на носу и уселась на последний оставшийся стул. Сал ухмыльнулся и передал ей пенную кружку чего-то бурого и спиртного. Джез без церемоний набрала полный рот, к явному восторгу большого северянина.

— Сыграешь, Джеззет? — Спросил Джерин, указывая на карты.

Джез фыркнула.

— Ну уж нет. В прошлый раз я проиграла этому жулику половину платы за работу. — Лей в ответ просто пожал плечами, так что она продолжила. — Разве не должен хотя бы один из нас наблюдать?

— Капитан предупредит, если кто-нибудь приблизится к борту, — ответил Джерин раздражающе беззаботным тоном. — И к тому же, нынче вечером никто не нападет. Солнце давно село, все уважаемые пираты уже в кроватках, отдыхают перед ночью дебоша.

Джез подняла бровь.

— А что насчёт неуважаемых пиратов?

И снова Лей пожал плечами, а Джерин сказал:

— Сай ам, ча ам.

Салли фыркнул, а Джез сплюнула за борт. В Соромо это была популярная поговорка, которая значила: "что будет, то будет". Но Джез была не из тех, кто оставляет всё на произвол судьбы или на прихоть Богов.

Где-то высоко вверху громогласно прорычал дракон, возвещая о своём прибытии. Салли подпрыгнул и вытаращился в небо широко раскрытыми глазами, но из остальных никто не обратил на шум особого внимания. Лей и Джерин были уроженцами Соромо, и летающих в небесах драконов видели с детства. А Джез со своей стороны просто привыкла к чудовищным тварям. Побочный эффект постоянного присутствия при дворе Драконьей императрицы — Джез повидала многих драконов, включая матриарха, мать их всех.

— Какая она? — спросил Салли, когда совершенно убедился, что дракон не собирается выхватить ялик из воды и хорошенько перекусить пассажирами.

— А?

— Императрица. Я слышал, она чудесная, и её красота может сравниться лишь с её характером.

Джез пожала плечами. Все члены их маленькой охранной команды знали о её регулярном доступе и вынужденном присутствии при дворе Драконьей императрицы. Этим фактом все они очень гордились — не многие команды могли таким похвастать, как и тем, что с ними работает один из немногих оставшихся в мире Мастеров Клинка. Команде это

приносило немалую известность, которая, вместе с репутацией людей, справлявшихся с поставленной задачей, обеспечивало их постоянной работой.

— Наверное, симпатичная, — ответила, наконец, Джек, — очень симметричная, но, по моему, я видела и красивее. Впрочем, не о ней надо волноваться, когда у неё плохое настроение, а о её чёртовом драконе. Я всякого повидала, — "например, мужчина восстал из мёртвых после того, как я проткнула кинжалом его сердце", — но когда сердится крылатая ящерица размером с дом, уж точно не захочешь, чтобы она сердилась на тебя.

— Я-то думал, Мастера Клинка бесстрашные, — сказал Джерин, широко ухмыляясь. Этот коротышка нравился Джеку, но слишком уж много макияжа наносил вокруг глаз. "Да сколько угодно уже слишком много".

— Вот только бесстрашные — это глупые и мёртвые. Мастера Клинка знают, как победить страх, как его использовать и как не дать ему управлять собой.

Лей неприлично махнул рукой, и остальные засмеялись. Джек совсем чуть-чуть наклонилась вперёд и сурово посмотрела на него, вперившись своими тёмно-кариими глазами в его нефритово-зелёные.

— Хочешь, продемонстрирую?

Лей закашлялся, закрыв рот руками, и решил, что карты ему куда интереснее. Остальные снова рассмеялись, и на этот раз Джек к ним присоединилась.

Немногие нынче желали бросить вызов Джеку. Даже те, кто не знал о её мастерстве владения мечом, чувствовали в ней что-то, что заставляло их медлить и думать дважды. Как сказал Танкуил, всё дело в том, как она себя держала, что-то насчёт ауры опасности. Он сказал, что в прошлом году в Сарте, до убийства арбитра Коша, она была другой женщиной, и это было в какой-то мере верно. Много лет назад Джек закончила своё обучение на Мастера Клинка, но лишь в Сарте она по-настоящему приняла обучение.

— Так ты играешь, Вель'юрн? — спросил Салли, выводя её из задумчивости. Она подняла глаза, увидев, что Лей с энтузиазмом тасует колоду, и кивнула в знак согласия.

Спустя несколько мгновений она держала в руках карты, а спустя ещё несколько уже лишилась пары латов. То, как Лей избавлял её от немалой части оставшихся денег, убеждало её, что он как-то жульничает, но она, хоть убей, не могла понять, как он это делает.

"Танкуил бы понял. Он ограбил бы Лею в ответ". Так оно и было бы. Танкуил всегда раздражающе туманно отвечал о том, как он научился воровать, но получалось у него это неплохо. И, несмотря на сводящее с ума молчание по этому поводу, это была одна из тех вещей, которая Джек в нём нравилась.

В конце концов, капитан ялика крикнул, что они на месте, и грузовая лодка ударилась об маленькую деревянную пристань, которая выдавалась в судоходное русло. Джек первая соскочила на берег, потеряв уже латов более чем достаточно.

Пунктом назначения, похоже, была узкая полоска деревянного плота, которая некогда использовалась для публичных мероприятий, вроде объявлений или казней, прокламаций или аукционов. Но Соромо рос, и небольшие площадки вроде этой, слишком маленькие для любого полезного учреждения и обычно малопосещаемые, становились реликтами тех времён, когда столица была значительно меньше. Такие места пользовались в Соромо дурной славой, и криминалитет нередко находил им применение. Тут Джекет на миг задумалась, что же такое они перевозят, но, сказать по правде, пока ей платили, её это не сильно волновало. Это не первая и не последняя нелегальная работа, в которой она принимала участие.

Покупатель со своей командой уже ждал их. Определённо он был из торгового класса, но сильно отличался от нанимателя Джек. Этот был тощим и угловатым, в то время как её наниматель жирным и рыхлым, и на его крючковатом носу сидели богато украшенные очки. Однако его одежда была очень похожей. Толстое шерстяное платье, снизу доверху застёгнутое на два ряда пуговиц, и тонкая шапка, которая, словно гребень, поднималась ото лба до макушки. Он выглядел как человек, который владеет цифрами так же, как воин владеет мечом. Торговец презрительно ухмыльнулся, когда Джек ступила на платформу, и она неуважительно посмотрела на него в ответ.

Команда покупателя проявила больше уважения — в конце концов, у Джекет Вель'юрн в Соромо была репутация, и такая, какую многие охранники знали — и они знали, что с ней лучше не связываться.

Следующим с ялика сошёл Салли, и ему выказали почти столько же уважения, как Джек, хотя и по другой причине. Конечно, Сал был огромным, но в Драконьей империи большинство людей трепетали перед ним. Обычно здесь все были меньше — крепкие, но невысокие. Рядом с некоторыми из них даже Джек чувствовала себя дылдой.

Лей и Джерин сошли с ялика вместе — Лей молчаливый, как могила, а Джерин улыбнулся и приветственно развёл руки. Командир другой команды ответил тем же, и Джек показалось, что эти двое знают друг друга, хотя сложно было сказать наверняка.

Когда Джерин убедился, что здесь нет ловушки или обмана, он резко свистнул, сунув два пальца в рот и сильно дунув. Мгновением позже наниматель Джекет вышел из трюма и подковылял к борту ялика. Сал подошёл, чтобы помочь горе жира слезть, но даже несмотря на помощь гигантского уроженца Пяти Королевств, жирный торговец фыркал и сопел, пересекая маленький промежуток между лодкой на платформой. Джек закатила глаза, глядя на это представление, и Лей по-приятельски ей ухмыльнулся.

— Арай, — сказал Гок, поклонившись другому торговцу, отчего его щёки затряслись.

— Арай, — сказал тощий торговец, с аналогичным поклоном.

Джекет перевела взгляд на другую команду. Она уже давно поняла, что нет смысла слушать торговцев Соромо — они разговаривали на языке, отличном от языков всего мира, и известном только им одним. На нём велись все споры, заключались все сделки, и тем самым посторонние к разговорам не допускались.

Во второй команде было десять мужчин и ни одной женщины, хотя это не вызывало удивления. Как уверял Танкуил, в сельской местности Драконьей империи женщины принимали более активное участие в жизни общества, но в городах, и особенно в Соромо, женщин воспринимали скорее как украшение, висящее на руках мужчин. Что злило, отвращало и озадачивало Джекет. Драконья империя управлялась исключительно женщинами, и так было с самого её основания — непрерывная линия императриц, уходящая вглубь веков дальше, чем Джек могла себе представить.

"Возможно, именно поэтому нынешняя императрица так чертовски тобой очарована, Джек. Ты, кроме неё, единственная женщина во всей этой чёртовой империи, которая не станет просто лежать и раздвигать ноги по приказу".

Один из участников другой команды подмигнул ей и поводит языком между жирными губами, похожими на червяков. Джекет фыркнула и сплюнула, а мужик принял смущённый вид, отчего Джекет едва не разразилась смехом.

Спор торговцев всё продолжался, и Джек казалось, что он тянется уже вечность. Богатые люди спорят о том, кто богаче, словно в цифрах есть какой-то смысл. Кто сильнее

— человек с монетой или человек с мечом?

Джез вздохнула и занялась самой трудной задачей охранника: ожиданием. Спустя примерно час непрерывной болтовни об одном и том же два торговца, наконец, заключили сделку: каждый достал из-за пазухи маленькие серые таблички, на которых они нацарапали условия договора, подписались и обменялись табличками.

Тощий торговец и его команда погрузились на лодку, на которой прибыла Джез, капитан отчалил и вывел лодку на судоходный путь. Спустя несколько минут они уже стали лишь медленно исчезающим в сумерках очертанием. Тогда Гок повёл свою команду на лодку, на которой приплыл другой торговец — большой ялик, способный вместить двадцатерых. Толстяк забрался на борт и занял место впереди, ожидая, что его нанятая команда последует за ним и займёт места на вёслах.

— Наверное, за греблю нам заплатят сверху? — спросила Джеззет, подмигнув. Гок её проигнорировал, как обычно, зато остальные засмеялись, взявшись за вёсла, и отчалили от тайного места встречи.

— Хоть бы раз, — сказал Салли, скрестив ноги и пытаясь убрать колени под столик, — хоть бы что-нибудь произошло. Кажется, уже пара веков прошло с тех пор, как кто-нибудь приносил хотя бы какие-то неприятности. — Его большие колени ударились в край маленького столика, и он сдался, повернулся набок и расслабился, опираясь на локти.

Джез села в традиционной для Драконьей империи манере, легко убрав колени под стол. Она бывала в тавернах по всему обитаемому миру, и нигде питейные заведения не были такими странными, как в Соромо. Вместо общего помещения, в тавернах Соромо было множество комнат, отделённых друг от друга тонкими ширмами из дерева или бумаги. Посетители сидели в своих комнатах и редко видели других посетителей, если вообще видели. Возможно из-за этого о потасовках в тавернах Соромо почти не слышали. В каждой комнате имелся столик высотой примерно в фут, и множество стульчиков, которые на самом деле не сильно отличались от ярко раскрашенных циновок с деревянными спинками. Сесть за стол, не сложив перед входом оружие, туфли, перчатки и шляпы, считалось оскорблением персоналу заведения. Также оскорблением персоналу считалось позволить женщине сидеть за столом, но с другой стороны, немногие заведения готовы были дважды спорить с Джеззет об этом.

У Джерина была личная традиция: после каждой законченной работы вести команду в одну из таверн Соромо. Как босс он получал существенно больше, чем остальные члены команды, и, к одобрению Джез, с радостью угощал за свой счёт команду едой и выпивкой. Редко ей встречался такой щедрый и дружелюбный босс, как Джерин.

Конкретно эта таверна называлась "Янами", и Джеззет не знала и не интересовалась, что это значит. Но раньше она здесь не бывала — ни с этой маленькой командой охранников, ни без неё — и поэтому знала, что непременно случится.

В маленькую огороженную комнату вошла официантка и замерла на месте. Джеззет посмотрела на неё. Как и все служанки в Соромо, она была одета в большое шерстяное платье, скрывавшее всю фигуру, за исключением головы, ладоней и ступней в тапочках. Её лицо закрывала белая керамическая маска без особых черт, с двумя щёлочками для глаз и щёлочкой чуть тоньше, но длиннее, для рта. Из-за какой-то игры света ни губы служанки, ни её глаза не были видны под маской, и это было сделано намеренно.

"Раз мужчины, которым она прислуживает, не могут видеть ни её фигуры, ни лица, то они даже не думают о ней ни как о женщине, ни как о человеке. Поистине, чудесный город".

Волосы служанки, почти такие же чёрные, как у Джез, свисали до плеч, обрамляя маску — они немного покачнулись, когда она пробормотала что-то на языке, которого Джез не знала, а потом повернулась и быстро вышла из комнаты. Ещё одной несправедливостью по отношению к женщинам Соромо был тот факт, что им — по крайней мере простолюдинам — запрещалось изучать общий язык, и, следовательно, они не могли общаться с иностранцами.

Лей усмехнулся и вытащил курительную трубку, набил сушёным листом и раскурил от единственной свечи в центре стола. Джерин с покорной улыбкой широко развёл руками, а потом достал из куртки дин — деревянную пластинку, служившую в Драконьей империи деньгами и стоившую больше, чем лат.

— И так каждый раз, — со вздохом сказала Джез и покачала головой.

Джерин кивнул.

— Чтобы тебе позволили здесь пить, надо заплатить почти столько же, сколько за еду для тебя на всю ночь.

— Ну так не плати, — беспечно ответила Джез. — Я научу их уважению.

Джерин фыркнул.

— И навлечёшь на нас чёртову стражу. Тебе-то, может, и ничего не будет, с учётом того, как тобой очарована императрица, но мы... нас казнят за нарушение порядка.

Джеззет кивнула — в Соромо часто случались публичные казни за всевозможные преступления, и нарушение порядка определённо было одним из них. Варварские столичные наказания действительно снижали уровень преступности. "Или же они просто заставляют преступников работать умнее и осмотрительнее".

Высокий мужчина в облачении, выдававшем в нём владельца, вошёл в дверь и указал на Джеззет.

— Вон, — приказал он, выпучив глаза.

Джез повернула голову и мрачно улыбнулась владельцу, отчего тот испуганно отступил на шаг, но Джерин уже поднялся и принялся успокаивать тупицу. После нескольких успокаивающих слов и целого дня владелец согласно проворчал, что Джеззет может остаться. Она зааплодировала, когда владелец покидал комнату, но он её проигнорировал.

Спустя несколько минут снова появилась служанка. Кто-то мог бы подумать, что это другая девушка, но Джеззет точно знала, что это та же самая. Она поняла это по тому, как ходила эта женщина, и по тому, как она регулярно дёргала головой в сторону Джез. Женщины в Соромо всегда находили её очаровательной, и, судя по тому, как здесь с ними обходились, Джез это не сильно удивляло.

Все заказали еду и выпивку, и за всё это время служанка ничего не сказала, только с энтузиазмом кивала. Джеззет смотрела на неё и качала головой.

— Отвратительно, как вы тут относитесь к женщинам, — осуждающе сказала она Джерину и Лею.

Лей улыбнулся и пожал плечами, а Джерин рассмеялся:

— Ты обо всём народе или конкретно о нас? Лично я даю своей жене все удобства и права, которых она заслуживает. К сожалению, сама она отказывается принимать права, которые я ей даю. — Джеззет фыркнула, но Джерин продолжил: — Так и есть. Это неприятное последствие культуры, в которой мы живём — наши женщины считают, что они хуже мужчин.

— Они и хуже, — сказал Лей, заговорив впервые за день и, судя по опыту, вероятно в последний раз.

Джез едва не прожгла в нём дыру взглядом, но Лей лишь просто пожал плечами и проигнорировал её.

— Сам я, — продолжал Джерин, — не считаю, что это справедливо. То, как мы низводим женщин до роли единственно прислуги, как большинство мужчин, включая моего молчаливого друга, напоказ воспринимает их лишь в качестве вещей. Это неправильно, по крайней мере я так думаю, но что я должен делать? Я простой человек с простыми возможностями. Я работаю, чтобы поддерживать свою семью. Я не революционер.

— А почему? — надавила Джез. — Настаивай на своём, поступай не как все, если ты действительно веришь в то, что сейчас исторг.

Джерин рассмеялся.

— Я простой человек. И к тому же, держу пари, ты, просто будучи собой в нашем городе, делаешь больше, чем я смог бы сделать в своей жизни.

Джез фыркнула. Ей хотелось плюнуть, но в Соромо это считалось грубостью, особенно в помещении.

— О, ты мне не веришь? Но это правда. Ты распространяешь разногласия одним фактом своего существования, Джеззет Вель'юрн. Женщины завидуют твоей свободе, твоей силе, а мужчины понимают, что хотят чего-то большего — а не просто эти кроткие тени, которых продают им в качестве жён. В тот день, когда вы с арбитром сюда прибыли, весь город гудел.

— Он часто производит такой эффект, куда бы ни приехал, — сказала Джез.

— Не он, а ты. Некоторые высокородные, мужчины из кланов Сейсей, Ролин и Рейкэ написали петицию императрице, добиваясь твоей смерти. Когда она отказала, они умоляли её изгнать тебя. Когда она снова отказала, они стали спорить. Ей пришлось казнить у каждого по первенцу, чтобы показать, что споров она не потерпит.

"Как это милосердно. Императрица не лучше своего народа". Джез подумала об этом немного. "На самом деле даже хуже".

— Даже и сейчас ещё есть люди, которые боятся того, как ты воздействуешь на неё при дворе, — продолжал Джерин. — Ты концентрированная буря, Джеззет Вель'юрн. Где бы ты ни появилась, ты приносишь волнения, а за ними следуют изменения. Будь осторожна, в этом городе есть люди, которые ни перед чем не остановятся, чтобы избавиться от тебя.

Джез ухмыльнулась.

— Пусть попытаются, я лично покажу им ту бурю.

Джерин покачал головой и опустил глаза.

— Они не придут за тобой напрямую, не рискнут навлечь на себя гнев императрицы.

— А ты, Джа, похоже, немало об этом знаешь, — сказала Джеззет.

Он покачал головой.

— Я всего лишь держу глаза открытыми. И, как уже говорил, всего лишь хочу кормить свою семью — я не собираюсь вступать в ряды революционеров.

— А я не собираюсь начинать революцию, — возразила Джез, и некоторое время они смотрели друг на друга.

— Думаю, эта страна может кое-чему поучиться у Пяти Королевств, — сказал Салли, взяв у служанки бутылку кислого вина. — В моём родном городе Китсвальде женщины даже суровой мужиков. Они растят детей, ведут хозяйство, принимают решения по управлению городом, и даже, если надо, берут в руки оружие наравне с мужчинами. Помню, однажды мой отец вернулся едва живой с охоты на дикого кабана. Он убил зверюгу, всё честь по чести, но эта тварь ткнула ему клыком в живот. Отец притащил тварь домой и рухнул на землю за дверями нашего домика. Моя мать нашла его, очистила, обработала раны, освежевала и приготовила кабана, а потом несколько недель выполняла работу за себя и за отца, не давая при этом мне и моим сёстрам поубивать друг друга. — Салли ухмыльнулся. — Хорошие были деньки.

"А ты, Джез, никогда по-настоящему не знала ни мать, ни отца". В девять лет они пытались продать её в бордель. И лишь своевременное вмешательство одного из постоянных клиентов борделя спасло Джез от жизни шлюхи. "Повезло, что тот клиент оказался Мастером Клинка".

Долгое время после того, как родители продали Джез, она злилась на них. Она была

маленькой, но всё же понимала, что именно они пытались сделать, и отчего она была спасена. Тогда она ещё не знала, что именно её ждало, но её учитель, Юрий Вель'юрн, вскоре всё прояснил. В первую ночь в качестве ученицы Джек потеряла девственность. Он не был груб, но и нежным тоже не был, а в девять лет это жуткий опыт, и она рыдала, пока не заснула. "Целый месяц рыдала перед сном, если память меня не подводит, Джек".

На следующее утро Юрий отправил Джек с маленькими заданиями, чтобы испытать её, узнать, есть ли в ней то, что позволит стать Мастером Клинка. Юрий всегда поучал, что Мастерами Клинка рождаются, а не становятся. Физические способности можно получить тяжёлым трудом, мастерству можно научить, но есть особый склад ума, который требуется, чтобы закончить обучение — и Юрий испытывал Джек, чтобы убедиться, что она им обладает.

Сначала он давал ей так много лакейских заданий, что их невозможно было выполнить за день. Задания, которые были придуманы, чтобы довести её до физического и морального истощения, а потом заставить перейти за эти барьеры. Учителю нужно было знать, что его ученице хватит напористости, и она не сдастся, дойдя до своего предела. Не раз Джек возвращалась домой такой уставшей, что не в силах была ни чувствовать, ни думать, а иногда буквально засыпала на ходу. И она точно знала, что Юрий время от времени использовал её тело для своего удовольствия, когда она вырубалась после тяжёлой дневной работы.

Убедившись, что ученица не сдастся и не станет жаловаться из-за объёмов работы, Юрий стал проверять её способности к обучению. Он давал ей читать толстые тома по истории — скучная и сухая литература, заставлявшая Джек зевать так часто, что казалось, проще было бы вообще не закрывать рот. Ночью, повеселившись на славу, Юрий устраивал экзамены на предмет того, что она выучила, сосредоточившись на деталях. Физическое обучение тоже было — он лишь раз показывал Джек танец, а потом уходил на целый день, и она никогда не знала, куда. Вернувшись, он приказывал ей идеально повторить все движения.

Это были простые задания, которые она всегда выполняла правильно. Спустя всего три месяца испытаний Юрий Вель'юрн решил, что возможно у Джек есть качества, необходимые его ученице. Тогда её обучение продолжилось, и с тех пор ставило её на грань выживания больше раз, чем она могла сосчитать. "Однажды он даже чуть не убил тебя, Джек".

— Не возражаете, если я присоединюсь? — донёсся голос от двери за спиной Джек. Хотела бы она не узнавать этот голос.

— Я возражаю, — сказал Джерин, и на этот раз в его голосе уже не слышалась обычная улыбка. — Друг, так случилось, что это частное собрание.

"Наверное, стоит сказать что-нибудь, пока его не убили".

— Привет, Дрейк, — сказала она, не оборачиваясь, чтобы взглянуть на пиратского капитана. Зато ей доставило огромное удовольствие смотреть, как бледнеет лицо Джерина.

— В-вы Дрейк Моррасс? — спросил Джерин.

— Так и есть, — ответил Дрейк. Джек не глядя могла сказать, что он улыбается. — А ты Джерин Ито.

Джек сомневалась, что такое возможно, но Джерин каким-то образом умудрился побледнеть ещё сильнее. — Вы знаете моё имя?

— Я знаю имена всех. Добрый вечер, Джек.

Джек приветственно махнула рукой, потом взяла пельмень, бесцеремонно сунула в рот

и громко зачавкала.

— Ну и манеры, — промурлыкал Дрейк. — Неудивительно, что императрица так тобою очарована.

— Думаю, тобой она очарована немного больше. По крайней мере, я на это надеюсь, — фыркнула от смеха Джек, но больше к ней никто не присоединился — все были слишком заняты, пугаясь и трепеща перед ужасным пиратом, стоявшим позади неё. Но, чтобы вспотела Джезет Вель'юрн, нужно было нечто большее, чем Дрейк Моррасс.

— Так не возражаете, если я присоединюсь? — спросил Дрейк, присаживаясь.

— Возражаю, — ответила Джек с пельменем во рту, по-прежнему не достаивая пирата взглядом.

— Нет, конечно, не возражаем, — перебил её Джерин и склонил голову. — Для нас честь принимать такого авторитетного члена императорского двора.

— Авторитетного? — со смехом спросил Дрейк.

— Ну, ты же ебёшь эту сучку, — сказала Джек. — Лично я сказала бы "лживый" или "льстивый".

— А не "очаровательный"?

Джек в ответ лишь уставилась на Дрейка. Он был красивым, не поспоришь. Резкие черты лица, грубая обветренная кожа, волосы цвета тёмного дуба и блестящие глаза — но Джезет видала мужиков и покрасивее, и трахалась с более красивыми. Она знала, каков на самом деле Дрейк Моррасс, и это было вовсе не привлекательно.

— Похоже, нет, — продолжил пират, а потом повернулся к остальным членам маленькой охранной команды. — Парни, а почему бы вам не прогуляться немного, а я бы поговорил тут один на один с мисс Вель'юрн. В качестве благодарности, скажем, я заплачу здесь за всё.

Лей встал без промедления, а Салли и Джерину, по крайней мере, хватило вежливости взглянуть на Джек за разрешением. Она им искренне улыбнулась и кивнула — всем было хорошо известно, что вредно отклонять *просьбы* Дрейка Моррасса.

Джек взяла нечто, похожее на кусок рыбы, завернутый в рис, который не разваливался из-за какой-то кулинарной хитрости, и сунула в рот, пока остальные выходили из комнаты. Дрейк сел напротив неё. От неё не ускользнуло, что он до сих пор очень даже вооружён.

— Чего ты хочешь, Дрейк? — спросила она с набитым рисом и рыбой ртом.

Он улыбнулся ей, и на миг Джезет подумала, что улыбка, возможно, искренняя, но потом здравый смысл возобладал.

— Я хочу быть твоим другом, Джезет Вель'юрн.

Она непроницаемо уставилась на него, взяла небольшую бутылочку сухого рисового вина, и, не став использовать крошечные плоские чашечки, хорошенько глотнула прямо из горлышка.

Дрейк рассмеялся.

— Ладно, я хочу быть не просто твоим другом.

"Что ж, это, по крайней мере, звучало честнее". Джезет молча задумалась, продолжая пристально смотреть на него.

Дрейк взял другую бутылочку вина, налил крошечную порцию в чашечку и глотнул.

— Мы с тобой, Джезет, очень похожи, — начал Дрейк. Джезет усмехнулась, но пират всё равно продолжил. — Как думаешь, ты здесь счастлива? Когда в последний раз ты с кем-

нибудь сражалась? Когда в последний раз ты кого-нибудь убивала? — Он мрачно посмотрел на неё, и казалось, его глаза мерцали на свету. — Ты не годишься для такой скуки, Джеммет. Бездействие тебе не подходит. — Он сделал ещё один глоток, а потом поставил чашку назад, на низенький столик, и откинулся на локти. — Как и мне.

Джеммет снова хорошенько отхлебнула из бутылки — вино было крепче того, к чему она привыкла — и она уже чувствовала, как алкоголь начинает действовать, делая её более уверенной и одновременно менее искусной.

— И что? Мы как две капли воды? — насмешливо спросила она его. — Может, нам надо просто раздеться прямо здесь и заняться этим на столе. Ох, это, конечно будет оскорблением персоналу заведения, но это же просто служанка, так что, думаю, переживём.

Джеммет уже была готова вырубить пирата, если тот попытается что-нибудь сделать, но Дрейк не двинулся, лишь сидел и ухмылялся.

— Это искушающе, Джеммет, но думаю, я вынужден отказаться.

— Я не имела в виду...

— И, кроме того, Джеммет, у меня на уме кое-что куда более интересное.

Джеммет знала, что когда-то ей даже понравилось бы это добродушное подшучивание, но нынче оно её только раздражало.

— Чего ты хочешь, Дрейк? — снова спросила она, на этот раз куда серьёзнее.

— Твоих услуг, — сказал он, улыбаясь. — И всей твоей маленькой команды, наверное, но в основном твоих.

— Чего ты хочешь, — в последний раз спросила Джеммет, подчёркивая каждое слово.

— Через пять дней мне придёт партия... предметов. Перевозить их по городу будет довольно опасно, и я могу гарантировать, что по пути случится по меньшей мере одна попытка выкрасть груз силой.

— Почему я? Мы? Почему не твои люди?

— Мои люди, Хм-м-м, известны, как мои люди. Мне нужно, чтобы моё имя никак не было связано с этим предприятием...

— Твоё имя всегда идёт рука об руку с жадностью, продажностью, жестокостью, кровью и содомией. Что там может быть такого плохого, что способно замарать твою репутацию?

Дрейк подмигнул ей.

— И ещё с некрофилией. А что касается груза... лучше тебе не знать.

— Так почему...

— Потому что я гарантирую сражение, — улыбнулся Дрейк. — Настоящую драку.

"Джеммет, говори "нет". Моррасс скользкий, как угорь, и опасный, как акула. Не говоря уже о том, что он в ответе за большее число смертей, чем ты".

— Конечно, — сказала она, ухмыльнувшись под стать пирату, — почему бы нет.

— Императрица Рей Чио, — выкрикнул секретарь во двор, и умчался с балкона так быстро, как только позволяли его короткие ноги.

"И такой театральный выход — каждый раз. Интересно, ей это наскучило так же, как и всем остальным?"

Джез даже не пыталась скрыть зевок. Несколько городских магистратов заметили это, так что она решила усилить оскорбление, сладко потянувшись. Ещё больше мужчин обратило на неё внимание, некоторые открыто плотоядно смотрели, а другие лишь скрытно бросали взгляды, когда думали, что никто не смотрит. Дрейк Моррасс стоял на другой стороне зала и ухмылялся, блистая золотым зубом.

Закончив свои потягушки, Джеззет обнаружила, что большинство чиновников отвернулось — от отвращения, или в попытке игнорировать её существование. Один из них — лысеющий мужчина, которого звали, как Джеззет припоминала, Хидео Руин — не отвернулся, а наоборот, глазел на неё с голодным выражением на лице. Если точнее, то он пялился на её сиськи. В области груди у Джеззет никогда не было чего-то выдающегося, чему она очень радовалась. Но сейчас её облачение не особенно скрывало грудь, и похоже, многие мужчины в Соромо воспринимали это как приглашение с вожделением пялиться во все глаза. Джез уставилась в ответ на магистрата Руина и подождала, пока он заметит. Когда же он наконец оторвал взгляд от её груди и посмотрел ей в глаза, она ему подмигнула. Магистрат покраснел, насколько позволял его цвет кожи, и быстро решил, что пол куда интереснее, чем Джеззет или её грудь.

"Любой бы подумал, что они раньше никогда не видели женщину".

Донёсся звук гигантских чешуйчатых крыльев, хлопавших в воздухе, и на собравшихся во дворе подул сильный ветер, развевая одеяния и знамёна. Табард Джез затрепетал у голеней, и несколько прядей волос вырвалось из пучка, упав на лицо. Джеззет даже захотелось прикрыть лицо рукой, как поступали остальные, но она решила этого не делать.

"Пусть видят, что тебе плевать, Джез. Пусть думают, что ты не боишься этой гигантской летающей ящерицы со всеми её зубами".

Драконий матриарх тяжело села на балкон, мускулистые задние лапы сгладили удар, а крылья быстро сложились, и зверь смог опуститься на передние лапы. Тварь проревела своё приветствие прямо в зал, и гнилостная вонь рептилии окутала Джез. Она ничего не могла с собой поделать и сморщила нос — оскорбление, если бы кто-нибудь заметил, но к счастью, все смотрели только на дракона. С грохотом выйдя в зал, дракониха окинула взглядом собравшийся двор. Самые могущественные люди Соромо склонили свои головы и опустили на колени. Стоять в зале остались лишь Драконьи рыцари, поклявшиеся защищать и освобождённые от поклонов, а ещё Джеззет и Дрейк Моррасс. Пиратский капитан подмигнул, игнорируя гигантскую ящерицу. Джеззет закатила глаза и снова повернулась в сторону драконихи, обнаружив, что та внимательно на неё смотрит.

Всякий раз, вид матриарха производил на Джез впечатление — в полтора раза больше драконов мужского пола. В каждом поколении рождался лишь один дракон женского пола, и матриарх с императрицей вместе правили империей.

На спине Драконьего матриарха, в седле, которое, казалось, сформировано собственными чешуйками чудовища, сидела Драконья императрица. Нынешняя императрица

Рей Чио была едва ли не девочкой, но всё же являлась верховной правительницей всей империи, и даже Джез вынуждена была признать, что императрица легко несла бремя этой ответственности.

"Наверное, преимущества рождения для правления".

Если верить историкам, род Чио никогда не прерывался. Связь с матриархом драконов давала императрице неестественно долгую жизнь, устойчивость к болезням и самого опасного телохранителя в известном мире.

Зал приёмов был чудовищным, и мог вмещать не только матриарха, но и множество драконов поменьше, принадлежащих Драконьим принцам. Джез решила, что слово "обширный" здесь было бы преуменьшением. Множество гигантских каменных столпов, расположенных далеко друг от друга, поддерживали крышу из закалённого стекла, достаточно прозрачного, чтобы пропускать свет, но достаточно прочного, чтобы противостоять непогоде. Многочисленные балконы, на каждый из которых могло приземлиться несколько драконов, украшали края зала, но самым большим был балкон матриарха. В центре зала на слегка приподнятой платформе стоял трон императрицы — массивное сооружение из драконьей кости, на котором легко могли усесться четыре таких императрицы, как нынешняя. Говорили, что каждая дракониха-матриарх предоставляла одну кость для трона, и на той кости вырезали имя и деяния императрицы и её дракона.

На помосте, на своём традиционном месте подле трона, стоял на колене Драконий герольд. В своих доспехах из костей дракона этот мужчина был почти таким же впечатляющим, как и матриарх. Джез уже слышала множество историй о его доблести в битвах, и желание сразиться с этим мужчиной вызывало в ней возбуждение, которое она не могла сдерживать. Если бы дуэль между ними не могла привести к смерти одного из них, Джеззет с радостью испытала бы свою храбрость против герольда.

Перед троном было разложено множество подушек, по одной на каждого присутствующего при дворе. Все придворные должны были стоять перед императрицей на коленях и поднимались, лишь, если получали разрешение обратиться к ней напрямую. Даже пожилые и увечные не были избавлены от этой традиции, как и гости при дворе, и Джеззет вскоре под угрозой ареста придётся воспользоваться своей подушкой.

Матриарх остановилась перед помостом и склонила голову. Девушка, сидевшая на чудище, элегантно соскользнула на пол. Джеззет увидела, как в тот миг, когда сандалии императрицы коснулись пола, Дрейк Моррасс опустился на колени на свою подушку. Она не последовала его примеру.

Драконья императрица была ниже Джеззет и намного моложе — почти девчонка. Предыдущая императрица по неизвестным причинам отреклась, как только её дочь достигла совершеннолетия, и оставила Драконью империю в руках ребёнка. У Рей Чио была безупречная кожа идеального оливкового оттенка, стройная фигура, изгибы которой всё ещё формировались, и роскошные тёмные волосы, волнами ниспадавшие на спину до самого пояса. Недавно императрица стала носить табард того же фасона, что и у Джеззет, только глубоко-алого цвета — того же оттенка, что и чешуя её дракона. Табард открывал куда больше маленького тела императрицы, чем нравилось многим при дворе, и они вслух высказывали Джез своё неодобрение за влияние на их императрицу.

Императрица немедленно направила взгляд своих бледно-зелёных глаз на Дрейка Моррасса, и едва заметная улыбка тронула её губы. Ни для кого не было тайной, что девушка выбрала Дрейка себе в любовники, и также не составляло секрета, что пират активно

добивался привязанности Рей Чио. Не было законов, запрещающих этого, и пока она не забеременела, её действия никогда не стали бы открыто осуждаться при дворе, поскольку это определённо означало бы смерть осуждающего.

Драконья императрица остановилась перед троном и окинула взглядом всех собравшихся придворных. Кроме самой императрицы стояла только Джек — ей нужно было сесть раньше императрицы, иначе это будет расценено как ужасное оскорбление. "Как раз то, чего хочет большинство магистратов". Императрица встретила взглядом с Джек и едва заметно кивнула. Джекет склонила голову в ответ и опустила на свою подушку за несколько мгновений до того, как монаршая задница императрицы коснулась трона.

"Жаль, что ты так и не научилась спать с открытыми глазами, Джек. Сейчас бы это пригодилось". Как обычно на таких встречах императрицы и чиновников, первым вопросом на повестке было обсуждение дел города и империи, ни одно из которых ни в малейшей мере не касалось Джекет. Она изо всех сил старалась игнорировать пустую болтовню правящих империей людей, думая о своём. Джек приходилось признать, что на неё производила большое впечатление стойкость императрицы в таких вопросах — в семнадцать лет Джекет не могла бы пересидеть такую скуку.

Спустя восемь лет тренировок и немало лет становления женщиной, Джекет стала настолько же трудной для своего учителя, насколько его тренировки были трудны для неё. Её тело всё ещё менялось, от физических тренировок она обросла мышцами, и с самоуверенностью юности страстно желала их испытать. Она при любой возможности пыталась сравниться силой со стареющим учителем, и это раздражало тем сильнее, что таких возможностей он ей не предоставлял. В середине её курса обучения Юрий превосходил Джекет во всех возможных значениях слова "мастерство". Он притворялся, что собирается проводить проверку силы, но в последний миг изгибался, поворачивался или парировал, а Джек впустую махала сталью.

А ещё примерно к семнадцатилетию Джекет Юрий начал её резать. Он сказал, что Мастер Клинка должен знать, каково это быть раненной, каково это — получить порез или укол, чтобы научиться игнорировать боль в битве. Сначала её раны были нерегулярными, неглубокими, болели адски, но, зажив, почти ничего после себя не оставляли. Но вскоре он уже причинял ей боль во время каждого учебного боя — разные раны и разным оружием и никогда в одном и том же месте. Грудь и спина Джек стали полем шрамов, а её ноги и руки немногим лучше, но на лице он ей оставил лишь один порез — крошечную царапину под правым глазом.

"Старый ублюдок хотел сохранить твою красоту, Джек. Не хотел трахать девчонку, которую изуродовал".

Джек по-прежнему ненавидела свои шрамы. Она не знала точно почему, но ненавидела саму мысль о том, что люди на них смотрят. Нечасто она чувствовала застенчивость, но когда люди смотрели на неё, по коже бежали мурашки. Впрочем, нынче она сама старалась привлечь к себе внимание. Джек обнажала руки, чтобы дать людям возможность посмотреть, показать им, что она прошла через такой ад, какой им и не снился, и осталась живой.

Магистрату Хидео Рурину позволили обратиться к императрице. Это был суровый мужчина с ястребиным лицом и длинной подковой волос на голове. Этот чиновник отвечал за вопросы торговли между Драконьей империей и свободным городом Ларкосом, который во всём известном мире считался самым большим и прибыльным городом. Когда чиновник

принялся перечислять какие-то последние торговые соглашения, Джек не могла не отметить, что императрица то и дело бросает взгляды в сторону Дрейка Моррасса.

Джек и сама прекрасно помнила, как в этом возрасте была очарована мужчиной старше себя, и вовсе не своим старым учителем — об этом факте Юрий узнал и немедленно из ревности принял меры. В качестве ученицы Мастера Клинка Джекет занималась сексом с тех самых пор, как её продали. У Юрия не было сомнений на тему её возраста, желания или даже о понимании секса юной девочкой. Он использовал её тело, когда только ему этого хотелось, и даже не трудился оправдываться — хотя с возрастом Джекет решила, что это плата за её обучение.

Неподалёку, в городе под названием Труридж, был другой мужчина старше неё, хоть он и выглядел едва ли не мальчишкой. У него были грязные волосы, которые постоянно спадали на лицо, и носил он замаранную одежду, из-за чего выглядел бедняком, хотя определённо им не был. Джекет регулярно отправляли в Труридж — на рынок, в магазин, или украсть что-нибудь в рамках своего обучения. Юноша всегда был там, всегда пил кислое вино и смотрел на окружающий мир.

"Тогда он казался таким загадочным и опасным", — вспомнила она с улыбкой.

Когда Джек наконец собралась с мужеством, чтобы поговорить с ним, она узнала, что звали его Том, хотя она так и не выяснила, чем он занимался. Довольно скоро они впервые потрахались, и целую неделю занимались этим ежедневно. Хоть Джекет была и моложе Тома, но смогла научить его кое-чему. Она почти убедила себя, что они влюблены. А потом всё узнал Юрий.

Он был не из тех, кто злился, или, во всяком случае, не показывал этого. С горькой улыбкой Джекет вспоминала, как умоляла старого учителя не делать ничего Тому, но всё без толку. Юрий пошёл в Труридж и отыскал его. После этого юный любовник Джекет не заговаривал с ней, даже не узнавал её — просто игнорировал и уходил прочь всякий раз, как она пыталась привлечь его внимание.

"Так и не узнала, что старый ублюдок сказал Тому, но чем бы это ни было, отпугнул он его знатно".

Мысли о старых любовных победах неизбежно привели Джек к мыслям о Танкуиле, а с ними пришла и тупая боль в груди, которую она отказывалась признавать. Ясно было, что значит эта боль, и чем она вызвана: Джек скучала по арбитру. Скучала по нему, как скучала бы по части себя. Последние слова друг другу они прокричали — бессмысленная ссора, которая не принесла ничего никому из них.

"Он всегда будет ставить на первое место свою чёртову Инквизицию, и ты этого никогда не поймёшь, Джек. Лучше покончить со всем сейчас, пока всё не зашло ещё дальше". Очередная горькая мысль, и Джек знала, что никогда её не воплотит — всё уже зашло слишком далеко. У неё хватило бы смелости встать перед сотней вооружённых солдат, но она знала, что её смелости не хватит, чтобы бросить Танкуила.

— Джекет, — голос императрицы вывел Джек из задумчивости. Она поняла, не на шутку встревожившись, что весь двор, включая гигантскую зубастую ящерицу, смотрит на неё. — Не могла бы ты остаться и немного поговорить?

Джек улыбнулась и склонила голову.

— С удовольствием, императрица.

— Остальные покиньте нас, — сказала императрица тоном, который не оставлял возможности сомневаться в её приказе.

Некоторые чиновники уничижительно бубнили в адрес Джез, поднимаясь на ноги и шаркая прочь со двора. Хидео Рурин пристально уставился на неё, вздёрнув свой клювоподобный нос — но он не стал бы ничего говорить в присутствии императрицы. Этот чиновник был одним из тех, кто сильнее всего возражал против присутствия Джез при дворе, и уже потерял своего первенца из-за мнения, не понравившегося императрице. Он и не пытался скрывать, что винит Джез в казни своего сына.

Ни Драконий герольд, ни Драконьи рыцари не сдвинулись с места — они останутся и будут защищать свою императрицу на случай, если что-нибудь произойдёт. Маленькая императрица не находилась под усиленной охраной лишь когда была в небе со своим драконом — в это время она была вне досягаемости даже самого опытного убийцы.

Дрейк Моррасс подождал, пока последний чиновник не выйдет из помещения, и тогда поднялся. Он в несколько лёгких шагов пересёк расстояние до помоста, храбро забрался на него, наклонился и прошептал что-то императрице на ухо. Маленькая женщина хихикнула, поцеловала Дрейка и взмахом отослала его прочь. Пиратский капитан изобразил ленивый поклон, более уместный в Сарте, чем в Драконьей империи, и важно направился в сторону выхода, подмигнув на ходу Джеззет. Она фыркнула и покачала головой, но он не обратил на неё внимания, прошёл мимо, высоко подняв голову и стуча каблуками по отполированной поверхности каменного пола.

Как только дверь закрылась за Дрейком, императрица поднялась на ноги. Она бросилась к Джеззет и взмахом показала ей встать.

— Поднимайся, поднимайся, прошу тебя, — сказала юная женщина с широкой улыбкой, и взяла Джез за руку, собираясь поднять её. — Они уже все ушли, и нет нужды в этом формализме.

Джез поднялась на ноги. Они с императрицей были почти одного роста, но Джеззет была тощей и мускулистой, а та — стройной и грациозной. Она казалась слишком хрупкой, чтобы ездить на драконе, не говоря уже о самом большом драконе из всех, но Джез видела это своими собственными глазами. Но всё же её сильно радовал тот факт, что она может сломать императрицу Драконьей империи, как веточку.

Матриарх на помосте издала низкий рык. Драконья императрица остановилась и повернулась к своей драконихе, немного склонив голову вбок, а потом обернулась к Джеззет.

— Она чувствует от тебя угрозу, — сказала императрица с девчачьей улыбкой. — Ты собираешься причинить мне вред, Джеззет Вель'юрн?

"Осторожнее, Джез. Помни, что говорила Катерина. Правда может быть твоим щитом, но если правды слишком много, то она может стать твоей петлёй".

— Никогда, императрица, — сказала Джез, умиротворяюще поднимая руки. — Я просто думала, какая вы сегодня хрупкая. И меня изумляло, как вы можете ездить на этой твари.

И снова дракониха издала рык, но зверюга сидела на задних лапах и вроде не собиралась бросаться вперёд и есть Джеззет, хоть ей это и ничего не стоило. Однажды Джез видела, как матриарх перекусила лошадь пополам. Лишь змеи, жившие глубоко в морях, могли сделать нечто подобное и, в отличие от драконов, их Джез никогда не видела.

— Ей не нравится, когда её называют тварью, — посоветовала императрица.

Джеззет посмотрела на матриарха и поклонилась.

— Я извиняюсь.

— Я сказала ей, что она, должно быть, ошиблась, — продолжала императрица, взяв

Джез за руку и направляясь к балкону. — Но она сказала, что почувствовала что-то от тебя, возможно агрессию.

— Клянусь, императрица...

Маленькая женщина отмахнулась от слов Джез.

— Он всё ещё молода. Она совершает ошибки. Женщина в семнадцать считается молодой, но для дракона это и вовсе ничто. Идём. — Она потащила Джез на балкон и взмахнула маленькой ручкой перед её лицом. — Дрейк подарил мне кольцо, ну разве оно не чудесно!

Джез едва не рассмеялась, глядя на широкую улыбку на лице императрицы.

— Оно кусается? — спросила она.

На миг улыбка опала, и императрица выглядела озадаченно.

— Это кольцо, Джеззет Вель'юрн. Оно не может кусаться.

"Могущество и наивность, какая опасная комбинация".

На вид кольцо было сделано из серебра — две полоски металла переплетались, снова и снова обвиваясь друг вокруг друга. На каждой полоске было что-то написано на языке, которого Джеззет не понимала.

Она коснулась пальцем своего кольца — простой деревянной полоски на среднем пальце левой руки. Его дал Танкуил, чтобы Джез могла противостоять принуждению. Это было заклятие, которое могло заставить арбитра поверить, будто она говорит правду. Танкуил дал ей его в Сарте, чтобы одурачить арбитра Коша. С тех пор Джез это кольцо никогда не снимала.

— Он милый и добрый, и точно знает, как ко мне прикасаться, — говорила императрица.

Меньше всего Джез хотела говорить о сексе. "Ещё один повод скучать по Танкуилу".

— Добрый? — со смехом сказала она. — Мы говорим об одном и том же Дрейке?

И снова улыбка соскользнула с лица императрицы. Она вскинула голову и уставилась на Джез.

— Ты скучаешь по нему? — повернувшись, спросила императрица, и пошла по балкону.

Джез последовала за маленькой женщиной.

— Скучаю ли я по Дрейку?

Императрица покачала головой, и Джез сзади увидела, как колыхнется толстый пучок волос.

— По арбитру Даркхарту. Я могу приказать, чтобы его вернули сюда. Могу отправить одного из принцев отыскать его. Это займёт не больше недели.

— Нет. Благодарю вас, императрица, — сказала Джез. — У него есть работа...

— Но ты с ней не согласна?

— Я не согласна не с работой, а с нанимателем. — Следовало признать, что отчитываться перед императрицей Драконьей империи было более чем странно, и она не могла не отметить, что герольд последовал за ними на балкон. В такие минуты Джез терпеть не могла быть безоружной.

"Мастер Клинка без клинка..."

По балкону разнёсся рык, Джез обернулась и увидела, как выползает матриарх, уставившись на неё глазами-бусинками.

— Ты чувствуешь угрозу, — сказала императрица.

Джез фыркнула.

— Просто не очень люблю об этом говорить. Мы с Танкуилом... мы спорили об этом. Не думаю, что я должна обсуждать это с другими.

И снова императрица по-девчачьи улыбнулась, на этот раз сочувственно и озабоченно.

— А разве не этим занимаются друзья? Разговаривают о своих проблемах. Я скучаю с Дрейке, когда его здесь нет. Временами он уплывает на многие месяцы, занимаясь... Чем он там занимается.

— Пиратством, могу поспорить.

— Да, наверное. Я скучаю по нему, когда его здесь нет. — Она вздохнула. — Сай ам, ча ам.

Матриарх тяжело вышла на балкон и с грохотом направилась в сторону двух женщин. Джеб из всех сил попыталась не показывать своего страха, когда громадное существо приблизилось, но оно всё равно не обратило на неё никакого внимания. Дракониша остановилась в нескольких футах перед ними и склонила голову. Джебзет никогда прежде не видела этих чудищ так близко. Голова была размером с повозку, а каждый зуб — с её руку. Она и представить себе не могла, как эти твари могут летать. И уж тем более, как маленькой женщине, стоявшей рядом с ней, хватало храбрости летать на драконе. Резкий низкий звук вылетел из пасти дракониши, и императрица кивнула.

— Хочешь поесть? — спросила императрица, снова глядя на Джебзет.

Джеб пожалала плечами.

— Там, где я выросла, никогда не отказываются от предложения поесть.

— Хочу послушать об этом. Где ты выросла. С неба я видела немало в своей империи, но ты, должно быть, повидала всякого. Дрейк рассказывает мне истории — истории о дурных местах, полных насилия, крови и секса. Он рассказывал об отвратительной расе существ под названием дурры, и о землях, в которых ходят мертвецы. О гигантских морских созданиях, рядом с которыми даже мой дракон кажется маленьким, и о войнах, в которых с обеих сторон сражаются тысячи людей. Он клянётся, что в дремучих южных лесах есть древние духи, которые принимают образ человека и соблазняют людей, убеждая их по своей воле отдать свою жизнь. Я слышала его рассказ о городе, целиком построенном из белого камня, который блестит на солнечном свете, о демонах, способных украсть человеческую душу, и о Богах, ходящих по земле.

Императрица улыбнулась и посмотрела вдаль.

— Не знаю, во что из этого мне и верить. А ты расскажешь мне истории?

Джебзет сдержала вздох. "Хорошо бы с этой едой подавали и вино".

— Конечно, императрица.

— Ты знала Чёрного Шипа? — спросил Салли. Его глаза странно расширились, а лицо тревожно округлилось. Услышав, что Джеззет целый день развлекала императрицу байками, большой солдат потребовал, чтобы и ему все их рассказали. Бóльшую часть историй Джез о сексе, насилии и чудесных побегах он стоически воспринимал постоянными кивками, но в миг, когда она упомянула Шипа, его челюсть отвалилась.

— Знала.

— А ты... ну, это...

— Трахалась ли с ним? — Джез фыркнула. — Нет.

— Каким он был? Прежде чем...

— Прежде чем помер? Грубый. Грубый и жестокий. Чересчур верный, хоть этот ублюдок и пытался всё время это скрывать. Он был далеко не таким плохим, каким его описывали в байках, но во врагах такого лучше не иметь.

— В недобрый день я услышал, что он умер. Это всё равно как узнать, что троллей не существует, или что магия ушла из мира.

"Может для тебя это и так. Для меня это было, как потерять одного из друзей. Немного их у меня осталось".

Салли всё болтал, а она снова попыталась свыкнуться с двумя версиями императрицы, с которыми её довелось познакомиться. Наедине с Джеззет Рей Чио была обычной избалованной девушкой. Она была полна неутомимой энергии, и ей страстно хотелось иногда поделиться новыми переживаниями с новой подругой. Не раз Джез приходилось сидеть молча и вежливо выслушивать, что императрица и Дрейк делают друг с другом с глазу на глаз. И хотя ничто из этого не вогнало бы Джез в краску, но ей не очень-то хотелось выслушивать это от семнадцатилетней правительницы самой большой империи мира.

А другая версия Рей Чио — Драконья императрица.

Хотя Джез и случалось видеть императрицу, когда та подсакивала и легкомысленно рассказывала о достоинствах улыбки Дрейка Моррасса, но также она наблюдала, как та приказывает казнить своих собственных подданных, словно те не были людьми. Например, один чиновник пришёл ко двору, умоляя о дозволении императрицы взять себе другую жену — его жена стала так смотреть на слугу, что муж начал ревновать. Императрица приказала умертвить и жену чиновника, и слугу, позволила истцу заново жениться и ещё, если он того захочет, лишит наследства всех его нынешних детей.

В одну минуту эта женщина могла быть настолько грубой, и такой трепещущей в другую, что это не только пугало Джеззет, но ещё и сердило, едва не вызывая желание ударить Рей Чио.

"Подходящий конец для Джеззет Вель'юрн — лишиться жизни, жестоко убив Драконью императрицу на глазах её собственного дракона. Пожалуй, я вошла бы в учебники истории".

И, разумеется, гигантский летающий геккон тоже её беспокоил. У чудища была тревожная способность читать мысли Джеззет, или по крайней мере чувствовать её ощущения вблизи от императрицы.

"А ведь было время. Когда ты хотела побывать в этом чёртовом королевстве и увидеть дракона, Джез. Что ж, теперь ты его увидела вблизи, даже, блядь, слишком близко, и теперь уж точно ясно — мне драконы не нравятся".

— Будет сдвиг опор, — сказал Лей. Это были первые его слова за день.

— Лей, меня беспокоит, что ты можешь чувствовать сдвиги, — сказал Джерин, потом упёрся ногами в землю и стал ждать

Джез посмотрела на Салли. Тот посмотрел в ответ и пожал плечами. Они оба сидели на ящиках, и сложно было придумать более устойчивое положение. Но это не значило ни черта, когда приближался сдвиг опор, а Лей уже не раз доказывал, что в таких вещах он не ошибается.

— Лей, сдвиг-то сильный будет? — спросила Джез тощего уроженца Соромо. Тот в ответ пожал плечами, но по самодовольной ухмылке Джезет поняла, что знает он больше, чем говорит.

Джез до конца не понимала, отчего происходят сдвиги опор — дело, наверное, было в каких-то силах за пределами её разума, но она знала, к чему это приводит. Время от времени плавающие каменные кольца, державшие Соромо на плаву, двигались. Некоторые кольца всплывали чуть выше, принимая на себя чуть меньше веса города, в то время как остальные тонули под перераспределённым давлением.

"И результаты варьируются от дезориентации, до "Ой, бля, отчего же я валяюсь на жопе, и что за тяжёлая штука сейчас меня раздавит".

Все ждали. И ждали. И ждали. И как раз когда Джез решила, что Лей наконец-то ошибся, начался сдвиг, и город накренился.

Имелась причина, по которой Соромо был построен именно так — в виде сотен островов из дерева и камня, связанных друг с другом. Если бы он был большим единым островом, то после первого же сдвига опор он бы треснул и обрушился под тяжестью своего собственного веса. Остров, на котором они находились в настоящее время, был вытянутым и низким портовым районом, но всё равно Джез видела, как шевелятся предметы, и слышала грохот незакреплённых вещей под воздействием сил гравитации. В других районах города случались и более заметные последствия: целые здания наклонялись, в свежем ночном воздухе разносились пронзительные звуки, и стаи птиц, устроившихся было на насестах, разлетались во все стороны.

Джез, как всегда проворная и изящная, как акула в воде, легко справилась с новым уклоном мира. Салли повезло меньше. Для здоровяка это был всего лишь второй сдвиг опор в жизни, и первый прошёл едва заметно. От этого же Сал свалился со своего ящика на деревянный пол и чуть не упал в воду. Легко было бы посмеяться над его неудачей, и когда-то она бы так и поступила, но Джезет уже была не тем же человеком, что прежде. Несмотря на всё ещё качающуюся платформу под ногами, она встала и протянула руку, чтобы помочь Салли подняться. Лей присоединился к ней, и вдвоём они подняли здоровяка.

Волны шумно плескались о борта причала — от сдвига вода перемещалась по городу в таких эпических масштабах, что Джез даже в мыслях не могла себе представить. Бурные воды беспокоили её почти так же сильно, как и глубокие, а здесь имелось и то и другое. Джез, конечно, не давала страху управлять своей жизнью, но это не значило, что ей хотелось бессмысленно рисковать. А что может точнее попадать под определение "бессмысленный риск", чем глубокие бурные воды?

— Они опаздывают, — сказал Джерин, которого выравнивание города, по всей видимости, ничуть не встревожило. — Дрейк ведь не сможет обвинить нас, если они не приедут, не так ли?

Примерно секунду спустя Джез поняла, что Джерин спрашивает её. Она пожале

плечами.

— Они приедут, Джей. Люди обычно не выживают, когда подводят Дрейка Моррасса, а не доставить его груз как раз и значит "подвести".

— Точно, точно. Просто плата-то хорошая, действительно хорошая. Её хватит, чтобы... ну, подняться. Взять семью и убраться из Отбойников.

Отбойниками называли самые окраины Соромо. Эти районы были обычно более новыми и обустроенными хуже прочих. Изумрудное море и его сопутствующие элементы приносили больше всего разрушений в Отбойниках. И не раз там слышали об исчезновении людей, особенно детей. Они падали в воду, и их больше никто не видел. Или их утаскивали твари, называвшие море своим домом и поднимавшиеся из глубин, лишь чтобы перекусить. А иногда людей и похищали.

"Работорговля нелегальна, только если тебя поймали", — раздумывала Джек. "А за детей дают высокую цену. В них легче воспитать послушание".

Джерин ухватился за идею поработать на Дрейка, мечтал, что сможет найти себе более постоянную работу в Соромо, работу, за которую бы лучше платили. Он старался сделать всё ради своей семьи, и Джеззет могла это понять, вот только сомневалась, что работа на Дрейка Моррасса могла помочь достижению этой цели.

— Это они? — спросил Сал, указывая пальцем в сторону открытой воды. Поскольку город всё ещё трясло, здоровяк выглядел несколько напряжённо.

Это была тяжёлая широкая лодка, низко сидящая в воде. Джек быстро насчитала шестерых гребцов, и ещё на носу маленькой лодочки стоял человек с подзорной трубой. Он был крупным, но судя по цвету кожи и разрезу глаз, несомненно являлся уроженцем империи.

Когда лодка подплыла ближе, Джек увидела на корме лодки грузовой отсек — маленькое помещение не больше десяти футов в длину и в ширину. Лодка была старомодной, но Джек уже к таким привыкла. В водах Изумрудного моря парусами не пользовались, и даже за мысли о разворачивании парусины в Соромо можно было на себе узнать, как выглядит темница. И хотя сама Джек никогда в местных темницах не была, но из достоверных источников знала, что там сыро и для постоянного пребывания нужно уметь задерживать дыхание на большое время.

— Никто не говорит и не делает ничего, чтобы не завалить всё дело, — сказал Джерин. и на этот раз его обычных улыбок было не видеть.

Сал ехидно посмотрел на Джек.

— Думаю, он о тебе, Вель'юрн.

Когда маленькая грузовая лодка подплыла ещё ближе, вёсла перестали грести, а люди на них с радостью отдыхали от гребли против течения.

— Кто из вас Джерин? — крикнул большой мужчина, стоявший на носу лодки. Он убрал свою подзорную трубу, оставшись в лёгких очках, придававших ему учёный вид. Лодка подплыла уже достаточно близко, чтобы можно было говорить, но к причалу не приближалась. Если бы Джеззет и остальные захотели влезть на борт без разрешения, им пришлось бы искупаться в Изумрудном море. Теперь, разглядев мужчину вблизи, она вынуждена была признать, что он адски уродлив, а из-за подковы грязно-каштановых волос его голова казалась слишком маленькой для тела.

— Это я, — крикнул Джей в ответ. — Мы готовы.

Мужчина на лодке некоторое время изучал маленькую охранную команду. Его взгляд на

некоторое время задержался на Джеб — что было грубо, если не сказать "оскорбительно", — а потом он согласно кивнул и приказал гребцам подплыть ближе к берегу и осушить вёсла, сменив их на шесты, которые в Соромо часто использовались для навигации по судоходным путям.

Джезет первой взошла на борт, как только лодка коснулась берега. Она перепрыгнула через низкие поручни и встала лицом к лицу с командиром. Расправила плечи, изобразила ухмылку и отошла в сторону, когда Салли прыгнул на лодку. Уроженец Пяти Королевств был выше командира лодки, но ненамного. "Хотя определённее шире в плечах — а командир высок, но вся его масса ушла в жир. Если дойдёт до драки, у него не будет никаких шансов".

Во время тренировок Юрия в Джезет быстро укоренилась привычка оценивать в каждом потенциальную угрозу и способности к бою.

"Оценивай снова и снова, — всё время говорил старый ублюдок. — Смотри на каждого, наблюдай за всеми. Узнай, кого сможешь убить, и кого не сможешь, и если не можешь, то старайся понять, почему".

Несомненно, это был хороший совет, и он много раз спасал ей жизнь, и Джеб могла бы поставить на то, что спасёт ещё не раз, прежде чем выйдет её время. Какая-то её часть глубоко внутри постоянно отмечала, что однажды, возможно, неплохо бы ей тоже взять ученика. Вот только она знала, что кончиться это могло лишь двумя путями: либо она убьёт ученика, поскольку тот окажется недостаточно хорош, либо он окажется достаточно хорош и, в конце концов, убьёт её. Поскольку ни один из исходов её не привлекал, она сознательно затягивала решение, как могла.

Когда все оказались на борту, Джерин отвёл лодочника в сторону и несколько минут они спорили театрально-приглушёнными голосами. Джеб с напускной беспечностью наблюдала из-за пределов слышимости.

"Дрейк обещал бой. Настоящий бой. Уж явно не с этими". Джеб заметила, что ей хочется, чтобы лодка поскорее отправлялась. Чем скорее придётся размять руку с мечом, тем довольнее она будет. Её переполняла нервная энергия, возбуждение, смешанное с предвкушением — нечто похожее она чувствовала при виде Танкуила, только совсем по другим причинам.

Она знала, что не может доверять Дрейку Моррассу, знала, что нет причин верить, будто он хоть на секунду говорил правду, но всё это не имело значения. Она была на взводе, была готова взорваться, насытить своё желание на первой показавшейся жертве. Когда лодка наконец отплыла от причала, Джеб снова оказалась на носу судна, поставив одну ногу на поручень, держа руку на мече, и дикая ухмылка освещала её лицо.

Нападение случилось раньше, чем она предвидела, и, казалось, никто кроме Джеб его не ожидал. Свист предупредил её, что летят стрелы, за миг до того, как она их увидела. У Джеб не было времени, чтобы уклониться от смертельного снаряда, но оно ей было и не нужно — стрела пролетела мимо, и Джеб услышала, как Сал кричит от боли.

Джеб рискнула лишь мельком глянуть назад, чтобы оценить его состояние. Он стоял на правом колене, а стрела торчала из мышцы левого бедра. Наконечник прошёл насквозь через плоть и торчал с другой стороны.

"И то хорошо. Уж точно было бы куда хуже, если бы попало в кость". Саму Джеб никогда стрелой не ранили, и мало о каком оружии она могла такое сказать. Но вокруг неё всегда было достаточно народу, в которых стрелы попадали, и она не хуже многих знала, что делать с такими ранами.

— Отломи наконечник и вытаскивай, — крикнула она назад, глядя вперёд, осматривая ближайшие здания и выискивая лучников. Стрела прилетела спереди, издали — и, похоже, они плыли напрямик в ловушку. Её клинок издал прекрасное созвучие, показываясь из ножен. Это было произведение искусства, которым даже Юрий был бы рад обладать. Прямой однолезвийный клинок, сложенный сотни раз способом, которым владели лишь кузнецы Драконьей империи. Эти кузнецы хвалились, что их мечи такие острые, что могут разрезать камень, и, хотя Джек в такое ни за что бы не поверила, но видела это собственными глазами. Заклинания на клинке были дополнением от Танкуила. Шесть заклинаний, мучительно выгравированных его собственной рукой. Никто и никогда не дарил Джек такого прекрасного подарка, и в ночь, когда он подарил его, она отплатила ему много раз.

Из плотной темноты спереди слева от лодки вылетела очередная стрела, пролетела далеко в стороне и плюхнулась в окружавшие их воды.

Сал ворчал и охал от боли, вытаскивая древко из ноги, и, даже не глядя, Джек знала, что Лей обрабатывает рану. Молчаливый мужчина далеко не так хорошо умел обрабатывать раны, как Джек, но она не собиралась тратить время, латая кого-то посреди битвы.

— Поверните лодку, — приказал Джерин. — Это ловушка!

— Отставить, — сказал лодочник. Его щёки покраснели, словно отшлёпанная задница. — Мы плывём дальше. Им придётся брать нас на abordаж, если хотят получить добычу, и тогда это уже будет битва на наших условиях. Вы же здесь для этого? Сильнее, парни. Гребите сильнее. Провезите нас, или все мы станем мишенями.

Просвистела очередная стрела и с глухим ударом вонзилась в обнажённую грудь гребца. Он тихо упал, как падают только мертвецы, и люди по обе стороны от него восполнили нехватку гребца, навалившись на вёсла ещё сильнее. Следующая стрела вылетела из темноты, на этот раз почти попала, безвредно ударившись в палубу.

Джек втянула воздух через зубы.

— Что такое? — приглушённо спросил Джерин, низко пригнувшись.

Джек глянула на него и подняла бровь.

— Там только один, и он хуёвый стрелок.

— Только один?

Она медленно кивнула. Очередная стрела пролетела по дуге над их головами и упала где-то справа.

— Хуёвый стрелок.

Последняя стрела вылетела из темноты и вонзилась в стенку грузового отсека. Джек услышала писк, но у неё не было времени проверять.

— Лодки! — крикнул лодочник, указывая вперёд, словно они могли появиться и откуда-то ещё. Их лодка находилась на довольно прямом водном отрезке между двумя большими районами — складским и жилым — и излучин нигде не было видно.

Джек насчитала три лодки — на самом деле они не сильно отличались от плотов. На каждой сидело не больше четырёх человек, и все они выглядели хорошо вооружёнными, все были одеты в чёрное, и их лица были закрыты.

— Одиннадцать человек, — сказал Джерин, встав возле Джек. Она заметила, что его голос чуть дрожит.

— Двенадцать, — поправила его Джек. — Лучник всё ещё где-то там.

Джерин кивнул, и она увидела, как он оглянулся.

— Не знаю, сколько пользы будет от остальных. Сал ранен довольно серьёзно, а гребцы... — Джек услышала всплеск. — Что ж, двое из них решили поплавать. Скольких ты сможешь взять на себя?

Джек рассмеялась.

— Всех. — Лодки подплыли ближе, и она решила, что на расстояние для abordaja они выйдут в пределах минуты. Джек отошла от края лодки в сторону центра судна. Большой и потный лодочник встал с кинжалом в руке, который выглядел комически маленьким.

— Это... хм... обнадеживает, — сказал Джерин, следуя за ней. — Но на самом деле...

Джек слышала откуда-то тихие всхлипы, едва различимые из-за звуков плывущих по воде лодок, резкие вздохи Сала и быстрые молитвы одного из гребцов. Где-то позади закричал мужчина, а потом шум резко оборвался. По ночам в судоходных путях охотились странные создания, и, похоже, пловцы встретились с одним из них.

В борт лодки вцепились три крюка, туго натянулись верёвки. Что-то тяжёлое и твёрдое ударило в нос лодки. Джек расслабилась, плавно встав в боевую стойку — в ногах лёгкость, готова действовать.

— Постарайся не стоять на моём пути, — тихо сказала она.

Джерин взглянул на неё.

— А?

На поручне слева показалась рука, и к тому времени, как мужчина подпрыгивал, чтобы перебраться через борт на палубу, Джек уже двигалась. Маленькие плоты сидели в воде ниже, чем лодка, и нападающим пришлось бы открыться для атаки, влезая на борт. Первый мужчина на своём суровом примере узнал, каким уязвимым делал его abordaj. Не было смысла колоть его, Джек это ненавидела — в этой ситуации проще было ранить его и позволить тварям в воде прикончить несчастного ублюдка. Её клинок мелькнул быстро, как вспышка молнии, и отнял его правую руку по плечо. Нападавший завалился назад, таращась, но не в силах понять, что за обрубок на месте его правой руки. Джек уже отвернулась, когда услышала всплеск упавшего в воду новоиспеченного калеки.

Ещё двое нападавших в масках запрыгнули на лодку, и Джек знала, что за ними последуют и другие. Ближайший бросился на неё, миг покрыв разделяющие их футы. Джек плавно ушла влево, обходя меч противника, и оказалась лицом к лицу со следующим нападавшим. Она нырнула под яростным взмахом его меча, шагнула назад и блокировала удар первого.

Джек выкрутила запястье, удерживая меч мужчины у его груди и пнула левым коленом по почкам. Неудачливый противник упал на одно колено, и Джек одним лёгким движением толкнула, крутанулась и отошла в сторону. Её меч легко, словно воздух, прорезал горло мужчины, и кровь брызнула на палубу маленькой лодочки.

Она мельком заметила, что Джерин и Лей пятятся на корму лодочки, и два человека в чёрном размахивают перед ними мечами. Друзья Джек не привыкли настоящим битвам, хоть и были охранной командой. Они были всего лишь наёмными головорезами, и не могли выстоять перед тренированными воинами.

Из темноты вылетела стрела, и, едва не попав в Лея, вонзилась в гребца.

Джек резко побежала от своих оппонентов, чего никто из них не ожидал. Она прыгнула между противниками Джерина и Лея, её меч мелькнул влево, потом вправо, и оба врага рухнули наземь. Первый умер ещё до того, как коснулся палубы, а второй перед смертью пробубльнул что-то окровавленным ртом. Её противники уже были прямо за её спиной, так

что Джек шагнула вперёд, прежде чем обернуться, и встала между ними и своими друзьями.

Её меч размытым пятном блокировал выпад справа, а потом слева. Оба мужчины были выше её, у обоих руки длиннее, но ни один из них не мог сравниться с опытным Мастером Клинка. Джек сделала обманный выпад вправо, нырнула влево и коротким ударом отсекала мужчине ногу по голень. У того не было времени закричать — на обратном ходу Джек прочертила кровавую полосу на его лице, и её меч с восхитительным звоном встретился с мечом второго.

"Надо не забыть поблагодарить Дрейка".

Мужик попытался схватить Джек за волосы, но этот болван переоценил свои силы. В миг, когда он убрал левую руку от рукояти меча, Джек надавила, пробиваясь через защиту, заставила его выронить меч, ткнула, провернула и выдернула. Кровь продолжала брызгать из раны ещё долгое время после его смерти, а Джек осталась против пяти противников.

Джерин и Лей воспользовались возможностью встать возле неё, почувствовав, что ситуация меняется в их пользу. Лей посмотрел на Джек, открыв рот, чтобы сказать что-то, но тут же выпучил глаза и отступил назад, давая ей место. Она чувствовала, что кровь забрызгала её лицо, и дикая ухмылка, что растягивала уголки рта, несомненно, пугала врагов так же, как и союзников. Но Джек было плевать — она наслаждалась кровавым действием.

Один из противников метнул что-то в их сторону — нечто маленькое, тёмное и шипящее. Не столько разум, сколько инстинкт подсказал Джек закрыть глаза, но оказалось, что её тело медленнее инстинктов. Предмет взорвался в воздухе вспышкой слепящего, как солнце, света. Лей и Джерин с криками, шатаясь, отступили, но Джек умудрилась хотя бы частично закрыть глаза, и теперь щурилась, вглядываясь в обрушившуюся со всех сторон темноту, которая перемежалась яркими разноцветными пульсирующими сферами света.

Из моря цветов впереди проявилось мучительное пятно в форме мужчины. Джек не знала, друг это, враг или игра света, но не собиралась ждать, чтобы выяснить. Она нырнула, перекатилась, чувствуя, как что-то острое и смертоносное пролетело над её головой. Перекатываясь, она выбросила свой меч, почувствовала сопротивление, кто-то закричал, и что-то упало на палубу. Мгновением позже звуки стали напоминать смех.

Джек яростно потёрла глаза, и некоторые пятна света померкли, а другие стали людьми с оружием. А большое, шумное пятно, плачущее у её ног, оказалось лодочником. Он вцепился в лодыжку и ругался по меньшей мере на одном языке, которого Джек не понимала. Почти секунду она хотела извиниться, но передумала и снова повернулась к вооружённым пятнам, двигавшимся к ней.

Слишком поздно она увидела очередной искрящийся предмет, брошенный в её сторону. Он взорвался вспышкой слепящей боли, и на этот раз Джек нечем было прикрыть глаза.

"Чёрт, Джек, ты ослепла. Беги. БЕГИ!".

Она повернулась и побежала, не зная, куда бежит, зная лишь, от чего. Даже ей не справиться с пятью вооружёнными людьми, пока она не может видеть. Её нога за что-то загнулась, она закачалась, левая рука коснулась палубы лодки, покрылась чем-то влажным и липким с грубым металлическим запахом. Потом она поднялась и снова помчалась, слыша сзади крики, словно они раздавались откуда-то издалека. Её нога сильно ударилась обо что-то, и больше бежать было некуда.

"Край лодки".

Понимание пришло слишком поздно, и Джек уже падала за борт маленького судёнышка, головой вперёд, в кишачий чудовищами судоходный путь Соромо. Пальцы ухватились за

поручень, который шёл по всему борту лодки, но это не помогло: они были покрыты липкой кровью. Тепловатая вода ударила Джек, окутала её, полилась в рот, в нос и в уши.

"Не паникуй, Джек".

Всё ещё ничего не видя, она умудрилась как-то выровняться в воде и поднялась на поверхность, хватая ртом восхитительный воздух. Что-то коснулось её ноги.

"Паникуй, Джек!"

Перед глазами стояла мешанина тёмных пятен, сливавшихся в бесформенную неразбериху, но Джек заметила лодку поблизости — громадину, стоящую на спокойной воде. Ещё ближе располагалась коричневая полоска, привязанная к лодке — Джек надеялась, что это один из плотов, на которых прибыли нападавшие. Она бросилась в его сторону, благодаря всех безымянных Богов за то, что Юрий научил её плавать.

Добравшись до плота, Джек не стала тратить времени и выбралась на это сооружение. Оказалось, это всего лишь очищенные и связанные между собой брёвна, но их хватило, чтобы защитить её от подводных чудовищ.

Джек потёрла глаза, пытаясь разогнать плясавшие перед ними разноцветные пятна света. Лишь тогда она поняла, что её меч исчез — она бросила его, когда упала за борт.

"Восхитительная полоса металла, подарок от Танкуила, самая прекрасная вещь из всех, которыми ты когда-либо владела, теперь на дне Изумрудного моря".

Фраза "она разозлилась" даже приблизительно не описывала то, что чувствовала Джек, нетвёрдо поднимаясь на ноги. Она перемахнула через поручень и снова вернулась на лодку.

Она увидела, что осталось лишь четыре человека в чёрном — пятый исчез, как и все гребцы, которые сбежали или были убиты. Лея и Джерина прижали к грузовому отсеку, а два нападавших на носу пытались проделать ещё одну дыру в Салли. Джек побежала и набросилась на двоих, атаковавших Салли. Её правая рука выхватила один из двух коротких мечей, висевших в ножнах на спине, и клинок мелькнул, оставив длинный разрез на спине первого человека — тот и понять не успел, что случилось. Он упал ещё живым, но Джек решила, что его прикончит Салли, а клинок в её руках изменил направление и вонзился в шею второму мужчине ещё до того, как он смог отреагировать.

Когда он упал, Джек поставила ногу ему на спину и высвободила свой меч в брызгах крови, плоти и кости. Обернувшись, она увидела, что Лей упал и уползает прочь, а Джерин убрался от грузового отсека и всё ещё сражается против своего оппонента. Другой нападавший возился с замком каюты. Джек не теряла ни секунды.

Она нагнулась, доставая кинжал из сапога, и метнула в мужчину, пытавшегося убить Джерина. Услышала крик, когда кинжал попал в цель, но не стала заострять на этом внимание, бросившись на последнего человека.

Он не успел обернуться к ней, слишком увлекшись замком. Её меч пробил ему грудь насквозь и на дюйм вонзился в толстую деревянную дверь. Джек безошибочно услышала женский вскрик.

Она посмотрела назад как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джерин, тяжело дышащий и с безумными глазами, но не раненный, пинает труп только что почившего нападавшего. Командир маленькой охранной команды глубоко вдохнул, и выдохнул, произнося молитву о мёртвых, а потом повернулся к Джек.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Проклятье, Джек, — сказал Джерин, и призрак улыбки вернулся на его губы. — А ты и правда умеешь драться.

Она кивнула, глядя мимо Джерина в сторону жилого района. Фонари горели, и люди высыпали на улицу, смотрели на них и перешёптывались. Крики и лязг металла по металлу привлекли ненужное внимание к стычке, и Джек не сомневалась, что городская стража убралась отсюда подальше.

— Блядь, — громко ругнулась она.

— Что?

— Я уронила свой меч, — призналась она выжившим. Сал помогал лодочнику, а Лей занимался неглубоким порезом на своих рёбрах. Он снял рубашку, демонстрируя грудь, на которой волос было меньше, чем у большинства женщин.

— Где?

— За бортом.

— Ох.

— Блядь, — снова ругнулась Джек и в бессильной ярости пнула по двери. И снова из грузового отсека донёлся испуганный вскрик.

Джекзет посмотрела на дверь, потом на Джерина, который пожал плечами, а потом на лодочника, который хромал в их сторону при помощи Салли.

— Открой, — приказала Джек владельцу лодки.

— Нет, — ответил лодочник. Его голос дрожал, хотя он вызывающе выпятил челюсть.

— Пожалуйста, — Джекзет вложила в это слово как можно больше угрозы.

Лодочник отпрянул от неё. Он оторвался от Салли и сел на палубу, убирая вес с лодыжки, которую ранила Джек.

— Женщина, хоть ты и страшная, но ещё больше я боюсь капитана Моррасса, а это его груз. Эта дверь откроется, когда мы доберёмся до точки назначения, и не раньше.

Джекзет сплюнула и в награду услышала резкий вздох лодочника. В Диких Землях плевок считался пустой тратой воды, вот и всё, но здесь, в Соромо, плевок на чью-то собственность считался сильным оскорблением, смыть которое можно лишь насилием или приличной компенсацией.

— Сал, дверь, — сказала Джек.

Здоровяк проворчал, дохромал до двери грузового отсека, приложил плечо к двери и навалился на неё всем своим весом. Раздался хрип, треск, замок вырвался, и дверь распахнулась внутрь отсека. Сал некоторое время таращился в каюту, а потом присвистнул и отошёл в сторону. Джек подошла к дверям и дала глазам привыкнуть к темноте.

Внутри находилось семь женщин, и все они показывали татуированные руки, а значит, были либо рождены в благородном семействе, либо помолвлены с кем-то из благородных. Они сгрудились в дальней части каюты, стараясь держаться как можно дальше как от других пленниц, так и от силуэта Джекзет в проходе. Каждая из них была низкого роста, как и подобает женщинам в Соромо, но не слишком низкого. У каждой тёмные глаза, длинные тёмные волосы, и все робкие и напуганные.

Джекзет отошла от грузового отсека, качая головой.

— Дрейк, да ты, блядь, должно быть, шутишь. Изю всех тупых...

— Закрой дверь, Сал, — донёлся сзади голос Джерина. — Ты, — он указал на лодочника. — Ты знаешь, где пункт назначения? Можешь доставить нас туда?

— Хм, да, — с запинками произнёс лодочник, явно сильно потрясённый. — Но здесь некому...

— Скажи, куда плыть, и мы шестами дотолкаем эту развалюху, — сказал Джерин. —

Сал, живо закрой дверь!

Джеззет стояла между Салли и грузовым отсеком и не собиралась отходить. Здоровяк посмотрел на неё, потом на Джерина, явно не зная, как поступить.

— Мы не будем доставлять этих женщин Дрейку, — сказала она очень громко и очень ясно. — Я не дам продать их в рабство, чтобы набить его карманы.

Джерин сделал шаг вперёд, и Джез заметила, что он всё ещё держит в руке меч.

— Меня интересуют только наши карманы, Джеззет, — прошипел он. — Моррасс хорошо платит за эту работу, очень хорошо. Этого хватит, чтобы я мог перевести свою семью на другой уровень. Мы сможем выбраться из отбойников, и мои дети смогут стать... кем угодно. Кем угодно, но не такими, как мы. Отойди, Джеззет.

Она покачала головой.

— Тебе легко принимать высокоморальные решения. Тебя охраняет Инквизиция. У тебя есть всё, чего ты хочешь. Ходишь в гости к императрице, а потом заявляешься сюда и изображаешь из себя с нами бедную. Ты не бедная, и ты не одна из нас. Если я не выполню работу, моя семья будет голодать неделю. А если ты не выполнишь работу, то просто приползёшь обратно во дворец и попросишь у своего арбитра ещё немного монет. В последний раз, Джеззет. Отойди.

Преуменьшением было бы сказать, что его нападки достигли цели. Джез ранило в самое сердце, что они видели в ней какую-то высокородную дамочку, играющую в простолюдинку. Но не этот вопрос её интересовал, не сейчас. Она снова покачала головой.

— Мы освобождаем этих женщин, Джей. Неважно, что ты там обо мне думаешь. Я не позволю отдать их Дрейку ради его выгоды и развлечения.

Она увидела. Как он крепче сжал рукоять меча. "Не делай этого, Джей. Пожалуйста".

Он улыбнулся. Для Джерина это не было редкостью, но на этот раз его улыбка была другой. Джез прежде много раз видела эту улыбку, но обычно на лицах раненых и умирающих.

— Скажи Моррассу, я попытался, — сказал Джерин и бросился на неё, подняв меч и размахивая им.

Меч Джез всё ещё был в её руке, и так легко было отбить нападение Джерина вправо, а самой плавно уйти влево. Другая рука отыскала рукоять второго короткого меча, и тот вылетел из ножен, повернулся и скользнул Джерину в бок, в цель его скудных доспехов, в его мягкую незащищённую плоть. Он плаксиво, скрежещуще булькнул, изо рта потекла кровь, и он закачался. Джез слегка повернула меч и вытащила.

Кровь брызнула ей на сапоги, и тело её босса, человека которого она до последнего момента считала своим другом, рухнуло на палубу.

— Прости, — прошептала она, но было слишком поздно, свет уже потух в его глазах.

В садах для Джеззет всегда было особенное очарование. Не в тех садах, где выращивают фрукты, овощи или травы — она понимала, что в них есть цель — но в тех, которые создавались исключительно для эстетики. Они принадлежали лишь тем, кто был чрезмерно богат, и служили лишь для того, чтобы продемонстрировать, насколько их богатство чрезмерно. Сады, известные под названием Драконий Насест, расположенные на самой вершине императорского дворца, в своём чистом бесцельном существовании являли собой расточительность сверх всякой меры.

"Впрочем, они красивые".

Драконий Насест изначально был создан исключительно для императрицы, принцев и их драконов, но предыдущая императрица, Нерис Чио, практически изгнала Драконьих принцев из своего двора. Она разделила их и каждому дала в управление маленькую частичку своей империи. Принцы сражались и воевали, но в своих сражениях оставили столицу в относительном мире. Тогда Нерис Чио открыла Драконий Насест своим бездраконным гостям, и нынешняя императрица сохранила этот обычай. Джеззет, несмотря на свой обычный скептицизм по отношению к легкомысленной трате денег такого рода, была очень довольна. В садах ощущалось житейское умиротворение, которое, похоже, успокаивало её, даже когда чувства пребывали в смятении, а сегодня смятение просто зашкаливало.

Перед ней, покачиваясь в спокойном воздухе, падал цветок вишни. Джеззет с натренированной точностью прервала его извилистый путь, сжав в кулаке. Вишнёвые цветы казались ей худшим из непрактичных капризов. Весь город был построен на слоях плавающих плотов, так что почву приходилось переправлять с континента и помещать в специально сделанные лохани. Эти лохани нужно было каждый день поливать и подкармливать питательными веществами, иначе деревья росли чахлыми, или не росли вовсе. Цветение всех деревьев было поразительным зрелищем и поразительным проявлением излишества. Нежно-розовые лепестки цвета сосков окружали её со всех сторон, кроме балкона позади.

Она прислонилась к поручню балкона, смотрела, изумлялась, чувствуя, как глубоко внутри неё всё успокаивается. Оно длилось недолго. Дрейк отыскал её.

Пиратский капитан и любовник императрицы приблизился к Джез с улыбкой на лице, которую большинство женщин нашли бы очаровательной. Но Джез так не считала, фальшивые чувства она распознавала, едва только увидев. На балкон вела дорожка белого дроблёного гравия, но Дрейк Моррасс её игнорировал — он шёл вдоль дорожки, намеренно ступая по короткой зелёной траве, словно это было для него какой-то великой победой. Он был вооружён: на левом бедре висел длинный меч, а под камзолом прятался кинжал, который, по мнению пирата, она не могла видеть.

Дрейк остановился в нескольких футах от Джез и изобразил низкий, слишком формальный поклон, с которым следовало обращаться лишь к монаршим особам. Джеззет сомневалась, что он хоть кому-нибудь так кланялся, включая императрицу. Было что-то насмешливое в таком глубоком поклоне. Как обычно, одет он был безупречно — элегантные штаны чёрного цвета с золотой оторочкой, и высокие сапоги почти до колен. Чёрная рубашка, также с золотой отделкой, из материала, похожего на шёлк. Куртка, не хуже любой

из всех, что Джек когда-либо видела — королевского тёмно-синего цвета, и столь прекрасно сшитая, что выглядел пират, как само воплощение благородства. Волосы цвета тёмного дуба были коротко пострижены — но не слишком коротко, до мочек ушей. Во рту на солнечном свету блестел золотой зуб.

— В вечернем свете ты выглядишь лучезарно, Джезет Вель'юрн, — проворковал Дрейк тихим бархатным голосом. Солнце позади Джезет как раз начало опускаться, заливая балкон жарким белым светом, и она сомневалась, что это хоть как-то улучшало её внешний вид.

Она уставилась на него, изо всех сил делая вид, что ей всё равно, но Дрейк проигнорировал враждебный взгляд, подошёл к ней, облокотился на перила и уставился на сад. Потом откинул волосы с лица и посмотрел на Джезет.

"Проклятье, а он красавец".

— Ты не справишься... — начал он.

— Ты торгуешь рабынями, — перебила она.

— Что...

— Блядь, Дрейк. Не просто рабыни, так ещё и благородные. С рождения обученные быть уступчивыми и приятными, а ты крадёшь их у их семей и продаёшь... кому? Куда ты их забираешь? Какого хуя ты думал?

Дрейк громко рассмеялся гортанным радостным смехом, и это звучало искреннее всего, что она слышала от пирата. Отсмеявшись, он заговорил приглушённым голосом.

— Если бы я торговал рабами, то зачем бы мне нанимать тебя для их защиты? Думаю, в этом случае мои люди справились бы куда лучше.

Джек скептически посмотрела на него.

— Чтобы не впутывать в это твоё имя?

— Ага, это причина, по которой я тебя нанял. Но если бы я занимался работорговлей, к чему мне эти проблемы? Капитан Дрейк Моррасс связан с работорговлей — и кому не похуй на это? Даже если речь о нескольких благородных девицах. Конечно, семья-другая от этого бы взбесилась, но кто стал бы поднимать шум, раз императрица каждую ночь сосёт мой хуй?

— Тогда почему...

— Я не крал тех женщин, Джезет... Или, ну, крал, но не для рабства. — Дрейк щеголевато улыбнулся. — Я их спасал.

— Лжец!

— Да уж, сложно поверить. Но это правда.

— Дрейк Моррасс ничего не делает без выгоды для себя, — сказала Джезет, хотя уже и не была уверена в своих словах. Она проворачивала в уме последствия, если всё это окажется правдой.

— О, поверь мне, для меня в этом есть немалая прибыль. И более того, я действительно продал бы этих милых сексапильных пиздёнок. Они, или их семьи, заплатили мне за то, чтобы спасти их от ужасной доли любовниц в Соромо. Предполагалось, что я увезу их в Ларкос, где они смогут... ну, они смогут заниматься любой хуйнёй, которая взбредёт им в голову. Но теперь всему этому конец, поскольку ты спасла их от меня, вернула их обратно их мужьям-чиновникам, или хозяевам, или как бы, блядь, они их там не называли.

Если это было правдой, то Джезет *спасла* женщин от свободы и приговорила к жизни в рабстве, в полную противоположность своим намерениям.

— Тогда спаси их, — сказала она. — Ты сказал, они платят тебе, чтобы ты их вытащил.

Найди их и снова похитить.

Дрейк засмеялся и покачал головой.

— Я сказал, что они мне заплатили. В прошедшем времени. Плату я получил вперёд. Где бы сейчас ни были эти бедные женщины, это вовсе не моя забота. Если чувствуешь вину за то, что вернула их угнетателям, то сама их и спасай.

— Я не смогу...

— Не-а, — сказал Дрейк, снова улыбаясь. — Ты не станешь. Всем известно, что Джеззет Вель'юрн живёт только для себя.

Джез угрожающе шагнула в сторону Дрейка, и он умиротворяюще поднял руки. Она была на добрый фут ниже него, и обычно у неё неплохо получалось запугивать мужчин, но Дрейк ничуть не испугался, только развеселился.

— Джез, я пришёл сюда не драться. На самом деле я принёс предложение мира.

Рука Дрейка сместилась к рукояти длинного меча, висевшего на его бедре. Но прежде, чем она туда добралась, оба коротких меча Джез уже покинули ножны — один поднят для защиты, готовый отбивать удары, а второй указывал на Дрейка готовый убивать.

— Даже не пытайся, Дрейк, — сказала Джез, хотя какая-то часть её надеялась, что он попытается.

— Неужели ты считаешь меня настолько глупым, что думаешь, будто бы я стал лично нападать на тебя, если бы хотел твоей смерти? В поединке один на один?

— Ну, я слышала, что ты безумен.

— Ага. Я тоже это слышал, а ещё — что меня родила богиня моря О'тстетта, и после того, как она меня исторгла, я повернулся и съел её.

Джез фыркнула от смеха.

— Этого я вроде не слышала, — свои мечи она по-прежнему держала наготове, но у неё появилось отчётливое чувство, что Дрейк не собирался с ней сражаться.

— Да, я это только что выдумал. Впрочем, думаю, надо бы запустить этот слушок, пожалуй, он приживётся. — Несмотря на то, что острые, опасные клинки были направлены в его сторону, Дрейк вытащил длинный меч из ножен на бедре, и Джез почувствовала, как у неё отвисла челюсть. — Видимо, узнаёшь?

"Ещё бы, чёрт возьми, это же мой меч!"

— Я потеряла его за бортом, — сказала она. — Чёрт, как ты его спас?

Дрейк широко ухмыльнулся, став ещё привлекательнее.

— Отродье морской богини.

Он перехватил меч и протянул ей рукоятью вперёд. Немного подумав, Джез решила, что вряд ли он попытается выкинуть какую-нибудь пакость, и убрала короткие мечи в ножны. А потом протянула руку, страстно желая снова получить свой длинный меч.

В миг, когда рука Джез коснулась рукояти, Дрейк отбросил меч, и тот, пролетев в воздухе, застучал по камням балкона. В тот же самый миг пират сунул руку за пазуху за спрятанным ножом. Джез отреагировала так же быстро. Когда нож мелькнул в её сторону, она увернулась вправо и схватила руку Дрейка. Он вырвался и шагнул назад, встав между Джез и её мечом.

Она согнулась в боевой стойке, но не стала доставать мечи — что-то подсказало ей, что это не понадобится.

— Дрейк, ты что делаешь?

Он ухмыльнулся ей, его золотой зуб притягивал взгляд, блестя в солнечном свете.

— Просто веселюсь.

Он бросился к ней, рука в движении стала размытым пятном, нож метнулся в её сторону. Джек уклонилась вправо, потом пригнулась и увернулась. Дрейк не сбавил темпа, но Джек была готова к следующему удару. Она поймала его запястье и вывернула. Пиратский капитан вывернулся вместе с ней и подошёл ближе. Джек обнаружила себя слишком близко к Дрейку — так близко, что видела каждый отдельный волосок на его идеально ухоженной щетине, так близко, что чувала его грубый мускусный запах.

Клинок кинжала оказался близко к её шее, но не достаточно близко, чтобы порезать, и к тому же рука Джек лежала на рукояти, между лезвием и её кожей.

— Видишь, — сказал Дрейк, и от его дыхания пахло мятой с привкусом рома. — Разве не весело?

"Весело".

Джек пнула пирата по голени, шагнула назад, крутанулась, не отпуская рук с рукояти ножа, и снова подошла к нему. К тому времени как Дрейк очухался от удара, Джек уже стояла к нему так же близко, но на этот раз нож был у его шеи, и не было руки между лезвием и его кожей.

— Джек, тебе кто-нибудь говорил, что ты гибкая?

Она ухмыльнулась.

— Много раз. И он видел, насколько именно я гибкая.

Она без предупреждения сильно толкнула, и Дрейк отшатнулся, выпустив кинжал и схватившись за перила балкона. Джек подошла к своему упавшему мечу, подняла и швырнула кинжал с балкона в кристально-чистые воды пруда внизу. Повернулась и быстро пошла по дорожке прочь от Дрейка.

— Спасибо за меч, — крикнула она назад, не трудясь оборачиваться. Она надеялась, что он ругнётся или крикнет в ответ, но, уходя прочь, услышала от Дрейка лишь резкий хохот.

Неприятной необходимостью жизни Джез нынче было ожидание монарших особ и аристократов, хотя она уже начала к этому привыкать. Это по-прежнему действовало ей на нервы, но она понимала причину этого, поскольку Д'роан, благородный из Диких Земель, который много месяцев относился к ней, как к своей личной рабыне, с удовольствием обучал Джез политике и играм, в которые любят играть облечённые властью. Магистрат Хидео Рурин вызвал Джеззет, а теперь, когда она пришла, он заставлял её ждать — грубый способ показать свою важность.

"Джез, ты можешь уйти". Она обернулась и посмотрела на стражников у бумажной панели, служившей дверью. "Вряд ли кто-то из них может тебя остановить". Они были одеты в тяжёлые робы, застёгнутые на пуговицы справа налево, и у каждого поперёк спины висел единственный изогнутый меч. Джеззет никогда не нравилось держать оружие в ножнах таким образом — этот урок Юрий преподавал ей на практическом примере.

В том примере они использовали простые длинные мечи, каждый точная копия другого. Оружие Джез висело в ножнах поперёк спины, рукоять торчала у неё над правым плечом, а оружие Юрия висело на бедре. Реакция Джез, если уж на то пошло, была даже быстрее, чем у Юрия, хоть и совсем чуть-чуть. Но всякий раз Джез была мертва ещё до того, как её меч покидал ножны, и всякий раз Юрий болезненно доказывал свою точку зрения. И шрамы, доказывающие её, остались у Джез до сих пор...

Один из стражников заметил, что она наблюдает, и сердито посмотрел в ответ. Джез послала ему воздушный поцелуй и рассмеялась, когда болван покраснел. Следовало признать, что они были дисциплинированными — все люди в Драконьей империи были дисциплинированными. В Диких Землях народ редко мог усидеть на месте, и большинство стражников были всего лишь головорезами с заданием. Но здесь, в Соромо, это были обученные воины, способные и готовые часами непрерывно сидеть на коленях, ничего не видя и ничего не слыша, пока их хозяину не потребуется помощь.

Джез решила не садиться на колени на предложенную ей циновку, а развалилась, подставив локти. Оскорбление магистрата — пусть маленькое и жалкое, но ей было плевать. Ещё она знала, что столь явная демонстрация груди, даже под одеждой, заставит его чувствовать себя неудобно. Мужчины в Соромо всегда чувствовали себя неудобно рядом с тем, чем не могли обладать.

"Я скучаю по стульям", — решила Джез, ожидая. Во всей треклятой империи было не найти ни единого стула, если не считать уродства, которое они называли троном. Джез не считала.

Бумажная панель раскрылась, и вышел магистрат Рурин. Он замер на полушаге, когда увидел, как расположилась Джез, и его щёки покраснели. Он закашлялся и плотно запахнул свою пурпурную робу.

"Какой искусный способ скрыть возбуждение". Джез ухмыльнулась ему.

— Мастер Клинка Вель'юрн, — сказал магистрат, встав на колени на циновку, и скрестил руки, спрятав их внутри мантии.

"Прошло уже много времени с тех пор, как кто-то использовал твой полный титул, Джез. В прошлый раз это было... никогда. Чувствую, меня оценили по достоинству".

— Называйте меня Джеззет, — сказала она, отметив, что мужчина не встречается с ней

взглядом. — Простите. Вы обращались ко мне или к моим сиськам?

Ноздри магистрата Рурина встопорщились, и Джез услышала, как сзади один из охранников охнул, а другой вскочил на ноги. Впрочем, он ещё не достал свой меч — и это была единственная причина, по которой она его ещё не убила.

— Отец, нельзя позволять этой... женщине говорить с тобой таким образом.

— Возможно, вам стоит приказать Рурина-младшему сесть на место, — сказала Джез. — Если только вы не можете себе позволить потерять ещё одного сына.

Магистрат Рурин глубоко вздохнул, а потом махнул своему сыну.

— Сядь, Хачи. Мастер Клинка Вель'юрн — наша почётная гостья, и относиться к ней следует с большим уважением.

Вряд ли он мог сказать хоть что-нибудь, отчего Джез стала бы ещё подозрительней. Хидео Рурин с самого начала был одним из самых пылких сторонников движения за избавление от Джеззет Вель'юрн, и вот теперь она его почётный гость.

"Осторожнее, Джез. Здесь что-то не так. Когда сомневаешься, встречай врага с высоко поднятой головой". Ещё один урок Юрия — и для битвы и для жизни. Она была женщиной, и не из крупных, и мужчины редко ожидали, что она даст им отпор.

— В какие игры вы играете, Хидео? Сначала хотите вышвырнуть меня из вашей империи, а теперь я... разве почётному гостю не полагаются закуски? Или хотя бы выпивка?

— Вы оказали нам огромную услугу, Мастер Клинка. Вы вернули нам нашу собственную женщину.

— Ах, вот оно что.

Магистрат немного поёрзал — несомненно, ему было неуютно от мысли, что нужно относиться к женщине как к равной.

— Я хотел бы сделать вам предложение, Мастер Клинка Вель'юрн. Такое, которое, на мой взгляд, вы не сможете отклонить.

Джез едва не рассмеялась.

— Давайте послушаем.

— Я хочу, чтобы вы уехали. Скажите Драконьей императрице, что рады были бы остаться, но пришло время уезжать. Скажите ей, что настало время продолжить ваши путешествия, или увидеть другую часть мира, или вернуться домой — что бы вы не называли домом.

На этот раз Джеззет всё-таки рассмеялась.

— А взамен я предлагаю вам вашу жизнь...

— Интересное предложение, с учётом того, что вашу я могу забрать прямо сейчас. И нет, — она посмотрела через плечо на двух стражников, — вы не сможете меня остановить.

— Я предлагаю вам вашу жизнь и жизнь вашего любовника. Если откажетесь, то я прослежу, чтобы вас казнили за ваши преступления.

Джез направила на этого зануду холодный взор — холодный, как самое глубокое море.

— Я отказываюсь. Что бы, по-вашему, вы не могли сделать мне или ему, я умоляю вас, попытайтесь. — Возможно, это было уже немного чересчур, но Джеззет всегда неважно отвечала на угрозы, а этот человек явно ей угрожал. — Мне кажется, единственная причина, по которой вы так сильно хотите, чтобы я исчезла, это страх. Поэтому нет. Я никуда не уеду.

— Последний раз я прошу вас передумать, Мастер Клинка Вель'юрн.

Джеззет встала и направилась к выходу.

— Прощайте, магистрат.

— Среди нас есть герой, — с улыбкой объявила Драконья императрица.

"Слушает ли это кто-то из Богов? Клянусь, я узнаю и запомню твоё имя, если остановишь это".

Императрица указала в сторону Джез.

— Мастер Клинка Джеззет Вель'юрн.

Некоторые из собравшихся чиновников скупно закивали, полупритворно изображая уважение, но за спиной Джеззет поднялся рёв овец. Она ещё удивлялась, зачем сегодня дворец открыли для простолюдинов. Джез даже не знала, что существует столько Драконьих рыцарей, сколько их сегодня охраняло, но простолюдины всё равно радостно выкрикивали её имя. Она почувствовала, как краснеют её щёки.

Ощущая одновременно унижение и странную гордость, с которой она не могла ни разобраться, ни согласиться, Джез переносила утверждения о своих *великих* деяниях, решив во что бы то ни стало пройти через это и остаться невредимой. Если и было что-то, что она ненавидела сильнее внимания масс, то вспомнить этого она не могла.

"Одно утешение, Джез. Большинству чиновников явно ещё неуютней, чем тебе". Она заметила магистрата Рурина, который старался не смотреть на неё. Всё своё внимание он направлял на императрицу, как и полагалось в её присутствии.

— Она показала исключительную силу и отвагу, сражаясь, чтобы спасти наших граждан от неминуемого рабства, — продолжала императрица громким, чистым, недрогнувшим голосом, хотя и была ещё такой юной, и обращалась к таком огромному количеству людей. Джез не сомневалась, что выпрыгнула бы из ближайшего окна, окажись она в положении императрицы. Она поблагодарила безымянных Богов, что обращаться к публике в присутствии императрицы считалось неуместным, иначе её заставили бы произносить какую-нибудь речь собравшимся.

— Мы жалуем ей титул Да Чи и все права, привилегии и ответственность, ему сопутствующие.

"Чудесно, очередной титул. Нынче их у меня целая коллекция". Судя по охам некоторых чиновников и восторженным крикам простолюдинов, Джез решила, что титул этот весьма значительный, хотя она его никогда раньше не слышала, и никто с ней этот вопрос не обсуждал. Какие бы привилегии и ответственность она сейчас не получила, можно было с уверенностью сказать, что она их не желала и не заслуживала.

"Джез, они слишком это всё раздувают. Что-то здесь не так". Она начинала притягивать множество злобных взглядов от чиновников, и они уже не трудились даже скрывать их. Никто не заговорил бы из-за страха перед репрессиями императрицы. Сейчас чиновники стояли перед публикой, и любой, кто стал бы спорить с юной правительницей, скорее всего, оказался бы проткнут мечом из драконьей кости. Но Джеззет не могла избавиться от ощущения, что императрица нарисовала на ней мишень, в которую будут целиться все чиновники.

Остаток утра был куда меньше насыщен событиями и тянулся медленно. Джеззет легко могла сидеть спокойно часами напролёт — Юрий в качестве тренировки заставлял её делать куда худшее и намного дольше, но определённо это был тупой способ тратить время. Оказалось, что трудно не задумываться о своём, и, как только её воля ослабевала, проклятый разум соскакивал напрямик на мысли о Танкуиле.

Она раздумывала о том, чем он занят, где он, и нашёл ли уже ведьму. Но более того она размышляла о том, думает ли он сейчас о ней, скучает ли по ней так же, как она скучает по нему.

Джез осмотрела громадный зал. Как обычно, чиновников было множество. Много ещё оставалось и простолюдинов, хотя из низших классов никого — им также полагалось стоять на коленях, но их статус не давал им роскоши циновки. Императрица сидела на своём костяном троне, за её спиной возвышалась огромная дракониха, а справа сидел Драконий герольд.

"Дрейка здесь нет". Джез поняла, что это расстроило её немного сильнее, чем ей бы хотелось. Она уже привыкла к присутствию щеголеватого пирата, и ей уже почти нравились их совместные развлечения посреди сурового формализма двора императрицы. Они делились невысказанными шутками при помощи улыбок и закатывания глаз, и хотя она никогда не стала бы ему доверять, но считала его одним из немногих своих союзников в Соромо. В конце концов, он оказался далеко не таким плохим, каким его рисовали все байки. Она раздумывала, где же он, и почему его нет на приёме. Если императрица и возмущалась его отсутствием, то ничуть этого не показывала, но Джез могла себе представить, что девушка тоже испытывает некоторое смятение чувств.

Незадолго до полудня дракониха императрицы оповестила о завершении собрания. Чудище, которое до этого казалось спящим, мрачно заурчало, а потом рывкнуло. Императрица кивнула и предложила всем выйти. Джеззет, поднявшись, отметила, что магистрат Рурин и ещё двое помедлили, несомненно, собираясь в тайне перекинуться словечком наедине с императрицей. Она фыркнула от смеха и быстро направилась к выходу. Некоторые простолюдины, которых охрана заставляла не сходить с места, пока не вышли *вышестоящие* лица, заплодировали ей, когда она проходила мимо. Джеззет ускорила шаг, чтобы убраться подальше от их благоговейных взглядов.

За дверями огромного зала она увидела ожидавшего её Драконьего герольда. По-прежнему одетый в свои доспехи из костей дракона, он производил сильное впечатление, и снова Джеззет почувствовала желание испытать себя против него в поединке. Он отвёл её в сторону, в маленькую комнату с низеньким столиком и циновками по обе стороны от него. Как и большинство комнат в Соромо, эта отделялась от остальных лишь маленькими бумажными полотнами.

Драконий герольд сел на одну из циновок и махнул Джеззет на другую, а затем заговорил приглушённым голосом.

— Вы теперь Да Чи, — сказал герольд.

— Значит, любезности пропускаем? Что ж, тогда да, похоже на то. А что именно это означает?

Герольд нахмурился, очевидно, пытаясь выбрать подходящий термин.

— Драконий друг.

Джеззет изогнула бровь.

— Я знаю лишь одного дракона, это дракон императрицы. Сомневаюсь, что мы друзья, и уж точно не в прямом смысле этого слова.

Герольд не засмеялся, не нахмурился. Он бесстрастно смотрел на Джез, пока она не вздохнула и не пожала плечами:

— Продолжайте.

— Производя вас в Да Чи, императрица не обзавелась союзниками среди чиновников.

Вы первая почти за сотню лет, и единственная женщина среди всех, кому был пожалован этот титул.

— Ну, я определённо чувствую, что это большая честь для меня, — с улыбкой саркастически заметила Джез, но в ответ снова не получила никакой реакции. Драконий герольд был столь бесстрастен, что с тем же успехом мог быть вырезан из камня. — Так что конкретно это значит?

— Вам даровано право получить земли в пределах Драконьей империи и дом в районе Кай.

Глаза Джеззет расширились. Район Кай был зарезервирован лишь для гостей королевской крови, Драконьих принцев и самых доверенных магистратов. И Джеззет получила дом в самом выдающемся районе города. "Неудивительно, что чиновники были недовольны".

— Содержание вашего дома будет вашей ответственностью, — продолжал герольд, игнорируя очевидное удивление Джез. — Также теперь у вас есть место в совете. Вам надлежит присутствовать там по меньшей мере один раз в месяц во время проживания в Соромо, и ваш голос будет учитываться.

Совет являлся правящим органом в подчинении императрицы. Там обсуждались решения, которые считались не достаточно важными для её внимания, и совет всегда состоял исключительно из мужчин. То, что такое место, такой голос достались Джеззет...

"Тобой играют, Джез".

— Почему? — спросила она.

— Потому что так желает императрица.

— Да, конечно, но почему?

Драконий герольд встал и склонил голову.

— Ваши вещи уже перенесены в ваш новый дом. Слуга встретит вас снаружи, чтобы показать вам дорогу. Удачи вам, Да Чи, Мастер Клинка Джеззет Вель'юрн.

С этими словами герольд направился к двери, открыл панель и исчез за ней. Потрясённая Джеззет неподвижно сидела ещё некоторое время, не зная, как реагировать. Зачем императрице давать ей такую силу? За многие годы Джеззет научилась благоразумию и понимала, когда из неё делают пешку в большой игре, и сейчас от этого чувства её трясло. К сожалению, она не видела иного выхода из положения — разве что поджать хвост и сбежать. С мрачной решимостью она настроилась согласиться с капризами императрицы. По крайней мере, до тех пор, пока не вернётся Танкуил — а потом, решила она, они найдут настоящую необходимость оказаться где-нибудь в другом месте.

Той ночью они пришли за ней крупными силами.

Первый Драконий рыцарь умер мгновенно — он не был готов к встрече с грубо разбуженным Мастером Клинка, у него не осталось времени даже поднять свой симпатичный меч.

Джез всегда спала чутко. В первые дни обучения это предупреждало её о том, что Юрий пришёл за сексом. Она лежала и притворялась, что спит, пока старый ублюдок трогал её, снимал одежду и бесцеремонно вторгался в неё. Позднее они превратили её чуткий сон в упражнение. Юрий пытался подкрасться к ней, неожиданно напасть на неё. Это у него ни разу не получилось, но, хоть она всегда просыпалась при его приближении, ни разу ей не удалось взять над ним верх.

Но то тогда, а это — теперь. Эти люди не были Юрием, а она уже не была его ученицей. Теперь она была Мастером Клинка с почти десятилетним опытом, и за всё это время лишь одному человеку удалось к ней подкрасться — Танкуилу.

Она выкатилась из кровати — инстинкт заставил её тело действовать задолго до того, как разум осознал положение. Первый Драконий рыцарь проломился через дверь, меч Джез рубанул его по незащищённому лицу, и мёртвый рыцарь тяжело рухнул на пол.

Она спала в своём новом доме, в самой большой спальне, окружённая бумажными панелями, которые выполняли роль стен. Силуэты подсказали ей, что будут и другие противники, и она уже знала, что силой ей с ними не сравнится.

Когда второй Драконий рыцарь вломился в маленькую комнату, игнорируя дверь и прорвавшись через бумагу стены, Джез схватила свой второй короткий меч. Какая-то её часть отметила тесноту окружения и решила, что длинный меч здесь будет слишком велик. На ней было надето лишь нижнее бельё — штаны и лёгкая хлопковая рубашка белого цвета.

"Было время, когда ты спала в доспехах, Джез. Ты слишком долго жила в удобствах".

Большая часть мужчин Драконьей империи, скорее всего, остановились бы и уставились на её едва одетую фигуру, но здесь были Драконьи рыцари, и их не так легко было отвлечь. Джеззет обоими мечами блокировала смертоносный выпад, и в маленькую комнату ворвались ещё два мужчины.

"Тебе нужно место получше, Джез. Беги!"

Она плюнула в лицо Драконьему рыцарю, повернулась и побежала, схватив на бегу свой табард и проломившись через одну из бумажных панелей. "Эти чёртовы тонкие стены работают в обе стороны". Её мучило, что длинный меч пришлось оставить, но тут уж ничего не поделаешь.

Джез пробилась ещё через две комнаты, оставляя за спиной порванную бумагу и сердитые крики, а потом врезалась внешней стеной здания, деревянную. Слева появился Драконий рыцарь, и прежде чем он смог понять хоть что-то, Джеззет бросилась на него. Первый удар её меча пришёлся на кольчугу, но второй меч отыскал слабое звено и вонзился в живот. Джез почувствовала, как горячая жидкость окатила её руки, а мужчина упал, и на его лице застыло удивление и непонимание. Впрочем, она не теряла времени на обдумывание выражения лица, а побежала, поскольку показались новые Драконьи рыцари.

Даже со скользкой от крови рукой ей понадобился лишь миг, чтобы набросить табард на голову и второй рукой подпоясаться. Она вырвалась в боковую дверь и оказалась в саду, которого раньше не видела. Раньше тем же днём Джез провела почти десять минут,

осматривая новый дом, а потом её одолела скука, и к тому же она нашла шкаф, полный рисового вина, что, конечно же, было всего лишь счастливым совпадением.

Теперь же её окружала постриженная зелёная трава на миниатюрном холме посреди угодий. По краям сада росли фруктовые деревья, а где-то слева она услышала журчание воды и редкое постукивание дерева по дереву. Высоко висел почти полный круг луны, и звёзды заполнили ночное небо, словно тысячи крошечных свечей, мерцающих, чтобы доказать своё существование. Её окружили Драконьи рыцари.

Оставшиеся от той группы, что пыталась застать её врасплох, вывалились через дверь позади неё. Рыцари впереди и по бокам стояли наготове, с обнажёнными мечами в руках и каменными выражениями на лицах.

Джез остановилась в центре маленького заросшего травой садика и прикинула. Она насчитала пятнадцать Драконьих рыцарей, и с учётом двух уже убитых, это означало для неё что-то вроде полного пиздеца.

"Некуда бежать, негде скрыться".

— Положи мечи, Мастер Клинка, — сказал один из Драконьих рыцарей. Джез сосредоточилась на нём, решив, что он старший в группе.

Она ухмыльнулась, дико и угрожающе, хотя и не чувствовала этого.

— Я как раз собиралась предложить вам то же самое. Если только вы не приведёте ещё людей, и тогда мы сможем назвать это равным боем.

— Вы арестованы.

Джез рассмеялась.

— И кто из вас первым хочет попробовать меня схватить?

— По приказу Драконьей императрицы.

Она перестала улыбаться. "Это всё меняет. Нельзя сражаться со всем ёбаным городом, Джез".

— По какому обвинению? — спросила она, стараясь тянуть время, чтобы найти выход или хоть какое-нибудь преимущество. Её никогда не привлекала идея поразвлечься ночью с семнадцатью мужиками ни при каких обстоятельствах, а особенно если у этих семнадцати мужиков есть семнадцать острых предметов.

Главный мужчина продолжил:

— Положи мечи.

Всё это было ужасно знакомым. В Сарте её арестовывали в очень похожих обстоятельствах. Слишком много человек окружило её глухой ночью, голую, и не предъявляли никаких обвинений. Ну, последнее было совершенно верно, поскольку в Сарте стражники видели, как она убивала мужчину. Тот факт, что мужчина был еретиком-арбитром, пытавшимся изнутри уничтожить ту самую организацию, что должна бороться с ересью, оказался ироничной правдой, которая никогда не всплыла. Арбитр Кош умер безымянным на улицах Сарта, а Джез, окружённая стражниками, отдала меч и две недели провела в тюрьме, ожидая приговора. Тогда Танкуил пришёл, чтобы спасти её, почти как в первую их встречу в тюрьме Чада. Гордая женщина разозлилась бы на это, но Джеззет Вель'юрн не рассчитывала на гордость — с ней она рассталась давным-давно в обмен на выживание.

— В последний раз, Мастер Клинка. Положи мечи.

"Лучше взаперти и живой, чем свободной и мёртвой, Джез".

Для вида она выждала ещё пару секунд, а потом выпрямилась, бросила мечи и шагнула

назад. Драконьи рыцари, не тратя времени, бросились к ней и взяли под стражу. Руки в латных рукавицах схватили её, начали толкать туда-сюда. Нога пнула сзади по колену, и Джек упала, рухнула на траву, вытянув руки вперёд. Она непроизвольно вскрикнула от боли, когда один из рыцарей выкрутил ей руки за спину, и захлопнул кандалы на запястьях. Рука схватила её за загривок, Джек рывком подняли на ноги, и она оказалась лицом к лицу с главным Драконьим рыцарем. Другая рука схватила её сзади за волосы и оттянула голову назад. Джек бросала убийственные взгляды на мужчину перед собой.

— Мастер Клинка Джезет Вель'юрн, — сказал Драконий рыцарь формальным тоном. — По приказу Драконьей императрицы Рей Чио я помещаю вас под арест до того времени, как она решит, что вы готовы к суду.

Мужчина схватил Джезет за подбородок и уставился ей в лицо. Она не сопротивлялась, не хотела давать ему такого удовлетворения.

— Ты убила двух моих людей.

Кулак ударил её в живот с такой силой, что у Джез в глазах померк свет. Весь воздух вышел из неё, и тело просто не могло вспомнить, как дышать. Она повалилась, задыхаясь, и мужчина, державший сзади, отпустил её. Она ударилась оземь и скорчилась от боли, всё ещё пытаясь вздохнуть.

— Не увечить, — услышала она слова Драконьего рыцаря. — И не оставлять следов.

Очнувшись, Джек честно могла сказать, что ей больно. Рыцари хорошо над ней поработали после того, как она потеряла сознание. Спасибо и на том, что её лицо, к счастью, совсем не опухло. В такое время ей всегда хотелось наброситься на что угодно, но только не сейчас. Всё тело занемело, руки и ноги ныли. По затруднённому дыханию она поняла, что по меньшей мере одно ребро сломано, и... до Джез внезапно дошло, что она чувствует себя мокрой.

Открыв глаза, Джек ещё сильнее упала духом. Она чувствовала себя мокрой, поскольку была мокрой. Она лежала на полу в добром дюйме тухлой, вонючей, стоячей воды. Её окружали три каменные стены, а с четвёртой стороны были стальные прутья, скользкие от какой-то зелёной субстанции. Постоянный тошнотворный капающий звук проникал, казалось, до самых костей и грозил довести до отчаяния.

Джек испустила долгий выдох и приказала телу подниматься. Оно не реагировало. Ей в голову пришла ужасная мысль, и Джек быстро сунула руку под одежду, ощутив себя между ног. И снова вздохнула, на этот раз от облегчения.

— Ну, по крайней мере они не насильовали тебя, пока ты была без сознания, Джек.

— Ты всегда разговариваешь сама с собой? — донёлся знакомый голос откуда-то из мрака.

В обычной ситуации Джезет уже мгновенно вскочила бы, готовая лицом к лицу встретить кого бы то ни было, но сейчас её тело было вялым и неотзывчивым. С громадным усилием она поднялась на колени, а потом на ноги. Вся левая сторона её тела промокла, и волосы прилипли к лицу. Она убрала их от глаз и уставилась в темноту перед своей камерой.

Здесь, в темнице, света было совсем немного. Она знала, что на самом деле находилась сейчас под водой, и единственное, что удерживало воду снаружи, это прочность клетки и сложная система насосов, которая откачивала всю воду, кроме того дюйма, в котором стояла Джек. В камере не было кровати, лишь плавало маленькое деревянное ведро для отходов.

"Ты бывала в тюрьмах и похуже". Это было правдой, но она бывала в тюрьмах и

получше.

— Похоже, что ты сражалась, — снова донёсся голос, и Джеззет застонала, узнав его обладателя. — Я предпочёл не быть битым. Думаю, я отделался легче.

За прутьями, немного слева, Джез различила фигуру, также прислонившуюся к прутьям камеры. У этой сволочи явно ночное зрение было лучше, чем у Джез, что её ещё сильнее рассердило.

— Хоть тебе-то они сказали, почему ты здесь, Дрейк? — спросила Джез, поворачиваясь и с болезненным стоном прислонившись к прутьям. — Мне сказали только "Вы под арестом, и вот ещё, получите бесплатную взбучку".

Дрейк усмехнулся и вздохнул.

— Ага, похоже, императрица из ревнивых, Джеззет, и она не в восторге от наших расцветающих отношений.

— Каких отношений?

— Ну, у неё в голове засела мысль, что мы с тобой трахаемся.

Джез снова застонала. В тело начали возвращаться чувства, и вместе с тупой болью пришёл ревуший пожар злости: эта безумная мелкая сучка и впрямь думала, что Джез станет изменять Танкуилу с Дрейком!

— И откуда же ей пришла такая мысль?

— Ей сказал Хидео Рурин, — проговорил Дрейк, — и, похоже, у него есть какие-то доказательства.

— Какие доказательства?

И снова Дрейк усмехнулся.

— Моё признание.

Танкуил едва не свалился с дракона, когда тот с грохотом приземлился на верхнем ярусе дворца Драконьей императрицы. Он соскользнул со спины твари, пролетел шесть футов до земли, где его ноги сразу подкосились, и он оказался на коленях на каменной площадке, молясь Вольмару о том, чтобы никогда впредь не пришлось летать на драконе. Единственным утешением было то, что дождь, по крайней мере, ещё не начался, хотя буря, которую арбитр начал в форте Таллон, преследовала их всю дорогу, и теперь грозила поглотить город в своей жестокой мокрой ярости.

На посадочной площадке их ждал мужчина. Он был слишком юным и тощим, его ладони были слишком велики для его рук, а из-за неудачно перекошенного лица казалось, что весь мир его постоянно пугает. Драконий принц Юнь был болезненным мужчиной — часто болел и страдал от разнообразных прискорбных расстройств, включая лицевой тик. Из-за болезней он не принимал участия в войнах других принцев, и поэтому постоянно проживал во дворце Соромо — единственный Драконий принц, которому была предоставлена такая роскошь.

Дракону принца Юня и было поручено нести герольда, чтобы привезти Танкуила. И, хотя арбитр и рад был скорости полёта назад в столицу, но его не так радовало само путешествие — слова "ужасное потрясение" лишь приблизительно могли передать этот опыт. Но теперь Танкуил был на месте и почувствовал неотложную необходимость срочно повидать Джеззет.

— Благодарю вас, принц Юнь, — сказал Танкуил, с трудом поднимаясь на ноги и стараясь заставить колени не подгибаться. Драконий герольд соскользнул со спины дракона и встал рядом с Танкуилом.

— Интересно, понимает ли оно меня, — продолжил Танкуил, кивая в сторону дракона.

— Он не "оно", и отлично вас понимает, — сказал Юнь оскорблённым тоном, и его передёрнуло, словно от боли.

— Я прошу прощения, — сказал Танкуил и повернулся к дракону. — Спасибо.

Зверь ответил молчанием и пронизательным взором, от которого Танкуил едва не опустил глаза в землю. Потом дракон отвернулся, сделал несколько маленьких шагов вперёд и положил голову на землю перед принцем Юнем. Тот протянул руки и обнял массивную квадратную голову создания.

Танкуил почувствовал руку на плече, и Драконий герольд мягко повёл его прочь.

— Для дракона необычно так долго находиться вдали от принца. — Это было единственное объяснение, которое герольд предоставил, подталкивая Танкуила в сторону лестницы, ведущей с балкона.

— Я хочу немедленно увидеть Джеззет Вель'юрн, — сказал Танкуил со всей убедительностью, на которую был способен. Во время полёта на спине дракона, он не осмеливался спросить герольда, каковы выдвинутые ей обвинения, и по окончании путешествия — которое, по его подсчётам, длилось целый день, — он знал ничуть не больше. Незвестность раздражала, если выразиться очень мягко.

— Императрица сначала желает видеть вас.

Танкуил почувствовал, как челюсть стиснулась от злобы, закипавшей глубоко внутри.

— Мне насрать, чего хочет ваша императрица. Вы отведёте меня к Джеззет

немедленно...

— Или что? — спросил герольд, по-прежнему шагая впереди Танкуила и не трудясь даже посмотреть назад, проверить, идёт ли за ним арбитр. — Вам не помешало бы прислушаться к её требованиям, арбитр. Она держит в руках жизнь вашей женщины и плохо реагирует на угрозы, оскорбления или принуждение. Не пытайтесь использовать на ней свою магию.

Танкуил отлично знал, что угрозы, оскорбления и принуждение считались едва ли не единственными инструментами в распоряжении арбитров. И поскольку императрица являлась монаршей особой, она была свободна от любых подозрений или допросов агентов Инквизиции. Лишь инквизитор мог бы допрашивать маленькую правительницу, и это, скорее всего, положило бы начало войне, которую ни Сарт, ни Инквизиция не могли себе позволить. Армии Драконьей империи были разрозненными, каждая фракция подчинялась своему принцу, но если бы императрица оказалась под угрозой, то все они вмиг бы объединились, и против этой силы не выстояло бы ни одно королевство в известном мире.

— Лучше бы всё прошло быстро, — проворчал Танкуил, решив последним словом добиться хотя бы такой жалкой победы.

— Это займёт столько, сколько потребуется, — ответил герольд раздражающе нейтральным тоном.

— И сколько же это займёт, интересно.

— Сай ам, ча ам.

Танкуил стиснул зубы, но больше ничего не сказал, лишь в тишине шёл за герольдом по тёмным коридорам.

Что-то в этом каменном плавающем городе тревожило Танкуила. С лодками ещё можно было смириться, хотя ему всегда не нравилось быть окружённым со всех сторон таким количеством воды, но мысль о плавающем городе была за гранью его понимания. Он прожил здесь почти шесть месяцев с частыми поездками в близлежащие поселения, но так и не привык. Ему всё время представлялось, что город раскачивается из стороны в сторону, и поэтому у Танкуила не получалось ходить по прямой.

Ещё до того, как он отправился на последнюю охоту на ведьм, даже до последней ссоры с Джеззет, он решил, что пришло время что-то менять, время убраться подальше от проклятого города. Арест Джек лишь убедил его, что и в самом деле настало время уезжать. Они оба всегда хотели увидеть дракона, но сейчас, увидев, Танкуил понял, что предпочёл бы оставить этих существ для легенд и фантастических разговоров в тавернах. В реальности эти чудища были громкими, вонючими, тревожно умными и опасными — ничего опаснее он раньше не видел. Он знал: чистой удачей было то, что во встрече с драконом принца Наарска он дождался момента, когда прибыл герольд.

Они дошли до огромных дверей зала. По правде говоря, те были чуть толще листов бумаги, и Танкуил не понаслышке знал, как мало уединения они дают. Герольд повернулся к нему со странным выражением лица.

— Арбитр, ей больно. Я бы посоветовал... осторожность и терпимость.

Танкуил чуть не спросил Драконьего герольда Травайна о преступлении Джеззет. Они долго путешествовали вместе, и за всё это время почти не говорили. Танкуил слишком боялся задавать вопрос, поскольку герольд мог обидеться и сбросить арбитра со спины дракона. Они летели довольно высоко, а Танкуил так и не научился махать руками достаточно быстро для полёта.

Герольд раздвинул двери и вошёл внутрь, а Танкуил последовал за ним в огромный зал. Он насчитал шестнадцать Драконьих рыцарей, и с учётом их подготовки, их, скорее всего, было достаточно, чтобы убить его шестнадцать раз, скажи он неверное слово. Четверо стояли наготове у дверей, наблюдая и ожидая. Ещё двенадцать стояли поблизости от помоста с тронем из костей дракона. Императрица сидела на троне, суровая и неподвижная, в громоздких парадных одеждах и с бесстрастным выражением лица, по которому невозможно было хоть что-то прочесть. Позади неё развалилась дракониха, матриарх, и Танкуил не мог ничего с собой поделать — её размер повергал его в благоговейный страх. Прошёл всего лишь один день с тех пор, как он сражался с драконом Наарска и едва не умер, хотя казалось, это было давным-давно. Эта дракониха размером была раза в полтора больше, и, решил Танкуил, в полтора раза опаснее.

Он остановился перед помостом. Между ним и маленькой императрицей было большое расстояние и дюжина Драконьих рыцарей. Он не поклонился, не встал на колени — неуместно было бы так поступать. Танкуил был арбитром, представителем Инквизиции, и он отвечал лишь перед советом и Вольмаром, а эта императрица определённо не имела отношения ни к тому, ни к другому.

Он ждал, глядя прямо в лицо девушке на троне, и не говорил ни слова, хотя неизвестность уже словно проедала раздражающую, мучительную дыру в его животе. Он чувствовал, как дрожит рука в кармане, а потом она сомкнулась на чём-то маленьком и деревянном, слишком маленьком, чтобы быть руной и сделанном из более прочного дерева. Танкуил понял, что это один лат, и, хотя он не помнил, как украл его у герольда, монета укрепила его решимость и успокоила нервы, как могли успокаивать лишь кража и Джеззет.

— Я вызвала вас, арбитр Даркхарт, — сказала, наконец, императрица, когда стало ясно, что Танкуил не собирается заговаривать первым.

— Я заметил, императрица, и вы организовали столь замечательное сопровождение, хотя герольд был несколько лаконичен.

Мучительная тишина опустилась на огромный зал — все ждали ответа императрицы.

— Мастер Клинка Джеззет Вель'юрн арестована.

Танкуил покачал головой.

— Насчёт этого...

— По обвинению в плотских отношениях с моим возлюбленным.

Танкуил не сдержался, с его губ сорвался раскат хохота, и он не мог не отметить, как напряглись два ближайших Драконьих рыцаря.

— Это... она не... это не правда.

Драконья императрица открыла рот, чтобы заговорить, но Танкуил перебил её, сделав шаг вперёд, несмотря на смертоносную силу, посвятившую себя защите жизни девчонки, и немного повысил голос.

— Отпустите её немедленно. У вас нет прав задерживать её. Обвинения ложны, а если бы они и были правдивы, если спать с Дрейком Моррассом преступление, то вам следует арестовать половину Пиратских Островов. Освободите её.

Дракониха позади императрицы всколыхнулась и зарычала, вперившись ему в глаза своими тёмными глазами.

— Вы смеете приказывать мне? — крикнула императрица.

Танкуил едва и сам не закричал в ответ, когда заметил, как герольд едва заметно покачивает головой. Тогда до него дошло, что пытаться силой заставить императрицу не

самая лучшая идея. К несчастью, дипломатии в Инквизиции не учили, поскольку никаких переговоров с еретиками быть не может. Однако, поскольку императрица не являлась еретиком, и, судя по скудному знанию Танкуила, была полностью в своём уме, он решил, что, быть может, переговоры с этой женщиной будут более плодотворны, чем его казнь.

Он глубоко вздохнул и успокоился, протёр глаза и посмотрел в пол.

— Я прошу прощения, императрица. Я не имел в виду... Мне просто кажется, что в эти обвинения сложно поверить. Предполагаю, что у вас есть доказательства.

— Признание Дрейка.

— Он лжёт, — Танкуил едва не прокричал это, но потом снова заставил себя успокоиться. Он отказывался даже принять возможность того, что это обвинение было правдой. — Позвольте мне помочь в расследовании, императрица.

— Как?

— Я лично допрошу Дрейка Моррасса. Он не сможет солгать арбитру.

— А что насчёт Джеззет Вель'юрн?

Танкуил стиснул зубы. Он никогда ничего не спрашивал Джеззет, ни разу за всё то время, как они были знакомы, он не применял к ней принуждения. Сама мысль о таком управлении её волей была ему отвратительна — это было бы нарушением всего, что они между собой делили, и всего, чем они были друг другу. Ещё раз глубоко вздохнув, он заставил себя успокоиться.

— Я допрошу Дрейка Моррасса и, если понадобится, Джеззет Вель'юрн.

Уже пять дней Джеззет была заперта в темнице с постоянно мокрым полом и постоянно капающей водой. За эти пять дней кроме слуги, изредка приносившего самую скудную трапезу из всех, на которых когда-либо жила Джез, компанию ей составляла лишь маленькая змейка длиной не больше предплечья, которая с той же лёгкостью скользила по воде на полу, как птицы порхают в небе. Ну и Дрейк Моррасс, конечно.

Не то чтобы он был плохой компанией. С ним приятно было поговорить, и ещё приятнее на него смотреть.

Пират вёл себя так, будто они не заперты в мокром подземелье, ожидая жестокой прихоти женщины, которую он презрел. Казалось, он наслаждается этим времяпровождением, всё время смеялся и радостно делился с Джеззет своими красочными историями.

"Сомневаюсь, что маленькая императрица их слышала — слишком уж они жестокие и правдивые для её маленьких нежных ушек". Джеззет уже решила свалить всю вину за эту передрагу исключительно на плечи Драконьей императрицы Рей Чио, хотя ей было прекрасно известно, правильнее было бы валить всё на Дрейка.

Пират ещё не объяснил, почему он признался в преступлении, которого никогда не было, и почему он впутал в это преступление Джез. "Я трахалась со многими мужиками, но уж Дрейка Моррасса между своих ног я бы запомнила".

Дрейк одновременно раздражал и очаровывал Джез. Его самоуверенность в равной мере бесила и привлекала её, а его увлечённое равнодушие распалило в ней страстное желание узнать больше. Было время, когда Джез ловила себя на том, что глазеет на заключённого капитана и представляет себе, как он выглядел бы без доспехов, без одежды. Ему удалось соблазнить императрицу — возможно, самую могущественную правительницу во всём мире. Он, должно быть, хорош... Джез мысленно встряхнулась и отвела взгляд, задумчиво насупившись.

— Должен признать, мне нравится, как мы здесь вместе проводим время, Джеззет, — объявил Дрейк во мраке мокрой тюрьмы. — Ты временами немного холодна, но компания всё равно хорошая. Впрочем, жаль, что мы в разных камерах.

Джеззет взглянула на него. Его слова тревожно совпадали с её собственными мыслями, но она уже заметила, к своему раздражению, что Дрейк обладает безошибочным чутьём на то, что она думает.

— Ты приятная компания, даже когда дуешься, — продолжал пират. — Определённо куда более приятная, чем другой...

Джеззет подождала, пока он продолжит. Он не продолжал. Наконец она встала, поморщившись от синяков и, возможно, сломанного ребра — Драконьи рыцари били её, даже после того, как она сдалась. Она промокла до костей, стоя в воде на холодном каменном полу и к тому же чувствовала себя несчастной, и отвлечься от всего этого можно было только на Дрейка. "Не говоря уже о том, что тебе интересно, о чём он говорит, Джез".

— Другой? — спросила она, подходя к прутьям.

Дрейк прислонился спиной к прутьям своей камеры, глядя на Джез через плечо. Его золотой зуб отражал тусклый свет на улыбку.

— Другой Мастер Клинка.

Вот теперь всё внимание Джек было приковано к нему. За всю свою жизнь она встречала лишь двух Мастеров Клинка, одним из которых был Юрий, и точно знала, что теперь он совершенно мёртв. Значит, оставался один.

— Меч Севера?

— Он самый. Интересный парень, очень настойчивый и далеко не такой красивый, как ты. — Теперь Дрейк даже не смотрел в её сторону, уставившись в свою камеру.

"Эта сволочь думает, что ты у него на крючке, Джек. Просто игнорируй его".

— Когда ты его встретил? — спросила она.

Сама Джекет встречала Меч Севера лишь однажды, и никогда в своей жизни она не пугалась сильнее. Этот мужчина был самым воплощением смерти. Джек хорошо обращалась с мечом, с любым клинком, даже более чем хорошо, и знала это. Но Меч Севера был лучше. Он вызвал её на поединок, чтобы узнать, кто из них лучший. Но Джекет на поединок не согласилась и трахнулась с ним. Как только всё закончилось, она сбежала, запрыгнула на первый корабль из Пяти Королевств и молилась всем безымянным Богам, чтобы ей больше никогда не пришлось с ним встретиться.

— Очень страшный человек. От него, — Дрейк помедлил, словно подыскивая нужное слово, — такое чувство, словно он в любое мгновение может тебя убить, и только сдержанность его останавливает. По правде говоря, немного похож на тебя.

Джек была чертовски уверена, что совершенно не похожа на Меч Севера, и открыла рот, чтобы сказать об этом.

— Это уже входит в привычку, Джек. — Её сердце подскочило от звука голоса Танкуила, и волна эмоций захлестнула Джек — слишком много разных чувств, точно не разобрать, но она не сомневалась, что среди них есть радость и смущение.

Джек бросилась к прутьям камеры, игнорируя боль в боку. Перед ней показался Танкуил, и рядом ним, такой же суровый как и обычно, Драконий герольд.

— Каждый раз, как я оставляю тебя одну, тебя арестовывают, — продолжил Танкуил, и улыбка играла на его губах, когда он, прищурившись, смотрел на неё через темноту.

Она протянула руки между прутьями, схватила его плащ, подтащила его ближе и поцеловала его. Из-за прутьев воссоединение вышло неловким, но пыл Джек был очевидным и Танкуил ответил с такой же страстью. Когда их губы разделились, Джек обнаружила, что тяжело дышит, а Танкуил смотрит на неё влажными глазами.

— Я скучала по тебе, — тихо прошептала она, так чтобы только он мог слышать.

Он кивнул, ухмыляясь.

— Могу себе представить.

— Я не делала этого. Клянусь, не делала...

— Я знаю. — Обеими руками Танкуил сжимал прутья так крепко, что костяшки его пальцев побелели. Джек положила на них свои руки. — Я знаю, — снова сказал он.

— Какое трогательное воссоединение. Вам так не кажется, Травайн? — сказал Дрейк. Джек не потрудилась смотреть на него, но по веселью в его голосе знала, что пират улыбается. Его все проигнорировали.

— Кажется, я всё время вытаскиваю тебя из тюрьмы, — сказал Танкуил.

— Со мной нелегко, — согласилась она.

Он снова быстро поцеловал её, отошёл от прутьев, глубоко вдохнул и тяжело выдохнул.

— Драконья императрица предоставила мне допуск к заключённым, чтобы определить законность обвинений.

— Принуждение, — сказала Джез. — Ты можешь силой вытащить правду. Никто не сможет солгать арбитру.

Танкуил кивнул.

— Так спроси меня!

Джез увидела, как он вздрогнул, и знала почему. За всё их время вместе он ни разу не спросил её ни о чём, ни разу не использовал на ней принуждение, и не только из-за того, что оно вызывало зависимость, словно наркотик. Она знала, что он терпеть не мог саму мысль управлять её волей. Джез прежде уже ощущала присутствие арбитра в своей голове, и ей не хотелось это повторять, даже если это будет Танкуил, но она желала этого, чтобы доказать свою невиновность.

Танкуил отвернулся от неё.

— Я начну с допроса Дрейка Моррасса.

Пират усмехнулся.

— Это будет весело. Инквизиция меня раньше не допрашивала. Итак, арбитр Даркхарт, с чего начнём? Хотите сломать мне палец? Или предпочитаете бить узников, пока они не заговорят?

Джез смотрела, как Танкуил подходит к камере Дрейка Моррасса. Увидела, как напрягся Драконий герольд и почувствовала изменения вокруг, словно гнев Танкуила на самом деле отравлял воздух вокруг него.

— Эти грубости ни к чему, Дрейк, — сказал Танкуил с явной угрозой, и Джез увидела, как ухмылка слетела с лица пирата. — Мне нужно лишь задать один вопрос.

— Да?

— Вы занимались сексом с Джезет Вель'юрн?

Джез видела, как лицо Дрейка скривилось в замешательстве. На его лбу немедленно выступил пот, он поморщился, когда воля Танкуила возобладала над его волей, вырывая правду изо рта, заставляя его признать, что он солгал.

— Да.

Казалось, мир вокруг них замер. Драконий герольд оставался бесстрастным. Танкуил отшатнулся назад, и Дрейк рухнул на прутья своей камеры, явно истощённый внутренней борьбой. Джез, содрогнувшись, выдохнула — она даже не заметила, как задержала дыхание. Она сделала ещё один глубокий вдох и закричала:

— Он лжёт!

— Нет, — тихо сказал Танкуил. Он один раз взглянул в сторону Джез, а потом отвёл глаза, и в этот миг она увидела смятение, явно написанное на его лице. — Он не лжёт.

— Танкуил, прошу тебя, — умоляла Джез, пытаясь протолкнуться через прутья. — Он лжёт. Я с ним не трахалась. Спроси меня. Спроси меня!

Он не спросил. Танкуил даже не посмотрел на неё. Он сунул в карманы трясущиеся руки и помчался в сторону выхода из подземелья. Драконий герольд последовал за ним, снова оставив Джез запертой в тюрьме.

— Я не трахалась с Дрейком Моррассом! — прокричала она им вслед, но если Танкуил и слышал, то ничего не ответил.

Джез плюхнулась на пол камеры и почувствовала, как её охватывает отчаяние. "Как он мог мне не поверить?"

Она услышала, как в соседней камере Дрейк начал хихикать.

Довольно долго оба узника хранили молчание. Дрейк исчез в задней части своей камеры, изредка шлёпал по воде, но в остальном вёл себя тихо. Джеззет стояла на коленях в холодной воде, уставившись в пространство. Несколько тихих слезинок скатились по её лицу и затерялись в озере вокруг неё.

Она была разгневана и расстроена. Больше разгневана, но она не знала, на кого направлен её гнев — на императрицу, за то, что её арестовала, на Дрейка за то, что обвинил её, или на Танкуила за то, что ей не поверил.

Казалось, мрак сгущался вокруг неё, и вскоре она стала дрожать. Но Джез почти не обращала внимания на холод, она была слишком потеряна, чтобы думать о таких незначительных материях. "Ты уже оказывалась во всяких дерьмовых ситуациях, Джез. И намного хуже этой... удивительно, что именно эта кажется концом света".

— Думаю, мы уже достаточно похандрили, — сказал Дрейк. Его голос звучал так, словно он вернул себе часть своей обычной весёлости. — И к тому же нам надо немного поболтать. Время не терпит.

Джеззет не ответила.

— Ты хочешь отсюда выбраться? — спросил Дрейк.

— Как ты ему солгал? — мрачно спросила Джез.

— Я не лгал.

Она подняла глаза и одарила пирата своим самым пристальным взглядом. Она не знала, видит ли он её лицо в этом мраке, впрочем, ей было плевать.

Дрейк рассмеялся.

— Ладно. Я соврал, но ты же знаешь, что это возможно, ты ведь сама раньше лгала арбитру.

Она лгала. В Сарте она солгала арбитру, чтобы раскрыть личность инквизитора-еретика. Танкуил сделал ей кольцо, и с тех самых пор Джез никогда его не снимала. Она посмотрела на левую руку и обнаружила, что кольцо исчезло. В том месте, где оно обычно сидело, кожа была немного светлее. Она посмотрела на Дрейка.

— Интересное украшение, — сказал он, улыбаясь ей и держа кольцо большим и указательным пальцем.

— Когда ты...

Дрейк бросил ей кольцо, а Джез схватила его и надела обратно на палец.

— Итак, Джеззет Вель'юрн, — сказал Дрейк. — Ты хочешь выбраться отсюда?

— Мне и не нужно. Мне надо лишь дождаться, пока вернётся Танкуил. Я всё ему объясню. Он снова спросит тебя, потом спросит меня, и у твоей тупой суки-императрицы не останется другого выбора, кроме как отпустить меня.

Дрейк снова рассмеялся.

— Как всегда, всё та же Джеззет. Влезает в неприятности, а потом ждёт, что тот, кто сейчас её трахает, придёт и спасёт её.

— Иди в пизду!

— Неудачный выбор слов, с учётом моего предложения, — сказал Дрейк. — И к тому же в твоём плане ожидать спасения я вижу две проблемы. Я не собираюсь здесь находиться к тому времени, как вернётся твой арбитр, так что не будет больше никаких допросов

капитана Дрейка Моррасса. С учётом этого, останется лишь твоё слово против моего, и думаю, моя сука-императрица решит приговорить тебя к смерти. Ну, знаешь, просто на тот случай, если это правда.

— Как ты собираешься сбежать? — спросила она.

— Сначала главное. Ты со мной? Или остаёшься здесь, чтобы предстать перед гневом Рей Чио? Полагаю, она скормит тебя своему дракону.

"Лучше быть живой и в бегах, чем мёртвой и... мёртвой".

— Уверен, твой арбитр помчится за тобой. Чтобы дать тебе шанс объясниться, но к тому времени ты будешь уже вне досягаемости Рей, и даже её чёртовы драконы не смогут до нас дотянуться. — Дрейк расхаживал по камере, его ноги пускали маленькие волны по стоячей воде. — Можешь взять ещё время подумать, но не слишком много, Джеззет. У нас кончается время... ну, у тебя.

Она смотрела, как пират шлёпает по камере, улыбаясь сам себе. Она знала, что это плохая идея — бегство лишь послужит топливом для пламени, добавит подозрений к её вине, но если Дрейк прав, а он раздражающе часто оказывался прав, то пребывание здесь, скорее всего, закончится её безвременной кончиной.

В голове звенела одна из поговорок Юрия. "Когда люди ждут от тебя неожиданного, удиви их и соверши то, что они ожидают".

Всплески прекратились, и Дрейк прижался к прутьям камеры, изучая её лицо с яростной напряжённостью, которая заставила бы покраснеть большинство женщин. Джеззет определённо не принадлежала к большинству.

— Как мы отсюда выберемся? — спросила она.

Пират ухмыльнулся.

— Подождём.

— Чего?

— Хаоса.

Стоило Джез согласиться принять участие в побеге, как Дрейк отказался конкретизировать план и впал в нехарактерное для него молчание. "Бесит" — вот единственное слово, о котором могла думать Джез, вот только оно совершенно не описывало её чувств. "Блядь, да это будет чудо, если в итоге ты его не пришьёшь, Джез", — подумала она. Но она знала, что не пришьёт, сейчас она нуждалась в нём даже сильнее, чем хотела знать его мотивы. Он впутал её в преступление, за которое их обоих приговорят к смерти, хотя этого преступления никогда не было. И теперь он собирался вытащить её из тюрьмы, чтобы они могли сбежать и быть навсегда изгнанными из Драконьей империи. Что-то здесь не сходилось, и отказ Дрейка удовлетворить её любопытство лишь распалял в ней любопытство ещё сильнее.

— Пора, — наконец сказал Дрейк, подходя к прутьям камеры и крепко за них вцепившись.

Джез поднялась на ноги и скептически посмотрела на пирата.

— Ты собираешься согнуть прутья? Чугунные прутья?

Дрейк серьёзно посмотрел на неё.

— Пожалуй, тебе лучше за что-нибудь взяться.

— Зачем?

И тогда мир преобразился. Всё подземелье так наклонилось набок, что вся вода вместе с Джеззет перестала держаться на полу и врезалась в каменную стену. Удар был достаточно

сильным, чтобы все её раны закричали от боли, и она закричала вместе с ними. Где-то поблизости Джек услышала чудовищный треск, за которым последовал звук хлынувшей воды. Какая-то её часть отметила, как жутко опасен этот звук, но её разум старался разобраться в том, что только что произошло.

По-прежнему лёжа плашмя на стене камеры, Джек хватала ртом затхлый воздух подземелья. Её глаза с трепетом раскрылись, и она увидела, как мимо неё течёт вода, заливаясь в темницу и несётся в сторону единственного выхода.

Если она и думала, что раньше сталкивалась со сдвигом опор, то этот доказал ошибочность её мнения. От такого сильного сдвига, должно быть, полгорода покосилось, а масштабы разрушений и паники Джек не осмеливалась и представить. Ей пришло на ум, что большая часть города может уже оказаться под водой. Повсюду будет хаос, который предоставит подходящий момент для побега.

Джек с трудом поднялась на ноги, стараясь удержать равновесие между стеной и полом. Она услышала хрип, и в следующее мгновение Дрейк Моррасс, каким-то образом освободившись, прыгнул и схватился за прутья её камеры.

— Ты знал, что это случится. Как? — крикнула она.

Он ухмыльнулся, уже взявшись с замком двери её камеры.

— Неужели это так важно прямо сейчас? — снова раздался треск, на пол посыпались камни, и ещё больше воды потекло в сторону выхода из их тюрьмы. — Думаю, у нас есть более неотложные вопросы. — Он посмотрел на неё. — А теперь, прежде чем я тебя выпущу, как насчёт поцелуя?

Джек злобно уставилась на него.

— Попытаться стоило. — Дрейк с лязгом открыл дверь её камеры и немного отполз, чтобы она могла выбраться наружу. — Возможно, стоило спросить тебя раньше, но ты умеешь плавать?

Джек пожала плечами.

— Выбираешь направление и дёргаешь ногами.

— Сойдёт. За мной. — С этими словами Дрейк отпустил прутья и упал в увеличивающееся озеро воды на дне темницы.

Джек чуть подождала, но пират на поверхности не появлялся. Тюрьма быстро наполнялась, и Джек не собиралась тонуть здесь, или где-либо ещё. Она вздохнула и упала в воду в нескольких дюймах от того места, куда нырнул Дрейк.

Холодная вода набросилась со всех сторон, и Джек утратила контроль. Тело хватало воздух, вопреки её страстному желанию этого не делать. Изумрудное море хлынуло в лёгкие, она запаниковала, начала брыкаться и биться в тёмной воде. А потом почувствовала воздух на лице. Она закашлялась и попыталась взять себя в руки. Джек всё ещё была в тюрьме, в увеличивавшемся озере воды, и это значило, что нужно нырнуть вниз, чтобы отыскать выход. Откуда-то сверху донёсся очередной сильный треск, и этого Джек хватило. Она опустила голову, подняв задницу, и задёргалась, проталкиваясь в воде и надеясь, что сможет найти выход.

Впереди она увидела размытую фигуру Дрейка и направилась в ту сторону. Пятно, похоже, махало ей, а потом повернулось и поплыло прочь. Джек последовала за ним так быстро, как только могла, пытаясь не думать о чёртовых голодных монстрах, называвших Изумрудное море своим домом. Для них вода была их стихией, но точно не для неё.

Джек плыла за пятном Дрейка до небольшой изогнутой лестницы, через почти

чернильно-тёмную комнату, и вверх, мимо такой же лестницы. А потом пират исчез из вида. И снова её стала охватывать паника, да ещё лёгкие запротестовали, настаивая на том, что она задыхается, и пытались убедить её в том, что она может дышать под водой.

Её лицо поднялось над поверхностью воды, и Джек инстинктивно начала хватать ртом воздух задолго до того, как глаза прочистились и смогли сфокусироваться. Сильные ладони схватили её под руки, помогли выбраться из воды, и она рухнула на кого-то, одновременно глотая воздух и выкашливая воду. Джек смутно понимала, что они лежат на уклоне, и только благодаря усилиям человека, на которого она упала, она ещё не катилась по полу комнаты.

Джек вытерла глаза ладонью, выкашливая последнюю воду, и оглянулась. Она лежала на Дрейке, который, следовало отметить, выглядел насквозь промокшим. Он ухмыльнулся и посмотрел на неё в ответ. Джек поняла, что до сих пор на ней почти ничего не надето, а всё, что надето, прилипло к телу. Она почувствовала, как под ней что-то шевелится, и Джек подмигнул ей.

Скатившись с возбуждённого пирата, Джек с трудом поднялась на ноги, поскользнулась, но смогла выпрямиться в отчётливо наклонившейся комнате. С потолка под опасным углом свисала бумажная лампа, по-прежнему зажжённая и окрашивавшая комнату в зловещий голубой оттенок. Комната была похожа на прихожую, с оружейной стойкой, приделанной к стене. В углу между полом и стеной лежали два стражника с перерезанными глотками. Джек взглянула на Дрейка, выгнув бровь.

Пират закашлялся.

— Вот это удача! Похоже, стражники к счастью совершили самоубийство. И доложено об этом будет лишь через некоторое время после нашего побега. — Он посмотрел назад на лестничную шахту, из которой они приплыли. — Или просто решат, что мы утонули. В любом случае, нам пора убираться.

Джек уставилась на оружейную стойку. Все мечи там были изогнутые, ей такие не очень нравились, но они были острыми, а Мастер Клинка без клинка — это мастер ничего.

— Оставь их, — приказал Дрейк, уже с трудом пробираясь к выходу в коридор. — Оружие лишь привлечёт внимание. Пусть лучше люди думают, что мы безобидные иностранцы, которые пытаются спастись от беспорядков.

Джек немного подумала и уступила, последовав за пиратом и молясь всем безымянным Богам о том, что он знает, что делает.

Дрейк не ошибался, говоря, что ожидает хаоса, и, хотя Джек до сих пор не знала, как он предсказал сдвиг опор, хаос он определённо получил. Везде виднелись свидетельства сильных и разрушительных изменений. Повсюду была вода, как и чёрный дым, который всегда сопутствует неуправляемым пожарам. Джек слышала отдалённые крики людей, а кто-то молил о помощи или отдавал приказы. Джек и Дрейк пробежали по коридорам мимо людей, которые явно были в шоке: некоторые бормотали себе под нос, свернувшись клубочком, другие неистово и бесцельно метались, но Дрейк и Джек не останавливались помочь им. У них была миссия: спасти собственные шкуры, и Джек с радостью предоставила жителям Соромо возможность самостоятельно позаботиться о себе. Этот город осточертел ей уже много недель назад, и теперь она, наконец, покидала его — хотя и без Танкуила.

Она позволила Дрейку вести, и он с радостью тащил их по переходам, иногда срезая путь через комнаты в тех местах, где дорогу перегораживали упавшие обломки. Время от времени он оглядывался, явно проверяя, следует ли за ним Джек, и изредка подбадривал её

короткими восклицаниями. Джебзет продвигалась вперёд молча. Она чувствовала себя мокрой и несчастной, и никакие подбадривания её обвинителя и спасителя не могли поднять мрачного настроения.

Наконец Дрейк вышиб покосившуюся деревянную дверь, и они оказались снаружи. Их встретил приятный свежий воздух, тёмный и тяжёлый от моросящего дождя, и Джебз задрожала, что в свою очередь вернуло к жизни всю её боль.

Дрейк сделал глубокий и чересчур театральный вдох, а потом радостно выдохнул.

— Говорил же, что вытащу нас.

Джебз обдумывала возможность бросить пирата, сбежать, найти Танкуила, умолять его поверить ей и убежать вместе с ней. Но она не была уверена, что он так и сделает, не могла наверняка знать, что он не вернёт её назад в застенки императрицы. Сама мысль о том, что она не знала, может ли ещё доверять ему, ранила сильнее физических повреждений. Джебз понимала, что всё это вряд ли делает её приятной спутницей, но Дрейк не выказывал признаков разочарования.

Воды Изумрудного моря заливались на крытые дорожки, а садик поблизости был полностью затоплен, но даже с такой низкой точки обзора Джебз видела, что город превратился в хаос. Некоторые секции так сильно наклонились под неуклюжими и неестественными углами, что она не понимала, как ещё стоят здания. Другие секции остались совершенно нетронутыми. Словно половина опор города сместилась, а половина осталась на своих местах. Это было всё равно, что смотреть на целый город сбоку.

Во многих частях города пылали пожары. Пламя охватывало целые здания, и чёрный дым гигантскими столбами извергался в тёмное небо. Повсюду виднелись люди. Солдаты, простолюдины, торговцы, воры и знать забыли свою жёсткую классовую структуру и брались за тушение пожаров, расчищали завалы, спасали близких, и все трудились, стараясь вернуть порядок в свой любимый город. Даже женщины помогали, как могли, хоть и не снимали при этом своих тяжёлых одежд.

Всюду сновало множество лодок — от маленьких яликов и плотов до гигантских плавучих домов развлечений и грузовых барж. Они перевозили раненых в безопасные места, доставляли ещё больше людей на помощь и эвакуировали народ из секций, которые казались уже потерянными.

Изумрудное море поглощало город. "Неужели Дрейк приговорил всех, только чтобы освободить себя... и меня?"

В деревянную дорожку поблизости ударилась маленькая лодочка длиной не больше двадцати футов в длину. Ей при помощи шеста управлял человек в тёмном плаще с низко натянутым капюшоном — лицо оставалось в тени. В лодке сидело ещё трое человек, одетых, как и человек с шестом. Дрейк зашагал им навстречу.

— Как раз вовремя, — сказал он, сияя своей обычной золотой улыбкой.

— С точностью до минуты, капитан, — сказал человек с шестом. Он оказался коренастым, мускулистым мужчиной с длинными грязно-светлыми волосами, которые свисали мокрыми клочками вокруг лица под капюшоном. — Привезли вам плащ и шляпу.

Дрейк взял великолепный плащ королевского синего цвета и забросил на плечи, застегнув его плавным движением. Потом взял поношенную треуголку, слегка отряхнул от пыли и водрузил себе на макушку. Впервые с тех пор, как Джебз увидела его, Дрейк выглядел как тот легендарный пират, которым все его считали.

"И это отлично ему подходит".

— Спасибо, Принцесса, — подмигнув, сказал Дрейк человеку с шестом.

Джез фыркнула от смеха. Оба мужчины с любопытством посмотрели на неё.

— Ты всех в своей команде называешь принцессами? — спросила она пирата.

— Только тех, кого так зовут, — с серьёзным лицом ответил Дрейк.

— Тебя зовут Принцесса? — спросила она, самодовольно ухмыляясь. — Наверное, твой папаша сильно хотел девочку.

Принцессу это не позабавило. Он стиснул зубы, сильно нахмурил лоб, сплюнул на деревянную палубу и посмотрел на Дрейка.

— Капитан?

Дрейк пожал плечами.

— Можешь попытаться, Принцесса, но шансы у тебя невелики. Она крепче, чем выглядит... Да и выглядит она довольно крепкой.

Принцесса кивнул и оценивающе взглянул на Джез.

— Мамашка моя так меня назвала, и вряд ли ты хошь марать её память. И к тому ж, — мужчина вытащил меч из ножен на поясе — меч Джез, тот самый, который подарил ей Танкуил, а Дрейк потом спас, — ещё раз так пошутишь, и не получишь назад эту чудную железяку.

"Чтобы вернуть его, стоит побыть вежливой, Джез. Лучший меч из всех, которыми ты владела. Не говоря уже о..."

— Ты прав, — сказала она. — Извини.

Принцесса ещё немного подержал меч, а потом убрал в ножны и протянул ей. Джеззет с радостью взяла его, желая лишь, чтобы у неё был пояс, на который можно повесить ножны. Танкуила она, может, и потеряла, но будь она проклята, если снова потеряет меч, который он ей подарил.

— Великолепно. Рад, что все мы вежливы, — сказал Дрейк, глядя на небо. — Я бы сказал, у нас есть часа два.

— Меньше, — сказал Принцесса. — Шторм надвигается быстро.

— А мы же не хотим здесь оказаться, когда он грянет, — закончил Дрейк. — Такие шторма приходят раз в десять лет, или около того. Скажем прямо, Соромо нынче изведаль ещё не все горести. Принцесса, бери шест. Парни, на вёсла. Джеззет, ты тоже.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— На твои надутые губки мне плевать, хоть и выглядишь ты с ними великолепно. На моих лодках никто бесплатно не катается, какими бы маленькими они не были. Ты или гребёшь, или плывёшь.

Джез мрачно посмотрела на него, но уступила — взобралась на маленький ялик, села возле одного пирата и взяла весло.

"Насколько это тяжело?"

Дрейк взобрался на лодку последним. Он занял место на носу лодки, поставив одну ногу на борт и глядя вперёд. Замечательная поза, Джез и самой она нравилась, хотя она сомневалась, что выглядела в ней так же хорошо.

— Ну ладно, парни... и Джеззет, сил не жалейте, гребите, блядь, вовсю!

Той ночью Джеззет на собственном горьком опыте узнала, насколько тяжело грести на лодке. Тренировки Мастера Клинка сделали её сильной, намного сильнее большинства женщин её размера, и научили, как лучше всего пользоваться мышцами, которые она нарастила. За годы с тех пор, как она закончила обучение и стала Мастером Клинка,

сразившись в поединке с Юрием и убив его, она, возможно, растеряла часть той силы, но в целом держала себя в хорошей форме. При гребле, похоже, задействовались мышцы, о существовании которых она даже не подозревала. Не прошло и десяти минут, а руки уже ныли, и спина горела огнём. Миновало почти два часа, когда они наконец добрались до берега Изумрудного моря, и Джек была измотана до предела, и хотела лишь свернуться калачиком и отдохнуть под бдительным и нередко бессонным взором Танкуила. К несчастью, у неё не было ни арбитра, ни времени на такую роскошь.

— С ним всё будет в порядке? — спросила она, когда они вытащили ялик на берег. — Я имею в виду с Соромо.

Город сильно пострадал от сдвига опор — это стало ясно, когда они отплыли на достаточное расстояние. Многие районы пострадали, и все наклонялись в разные стороны. Слово "хаос", как назвал это пиратский капитан, лишь частично могло описать то, что происходило. Крики, паника и разрушения преследовали их ещё долго после того, как они покинули пределы города и направились в сторону суши. Они по-прежнему находились на окраине шторма, и тогда Джек впервые мельком увидела настоящую опасность Изумрудного моря.

Вода стала бурлящей массой чёрных волн и холодных брызг. Некоторые волны были вдвое больше самого высокого человека из всех, что она когда-либо видела, и только уверенные приказы Дрейка и мастерское управление Принцессы позволили им добраться до берега, не перевернувшись. Не раз Джек мельком замечала что-то неизмеримо большое, плывущее под водой, но не давала разуму надолго задумываться об этой угрозе.

— Город не утонет, — сказал Дрейк. — Но ему придётся туго. — Пиратский капитан выглядел усталым. От дождя волосы прилипли к его лицу, в глазах сквозила усталость, но он по-прежнему улыбался. — Выглядишь ты хреново, Джекет.

— Как ты сдвинул опоры? — требовательно спросила она. "Осторожнее, Джек. Ты окружена, и не в состоянии драться с пятью вооружёнными людьми".

Но Дрейк не выглядел оскорблённым. Он громко рассмеялся, и в его смехе слышалось неподдельное веселье.

— Я всего лишь человек, Джекет Вель'юрн. Как я мог бы совершить такой подвиг и сдвинуть целый город?

Его глаза странно блестели, но Джек это проигнорировала.

— Но ты знал. Ты знал о сдвиге ещё до того, как тот случился. — Она поняла, что кричит, стараясь перекричать усиливающийся шум дождя, который лил вокруг них всё яростнее.

Дрейк снова рассмеялся и кивнул, а потом повернулся к двум мужчинам, которые ожидали их на берегу — двое мужчин и восемь лошадей.

— Принцесса, Джек, вы со мной, — объявил Дрейк, крича на ветру, который пытался унести его слова прочь. — Остальные скачите изо всех сил, и каждый из вас, кто доберётся до Фортуны, получит полный мешок монет, каких пожелаете.

Пираты завопили и помчались к лошадям, а потом разъехались на них в разных направлениях. Джекет бросила на Дрейка вопросительный взгляд.

— Это чтобы сбить драконов с нашего следа, — прокричал он. — Как только шторм поутихнет, они явятся за нами.

— Довольно щедро давать им золото, чтобы увести от нас драконов, — прокричала в ответ Джек.

Дрейк рассмеялся, хотя из-за ветра Джезет этого уже не слышала. Он наклонился так близко, что она почувствовала его жаркое тяжёлое дыхание и закричал:

— Никто из них не доберётся. Драконы проследят за этим.

— А как же мы? — перекрикивала она ветер, когда Дрейк вёл их к трём ожидавшим их испуганным лошадям.

— Не волнуйся, — крикнул он в ответ, запрыгивая на лошадь. — Уже не в первый раз я ускользаю от драконов этой чокнутой суки. А теперь хватит болтать, блядь, и поехали!

Пиратский капитан ударил лошадь пятками по бокам, и та рысью направилась в ждущую темноту. Принцесса ухмыльнулся, натянул капюшон и поехал следом. Джез повернулась в седле, чтобы взглянуть на Соромо, но город был слишком далеко и скрывался за темнотой и штормом, и Танкуил был скрыт вместе с ним. С тяжёлым вздохом она тоже ударила пятками по бокам лошади и последовала в ночь за Дрейком Моррассом.

Была в нынешнем положении Танкуила некая поэтическая ирония. Возможно, его даже заставил бы рассмеяться тот факт, что шторм, который он высвободил в форте Таллон, последовал за ним до самого Соромо, где и обрушил прямо ему на голову всю свою мощь — вот только случилось это сразу после самого страшного сдвига опор за всю историю города. И вдобавок Танкуил оказался в самом его центре.

Он находился в одной из самых красочных частей города. Пришёл туда сердитый и озадаченный. Не знал, что переживает, не понимал, что ему делать. Он почувствовал, как его воля сцепилась с волей Дрейка и заставила выплеснуть правду. Он почувствовал приятное возбуждение, словно от наркотика, когда управлял другим человеком. Дрейк Моррасс не лгал, и это значило, что лгала Джезет. Они спаривались, сношались, спали, трахались, занимались любовью. Сотни мыслей и образов кружились в голове Танкуила, боролись за его внимание, а он не хотел думать ни об одном из них, не хотел представлять ни один. Так что он просто пришёл в поисках выпивки, в поисках компании, но больше всего в поисках драки. А вместо этого получил хаос, панику и немало доброжелательности.

— Мы благодарим вас за вашу роль в помощи Соромо во время этого бедствия, арбитр Даркхарт, — сказала Драконья императрица с отчётливо императорским выражением на лице. Несмотря на всё, что произошло — сдвиг опор, шторм, да и сам зал собраний теперь явно кренился — у императрицы ни волоска не выпало из причёски. Пускай город был поражён худшим бедствием на памяти живых и мёртвых, но правительница держалась так, словно всё в порядке.

Танкуил со своей стороны выглядел как угодно, только не нормально. Его волосы свисали сальными прядями, обрамляя измождённое, покрытое сажей лицо. Он уже несколько дней не спал, и единственное, что не давало ему уснуть, это заклинание бессонницы, прикреплённое к левой руке. Он чувствовал туман сна на границе сознания, но заклинание его отгоняло.

Тот красочный район сильнее всего пострадал от сдвига опор. Здания обрушились, на развалинах бушевали пожары, несмотря на проливной дождь, и повсюду были раненые и умирающие, которые звали на помощь. Похоже, большинство людей считало, что арбитры — это всего лишь смертоносные фанатики, которые приносят людей в жертву. Но Танкуил доказал людям района, что человек, который может вдвое увеличить свою силу, или притупить кому-нибудь чувства, чтобы снять боль, бывает полезен. Он провёл большую часть дня, даже во время самого сильного шторма, расчищая завалы, гася пожары, оттаскивая выживших в безопасные места и заботясь о раненых. Люди объединялись вокруг него, помогали ему, и все были ему признательны. Всё это чудесным образом занимало его разум, а теперь ту же роль играло истощение.

— Жаль, что я не могу поделиться с вами хорошими новостями, — продолжала Драконья императрица. Хотя трон из костей дракона уцелел в катастрофе, она не сидела на нём, предпочитая стоять. Её дракониха, как обычно, лежала позади неё — гигантская рептилоидная гора зубов, крыльев и скверного характера. Драконьи рыцари по-прежнему заполняли зал приёмов, хотя они принесли бы куда больше пользы в городе, помогая беспомощным. Несколько выживших чиновников тоже присутствовали. Район, в котором проживали чиновники, был поражён сильнее всего — его опора треснула, и целая секция

погрузилась в водные бездны. Одна монументальная трагедия искалечила правительство Драконьей империи, сделав императрицу могущественнее, чем прежде.

— Пират Дрейк Моррасс и Мастер Клинка Джеззет Вель'юрн мертвы, — объявила императрица.

Танкуил почувствовал себя так, будто его ударили в живот. Ему стало трудно дышать, тяжело думать. Руки и ноги отяжелели, и слова застряли в горле. Драконья императрица не дала ему ни минуты, чтобы смириться с новостями.

— Темница была затоплена во время шторма. Они оба утонули.

— Но... я не...

Императрица нахмурилась, глядя на него, и продолжила — она явно не привыкла, чтобы её перебивали.

— Народу Соромо нет нужды знать об их преступлениях. Возможно, в смерти шлюха сможет частично восстановить свою честь, которую она отбросила при жизни.

Это для Танкуила было уже чересчур. Он поднял глаза, встретившись с холодным взором зелёных глаз императрицы.

— Да как вы смеете?

Слова слетели с его губ прежде, чем он понял, что он делает, а тогда уже поздно было отступить. Императрица запнулась, пошатнулась, когда воля Танкуила сдавила её волю, но он так и не услышал её ответа. Первой отреагировала дракониха императрицы. Она очнулась от дрёмы, с грохотом направилась вперёд, закрыв императрицу крылом, и издала рёв, полный чистой ярости и злобы, который эхом разнёсся по залу приёмов. Мгновением позже ответили Драконьи рыцари — они не знали точно, что происходит, но знали, что это виноват Танкуил, и бросились к нему, обнажив оружие.

Танкуил отшатнулся, всё ещё потрясённый тем, что он только что сделал, и тем, что это будет означать. Драконья императрица была вне подозрений таких, как он, даже если бы он считал, что она виновна в ереси. Использование принуждения по отношению к императрице было преступлением, наказание за которое — смерть, и даже статус арбитра не защитил бы его.

С лицом, искажённым от паники, Танкуил прекратил пятиться и взял меч в правую руку, а пистолет в левую. В маленьком пистолете не было чёрного пороха, и он бы не выстрелил, но арбитр надеялся, что Драконьи рыцари этого не знали, и это могло дать ему лишнюю секунду или две. Не то чтобы он знал, зачем ему эти секунды. Если они хотели его убить, то он мало что мог с этим поделать. И всё-таки Драконьи рыцари остановились, и все четырнадцать с опаской смотрели на него. То ли из-за его оружия, то ли из-за статуса арбитра, или быть может из-за дикого взгляда в глазах — но элитная стража Драконьей императрицы не горела желанием подходить ближе.

— СТОЙТЕ! — голос императрицы был громким и дрожащим. — Не убивайте его.

Танкуил несколько порадовался этому приказу — ему совсем не хотелось сражаться с четырнадцатью мужчинами разом... или даже по очереди.

Императрица появилась из-за чешуйчатого драконьего крыла, и выглядела она уже далеко не безупречно. Многочисленные пряди тёмных волос высвободились и ниспадали по лицу, щёки окрасились в ярко-красный цвет, а лоб сильно нахмурился. Её дракониха уставилась на Танкуила своими тёмными глазами-бусинками, слегка раскрыв пасть и испуская низкий гортанный рык. Императрица шагнула вперёд, чуть наклонившись, чтобы компенсировать уклон пола, и положила крошечную ручку на массивную голову дракона.

Танкуил мог бы поспорить, что чудище, судя по размерам, могло съесть трёх таких, как она, целиком, но от прикосновения маленькой руки оно немного стихло.

— Вы перешли черту, арбитр Даркхарт, — сказала императрица, и её голос стал жёстким и полным злобы. — И у меня есть полное право убить вас.

Танкуил знал, что это один из тех случаев, когда надо держать рот на замке, но эта проклятая штука имела привычку его не слушаться.

— Вы имеете в виду, приказать меня убить. Люди в вашем положении редко пачкают свои руки.

Она не взвилась в ответ на его укол, и Танкуил решил, что ему повезло.

— Нет других людей в моём положении. За ваши услуги прошлой ночью, и за предательство, которое мы оба разделили, я не стану убивать вас, арбитр. Но вы изгнаны из моего города и из моей империи. Уезжайте. Немедленно. И не вздумайте возвращаться. — Танкуил услышал, как дверь за его спиной раздвинулась. — Мой герольд сопровождает вас.

Танкуил повернул голову и увидел стоящего возле открытой двери Драконьего герольда, который со своим обычным бесстрастным выражением лица смотрел прямо на него. Танкуил, убрав меч и пистолет, снова повернулся к императрице, решив фыркнуть последнее слово:

— У меня уже ваша проклятая империя в печёнках сидит.

С этими словами он повернулся на каблуках и зашагал из приёмного зала. Тихий драконий рык всё ещё разносился эхом по пространству за его спиной.

Танкуил не остановился, пока не вышел из дворца. Солнце только начало опускаться, на небе не было ни облачка, шторм уже буквально израсходовался. Но всё же мир казался тусклым, мрачным, безжизненным местом, и Танкуил почувствовал, будто холодная рука сжимает сердце в его груди.

— Она не умерла, — сказал герольд. Он следовал за Танкуилом до самого выхода из дворца в покосившийся, разрушенный сад, ведущий к главному выходу.

Танкуил обернулся и посмотрел на мужчину, но с губ у того не слетело больше ни слова, так что арбитр заинтересованно проворчал.

— Мы не думаем, что она мертва, — пояснил герольд. — Камеры были затоплены, но мы нашли стражников. Они не утонули, их глотки были перерезаны. Нам пока не удалось выкачать воду, чтобы провести дальнейшее расследование, но я уверен, что ваша женщина и пират сбежали.

— Императрица сказала...

— Она не хочет, чтобы вы отправились за ними. Она отправляет за ними драконов. Всех. Она хочет, чтобы Джеззет убили, а Дрейка вернули сюда раз и навсегда.

— Но вы не хотите.

Драконий герольд глубоко вдохнул и выдохнул. Несмотря на все опасения, которые питал Танкуил по отношению к этому человеку, он казался достойным.

— Дрейк Моррасс это яд, — продолжил герольд, и злоба в его голосе убедила Танкуила, что тот говорит правду. — Он крутит императрицей, толкает её туда, куда не следует, и затуманивает её разум, не даёт прислушиваться к советникам — к людям, которые желают империи самого лучшего. Мне он не нравится, и я не хочу, чтобы он возвращался. Никогда.

— И вы хотите, чтобы я проследил за этим, — закончил Танкуил.

— Что вы будете делать, когда поймаете пирата, это ваше дело. Они направляются в Ларкос — это единственное место, в котором драконы их не тронут, и единственный порт, в

который сможет зайти Фортуна, когда выйдут приказы императрицы. Я подготовил лодку, которая вывезет вас из Соромо, и лошадь, которая будет ждать вас, когда вы пересечёте Изумрудное море. Оттуда сможете сами добраться до Ларкоса.

Танкуил кивнул. Он точно не понимал, что сейчас чувствует. Его эмоции казались сумятицей, связанной в узел и обёрнутой вокруг неразберихи, но у него было подозрение, что убийство Дрейка Моррасса ему поможет.

— Благодарю вас, — сказал он герольду. — Я прослежу, чтобы Дрейк Моррасс сюда не вернулся.

Два часа спустя Танкуил ехал верхом на лошади в сторону Ларкоса по самому прямому известному ему маршруту. В сторону Дрейка Моррасса. В сторону Джеззет.

Дрейк, верный своему слову, доставил их в Ларкос, и драконы императрицы их не съели. Его тайное знание о том, как ускользнуть от драконов, оказалось хитрым планом не выезжать из-под крон деревьев. Джез могла поспорить, что такой план она и сама могла бы придумать. Но, по крайней мере, компания пирата была достаточно приятной, так что с его диким хвастовством Джез могла смириться.

И Дрейк и Принцесса оказались весьма полезными спутниками в путешествии. Пиратский капитан, помимо лихого внешнего вида, обладал способностью говорить загадками, что привлекало Джез, и ей захотелось копнуть поглубже в его прошлое и в его смутные мотивы. С другой стороны его подчинённый был верным товарищем и почти постоянно пребывал в хорошем расположении духа, если только никто не подшучивал над его именем.

Первых лошадей они загнали почти до смерти — мчались в ночи под дождём, и эта скачка пугала не меньше преследовавшего их шторма. Джез считала чудом, что ни одна из их лошадей не поскользнулась, не переломала ноги и не сбросила всадника к его неминуемой смерти. Они сменили тех лошадей на новых в первом же городке, и меняли дальше в каждой маленькой деревеньке и в каждом крупном городе, а Дрейк всюду щедро за это платил. К приезду в Ларкос каждый из них сменил по меньшей мере четырёх лошадей, а Дрейк сменил пять, поскольку одна охромела спустя милю после города, в котором её купили.

Дорога к великим воротам Ларкоса действовала на нервы. Джеззет почти ожидала увидеть драконов, сидящих на стенах в ожидании их, но это были всего лишь глупые фантазии. Свободный город не позволял драконам находиться в своих пределах, и у них было оружие, чтобы обеспечить выполнение этого правила. На стенах Ларкоса размещались баллисты, катапульты и скорпионы, и все в отличном состоянии и регулярно испытывались. Во всём мире не было таких метких и скорострельных солдат, поскольку другие солдаты во всём мире не жили под постоянной угрозой нападения драконов.

Джез посмотрела на великие ворота, к которым они приближались. Это название им подходило. Она не впервые их видела, но всякий раз они внушали ей благоговейный трепет. Высотой почти в сотню футов и почти такой же ширины, это, несомненно, были самые большие ворота из всех, которые она видела. Они закрывались на время войны, и специальный механизм запирали их в тысяче разных мест. Это была одна из туристических достопримечательностей Ларкоса, и понятно, почему. Никогда за всю историю великие ворота Ларкоса не были пробиты. В прошлом армии пытались их взять, но большинство решало, что это плохая идея и проще и дешевле напасть, взобравшись на полторы сотни футов по стенам.

На каждой стороне ворот было выгравировано по тринадцать символов — один на каждую компанию наёмников, которые управляли Ларкосом и охраняли его. Город был разделён на двенадцать публичных районов и один, центральный, частный район. Каждые пять лет компании случайным образом выбирали, какая из них какой район контролирует, и тем самым выбирали, кто будет богаче, хотя и не влиятельнее — все тринадцать компаний имели равные голоса в управлении городом, и, хотя они иногда спорили, но для нужд Ларкоса всегда объединялись.

В этом и заключалась причина, по которой Драконья империя так и не смогла взять

этот город, хотя пыталась много раз.

Ларкос нравился Джезет. Этот город она с радостью назвала бы своим домом, если бы здесь не было такой яркой приверженности законам, а компании не следили за исполнением этих законов так жестоко и безжалостно. Считалось, что некоторые компании хуже прочих, но ни одна не относилась мягко к преступникам, а Джез часто попадала в эту категорию.

Дрейк улыбался ей. Пират не трудился даже скрывать то, как нахально он на неё пялился.

— Не волнуйся, Джез, — сказал он, сверкая золотой улыбкой. — Пока ты здесь со мной, тебе ничто не грозит.

— А может ли хоть кто-то сказать, что ему ничего не грозит, когда он с тобой? — крикнула она в ответ, заработав смешок Принцессы.

— У меня есть связи с теми, кто управляет этим городом. Защита и в некоторой степени... свобода действий. И всё, разумеется, за существенную ежегодную сумму, но я считаю, оно того стоит. У меня есть свободный порт, якорное место, хорошие цены, пока я продаю компаниям, а не торговцам напрямую, и я могу управлять своим бизнесом, даже если он, хм, не вполне законен. А ещё я могу получить укрытие от империи с её императрицей, если возникнет такая нужда, а сейчас она явно возникла.

Когда, подождав в очереди со всеми торговцами, крестьянами и туристами, они добрались до великих ворот, от обочины к ним подошёл человек в капюшоне. В голове Джез зазвенели тревожные колокольчики — вора она узнавала, едва увидев. Но ясно было, что Дрейк тоже его видел, и вовсе не выглядел при этом встревоженным.

— Кэп, — проскрежетал мужчина. От него пахло несвежей травкой кашер.

— Какие новости? — спросил Дрейк.

— Посланник империи прибыл только вчера. Их приняла Королева Клинков и займёт их надолго. У нас полно времени, чтобы свалить.

Дрейк кивнул. Джезет посмотрела на него с немалым подозрением.

— Что с Фортуной? — спросил пиратский капитан.

— Готова отплывать, как только скажете, кэп. Она с нами? — он дёрнул головой в сторону Джез.

— Ага, — ответил Дрейк.

"Не с вами!" — подумала Джез, но по какой-то причине решила промолчать.

— Скачи вперёд и скажи парням, что мы отходим на закате, — сказал Дрейк. — Лучше ускользнуть под покровом ночи и без огней на палубе. Мы прибудем довольно скоро.

— Оракул? — спросил Принцесса.

— Неплохо бы поздороваться, — кивнув, ответил Дрейк. — С ним и со Шрамом.

Человек в капюшоне отвернулся и умчался прочь, быстро исчезнув в толпе. Джез немного подождала, а потом повернулась к Дрейку.

— Я еду с тобой?

— Да, если собираешься выжить в этой проклятой империи. Драконов, может, и не видно, но ты обманываешь себя, если думаешь, будто у неё нет агентов в городе.

Джез фыркнула.

— Пусть приходят. Мне как раз надо кого-нибудь побить.

— О да, ты стала бы для них настоящим ужасом, если бы они пришли прямо к тебе с мечами наголо, но вряд ли так оно и будет. Спустя несколько дней ты будешь сидеть с пивом или жевать полоску мяса, и твоё горло начнёт чесаться. Сначала немного, но зуд будет

усиливаться. Довольно скоро ты начнёшь кашлять, но как бы сильно не кашляла, зуд не исчезнет. Потом станет тяжело дышать, дыхательные пути начнут закрываться, ты захрипишь. Вцепишься себе в горло, шея опухнет, лицо раскрасится во все оттенки фиолетового, а потом... ты умрёшь.

Джез не удержалась и потёрла шею, уже представив этот зуд. Она уставилась на Дрейка.

— Звучит так, будто ты сам прошёл через это.

Дрейк ухмыльнулся, блеснув золотым зубом.

— Дрейком Моррассом не станешь, не выжив после отравления-другого. "Фортуна" отплывает ночью, Джеззет. Если хочешь — место твоё. Я доставлю тебя в Дикие Земли, за пределы её досягаемости, и дальше твоя жизнь снова будет в твоём распоряжении. Делай с ней, что пожелаешь. А если не поедешь, то думаю, пальцев одной руки хватит, чтобы сосчитать оставшиеся тебе дни. Но, опять же, выбор за тобой.

"Выбор невелик. Беги в Дикие Земли, Джез. Переговори с Танкуилом и убеди его, что всё это была ложь". Она посмотрела на Дрейка и увидела, что тот разглядывает её холодными зелёными глазами. "Этот мерзавец сам в ответе за то, что ты здесь, но ещё он твой единственный шанс выжить во всей этой хуйне".

— Ладно, — Джез сплюнула с ухмылкой. — Но если на корабле я буду работать, то тебе придётся мне заплатить.

Принцесса расхохотался, и Дрейк кивнул, ошеломлённо полуулыбнувшись.

— Ага. Думаю, мы сделаем ещё из тебя пирата, Джеззет Вель'юрн.

Танкуил сердито смотрел на пацана, а тот сердито смотрел в ответ. Первая миссия с момента получения статуса арбитра шла не так, как планировалась. Танкуил воображал, что люди будут пугаться в его присутствии, смотреть на него с благоговением и уважением. Наполовину он оказался прав в этом смысле — они определённо были напуганы, но вместо благоговения и уважения в их глазах был ужас и едва скрываемая ненависть. Он представлял себе, что зайдёт в маленькую деревеньку с высоко поднятой головой, и, используя сочетание навыков, которым его учили последние двадцать лет, определит личность еретика, если таковой здесь имеется, а впоследствии сразится в короткой, но героической битве с силами зла. Вместо этого он прокрался в деревню глухой ночью и большую часть следующего дня проспал на местном постоялом дворе. Проснувшись, он обнаружил, что его деятельность состоит по большей части не из эпических битв, а из серии длительных допросов и постоянного использования принуждения. Хотя процесс доставлял ему громадное удовольствие — принуждение было приятно использовать, и от него оставалось пьянящее ощущение власти — но ещё это был очень тупой процесс.

Мальчик кусал губы и качал ногами — стул был слишком велик для него. Танкуил почесал однодневную щетину и решил, что вскоре придётся побриться. Он не мог себе представить жизни с чем-то похожим на бороду. Мальчик скопировал его действие.

Танкуил опустил руку и немного склонил голову влево. Пацан тоже опустил руку и склонил голову вправо. Танкуил триумфально ухмыльнулся. Мальчик ухмыльнулся вместе с ним.

— Прекрати, — приказал он ребёнку. — Мне нужно задать тебе несколько вопросов. Ты понимаешь?

Он ощутил волну удовольствия и увидел, как пацан сосредоточенно хмурился по мере того, как подчинялась его воля, вынуждая говорить правду. Простой вопрос и простой ответ, но пацан сопротивлялся. Танкуилу пришлось признать, хотя и только самому себе, что когда они сопротивляются, это ещё веселее.

— Да, — сказал мальчик, содрогнувшись, а потом быстро принялся дуться, выпятив нижнюю губу и уставившись в пол.

— Хорошо. Тогда начнём. Как тебя зовут, мальчик?

На этот раз парень ответил немедленно.

— Дэмиен.

— Дэмиен, ты когда-либо видел, как другие жители деревни практикуют тёмную магию, общаются с демонами или обладают странными силами?

Мальчик содрогнулся и застонал, в его глазах встали слёзы.

— Я не знаю.

Следовало признать, такое было возможно — вопрос мог быть слишком сложным для четырёхлетнего. Наставник Ноин любил повторять, что вопросы не должны быть однообразными, арбитр должен сочинять их индивидуально для каждого. Придётся задать вопрос так, чтобы мальчик мог понять и ответить.

— Дэмиен, — продолжил Танкуил, пока мальчик не начал плакать. — Есть ли среди жителей деревни... злые?

Мальчик покачал головой и громко шмыгнул.

— Нет. Не думаю.

Танкуил кивнул, взял свою записную книжку и записал результаты допроса. Это не заняло много времени.

— Можешь идти, Дэмиен.

Парень соскользнул со своего стула и помчался к двери. Некоторое время он пытался дотянуться до ручки, а потом плюнул, дважды пнул дверь, та открылась, и мальчик выбежал наружу. Пожилой мужчина, у которого волос в носу было больше, чем на голове, шагнул в маленькую комнату и с отвращением осмотрелся. Танкуил нарисовал на стене чёрными чернилами символ Вольмара и убрал из комнаты всё, кроме двух стульев. Тощий мужчина, очевидно, был не очень рад такому использованию своего кабинета в ратуше.

— Привести вам кого-нибудь ещё, арбитр? — спросил мужчина глубоким баритоном.

Танкуил вскочил на ноги и сердито посмотрел на него.

— Здесь я буду задавать вопросы, а не вы.

Мужчина отступил на шаг, кивая и опуская глаза в пол.

— Так это да или нет?

Танкуил сдержал вздох и подошёл ближе к мужчине.

— Нет. Пока это всё. Вон, быстро.

Мужчина изобразил краткий поклон, повернулся и сбежал, едва не запутавшись в своих ногах. Танкуил закрыл за ним дверь и лишь тогда позволил себе ухмыльнуться. В его работе определённо имелись и преимущества, и возможность заставлять людей чувствовать себя неуютно явно к ним относилась. А ещё никто бы не заподозрил, что это он стоит за последними карманными кражами. Он сунул руку в карман и вытащил маленькую деревянную игрушку, примерно в половину кулака. Конической формы с крошечным выступом на верхушке. Танкуил видел, как мальчик играл ей днём раньше, раскручивал на полу и смотрел, как долго та может не падать. Вскоре представилась возможность, и Танкуил забрал игрушку. Он быстро уложил её на дно котомки и решил пересмотреть свои записи. Это не заняло много времени.

Он допросил почти каждого жителя городка и быстро пришёл к заключению, что еретиков здесь нет. Тинфильд был мирным и сонным местечком, каким и казался. Танкуил уже начинал думать, что совет прекрасно знал это, и вместо крещения огнём они отправили его в городок с людьми, живущими нормальными жизнями и не знающими ничего о ереси, которую он пытался здесь отыскать. В какой-то мере в этом был смысл — Инквизиция отправляет арбитров на первое задание в местечко, где не понадобится никаких судебных процессов. Он сомневался, что выпускников сразу же заставляли разбираться с настоящими еретиками. Но, конечно, он всегда мог просто обвинить одного из горожан и казнить его по подозрению в ереси в качестве примера всем остальным. У него были права поступить так, но Танкуилу не нравились убийства совершенно без повода.

Он положил записную книжку в один из многочисленных карманов своего плаща. Длинный коричневый плащ был таким новым, что до сих пор пах выделанной кожей, и один этот запах вызывал у Танкуила улыбку. Его плащ был доказательством того, что он закончил обучение на арбитра и успешно выпустился. Доказательством того, что он — полноценный агент Инквизиции и обладает полномочиями такой могущественной и престижной организации. А теперь ему нужно было отметить в этой организации, отправить записку в совет и получить приказы, которые ему направят. Придётся тайком отправиться в ближайший лес и вызвать демона. Он солгал бы, сказав, что вызов этих существ не

возбуждал его. Всегда с самого первого раза он был очарован демонами пустоты, и последующие вызовы не уменьшили его любопытства.

Однажды сам инквизитор Пул наблюдал, как Танкуил вызывает демонов, и весь совет признал, что странные происшествия являются практически нормой, когда дело касается Танкуила. Всякий раз, как он вызывал одну из тварей, ему приходилось раздумывать: что случится на этот раз? К его досаде первое происшествие повторялось неоднократно — много раз он видел, как демон пытается проявиться до такой степени, чтобы взаимодействовать с этим миром.

Для Танкуила не составляло трудностей тайком выбраться из города. Хоть он и не умел красться, как кошка в темноте, но он стал арбитром, и люди целенаправленно старались не замечать его и с радостью готовы были не лезть в его дела. Но всё равно, куда более возбуждающим было выбраться через окно первого этажа, влезть на крышу, тихо, словно ветерок, и ползти по черепице. Добравшись до задней части здания, он соскочил на землю, осмотрелся, убедившись, что его никто не видит, и бросился к деревьям.

В лесу стояла почти полная темнота, единственный свет давали лишь лунные лучи, изредка пробивавшиеся в прорехи полога и рисовавшие удивительные вихри лунного света на пыли в темноте. Здесь было невероятно тихо. Ветки хрустели под ногами, шелестели листья позади, но вокруг не было никого кроме зверей, и в Сарте не водилось таких, которые способны были причинить ему вред.

Он отошёл на значительное расстояние от городка, решив, что мили или около того будет достаточно. Танкуил не забывал, что демоны иногда издают немало шума, а ещё он знал, как придётся поступить с любым, кто на свою беду увидит, что он собирался делать. Самый тщательно хранимый и грязный секрет Инквизиции — что они использовали демонов, ответственных за ересь среди людей. Они были лицемерами высочайшего разряда, но это не значило, что они не делали ничего хорошего. Вольмар лично связал демонов с Инквизицией, и теперь они должны были подчиняться любому приказу всех агентов организации. При помощи демонов Инквизиция совершала добро, перевешивавшее грехи. При помощи демонов они могли взаимодействовать на любых расстояниях.

Танкуил посмотрел на деревянную руно, которую приготовил перед выходом из комнаты. Маленькая полоска хрупкого дерева с горизонтальной зарубкой посередине и с тремя нарисованными символами. Руна вызова, руна силы и руна контроля — лишь три этих знака способны были вызвать демона в мир и контролировать его.

Он полной грудью вдохнул свежий ночной воздух и неровно выдохнул, охваченный нервным возбуждением. Потом он сломал руно и бросил на землю.

Мир стал ещё темнее и холоднее. От дыхания пошёл пар, и Танкуил сунул руки в карманы, чтобы уберечься от холода. Потом донёсся лязг цепей — огромных, тяжёлых цепей, выкованных из металла, известного одному Вольмару. Бог выковал цепи, чтобы связать демонов, и выковал так, что лишь он один мог разбить их, навечно поработив этих тварей.

Пятно тьмы размером почти с Танкуила становилось ещё темнее, и он различил шипастую фигуру головы демона, перешедшего в этот мир из глубин пустоты. Две крошечные искры переросли в яркое пламя, когда демон открыл глаза.

Вдруг с рёвом появилось ещё одно пятно тьмы, втрое больше первого. Второй, более крупный демон, рыкнул на первого, широко раскрыв пасть, из которой полился пронзительно яркий свет, окаймлённый многочисленными рядами неровных чёрных зубов.

Первый демон взвизгнул и отвернулся, мгновенно растворившись в ночи.

Второй демон, морда которого была почти втрое больше Танкуила, повернулся к арбитру и пристально разглядывал его своими глазами из чистого пламени.

Танкуил ухмыльнулся, воздух вырвался из его рта в почти истерическом смехе. Он определённо не видел ничего подобного прежде.

Лицо демона подвинулось ближе к Танкуилу, и он снова услышал лязг цепей.

— Арбитр Даркхарт...

Танкуил мгновенно проснулся и тут же почувствовал острую боль в спине и ноющую во всём теле. Спать на стволах поваленных деревьев, которые везли на телеге, было, очевидно, очень болезненной идеей, но по крайней мере ему удалось урвать несколько часов сна. Хотя, с его нынешними снами, он уже начинал желать, чтобы не удавалось.

Причина, по которой он проснулся, была ясна: телега остановилась. Танкуил скатился со своей импровизированной кровати и встал на ноги, стараясь размять затекшие места. Видимо, он спал на остром обрубке ветки, вонзавшемся в спину чуть ниже почек, и мучительная боль доказывала это.

Изнурённо вздохнув от усталости из-за многих недель нехватки сна, Танкуил закинул котомку за плечи, подошёл к заднему краю телеги и спрыгнул на землю прямо перед возницей.

Тот вытаращил глаза и отшатнулся на шаг, когда ноги Танкуила коснулись земли. Видимо, он не знал, что на его телеге едет спящий арбитр. Танкуил разглядел мгновенный гнев на лице мужчины, даже несмотря на свисающие усы и затеняющую лицо шляпу с широкими полями. Тот открыл рот, явно собираясь устроить выволочку безбилетному пассажиру, когда его взгляд упал на плащ Танкуила. Рот возницы захлопнулся, и он быстро склонил голову.

Танкуил с улыбкой кивнул, а мужчина повернулся и зашагал прочь, скрывшись за телегой. Тогда арбитр и увидел маячившие впереди стены Ларкоса, и великие ворота, которые, как и всегда, стояли твёрдо и неприступно.

Когда он влез на телегу, до свободного города оставалось по меньшей мере два дня пути — даже если возница погонял своих животных и отказался от остановок. Для человека, отдохавшего два дня, Танкуил совершенно не чувствовал себя отдохнувшим — хотя это объясняло сухой вкус во рту и урчащую дыру, которой раньше был его живот.

Телега стояла в очереди к великим воротам, где стража проверяла каждый груз и взымала плату за вход в свободный город. Оставшись на нынешнем месте в очереди, Танкуилу пришлось бы ждать многие часы, прежде чем он добрался бы до входа в город, вот только он не собирался оставаться на этом месте. Хотя официальных полномочий в свободных городах у арбитров и не было, но это не значило, что он не может злоупотреблять врождённым страхом людей перед охотниками на ведьм, чтобы избавиться от нескольких часов скуки. И чем скорее он окажется за стенами Ларкоса, тем скорее сможет искать Джеззет.

До великих ворот Танкуил добрался, идя сбоку от стоящих в очереди людей. Это вызвало множество злобных взглядов и даже парочку тихих оскорблений, но он не стал обращать на них внимания. Он проходил мимо повозок, нагруженных товарами, едой, оружием, строительными материалами, тканями, металлами. Некоторые повозки даже охраняли вооружённые наёмники. Он видел разносчиков еды, стоявших в сторонке с товарами в котомках. Танкуил почувствовал, как его рука слегка трясётся, заметив

карманников и воровские шайки, работавших в очереди. Танкуил знал, что если бы решил идти в очереди, а не рядом, то к тому времени, как он дошёл бы до ворот, в его карманах скопился бы ворох бесполезной ерунды. Привычка воровать бесполезные предметы у людей, которым они не нужны, была странной тягой, от которой ему никак не удавалось избавиться, а если говорить честно, то и не хотелось.

Он увидел вора — ребёнка не старше шести лет, пол которого было не определить — тот подкрадывался сзади к одному ремесленнику, который спорил с другим по поводу необычайного времени ожидания. Ребёнок поднял кошелек ремесленника, плавным натренированным движением перерезал верёвку и скрылся в толпе. Часть Танкуила страстно хотела, как в прежние времена, тоже этим заняться, но нынче он был слишком старым и слишком большим для такой работы, и у него имелось другое призвание. Призванием Танкуила было выслеживать и судить еретиков, а не красть кошельки ради выживания. И платили за это всегда куда лучше.

Когда он добрался до ворот, трое Шрамов оторвались от осмотра повозки с рудой и подошли к нему. Их лица скрывались за металлическими масками.

— Арбитр, — сказал средний из троих, протягивая руку, чтобы поприветствовать Танкуила.

Танкуил по очереди посмотрел на каждого из трёх Шрамов, пытаясь запомнить лишь видимые части их лиц — глаза.

Шрамы в настоящее время были одной из самых богатых, и, несомненно, самой жестокой из тринадцати организаций, управлявших Ларкосом. Их основал Шрам, когда город только был построен, и всё, что было известно об этом человеке — это что он был чудовищно покрыт шрамами. Если у организации и были какие-либо ещё сведения об её основателе, то они не спешили делиться ими с чужаками.

Танкуил слышал, что их командиру, нынешнему Шраму, дозволялось показываться на публике без маски, поскольку каждый новоизбранный командир должен был намеренно покрыть шрамами своё лицо в честь основателя. Каждый член организации носил металлическую маску в виде лица того же основателя, так что выходило, будто все Шрамы выглядели одинаково, за исключением металла, из которого делались их маски. Похоже, имелась какая-то система, согласно которой чем выше по рангу человек, тем драгоценней металл его маски. Но Танкуил в ней не разбирался и разбираться не желал. Он знал лишь, что Шрамы были ужасно жестокой организацией, практиковали наказание "око за око", и не терпели никаких преступлений на своих улицах. Кроме того, сейчас они управляли районом Ларкоса за великими воротами, и это делало их богатыми и влиятельными.

Танкуил уставился на Шрама в середине — его маска, похоже, была чугунной.

— Сейчас вы мне расскажете, что не любите охотников на ведьм, — сказал Танкуил самым снисходительным тоном, который только мог изобразить. В прошлый раз в Ларкосе он уже имел такую беседу. Она быстро наскучила ему тогда, и грозила быстро наскучить сейчас. Похоже, у нынешнего Шрама были какие-то счёты к Инквизиции, как и у многих людей в известном мире, самой примечательной из которых являлась нынешняя Драконья императрица.

— Кое-кто хочет с вами повидаться, — сказал человек в середине. Из-за маски его тон был совершенно неясен.

— Боюсь, я не выполняю запросы, так что если вы просто отойдёте с моей дороги, то я доберусь до гавани и избавлю всех от проблем. Кажется, гаванью нынче управляют Клирики.

Три пары холодных мёртвых глаз смотрели на него из-за трёх холодных мёртвых масок.

— Значит, кое-кто хочет меня повидать.

— Да, арбитр.

— Ведите.

Три Шрама сопровождали Танкуила в великие ворота, за которыми располагалась главная площадь. Они провели его до центра площади, а затем все как один растворились в толпе. Прямо перед собой Танкуил увидел, как простые люди Ларкоса, направлявшиеся по своим обычным делам, расходятся, словно река перед скалой. Почувствовав слабость, он ясно понял, что точно так же они расходятся и вокруг него самого, точно так же, как расходятся вокруг любого арбитра — их естественный страх Инквизиции заставлял их избегать всех, связанных с её правосудием.

Приблизившись, Танкуил увидел высокую фигуру в простой бурой куртке, таких же штанах и в плаще, очень похожем на его собственный, только выкрашенный в цвет кости. Первая его реакция была похожа на реакцию простых людей: отойти, обойти, надеясь, что инквизитор его не заметит, но для этого было уже слишком поздно. Обескураживающие жёлтые глаза цвета пустынного песка уже смотрели на него.

Танкуил остановился перед инквизитором, и ему пришлось заставлять себя смотреть ему в глаза.

— Здравствуйте, инквизитор Вэнс. Знаете, с такой скоростью продвижения, через несколько месяцев вы будете уже богом-императором.

Инквизитор Хирон Вэнс проигнорировал выпад.

— Арбитр Даркхарт. Уже прошло немало времени. Кажется, в прошлый раз, как я вас видел, вас обвиняли в ереси.

Танкуил чуть не рассмеялся, но умудрился остановиться.

— Я помню.

— И, кажется, моё предложение спасло вам жизнь.

— Я помню.

— Нам нужно отойти куда-нибудь, где мы сможем поговорить наедине.

Танкуил как можно громче втянул воздух через зубы.

— Знаете, я бы с радостью, но мне нужно быть в другом месте.

— Это не просьба, арбитр. Следуйте за мной.

Инквизитор Вэнс повернулся и пошёл прочь. Танкуил смиренно последовал за ним. У него не было выбора.

Грязная таверна в одном из жилых районов называлась "Пыльный том", и в ней отчётливо веяло воровским духом, не в последнюю очередь из-за того, что она была безлюдной. По крайней мере, это название подходило спутнику Танкуила — Хирон Вэнс всегда был похож на книжника. Самый опасный библиотекарь из всех, кого только можно встретить.

Инквизитор стёр со стола слой пыли, махнул бармену и уселся на шатком стуле. Танкуил взял другой стул от боковой стены и сел напротив.

— Это больше похоже на конспиративную квартиру, чем на таверну, — прокомментировал Танкуил.

— Так и есть, — сказал Вэнс. — Она принадлежит моему другу. Можем говорить свободно.

— Чудесно... — начал Танкуил.

Инквизитор Вэнс снял что-то с пояса и положил на стол. Длинный предмет, примерно в два-три фута длиной, завёрнутый в полоски бумаги — такой же бумаги, которую арбитры используют для большинства заклятий. Было в этом свёртке и что-то ещё, что-то, чего он не мог толком разобрать. Танкуил почувствовал, как предмет приковывает к себе его взгляд, и старая боль запылала с новой силой.

— Должно быть, хорошо иметь друзей, — услышал он свой голос. — Все мои либо мертвы... либо пропали.

— Вы о своей спутнице, Мастер Клинк? — спросил Вэнс.

— Джеммет Вель'юрн. Она пропала. Пропала вместе с Дрейком Моррассом. Вот куда я направляюсь. Найти её. Найти их. — Свёрток на столе отвлекал его. Танкуилу показалось, что кто-то шепчет его имя, но решил, что это всего лишь воображение.

— Пропала с Дрейком Моррассом, — повторил инквизитор Вэнс. — Сочувствую.

Танкуилу в своей жизни не раз доводилось переживать комфортное молчание — с Джеммет, с арбитром Кошем, который оказался еретиком, и даже с Чёрным Шипом, смертоносным наёмником, знаменитым использованием своих смертоносных навыков в убийстве арбитров. Тишина, опустившаяся между ним и инквизитором Вэнсом была какой угодно, только не комфортной. Наконец он не мог уже больше её терпеть.

— Зачем вы здесь, инквизитор?

— Официально я здесь ради встречи с Королевой Клинок. В прошлом, когда я останавливался здесь в качестве арбитра, у меня были с ней отношения, и теперь совет решил, что мне следует с ней переговорить.

Танкуил фыркнул и оторвал взгляд от свёртка, чтобы посмотреть на инквизитора.

— Мы нынче имеем дело с дуррами? Я-то думал, что регламент предписывает, ну, знаете, убить их всех.

Инквизитор почесал подбородок. Танкуил не мог не отметить, что у того исключительно симметричное лицо с длинными каштановыми волосами, которые окаймляли его скулы и привлекали внимание к жёлтым глазам.

— Королева Клинок получила особое отношение по причине того, что Инквизиция не желала начинать войну, которую, скорее всего, не сможет выиграть.

— А-а. — Следовало признать, было что-то освежающее в том, что инквизитор говорит так открыто.

— Однако, причина, по которой я на самом деле прибыл в Ларкос — найти вас и передать вам это, — он махнул рукой на свёрток на столе. Танкуил не стал туда смотреть, не стал спрашивать, что внутри.

— Чем бы это ни было, Вэнс, я не могу. Мне нужно найти Джеммет. Нужно найти Дрейка и выбить из него правду.

— Это может подождать.

— Не может, чёрт возьми!

— Кессик жив.

Танкуил открыл рот, чтобы спорить дальше, но ничего не сказал. Арбитр Кессик был правой рукой инквизитора-еретички Герон, и они втроем с арбитром Кошем планировали вселять демонов в арбитров и инквизиторов. Эти трое планировали уничтожить Инквизицию изнутри. Танкуил раскрыл план и лично убил Герон. Джеммет убила Коша, и Танкуил послал Чёрного Шипа убить Кессика. Он предполагал, что Чёрный Шип добился успеха и сбежал обратно в Дикие Земли, раз уж Инквизиция пыталась его судить. Но если

Кессик был жив, то, скорее всего, это значило, что Шип мёртв. Ещё одним другом меньше осталось у Танкуила в этом мире.

— Итак, совет хочет отправить меня закончить работу, которую я начал. Работу, которая едва меня не убила.

Лицо Вэнса оставалось спокойной бесстрастной маской.

— Не совсем. Совет принял решение не действовать, пока не будет больше информации. Эта стратегия, скорее всего, окажется фатальной для всей Инквизиции, если её не изменить.

Танкуил рассмеялся.

— Инквизиторы боятся, арбитр Даркхарт. Все, включая моего отца. Герон обманом заставила их поверить в свою ложь, и теперь они слишком заняты слежкой друг за другом, чтобы ещё уделять внимание внешнему миру. Кессик намеревается завершить работу своей госпожи, и совет решил не верить в это. Они решили ничего не делать.

— Но не вы? — спросил Танкуил.

— Не мы, — уточнил инквизитор Вэнс. — Я не одинок в этом, арбитр. Бог-император разделяет мои опасения.

— Так что же тогда он сам не разберётся с Кессиком? Почему бы не отправиться вам? Мне нужно найти Мастера Клинка и осудить пирата. И только между нами, мне кажется, что он очень, очень виновен.

Лицо Вэнса по-прежнему оставалось маской спокойствия.

— Арбитр, император не может отправиться, это подорвёт власть Инквизиции...

— Эту песенку я уже слышал.

— Как не могу и я. Я уже более чем превысил свои полномочия, взяв это, — сказал он, махнув на предмет на столе. Танкуил непоколебимо игнорировал его, несмотря на всепоглощающее желание коснуться этой вещи, раскрыть её.

— В то время как я смогу действовать безнаказанно? — фыркнул он. — А если вы правы, и Кессик жив, и продолжает поднимать армию одержимых демонами суперлюдей, что я смогу им противопоставить?

— Поэтому я принёс вам это. Вы знаете, что это?

Танкуил кивнул. Он в точности знал, что это такое. Почувствовал в тот самый миг, как Вэнс положил его на стол. Он почувствовал, как заболели раны в тех местах, где этот предмет резал Танкуила, и слышал его голос в своей голове.

— Это Миорзо. Меч Герон и тюрьма, которую выковал Вольмар для первого демона, которого призвал из пустоты. И что-то подсказывает мне, что совет не согласился бы с вашим решением доверить эту вещь мне. Этот меч развратил инквизитора, и что заставляет вас думать, будто я...

— Бог-император связал его ослабляющими рунами, которые должны защитить вас от большей части его влияния. И даже с учётом этого я не стал бы разворачивать его, пока не придёт время, и не давал бы никому взглянуть на него.

— И что мне с ним делать?

— Будем надеяться, ничего, — сказал Вэнс. На миг его хладнокровие сломалось, и он стал выглядеть встревоженно. — Но если другого способа не останется... Вольмар использовал этот меч, чтобы связать их всех. И им вы сможете разбить цепи.

Танкуил даже не потрудился скрыть потрясение.

— Все цепи? Разом? Во имя Вольмара, Вэнс, вы говорите о том, чтобы освободити

демонов от их службы.

Инквизитор кивнул.

— Да.

— Мы уже не сможем их контролировать. Я... Не говоря уже о том, что совет вряд ли отнесётся ко мне снисходительно, если я уничтожу единственный способ Инквизиции взаимодействовать на расстоянии. — Танкуил посмотрел на завернутый меч и услышал слабый шёпот в голове. Он проигнорировал его.

Вэнс молча смотрел на него, его ведьмовские глаза, казалось, прожигали душу.

— Называйте это последним средством, арбитр Даркхарт. Бог-император и я согласны, если нет другого выхода...

Танкуил истерично рассмеялся. Получить такую огромную силу и вдобавок выбор, использовать её или нет... Такого решения никому не пожелаешь, и меньше всего себе. Он провёл рукой по засаленным волосам и вспомнил, что надо дышать.

— Где он? Кессик?

— В Диких Землях. Я точно не знаю, где именно, но мои источники докладывают, что у него есть новый человек, снабжающий его телами, в которые можно вселять демонов.

— Что ж, неудивительно, что ему понадобился такой человек. — Предыдущего поставщика Кессика, Грегора Х'оста, Танкуил убил после жестокого допроса, больше полагавшегося на сильную физическую боль, чем на принуждение. Он обхватил голову руками.

— Я уезжаю немедленно.

— Благодарю вас, арбитр.

Танкуил вздохнул.

— Я уже раньше просил вас заглянуть в моё будущее вашими глазами, Вэнс. Полагаю, мне и впрямь пригодилось бы ваше предвидение, еретическое оно или нет.

Долго стояла тишина.

— Я ничего не вижу.

Танкуил посмотрел в глаза инквизитору Вэнсу.

— То же самое вы говорили и в прошлый раз. Вы уверены, что оно не сломалось? Может, пара ударов по голове встряхнёт его?

Вэнс покачал головой.

— Не сломалось, арбитр. Я ничего не вижу, потому что нечего видеть. У вас нет будущего.

— Я... хм... ясно... только... уф... что?!

— Слово судьба просто забыла о вас, арбитр Даркхарт. Я действительно не знаю как или почему, но у вас нет будущего. Я смотрю на вас и ничего не вижу. Именно поэтому я советовал богу-императору отправить вас разыскать Х'оста и искоренить ересь в Инквизиции.

Танкуил вспомнил первую встречу с Вэнсом, когда тот ещё был арбитром, и на следующий день бог-император вызвал Танкуила на частную беседу.

— Это ставит вас уникальное положение, арбитр. Вы можете победить Кессика и войска, которые он надеется выставить против нас.

— Неужели?

— Да.

— А-а. — Танкуил не знал, что ещё сказать. Он решил, что это лучшее слово для его

потрясённого состояния. Не каждый день он узнавал, что у него нет будущего. Он посмотрел на меч на столе и мог бы поклясться, что тот как-то насмехается над ним.

Ранний вечер застал Танкуила, блуждающим по докам Ларкоса. Здесь стояла какофония шума и велась бурная деятельность. Сквернословящие моряки, закончившие свою ежедневную работу, сидели, развалившись, или шатались группами по гавани в поисках неприятностей, хотя и избегая по возможности Клириков. Если те ловили совершивших преступление, то пороли их и отправляли на общественные работы. Для моряка это означало бы пропустить отправление и лишиться работы.

Торговцы толпились в предназначенных им местах, не рискуя ставить прилавки где-то ещё, и налетали на проходившие мимо толпы, скрытно посылая друг другу взгляды. Многие продавали одинаковые товары, и цены под воздействием конкуренции со стороны соседей постоянно менялись. Танкуил остановился возле одного такого торговца и купил новый мешочек чёрного пороха. Его пистолет уже слишком долго оставался беспомощным.

Многочисленные рабы с надсмотрщиками маршировали с тяжёлых транспортных кораблей или на них. Ни один уважающий себя пират не стал бы нападать на работорговца, поскольку у них нечего взять, поэтому они могли себе позволить медленные, крупные и уродливые корабли. Ларкос был широко известен своей работорговлей — основанная независимым торговцем Райосом империя выросла в настолько прибыльное дело, что он открыто купил одну из тринадцати компаний, управлявших Ларкосом. Теперь Кровопускатели работали на Райоса, и они единственные управляли рабовладельческим бизнесом в свободном городе. Все попытки устроить конкуренцию, видимо, встречали быстрый и кровавый конец.

Повсюду сновали крысы. Огромные чудища с глазами-бусинками, зубами, мехом, и вероятно болезнями. Иногда большими ордами, иногда поодиночке — но они всегда были в доках Ларкоса, а кошки за ними охотились. Никогда Танкуил не видел так много кошек, и ни одна из них не выглядела голодной. Они сидели на крышах, бродили по переулкам, а иногда умудрялись даже запугивать прохожих. Кошки Ларкоса были известны своим бесстрашием, и ходили слухи, что они не раз нападали на людей.

Танкуил добавил Миорзо ещё один слой защиты, завернув его в толстое шерстяное одеяло, и теперь меч висел у него за спиной. Но всё равно он иногда чувствовал взгляды в его сторону от тех, кто подвергся его воздействию. Танкуил не знал точно, прекратил ли демон в клинке нашептывать ему, или стал уже таким всепроникающим, что арбитр перестал его замечать. Любой из этих вариантов казался ужасающим.

Он обнаружил то, что искал, слабо покачивающимся на волнах у одной из наименее оживлённых пристаней. В меркнувшем свете вечера "Феникс" казался лоснящимся и опасным, как и утверждали многие моряки и чиновники порта. Танкуилу не требовалось использовать принуждение — простого упоминания, что он ищет пиратский корабль, хватало, чтобы множество пальцев указывало в ту сторону.

Два моряка бездельничали, сидя на деревянных табуретках возле сходни, ведущей на корабль. Ни один из них особо не напрягался, выполняя свои обязанности. Первый, одетый в поношенный бледно-зелёный костюм, ковырялся в ногтях коротким ножиком, а второй, в огненно-красной куртке поверх коричневой хлопчатой одежды, разглядывал воду в заливе.

Когда Танкуил подошёл, первый моряк присвистнул и ткнул второго, который быстро прекратил глазеть на океан и произнёс иностранное ругательство, которого Танкуил никогда

прежде не слышал.

— Я ищу... — начал Танкуил.

— Какой чудной плащ, — сказал первый моряк.

Второй моряк втянул воздух через зубы.

— Это один из них, из арбитров. Охотник на ведьм из Сарта.

Первый моряк глянул на второго и снова уставился на Танкуила.

— Да ну? Ты охотник на ведьм?

Танкуил кивнул.

— Я здесь, чтобы поговорить с вашим капитаном.

Оба мужчины немного помолчали, а потом второй моряк взглянул в сторону корабля и прокричал:

— Яник!

Вскоре над поручнями показалось лицо с щеголевато постриженными усами и шрамом, тянувшимся от правой стороны рта почти до уха. Человек посмотрел вниз и сказал:

— Ебать. Это ж один из инквизиторов.

Второй моряк покачал головой.

— Он арбитр.

— А есть разница? — спросил Яник.

Второй моряк пожал плечами.

— Чего он хочет?

— Хочет поговорить с капитаном.

Яник рассмеялся.

— Ну так, блядь, скажи ему, что капитана здесь нету.

Второй моряк повернулся к Танкуилу.

— Яник говорит, нету здесь капитана.

Танкуил вздохнул.

— Спасибо. Вряд ли Яник знает, когда тот вернётся.

— Яник, ты не знаешь, когда вернётся капитан?

Яник покачал головой.

— Яник говорит, что не знает, когда вернётся капитан.

— Тогда я просто подожду его здесь, — сказал Танкуил, оглядываясь по сторонам в поисках ещё одной шаткой табуретки.

— Капитана, может, долго не будет, — сказал Яник.

— Да? — спросил второй моряк.

— Ага.

Второй моряк посмотрел на Танкуила.

— Яник говорит, капитан может отсутствовать долго. Думаю, вам удобнее будет сдриснуть в таверну. Возвращайтесь завтра утром.

Танкуил фыркнул.

— Утром вас здесь уже не будет. Думаю, я подожду.

Второй моряк сплюнул на пристань.

— Располагайтесь.

— Чего он хочет от капитана? — спросил Яник.

— Хрен знает. Я не спрашивал.

— Так спроси.

— Чего вы...

Танкуил перебил его.

— Я хочу место на вашем корабле.

Все три моряка разразились смехом.

— Кажись, вы ошиблись кораблём, арбитр, — сказал второй моряк. — Мы не очень-то пассажирское судно. Мы, так сказать, буканьеры.

— Вы пираты, — сказал Танкуил.

— Это одно и то же, — ответил Яник. — Так что вам нет никакого смысла плыть с нами.

Танкуил вздохнул.

— Мне нужен достаточно быстрый корабль и достаточно безумный капитан, чтобы отправиться за "Фортуной". Так что, пожалуй, я подожду, пока вернётся ваш капитан.

Яник посмотрел на второго капитана. Тот пожал плечами, встал, вытер руку об куртку и протянул её Танкуилу.

— Капитан Килин Стилуютер.

Танкуил открыл рот для ответа, но вместо этого взял руку пирата и пожал.

— Сначала о главном, арбитр. Чёрт, не надейтесь нагнать "Фортуну", даже на борту "Феникса", и даже если все Боги примутся по очереди пердеть нам в паруса. Дрейк вышел из порта...

— Три дня назад, кэп, — крикнул Яник.

— И нет корабля, способного догнать "Фортуну" в открытом море. Однако я действительно знаю множество мест, где часто бывает Дрейк, и думаю, могу сказать, где он скорее всего окажется. Итак, — капитан Стилуютер широко ухмыльнулся, — давайте поговорим о цене.

Они пришли за ней на четвёртую ночь. Дрейк взял её на борт и сказал, что свободных кают нет, но она может остаться в его каюте. Джеззет отказалась. Она не доверяла ни Дрейку, ни себе, и потому решила, что лучше исключить искушение. Она предпочитала спать в трюме, когда вообще удавалось заснуть. Нашла себе миленький уголок, где было уютно и тепло, и воняло не ужасно, а просто сильно. Дрейк на это рассмеялся и сказал, что она может спать, где угодно, и теперь, похоже, её упрямство привело к своим последствиям. Команда Дрейка, очевидно, считала её честной добычей.

Она проснулась, когда первый пират — здоровяк с глазками-бусинками и лысой головой, подошёл к её укрытию. Он не был лёгким, и не был незаметным. Джеззет резко открыла глаза. Три пирата — здоровяк, коротышка и один грязноволосый, похожий на жабу. Она подождала, пока они не оказались в паре футов, пока не почувствовала вонь трёх невымытых мужских тел, а потом ударила.

"Лучше сразу преподать им урок, который ни один из них не забудет, Джез".

Она вскочила со своего места, зажав в руке кинжал обратным хватом. В таком тесном месте не было смысла махать мечом, лучше что-то с коротким клинком. Навершие кинжала ударило в живот пирату, выбив из него дух. Джез видела, как его глаза выпучились, а рот раскрылся, и ударила снова — на этот раз навершие кинжала ударило мужику в челюсть. Он рухнул, хрипя и брызгая кровью, и остальные двое набросились на неё.

Грязная жаба был неловким и небрежным. Он бросился к ней, протягивая руки и надеясь взять её силой. Подойти достаточно близко для этого ему не удалось. Джез махнула ногой и услышала хруст в тот самый миг, как увидела, что его нога подкосилась. Он с криком упал на деревянный пол, и Джез отпрыгнула от него подальше.

Тогда коротышка понял, что ему ничего не светит. Джеззет заметила перемену в его глазах, увидела, как лихорадочная похоть в них сменяется на крайний ужас. Болван повернулся и побежал. Джеззет не собиралась позволять ему свободно улизнуть. Он намеревался бить и насиловать. Джеззет намеревалась сделать из него пример другим.

И Дрейк и его первый помощник, Зофус, были на палубе, когда Джеззет вылезла из люка, толкая перед собой неудавшегося насильника. Они услышали всхлипы, и оба повернулись посмотреть на представление Джез, как и все пираты на палубе.

"Хорошо. Чем больше человек получит послание, тем лучше".

Джез провела коротышку с закрученными за спину руками в середину главной палубы и пнула его сзади по коленям. Тот рухнул, хныча и баюкая руку, которую Джез только что отпустила. За исключением сломанного запястья он был в основном невредим, но Джеззет собиралась это исправить.

Поднявшись на колени, коротышка посмотрел назад через плечо с презрительной ухмылкой на лице. Джез только этого и ждала. Она изо всех своих сил врезала ему по морде, отлично зная, что сил у неё немало. Пират не поднялся. Он лежал в медленно увеличивавшейся луже крови и слюны.

"Хорошее послание, Джез. Покажи им, что не боишься сломать свою собственную руку".

Вокруг собралось немало пиратов, включая, как она отметила, и здоровяка, который недавно отведал навершия кинжала Джеззет. Некоторые смотрели на неё с той же похотью,

которую она видела прежде, отправляя избиение, другие были осторожнее, старались не смотреть ей в глаза. Она окинула взглядом толпу и наконец посмотрела на Дрейка.

— Возможно, Дрейк, ты захочешь сказать своей команде, чтобы они совали свои члены куда-нибудь в другое место, — крикнула она пиратскому капитану.

Он рассмеялся. В море уродливых лиц на борту корабля Дрейк был маяком красоты, но за всеми его улыбками и тёмными глазами он был таким же прогневшим, как и остальные, и Джек это было известно так же хорошо, как и ему.

— Полагаю, этот урок тебе придётся преподать самой, Джеззет, — крикнул Дрейк в ответ. — Парни, постарайтесь не убивать её.

Дрейк опёрся локтями на поручни и стал смотреть, криво ухмыляясь. Зофус пожал плечами и поступил так же.

— Сколько пиратов ты хочешь так потерять, Дрейк? — закричала Джек, перекрикивая усиливающийся шум голосов.

Она увидела, как мерзавец пожал плечами и решила, что пора обратить внимание на двадцать пиратов, желающих попользоваться ей, словно береговой шлюхой.

Она почувствовала, что здоровяк-пират подходит сзади, задолго до того, как тот оказался близко. Он пролетел мимо, не задев её, а она, легко уклонившись влево, одним плавным движением повернулась и обнажила меч, прорезав на спине мужика большую рану. Завывая, словно новорожденный, большой пират рухнул на палубу, крича и истекая кровью. Остальные отпрянули назад — лишь только завидев, они могли узнать фактор, который меняет всё, а три фута окровавленной стали в её руке как раз им и являлись.

Хотя на борту пиратского корабля оружие было обычным делом, но команда редко его носила. Дрейку и его помощнику носить оружие разрешалось, но остальным пиратам обычно приходилось ждать, пока не заметят добычу, и только тогда выносили сабли, топоры и луки. Это не помешало множеству ножей появиться в загрубелых руках, и все они были направлены на Джек.

Она видела, что Дрейк наблюдает с искренним интересом. "Уверена, мерзавец надеется, что они побьют меня, и тогда настанет его черёд". Джек не сомневалась, что проиграет: в такой тесноте и против такого количества её шансы приближались к безнадежным, но будь она проклята, если позволит хоть одному пирату проникнуть в неё, и она заберёт с собой так много чёртовых засранцев, как только сможет, прежде чем им удастся её победить.

Джек пригнулась, встав в бойцовскую стойку, словно хищник, поджидающий жертву. Один меч она держала перед собой правой рукой, а левая парила над рукоятью второго.

Юрий научил её сражаться с несколькими противниками, он даже нанимал людей, которые на неё нападали. Его метод был прост: представь круг вокруг себя, радиусом не больше двух футов. Этот круг — твоя территория, этот круг — твоё тело. Любой, кто ступает в этот круг, умирает. Джек держала оружие так, чтобы можно было ударить куда угодно, сфокусировавшись на всех своих чувствах — не только на зрении, чтобы знать, когда и откуда они нападут. Она успокоила дыхание и ждала атаки.

— Корабль! Прямо по курсу! — донёлся крик сверху.

Все пираты посмотрели на капитана. Дрейк уже направлялся на бак с подозрительной трубой в руке. Он прошёл мимо Джеззет и окруживших её пиратов, и Зофус шёл за ним. Джеззет ждала, сфокусировав все чувства на своём круге.

Спустя несколько напряжённых минут её жизни Дрейк снова появился в поле зрения.

— Придётся подождать с представлением Джеззет Вель'юрн Фортуне, парни. Прямо по курсу торговый когг. Холёный и быстрый, но в воде сидит низко и, думаю, так и ждёт, чтобы мы его взяли.

Раздались радостные возгласы, и большинство пиратов разбежалось по своим местам. Несколько остались позади, включая пиратов, истекавших кровью на палубе.

Дрейк хмыкнул:

— От раненого пирата толку никакого. Посмотрим, не пригодится ли он морю. — Пока два пирата тащили хнычущего раненого к левому борту, Дрейк наклонился поближе.

— Ну почему ты выглядишь прекраснее всего, когда сражаешься за свою жизнь?

Джез почувствовала, как вспыхнули её щёки, и попыталась придумать ответ, но было уже слишком поздно — Дрейк, улыбаясь, ушел, а она осталась одна на главной палубе. Зофус орал во всё горло, а пираты носились вокруг неё туда-сюда.

На "Фортуне" воцарился организованный бурный хаос, но похоже, каждый член команды знал своё дело, и очевидно, каждый знал его отлично. Не раз Джез оказывалась на пути пирата, мчавшегося по своим делам. В конце концов, она поднялась на кварталдек, где Дрейк держал штурвал. Ночь была темна, и луна полностью скрылась за тяжёлыми тучами, но пиратский капитан вёл корабль со своей обычной уверенностью.

— Мы собираемся на них напасть? — спросила она.

Он оценивающе посмотрел на неё.

— Ага. Собираемся.

Джез кивнула. Меч оставался в ножнах, но рука всегда неподалёку от рукояти. Сама мысль о сражении возбуждала её куда больше, чем ей хотелось признавать. От приближавшегося боя бурлила кровь, и сейчас Джез сдерживала энергию, которой не терпелось выплеснуться.

Она искоса взглянула на Дрейка. Ветер сзади развеивал его волосы, на симпатичном лице сияла хищная ухмылка — Джез определённо понимала, что увидела в нём Драконья императрица. "Опасная игра, Джез". Она быстро отвела взгляд.

— Как там их парус? — крикнул Дрейк.

— Поднят. — Донёсся ответ сверху. — Кэп, думаю, они нас заметили.

— Ладно, парни, — сказал Дрейк, ухмыляясь от уха до уха. — Поднимайте флаг и паруса.

Пираты дружно крикнули в ответ, а один поблизости даже завопил. Джеззет повернулась как раз вовремя и увидела, что тощий пират быстро подбежал к поручню, запрыгнул на ванты и быстро, как обезьяна, взобрался на мачту.

— Разве они не должны быть вооружены? — спросила Джез, глядя, как пираты бегают по кораблю, словно блохи по собачьей спине.

Дрейк усмехнулся.

— Ты лучше располагайся поудобнее, Джеззет. Пройдёт немало времени, пока погоня не станет дракой.

Он не ошибся. Целый час они преследовали корабль, постоянно приближаясь, но далеко не так быстро, как хотелось бы Джеззет. Облегчением стал крик Зофуса: "К оружию", и она увидела как все пираты на "Фортуне" за пару секунд сбегались со своих постов, чтобы выбрать оружие. Некоторые брали сабли, другие — топоры, но всё это были грубые вещи из дерева и металла. За ними хорошо ухаживали, и Джез не увидела ни пятнышка ржавчины, но это было оружие для тех, кто не умеет им пользоваться. Меч Джеззет был точным

инструментом, которым она собиралась воспользоваться.

Как только "Фортуна" подошла достаточно близко, полетели стрелы. Многие из них вонзились в обшивку и в палубу пиратского корабля Дрейка, но ни одна не попала в цель. Дрейк рассмеялся, глядя на эту попытку защищаться.

— Похоже, о переговорах не может быть и речи.

— А что, это было возможно? — пробормотала Джез через плечо — всё её внимание было приковано к маленькому кораблю, который они собирались взять на abordаж.

Дрейк ответил не сразу, но она чувствовала, что он смотрит на неё.

— Не-а. Это вряд ли.

Джез услышала странные щёлкающие звуки и посмотрела вниз, где увидела самое гротескное существо из всех, что когда-либо встречала. Паук размером с кошку, с восемью глазами на голове, каждый размером с её кулак. Тело твари сияло странным бирюзовым цветом, а огромные клыки тёрлись друг о друга, издавая те странные звуки. Джез некоторое время таранилась на паука, а потом повернулась к Дрейку.

— Это твоя тварь?

— Не волнуйся, — сказал Зофус, появляясь сбоку от Дрейка. — Думаю, ты начинаешь нравиться Ри. Видишь, она не пытается сожрать твоё лицо? Значит, ты ей нравишься.

Дрейк пожал плечами, и Джез снова повернулась к их добыче, игнорируя мелкую тварь, щебетавшую рядом с ней.

Когда "Фортуна" догнала торговый когг, Джеззет увидела, что его команда вооружена и ждёт пиратов. Все они были готовы к бою, но ни один не был похож на настоящего бойца.

Джез часто бывала раньше в схватках, и не упомнишь сколько раз. Да, она бывала в битвах, и даже тренировалась с Танкуилом на борту корабля, но в таких стычках никогда не участвовала. Перед глазами размытыми пятнами мелькали палубы, кричащие лица и кровь. Джез одной из первых оказалась на борту когга, и одной из первых бросилась в бой, не воспользовавшись переброшенными кошками, а просто перепрыгнув с одного корабля на другой, когда они достаточно сблизилась.

На неё набросились со всех сторон, но ни один из них не был подготовлен к встрече с возбуждённым Мастером Клинка, настроенным наносить повреждения, и ни один из них не был воином. Они были моряками, и не сражались за короля, за страну или за деньги — они сражались за свои жизни. Джеззет знала об этом, но эта мысль как-то затерялась в пылу битвы.

Два корабля плясали опасную джигу, и Джеззет Вель'юрн плясала вместе с ними. Она пробилась от носа до кормы когга, выкашивая всех, кто осмелился встать перед ней, и пираты Фортуны хлынули за ней. Некоторые иногда догоняли её, бились рядом с ней, забрызганные кровью, и ухмыляясь в точности, как она. Там же был и гигантский паук — по меньшей мере один раз Джез видела, как тварь плюнула своей шёлковой паутиной в моряка, а тот упал на палубу, вцепившись в своё окровавленное лицо, не в силах кричать и даже дышать.

Вскоре она уже стояла на четвердеке когга, и противостоял ей лишь капитан маленького судна. Это был высокий мужчина, хорошо одетый и ухоженный, но трус. До этого момента он не лез в бой за свой корабль, и, увидев приближившуюся Джез, упал на колени и стал молить о мирных переговорах. Джеззет не знала, что это такое, и ей было плевать.

— Стой! — услышала она крик Дрейка сзади.

Джез оглянулась и увидела, как капитан вскакивает на последние ступеньки четвердека. Его щёки разругались, волосы растрепались, а меч покрылся кровью. Джез уважала то, что он сражался вместе со своей командой. Она повернулась к капитану когга.

— Почему?

Дрейк положил руку ей на плечо и отвернул от съёжившегося капитана.

— Потому что, хоть всем нам нравится немножечко поубивать, но кое-что пираты любят больше, — сказал он, наклонившись так близко, что она чувала мяту в его дыхании. — Деньги. Капитаны обычно владеют своими кораблями, а это значит, что за них могут заплатить выкуп.

Джез сплюнула, пожала плечами и пошла прочь, вытирая свой меч и убирая его в ножны. Дрейк последовал за ней.

— Уведите эту хнычущую помпу куда следует, и очистите корабль, — приказал Дрейк.

— Кэп, мы оставляем его?

— Не в этот раз. Возьмите, что сможете, а потом затопите, — он догнал Джез, когда она добралась до одной из переброшенных через корабли дорожек. — Кажется, тебе бы не помешала выпивка, Джеззет.

Она ухмыльнулась.

— Не отказалась бы.

В каюте Дрейка Джез шагала, словно зверь в клетке. Её разум метался от одной мысли к другой, снова и снова воспроизводя короткий бой, анализируя каждое движение и решая, что можно было сделать лучше. Для неё это не было необычным, и на самом деле это был её личный способ расслабиться. Вот только она не хотела расслабляться, ей нравилось быть на взводе.

Дрейк передал ей бокал, и она выпила содержимое одним глотком, и сдержала кашель, когда ром обжёг её горло. Он налил ей снова, и она повторила. Прекратив шагать, она обнаружила, что пират смотрит на неё с неприкрытым интересом, и хуже того, поняла, что ей это нравится.

Не потребовалось больших усилий для следующего шага. Джез уронила пустой бокал и подошла к Дрейку, толкнув его к столу. Подошла ближе, достаточно близко, чтобы чувствовать его запах, и чтобы он чувствовал её. На лице Дрейка мелькнула ухмылка, а потом он наклонил голову и поцеловал её, а она поцеловала его в ответ.

Его руки исследовали, тёрли её грудь, бёдра и добрались до задницы. Он прижал её сильнее, и она сдавленно охнула. Её руки дёрнули его рубашку, разорвали, открыв его грудь.

Дрейк уже сидел на столе, его руки сжимали её ягодицы, они оба яростно целовались с дикой, безудержной страстью. Джез поставила колено на стол, ухмыляясь, и уставилась в его тёмные глаза.

"ДЖЕЗ!"

Она остановилась. Её собственный голос в голове выбил её из этого странного транса. Дрейк плотоядно смотрел в ответ, и в его глазах мелькнуло непонимание. Он хотел снова поцеловать её, но она отскочила, оттолкнувшись от стола и попятившись на несколько шагов.

Они оба тяжело дышали — Дрейк с полуулыбкой, глядя на неё, облизывая губы, а Джез пыталась заставить себя смотреть в другую сторону, куда угодно.

Эта ночь была похожа на сон. Дрейк был готов позволить команде изнасиловать её, а потом... корабль... битва. Она уже давно не убивала людей вот так — со времён Катерины,

Констанции и Ангельских Клинков. Со времён Танкуила.

Без слов Джезет повернулась и побежала, пробилась через дверь каюты Дрейка и ворвалась в трюм "Фортуны". Там она отыскала себе тёмный уголок и молча заплакала от гнева горькими слезами.

Стоя на баке под безжалостным дневным солнцем, Джез с лёгкостью понимала, почему люди влюблялись в море. Оно было красивым. Огромная кристалльная синева перекатывающихся волн, на поверхности которой преломлялись и плясали лучи света. Впрочем, этот вид не обманывал Джез, она знала, каково море на самом деле — холодное, мокрое, бесконечно тёмное и бесконечно опасное. Истинно мудрые боялись воды, и, хотя Джез не причисляла себя к ним, но определённо была с ними согласна.

Спустя две недели после нападения на когг она выучила имена многих из команды "Фортуны" и даже несколько морских терминов. Ей начинало нравиться стоять здесь, на баке, глаза на воду, и каким-то образом удалось даже завязать странную дружбу с гигантским пауком — мелкая зверюга часто оказывалась в её компании, и не раз Джез просыпалась и обнаруживала, что та смотрит на неё. Она предпочитала верить, что паучиха при этом не размышляла о том, когда лучше всего будет её съесть. А ещё эти две недели после нападения на когг она аккуратно избегала Дрейка Моррасса, когда такое было физически возможно. К несчастью, она находилась на корабле, и оказалось, что корабли не так уж велики.

Несколько раз, сталкиваясь с Дрейком, она изо всех сил старалась казаться немногословной и неотзывчивой, но в нём было своё очарование, и Джез всегда втягивалась в беседу или в обмен подколками. Их она хотя бы могла вынести, пока дело не доходило до физического контакта. Разгорячившись, она уже не раз совершала неверный выбор.

Предполагалось, что Мастера Клинка не убивают ради забавы. Они должны убивать за деньги, ради верности господину, ради чести, на поединке или для самозащиты, но они не убивают ради забавы. На этот счёт Юрий был очень требователен, и заставил её понять, что он не делает из неё хладнокровного убийцу. Но на когге... Джеззет это нравилось, а те люди даже не вызывали её на поединок. Они просто... были там. А потом ей почти понравилось быть с Дрейком, и это тоже никогда не должно было повториться. Иначе она даже не будет заслуживать шанса доказать Танкуилу свою невиновность, чего так отчаянно желала.

Больше никто из пиратов не пытался её изнасиловать, после того первого раза. Она не знала, было ли это влияние Дрейка, или эффект от того, что они увидели её в битве, но она была этому рада. Донести до них послание один раз было необходимо, но если бы ей пришлось повторять это снова и снова, то пираты, которых можно покалечить, быстро бы закончились.

— Корабль! Прямо за нами, — прокричал Принцесса из вороньего гнезда. Джез немедленно узнала его голос.

Несмотря на все хорошие намерения она почувствовала, как взыграла кровь, но изо всех сил постаралась это игнорировать. На то, чтобы добраться от одного конца корабля до другого, уходило немного времени, а Джеззет всегда бегала быстро. Спустя несколько мгновений она стояла у поручня на корме, вглядываясь в чёрное пятнышко на мерцающем синем горизонте.

Дрейк спокойно присоединился к ней у поручня. Она чувствовала, как он пялится на неё, отчего в животе появилось нервное чувство, которое она знала и ненавидела.

Вскоре к ним присоединился и Зофус с сидящей на плече Ри, которая щелкала и щебетала сама себе. Первый помощник стоял возле капитана, и тот рядом с ним казался

меньше. Хотя Дрейк не был коротышкой, но Зофус был высоким и широкоплечим. На его голове совсем не было волос, даже брови отсутствовали, и большая неразборчивая татуировка тянулась от левой щеки по всему обнажённому бронзовому торсу, по правой стороне туловища и исчезала под линией штанов. Смысла в ней Джезет разобрать не могла — закручивающаяся неразбериха линий и фигур, которых она не понимала, — но татуировка всё равно её очаровывала.

— Флот? — спросил Зофус.

Дрейк покачал головой.

— Возможно. Маловероятно, что они так далеко, но быть может, охотятся на плохих людей вроде нас. — Он заметил, что Джез смотрит на него и ухмыльнулся, когда она отвела взгляд. — Спешить некуда.

Капитан взял с пояса подзорную трубу и передал пауку.

— Вверх.

Ри выгнула клыки, взяла маленькую подзорную трубу, а потом соскочила с плеча Зофуса на верёвку, добралась по ней до вантов, а потом зигзагами полезла вверх. Джезет потеряла мелкое чудище из виду, а спустя несколько секунд услышала крик Принцессы.

— Ну, вопит он как девчонка, — сказал, ухмыляясь, Дрейк. Джез в ответ рассмеялась.

— Зофус, — крикнул Принцесса из гнезда. — Держи своего мелкого демона от меня подальше!

Дрейк глубоко вздохнул и проревел в ответ:

— Принцесса, дай мне знать, как только разглядишь цвета.

— Ладно, кэп.

— А что будет, если это флот? — спросила Джез.

— Сбежим или будем драться.

"Сбежим".

— Мы сможем их обогнать?

Дрейк рассмеялся.

— Сейчас Фортуна идёт не спеша. Нет необходимости мчаться. Но если тот корабль представляет собой угрозу, и если нам не захочется драться — что ж, покажем им, как выглядит наша задница. — Он воспользовался возможностью поглядеть на задницу Джез. Она злобно посмотрела на него в ответ. — Думаю, у нас найдётся немного времени, если ты...

— Нет.

Капитан втянул воздух через зубы.

— Хорошо, мне нравится, когда дразнят. В конце концов ты сдашься.

Джезет проигнорировала его, уставившись на судно позади.

— Может ли оно принадлежать ей? Драконьей императрице.

— Не-а. Она никогда за нами не гналась.

— Что? — Джезет повернулась и увидела щеголеватую ухмылку на лице Дрейка. — Я отчётливо помню, как меня заперли в мокрой камере... и как меня арестовали.

— Всё это часть плана.

— Чьего?

— Её. Моего. На самом деле это общие усилия. Понимаешь, Рей хотела провести некоторые изменения в своей империи, но для этого ей нужно было больше участия от народа и меньше от чиновников. Ты была нужна, чтобы показать людям, что женщина — и

не только их императрица — может быть не только украшением. И ты отлично сыграла свою роль, по-настоящему отзывчивая маленькая пешка.

— А женщины на корабле? А нападение?

— Всё срежиссировано. Моя маленькая Рей знала, что она хочет сделать с империей, но не знала, как к этому подступиться. Поэтому она спросила меня, и я пришёл с планом. — Дрейк взглянул на неё, и Джек почувствовала, как краснеют её щёки. Проблема состояла в том, что после этого тебе нельзя было там оставаться. Политическая сила, которую ты бы получила, была бы для неё слишком опасна.

— Я бы не стала...

— Есть такая забавная штука с людьми во власти — они не любят ею делиться. Совсем. Ей нужно было, чтобы ты сыграла свою роль, а потом — чтобы ты исчезла. Поэтому я снова вступил в дело. В любом случае нужно было побыть от неё подальше. Для всех вовлечённых всё прошло как нельзя лучше.

— Но не для меня! — крикнула пирату Джек. — Не для Танкуила!

Дрейк кивнул.

— Ага, ну, пешки ведь и нужны для того, чтобы ими жертвовать.

"Убей его, Джек!"

Но она знала, что не убьёт. Она никогда не выжила бы, если б его команда набросилась на неё, а ей ещё нужно было рассказать правду Танкуилу. Она не позволит себе умереть, пока не получит такого шанса.

— А что с магистратами? — спросила она. — Они никогда не позволят никаких...

— Реформ? — Дрейк снова рассмеялся. — Выживших не так уж и много. Большинство к несчастью утонули во время шторма. Как я понимаю, одна опора подломилась. Целый район затонул. Очень трагично и совершенно непредсказуемо. Рей невозможно обвинить. На самом деле уже никто не может бросить вызов её власти. Кажется, она может делать... почти всё что пожелает. И, думаю, последнее, чего она захочет, это преследовать нас. Она знает, что, в конце концов, я вернусь.

— Почему?

Дрейк искоса посмотрел на Джек.

— Она очень гибкая.

Джек фыркнула.

— В Ларкосе ты сказал, что её агенты в городе нас ищут.

— Ложь. Мне показалось, что Фортуне не помешает женская рука, а мы с тобой, Джекет, очень похожи.

— Мы совсем не похожи.

— Да ну? Мы оба любим опасность. Оба любим быть опасными и находиться среди опасных людей. Обоим нравится немножечко поубивать. Я не отрицаю этого. Я видел тебя после того боя, всю разгорячённую и взволнованную. Мне кажется... — Он облизнул губы. — Да. Я всё ещё чувствую твой вкус.

Она бросилась на него. Кулак полетел в сторону лица Дрейка, но пират этого и ждал. Он поставил блок и ударил в ответ — ленивый удар, от которого Джек легко уклонилась. Она не смогла себя сдержать, потянулась к своему короткому мечу, и тот словно вода вытек из ножен, полетев в сторону шеи Дрейка. Мелькнул его клинок, и два оружия, встретившись, заскрежетали.

Ни Джек, ни Дрейк больше не двигались, а просто смотрели друг на друга поверх

обнажённой стали. Как бы ни был быстр пират, Джеззет его уже оценила, и знала, каков он на самом деле.

— Я могу убить тебя, — спокойно и бесстрастно сказала она.

Уголок рта Дрейка изогнулся вверх.

— Я знаю. Это ещё сильнее возбуждает. Как думаешь, у тебя получится, прежде чем мои парни до тебя доберутся?

— Да. — Джез глянула за плечо Дрейка. Зофус стоял с пауком, наблюдал, но не двигался, по-прежнему прислонившись к поручню кормы, словно всё это его не касалось.

— Уверенная, — сказал Дрейк, убирая меч обратно в ножны. — Мне это нравится. Но даже если бы тебе удалось, не думаю, что тебе понравились бы последствия. Мои пираты вряд ли отнеслись бы к тебе хорошо, если бы ты убила их капитана.

Джез слышала, как стучит её сердце, чувствовала, как кровь течёт по венам, но проигнорировала всё это, убирая меч на место.

— Капитан, — крикнул Принцесса откуда-то сверху.

— Ага, — крикнул в ответ Дрейк. Улыбка ни на миг не сходила с его лица, а глаза не отрывались от Джез.

— Это "Феникс".

— Стилуютер, — протянул Дрейк. — И что этому пидору от меня надо?

Джез отвела взгляд, отошла обратно к поручню и снова на него облокотилась.

— Для пиратов так необычно разговаривать друг с другом?

— Ага. Когда мы так далеко от порта. Может, он хочет поболтать. А может, ему нужно содержимое наших трюмов. С пиратами никогда наверняка не знаешь, лживость для них норма. Как думаешь, Джеззет Вель'юрн, что нам делать? — спросил он.

Джеззет немного подумала. Подумала о когге, и о том, что она почувствовала после боя, после убийства всех этих людей, и как сильно ей хотелось потом потрахаться с Дрейком.

— Бежать, — сказала она. — Нет смысла рисковать и вступать в бой в открытом море. В этом нет никакой выгоды.

Она чувствовала, как Дрейк смотрит на неё, изучает её, и он ещё некоторое время не отводил взгляда, прежде чем заговорил.

— Зофус, ты слышал капитана. Она говорит бежать. Побежали.

— В погоню! — вскричал Танкуил.

Капитан Стилуотер посмотрел на арбитра своими серыми глазами, а потом вернулся к разглядыванию корабля на горизонте.

— Поднимите ещё парусов... — Танкуил запнулся. — Сделайте так, чтобы корабль плыл быстрее!

— Ещё лишь раз, арбитр. Лишь раз вы попытаетесь отдавать мне приказы на моём собственном корабле, и сами поплывёте вслед за Дрейком.

Танкуил стиснул зубы, его ноздри раздувались от гнева. Он подошёл к капитану.

— Мы заключили сделку. Вы поможете мне поймать Дрейка...

Капитан Килин Стилуотер положил руку Танкуилу на грудь и толкнул. Арбитр отшатнулся назад.

— Сделка заключалась в том, что я доставлю вас туда, где скорее всего окажется Дрейк, а не в том, что я стану его ловить. Я говорил вам, что нам "Фортуну" никогда не догнать, и в этом ничего не изменилось. Мы подошли так близко лишь потому, что она шла не спеша по ветру. А теперь они подняли паруса, арбитр. Дрейк убегает, и сейчас мы догнать его не можем. Наша сделка всё ещё в силе.

— Но он прямо там, — Танкуил указал пальцем на корабль вдалеке. — Она прямо там. — Он так и не сказал капитану, почему он гонится за Дрейком и "Фортуной" — эту информацию ему знать было ни к чему.

— Так случилось, что "прямо там" это за пределами досягаемости, арбитр. И что бы вы стали делать, если бы мы её догнали? Дрейк убегает, а значит, он не в настроении болтать. Или думаете, что сможете в одиночку захватить "Фортуну"? Потому что у меня нет на это ни людей, ни желания.

Танкуил кипел от злости. Джеммет была так близко, и при этом так далеко, что это сводило его с ума. Несмотря на приказы инквизитора Вэнса, Танкуил решил преследовать Дрейка. Неповиновение он оправдал легко. Известно было, что Кессик где-то на просторах Диких Земель, а наиболее вероятный пункт назначения Дрейка тоже где-то в Диких Землях, так что Танкуил решал обе задачи. Ни инквизитор, ни бог-император скорее всего не согласились бы с ним по этому вопросу, но их здесь не было, в отличие от него.

Его мысли вернулись к мечу, который он аккуратно уложил под палубой, в запёртом сундуке, единственный ключ от которого был лишь у него, и только он знал, как безопасно снять заклинания, наложенные им на сундук для защиты меча. Ему не нравилось думать об одержимом демоном мече, но к несчастью он ничего не мог с этим поделать. Эта вещь звала его, нащёптывала ему. Казалось, будто всякий раз, как ему удавалось забыть о клинке, тот вторгался в его мысли, напоминая о себе. Танкуил видел, как некоторые пираты смотрели на свёрток. Они не знали, почему тот приковывал их взгляд, и, скорее всего, на самом деле не слышали шёпот демона, но он разжигал их любопытство, и они знали, что хотят этот предмет, чем бы он ни был.

Инквизитор Вэнс сказал Танкуилу, что делать с мечом, и казалось, это довольно просто. Если выяснится, что сил у Кессика слишком много, и с ними не справиться, то Танкуилу понадобится лишь Миорзо и кровь касавшегося демона человека. А единственным таким человеком, известным Танкуилу, был сам Кессик.

Танкуил заставил себя не думать о демоническом мече и обнаружил, что капитан Килин Стилуотер смотрит на него. Он был не особо высокий, зато коренастый и одетый определённо лучше всех пиратов, кого когда-либо встречал Танкуил. На самом деле "Феникс" вовсе не был похож на пиратский корабль. Здесь была выпивка и драки, и временами члены команды были грубы, и капитан уверял Танкуила, что если встретятся с сочным жирным торговым судном, то не преминут догнать его и выпотрошить дочиста. Но пираты "Феникса" были если не вежливы, то, во всяком случае, цивилизованны. Они хорошо одевались, мылись и относились друг к другу с уважением. Танкуил никак не мог решить, это его представление о пиратах неверное, или же эти люди. Впрочем, в одном он был уверен — капитану Стилуотеру он не нравился.

Некоторое время он раздумывал, не спросить ли у капитана, почему. Не узнать ли при помощи принуждения о причинах его явной неприязни, но он знал, что это будет означать конец, а море не казалось особенно тёплым. Но были и другие способы. Танкуил лучше многих арбитров знал: часто, чтобы разговорить цель, достаточно начать говорить самому, а потом заткнуться и дать человеку вывалить на тебя всё наболевшее.

— У Дрейка есть кое-кто. Она очень... Она моя, и я хочу её вернуть.

Капитан Стилуотер выгнул бровь и ничего не сказал.

— Просто подумал, что вам неплохо бы знать, почему я его преследую, — продолжил Танкуил.

— Это ничего не меняет, арбитр. "Фортуна" быстрее "Феникса", вот и всё.

Танкуил сдержал вздох. Он надеялся, что капитан поведаёт о своих причинах, по которым заключил сделку с Танкуилом, но тот, по всей видимости, был сообразительнее.

— Вы ведь с Пиратских Островов, — попробовал он зайти с другой стороны.

Капитан Стилуотер рассмеялся.

— Нет никого с Островов, арбитр. Там народ просто оказывается, пытаюсь сбежать от чего-нибудь.

— Например, от Инквизиции.

— Ага. Много народу от неё бежит.

— Но только не вы.

Капитан Стилуотер втянул воздух через зубы и уставился на воду. Игнорируя слепящее солнце и осколки света, плясавшие от него по волнам. Танкуил попытался проследить за его взглядом, но ему пришлось закрыть рукой глаза.

— Пять Королевств. С востока, неподалёку от Края Земли.

Танкуил позволил себе едва заметно улыбнуться и продолжал молчать. Нельзя сказать, что его и впрямь интересовали причины, по которым капитан заключил сделку, но прямо сейчас его устроил бы любой способ отвлечь внимание.

— Вы хотите знать, почему, — капитан Стилуотер глянул на Танкуила, и тот увидел гнев в его глазах. — Я заключил сделку из желания отомстить, арбитр. Это проблема?

Танкуил медленно покачал головой.

— Хорошо. Потому что я собираюсь убить его. Когда-то у меня была семья. Мать, отец, старший брат, младшая сестра. Пока не пришёл арбитр Прин.

Танкуил по-прежнему хранил молчание. Он не любил Прина, совсем напротив — тощий арбитр, на взгляд Танкуила, слишком наслаждался правосудием. Их призвание было необходимостью, но им приходилось убивать людей, а это не должно вызывать веселье.

— К нему обратился с просьбой мой отец. Точнее, он попросил прислать кого-нибудь

из вас. Думал, что моя сестра одержима. Она всегда была болезненной и тихой, знала то, что не должна была знать, хотя и ничего из того, что узнать не могла. Когда прибыл Прин, — капитан Стилуотер помедлил, глубоко вдохнув и медленно выдохнув. — Он убил её. Сжѐг её у столба за ересь. Сжѐг её заживо. Ей было восемь лет, и он сжѐг её заживо ни за что. Это разделило мою семью. Мой брат уехал, не мог уже оставаться там. Мать умерла... от чего-то. Впрочем, ей расхотелось жить задолго до того. Я уехал, как только смог. — Капитан снова уставился на Танкуила своими серыми глазами. — Так что вот вам сделка. Вы скажете мне, где я смогу найти арбитра Прина и убить его, и я отвезу вас туда, где скорее всего окажется Дрейк, и после этого мы с вами не будем иметь никаких общих дел. Мы договорились?

Танкуил кивнул. Теперь он уже едва видел корабль на горизонте. Джезет и Дрейк стали всего лишь точкой, исчезающей в морском пейзаже.

— Собирайтесь, арбитр. Мы на месте.

Танкуил мгновенно проснулся, и полузабытые сны о тьме и демонах быстро померкли. Он всегда спал чутко, но нынче особенно. И глядя на запёртый сундук возле койки, он понимал, почему. Днями меч нашёптывал ему, но по ночам Танкуилу снились только сны о демонах и о прошлом.

Он потёр глаза и зевнул, глядя на источник разбудившего его голоса. Лысеющий пират, на голове у которого остался лишь пучок волос, стоял на верхней ступеньке лестницы и смотрел на него.

— Мы на месте, — повторил пират. — Кэп грит, чтоб вы собирались. Слезите, как тока мы зайдём в порт.

— Чудесно, — сказал Танкуил, скатываясь с койки и потягиваясь. — Чем скорее ступлю на сухую землю, тем лучше... — начал он, но пират уже исчез. Никто из них по отношению к нему не был особенно вежлив, а некоторые были чертовски грубы. А кое-кому нравилось *травить арбитра*, чтобы он как можно раньше оказался навсегда выброшенным за борт. Танкуил стоически игнорировал все подобные попытки, но солгал бы, сказав, что на корабле нет никого, кого бы он с радостью осудил.

Прошло больше месяца с тех пор, как они заметили "Фортуна" Дрейка, и больше месяца она убегала от них, оставляя их позади. Капитан Стилуотер уверил Танкуила, что как бы ни была быстра "Фортуна", она не больше чем в нескольких днях впереди. Всю дорогу ветер был хорошим и постоянным, никаких штормов на горизонте, и останавливались они лишь один раз ради пиратства. Хоть Танкуил и ожидал кровавой резни, но это было почти бескровное дело. Команда торговца пустила несколько стрел в сторону "Феникса", но быстро смягчилась, когда капитан Стилуотер, поравнявшись с ними, пообещал жизнь всей команде, если они сдадут своего капитана и груз. За этим последовал короткий мятеж, после чего груз и окровавленного капитана передали пиратам. Потом капитан Стилуотер кратко допросил поверженного капитана, решил, что тот бесполезен, и выбросил его за борт. А "Феникс" спокойно уплыл с полными трюмами награбленного, не потеряв ни единого человека. Стилуотер уверил Танкуила, что так и проходит большая часть пиратства, но тот сомневался, что капитану стоит верить.

На самом деле Танкуилу почти нечего было собирать. Арбитра́ский плащ, который он раньше практично снял и убрал под койку, а теперь достал и почувствовал себя намного лучше, снова надел его. Ничто не заставляло его чувствовать себя таким нагим и беспомощным, как отсутствие арбитра́ского плаща. Котомку с одеждой и припасами он не распаковывал, поэтому теперь просто снова закинул её на плечо. С демоническим мечом всё было сложнее. Сначала Танкуил снял защитные заклинания — два уже исчезли, и об два пираты обожгли руки, убедившись, что заклинания работают хорошо. Открыв сундук, Танкуил с минуту смотрел на завёрнутый клинок. Даже просто находиться с ним в такой близости было нелегко — это вызывало боль в старых ранах и странное раздражающее ощущение, похожее на зуд, до которого он не мог дотянуться. Он взял меч из сундука и быстро повесил на пояс, запахнув сверху плащ, чтобы скрыть его из вида. Потом он направился через люк на палубу.

Снаружи начинало темнеть, солнце опускалось над водой, что удивило Танкуила. Когда

он ложился на свою койку, едва занимался рассвет, а дни в это время года в Диких Землях никогда не бывали такими короткими. Он спал целый день и всё равно не чувствовал себя отдохнувшим. Пираты сновали туда-сюда, некоторые взбирались по снастям и налаживали паруса, другие драили палубу или занимались разнообразными делами, которых Танкуил не знал и не понимал. Капитан Стилуотер поддерживал железную дисциплину и чистоту, и любой человек без работы немедленно её получал. Самого Танкуила не раз заставляли распутывать верёвки. Для него оставалось загадкой, как верёвки спутываются в такие крепкие узлы, но впрочем, его это особо и не интересовало. Он просто радовался, что больше никогда верёвок не увидит.

— Капитан Стилуотер, — сказал Танкуил, приближаясь.

Капитан повернулся с улыбкой на лице, которая померкла, как только он увидел Танкуила. Он стоял, разговаривая со своим первым помощником — дородным мужчиной с вечно красными щеками, чьё имя Танкуил так и не удосужился запомнить. Но теперь тот повернулся и с холодным отвращением разглядывал Танкуила.

— Мне сказали, что мы прибыли, — сказал Танкуил.

— Ага, так и есть. Самое время вам свалить ко всем чертям с моего корабля. Самое время мне получить то, что вы мне должны.

Танкуил кивнул, его руки в карманах задрожали. На борту кораблей, из-за отсутствия возможностей украсть, у него нередко тряслись руки, но не в этом плавании, поскольку он наловчился прокрадываться в трюм и красть там мелкие предметы, ранее украденные у торговца. Это сдерживало его тягу к воровству и казалось вполне уместным.

— Сначала о главном, капитан. Где именно мы находимся?

— Добро пожаловать в Приют Фортуны, арбитр, — сказал капитан Стилуотер, указывая за поручень.

Танкуил почувствовал, как у него раскрылся рот, и увиденное того стоило. Там повсюду стояли корабли — сотни кораблей, больше чем он когда-либо видел в одном порту. Голые мачты взмывали в небеса, округлые корпуса опускались глубоко в воду. Однообразие не наблюдалось — здесь были и маленькие когги для торговых поездок, и галеры, больше подходившие для войны. Некоторые суда стояли носом внутрь, другие наружу во всевозможных направлениях. Пока Танкуил наблюдал, он видел, как загорались огни — крошечные фонари на кораблях, которые отгоняли стущавшуюся темноту.

— Это целый город, — сказал Танкуил, сам не зная, являлись ли его слова вопросом.

Рядом с ним рассмеялся капитан Килин Стилуотер, и сказал с широкой ухмылкой на лице:

— Не совсем, Арбитр. Приют Фортуны — это самый большой бордель в известном мире. У Дрейка при последнем подсчёте здесь было три сотни кораблей. По всем понятиям этот флот граничит с армадой. Он постоянно смещается, но те из нас, у кого есть приглашения, всегда знают, как его найти.

— Он принадлежит Дрейку, — сказала Танкуил. — Он им владеет?

— Ага, так и есть. Большинство из тех, чьи имена хоть что-то стоят, побывали здесь, и некоторые говорят, что через Приют Фортуны за ночь проходит больше монет, чем во всех остальных Диких Землях вместе взятых. Так Дрейк сколотил здесь своё состояние, хотя он не настолько глуп, чтобы полагаться только на него. Нынче он почти единолично владеет целым Чадом, и говорят ещё, что он спит с той чёртовой главной воровкой в Труридже.

Танкуил до сих пор не мог поверить в то, что видел. Выглядело почти как Соромо —

сотни всевозможных плотов, связанных между собой безумной чередой дорожек, похожие на лабиринт — вот только корабли Приюта Фортуны могли двигаться, могли уплыть. Дрейк Моррасс создал подвижный город в океане.

— Дрейк здесь? — спросил Танкуил капитана Стилуотера.

— Сложно сказать, — ответил капитан. — Но я и не соглашался отвезти вас к Дрейку, а лишь туда, где он, скорее всего, окажется. Я слышал, он никогда не уезжает отсюда надолго. Так что время платить, арбитр. Где мне найти Прина?

Танкуил очнулся от изумления и посмотрел на капитана. Лицо Стилуотера помрачнело, серые глаза ярко сияли в меркнувшем свете.

— Точно я не знаю, — сказал Танкуил. — Но могу сказать, где он скорее всего окажется. В южном Сарте есть рыбацкая деревушка, между Остриём и Выжженными Землями. Деревня называется Железные Пески. Там арбитр Прин останавливался в прошлый раз, и, насколько мне известно, останавливается и теперь. — Эта ложь легко слетела с губ Танкуила. Он понятия не имел, где останавливался Прин, и не собирался сдавать товарища арбитра, даже такого, как Прин, ради ошибочной мести.

Капитан Стилуотер кивнул, не отрывая взгляда от глаз Танкуила.

— Ну, наверное, и на том спасибо. Как говорится, долг платежом.

— Так мы в расчёте, — сказал Танкуил, снова посмотрев на Приют Фортуны.

— В расчёте.

И не успел Танкуил попросить капитана спустить шлюпку, как тот схватил его за ворот плаща и развернулся, таща Танкуила за собой. Мир перевернулся, Танкуил почувствовал, как его ноги отрываются от палубы, и увидел, как мимо пролетает поручень. Потом он упал. Вода не просто ударила — она выбила из него дух и заставила хватать воздух ртом. Вода окружила его, он запугался, не в силах понять, где верх, где...

Танкуил открыл рот, и холодная вода хлынула в его лёгкие. Он давился и кашлял, но всё равно не мог ухватить воздуха. Рядом двигалось что-то гигантское, и он инстинктивно дёрнулся в ту сторону, не зная, что это, и не беспокоясь на этот счёт.

Он вырвался на поверхность, кашляя и хватая воздух ртом, изо всех сил молотя руками и ногами, стараясь остаться наплаву. Танкуил всегда ненавидел воду, особенно в море — никогда не знаешь, что под тобой, в глубинах, поджидает... Его охватила паника, и он снова замолотил руками и ногами, кашляя всё больше и больше, стараясь прочистить лёгкие.

— Подумал, что вы захотите охладиться, арбитр, — крикнул капитан Стилуотер откуда-то сверху.

Танкуил поднял глаза и увидел, как мимо него медленно скользит "Феникс", набирая скорость. Затуманенным водой зрением он смог различить лишь группу глазевших на него фигур, и его ушей достиг хохот. Котомка и оружие тянули его вниз, тащили на дно, и он старался удержаться на воде.

— Приют Фортуны в ту сторону, — указывала фигура с голосом Стилуотера, и Танкуил повернулся в воде. Он видел лишь крошечные огоньки фонарей, мерцавшие вдалеке. — Надеюсь, вы умеете плавать. И передавайте Дрейку привет от меня.

Танкуил больше не тратил времени на "Феникс" и его капитана, как и на команду, кричавшую оскорбления про охотника на ведьм. Он направился в сторону плавучего дома удовольствий, грёб изо всех своих сил, надеясь, что они его не подведут на холоде, пробиравшем до костей.

К тому времени, как Танкуил добрался до ближайшего корабля Приюта Фортуны, он

уже утратил чувство времени, и у него едва хватило сил, чтобы схватиться за мокрую верёвочную лестницу, ведущую на палубу. Он медленно, рука за рукой, поднимался, шепча благословение выносливости, заставляя себя двигаться дальше. Обычно ему удавалось соединять два или три благословения, но оказалось, что сейчас ему трудно сосредоточиться, трудно заставить разум работать. Наконец он добрался до палубы, с последним небольшим усилием перекатился на спину и лежал, хватая воздух ртом, глядя вверх на мачту и на небо, к которому она тянулась, и на крошечные мерцающие звёзды, усеивавшие небо. Уже опустилась темнота, и, похоже, вместе с ней пришёл и холод. Танкуил чувствовал, как дрожит, и считал это везением — он знал, что волноваться надо, когда дрожать перестанет. Пока это не произошло, нужно было отыскать огонь, и он сомневался, что владельцы корабля обрадуются, если арбитр его подождёт.

— Никогда ещё не видел, чтобы человек в Приют приплывал. Как ты сюда попал?

Танкуил перекатился и увидел высокого дородного мужчину с бородатым лицом и с саблей в руке. В другой руке он держал перед собой фонарь, а за ним Танкуил разглядел ещё троих, так же вооружённых, и все смотрели на него.

— Корабль, — удалось Танкуилу проговорить через стучащие зубы.

— Значит, пираты вышвырнули тебя за борт? Ага, они так поступают с туристами время от времени. Просто шутка, вот и всё.

— Шутка... — пробормотал Танкуил, перекатываясь на живот и вставая на колени. — Они пытались убить меня.

— Не-а, ты же ещё жив. Если бы они хотели тебя убить, ты бы, небось, уже помер.

Танкуил неровно вздохнул и решил не спорить с этим человеком.

— Мне нужен огонь и еда.

— Ну, у нас тут в Приюте есть и то и другое, но не бесплатно. Ты заплатить-то можешь?

Танкуил кивнул и провёл рукой по поясу, но обнаружил, что его кошелёк пропал. Он не чувствовал, чтобы кто-нибудь его снял, значит, возможно, он сам потерял его во время плавания. Он застонал, поняв, что кошелёк он потерял, а вот демонический клинок нет — тот по-прежнему оставался с ним и даже сейчас наполнял ужасом.

— Похоже... я потерял... свой кошелёк.

— Ну что ж. Тогда у нас тут вроде как проблемка. Понимаешь, мы тут вещи за так не раздаём... — Другой мужчина шагнул вперёд и прошептал что-то первому на ухо. — Это верно? Ты один из этих охотников на ведьм?

Танкуил застонал.

— Да. Я арбитр.

Лицо мужчины расплылось в ухмылке.

— Ну так это совсем другое дело. Нам говорили, что один из вас может тут появиться. Впрочем, не думал, что ты выползешь моря. Пошли, — мужчина двинулся вперёд и взял Танкуила под руку, поднимая его на ноги и помогая идти. — Мы тебя согреем и накормим. Приказ Дрейка.

Оказалось, что мужчину зовут Айник, и он пират, или по крайней мере был им несколько лет назад. Дрейк захватил его корабль и команду, убил капитана, а остальным предоставил выбор — умереть или стать охранниками в Приюте Фортуны. Судя по словам Айника, здесь все стражники были бывшими пиратами, и многие из них неплохо освоились в новой роли.

У Айника была жена, двое детей и каюта на борту судна побольше — на галере под

названием "Вызывающий". Его обеспечивали жильём, одевали и неплохо платили, и работа в основном заключалась в патрулировании Приюта, чтобы его все видели. Несмотря на криминальную природу всего предприятия, преступления в Приюте Фортуны были редкостью. Люди не совершали преступлений, поскольку наказание было крайне суровым, и многие всегда были достаточно богатыми, чтобы считать традиционные преступления ниже своего достоинства.

Похоже, Дрейк так устроил свой дом удовольствий, чтобы он был на голову лучше других, и во главе угла здесь ставилась свобода выбора. Свобода выбора и предложение, поскольку, если верить Айнику, здесь можно было удовлетворить любые вкусы.

Айник, поддерживая Танкуила, провёл его в недра корабля, на который он взобрался, и пинком открыл дверь камбуза. Кок недовольно поднял гигантскую металлическую ложку, но вскоре затих после того, как Айник прошипел ему несколько слов. Пират усадил Танкуила перед огнём и убрёл прочь, чтобы принести еды.

Кровь Танкуила падала на землю — скатывалась по руке, по ладони и методично капала с пальцев. Волки внизу твоякали и рычали, хватая тёмно-красные капли. Они уже давно перестали волноваться из-за его плаща, и теперь он жалел, что швырнул его им.

Заклинание контроля диких волков перестало действовать, но они уже впали в ярость, и запах крови лишь распял их ещё сильнее. На дереве Танкуил был от них в безопасности — всем известно, что лазают волки плохо. Но здесь наверху некому было обработать рану на его руке, а потеря крови в конечном итоге могла оказаться столь же фатальной, как и звери, рыскавшие внизу.

— Гав, — сказал Танкуил зверям внизу. Он собирался крикнуть, но ему не хватило энтузиазма. На волков это не подействовало — они принялись ещё яростнее бегать, рычать и прыгать на дерево.

Танкуил оглянулся в поисках чего-нибудь, что можно использовать в качестве оружия, и ничего не нашёл. Меч он давно оставил в груди колдуна, который вызвал волков. Должно быть, он спятил, раз вызвал так много — в стае было штук двадцать (Танкуил обнаружил, что сложно точно сосчитать зверей, которые постоянно двигались).

Битва была тяжёлой, с множеством промахов, но в итоге Танкуил вышел победителем, сократив дистанцию до колдуна и вонзив меч в его тело, пока тот с воем испускал последний вздох. Спустя несколько минут после смерти колдуна, прибежало множество волков и бросилось в погоню. Танкуил сбежал, швырнул в них свой плащ, чтобы отвлечь, и запрыгнул на первое подходящее дерево. А теперь он торчал здесь, истекая кровью до смерти, пока труп колдуна, которого Танкуила послали схватить, пожирали те самые волки, которых колдун вызвал. В каком-то ужасном смысле это казалось уместным.

Танкуил сдвинулся на ветвях, пытаясь устроиться поудобнее, и тут же вернулся назад, поняв, что удобство — это последнее, что ему прямо сейчас требуется. Один из волков отважно подпрыгнул футов на семь и тяжело упал на землю. Другой кляцнул на него зубами, и они снова принялись рыскать вокруг. Белые волки с мехом цвета уграмбованного снега. Какая-то часть Танкуила понимала, как редко можно встретить в Сарте волков такого цвета, но остальной части было всё равно.

Обшарив карманы, Танкуил отыскал лишь маленькую деревянную пластинку, такую, которые Инквизиция использует для создания рун, только эта была пустой. Он знал, что это его единственный шанс на спасение, и знал, что должен сделать. Немногие руны будут

настолько сильны, чтобы убить целую стаю волков, и они, скорее всего, убьют и его самого. Была одна, которая наверняка отпугнёт их, но он сомневался, что её когда-либо использовали для этого. Без чернил у Танкуила оставался лишь один способ написать нужные руны на пластинке. Он согнул левую руку, приложил указательный палец к пластинке и начал рисовать. Одна руна, чтобы накопить силу — и, вычерчивая символ, он почувствовал, как сам слабеет, поскольку руна впитывала его энергию. Одна руна для вызова. Одна руна для связывания. Закончив, он неровно выдохнул и без промедления разломил руну пополам, бросив обе половинки на покрытую листьями землю.

Взрывом шума и тьмы демон с рёвом ворвался в мироздание. Обычно они постепенно появлялись и исчезали из этого мира, но на этот раз демон будто знал, что нужно устроить впечатляющий выход.

Волки скулили и разбежались в разные стороны. Один был настолько глуп, что огрызнулся на демона — он быстро стал лёгкой трапезой для создания из пустоты, и вскоре кровь и части волка усеяли землю. К этому времени остальные волки сбежали и давно исчезли. Наконец морда демона повернулась к Танкуилу, и нечто, что можно было назвать ухмылкой, расплылось по темноте. Мерцающие жёлтые глаза-бусинки смотрели прямо на него, и пасть открылась, чтобы проговорить...

— Арбитр, — сказал Айник, мягко тряся Танкуила.

Танкуил разлепил веки, и на это действие потребовалось немало усилий.

— Мне снился сон, — пробормотал он.

Пират кивнул.

— Мне рассказывали, когда спишь, встречается такой побочный эффект.

— Сколько времени я спал? — спросил Танкуил.

Он почувствовал, как хватка его принуждения сжимается на Айнике, и увидел, как тот хмурится.

— Недолго. Примерно час. — Пират покачал головой и часто заморгал. — Хм, это было неприятно.

— Прости, — сказал Танкуил. — Я не специально.

— Угу. Ну, ничего страшного. Но я бы предпочёл, чтобы это не повторялось.

— Разумеется.

— Ладно, — сказал Айник, всё ещё хмурясь. — Кок собрал тебе похлёбки. Мясa в ней не сказать чтобы много, но она горячая и на вкус... ну, я ел и хуже.

Танкуил взял предложенную похлёбку и горбушку чёрствого хлеба и жадно съел. Во время еды он вдруг понял, что на "Фениксе" задавал капитану Стилуютеру вопросы. Тогда он не обратил внимания, но его принуждение не подействовало. То ли от истощения, то ли от чего-то ещё, он точно не знал, но теперь оно определённо снова заработало.

— Мне нужно повидаться с Дрейком, — сказал Танкуил с полным ртом хлеба и похлёбки.

— Я так и подумал, что ты можешь это спросить, поэтому я тут поспрашивал, пока ты спал, — сказал Айник, поставив чашку с чем-то, что выглядело подозрительно алкогольно, а потом сделал большой глоток из другой кружки. — Его здесь нет.

— И ты не знаешь, где он, — закончил Танкуил.

— Не могу сказать, что хорошо знаю капитана Моррасса, но он не похож на тех, кто любит делиться своими планами, особенно с такими, как я. Встречал его лишь однажды.

— Но он был здесь. Он дал тебе знать, что я сюда приеду.

— Похоже на то, — Айник снова глотнул из своей кружки, и Танкуил последовал его примеру. Грог ему раньше пить не доводилось, но прямо сейчас дьявольская смесь пива и рома была, пожалуй, лучшим, что он когда-либо пробовал. Проглотив, он почувствовал, как тепло распространяется по телу.

— Мне надо отправиться за ним, — сказал Танкуил, когда грог уже уютно покоился в его животе. — Из Приюта Фортуны ведь можно выбраться. Мы, наверное, недалеко от материка, возле порта.

— Не далеко, не близко. Капитан любит держать Приют подальше от избитых маршрутов. Ему не нравится, когда народ просто так шныряет вокруг. Но тут до Бельведера несколько дней пути. Не знаю, направляется ли кто-нибудь туда, ну так я и не начальник дока. Лучше поспрашивать вокруг.

— Я не знаю Бельведера.

— Эт большой форт на высоком утёсе. А город вроде как раскинулся под ним. Им владеет семейство Ферин. Смотреть там особо не на что, но это ближайший порт. Впрочем, вряд ли Дрейк отправился туда.

Танкуил кивнул, доел похлёбку, а потом допил грог.

— Мне нужны бумага и чернила.

Айник выглядел озадаченно.

— Уффф.

— Ткань тоже сойдёт, — быстро сказал Танкуил. Теперь, с полным животом, он чувствовал, как сон наваливается на него, пытаюсь утащить в сладкое забвение. — Что-то вроде бинта.

— Наверно, смогу отыскать.

— И чернила.

Айник пожал плечами.

Танкуил вздохнул. У него была полная чернильница в котомке, но пришлось её бросить, чтобы доплыть до Приюта Фортуны. Сейчас все его пожитки составляли одежда, оружие, маленькая банка чёрного пороха, к счастью запечатанная от воды, и Миорзо.

— Хватит и бинта.

Айник поставил кружку с грогом и умчался прочь. Танкуил боролся со сном, уставившись на угли угасающего огня. Пламя на борту корабля всегда опасно, особенно если этот корабль соединён с сотнями других кораблей, но Танкуил не собирался возражать, он просто радовался теплу.

К тому времени, как вернулся Айник, глаза Танкуила почти закрылись. Пират мягко потряс его за плечо и протянул несколько бинтов разной длины. Танкуил выбрал один длиной примерно с ладонь и разложил перед собой. Взял с пояса нож и разрезал указательный палец.

— Ух, — проворчал Айник. — Чё эт ты делаешь?

Танкуил проигнорировал пирата. Он слизнул лишнюю кровь с пальца и ещё несколько раз нажал на него, чтобы кровь снова потекла. Потом слабо прижал к бинту и нарисовал корявый символ. Заклинание бессонницы получится не самое эффективное, но если продержится день или два, этого хватит. Вряд ли потребуется больше времени, чтобы собрать деньги для поездки на континент. В конце концов, он был вором, окружённым казино, барами и армией богатого народа. Танкуил связал бинт в петлю и неровно выдохнул,

когда магия возымела эффект. От усталости она, может, и не спасала, зато не давала заснуть.

— Арбитр, ты в порядке? — спросил Айник. — Выглядишь ты так, будто неплохо б те поспать.

Танкуил горько рассмеялся.

— Поверь мне, сон не принесёт мне отдыха. Слишком уж плохие сны. Так лучше.

Пират медленно кивнул, хотя вид у него при этом был весьма скептический.

— А теперь, Айник, я хотел бы осмотреть достопримечательности, — сказал Танкуил. — Игровой дом подошёл бы идеально.

— Конечно. Как скажешь, арбитр. — Пират встал, и Танкуил вместе с ним. — Я тут как раз знаю одно местечко.

Каждый корабль в Приюте Фортуны был не просто кораблём — буквально каждый был борделем, игорным домом, ареной для поединков, гостиницей или наркопритоном, и каждым управлял мужчина или женщина, верный Дрейку Моррассу. Айник утверждал, что в этом плавучем доме удовольствий можно удовлетворить любое желание, и Танкуил вполне мог поверить, что так оно и есть.

Он увидел двух женщин — одна была южанкой из диких земель, с кожей чёрной как ночь, а вторая уроженкой Драконьей империи с бледной кожей и узкими глазами. Они сидели перед каютой корабля и играли в игру под названием "биз". Танкуил так и не удосужился разобраться в этой стратегической игре, несмотря на постоянные попытки Джек научить его. Девушки ставили на доску фишки, которые были белыми с одной стороны, и чёрными с другой. В зависимости от расположения одна девушка захватывала фигурки другой и переворачивала. Побеждал тот, у кого в конце окажется больше фишек его цвета. Увидев Танкуила и Айника, сходявших с соседнего корабля, женщины перестали играть. Южанка нагнулась над столом, взяла ладонью грудь второй девушки и лизнула сосок. Танкуил отвернулся. Айник усмехнулся.

— Здесь, на "Призраке Перси", они на таком специализируются. Сам я в таком не участвовал, но знаю нескольких парней, которые от этого без ума, и одну женщину.

— На таком... — ответил Танкуил.

— Да-а. Тот же секс, две женщины, один хуй. Не самая странная штука из тех, что предлагает кэп на Приюте, но, как я слышал, это один из лучших источников дохода.

Они прошли через палубу "Призрака Перси" и по деревянной дорожке перебрались на корабль под названием "Вызов Дракона". Палуба этого корабля была пустой — ни моряков, ни стражников, ни клиентов, ни работников. Танкуил посмотрел на Айника, который хмурился и явно немного нервничал.

— Этот перейдём побыстрее, арбитр. Тебе не захочется смотреть, что происходит под палубой.

— Может ты...

— Тебе и знать не захочется. Чёрт, даже мне не хочется. Давай-ка побыстрее.

Танкуил сразился со своим любопытством и победил, последовав за Айником, который быстро перешёл палубу "Вызова Дракона". Бывший пират вёл их замысловатым маршрутом через корабли и дальше к сердцу Приюта Фортуны. На каждом корабле он объяснял его текущее назначение и какие услуги он предоставляет. Танкуил видел сражающихся карликов, и клиентов, делавших ставки на исход, а на следующем корабле услышал рёв из-под палубы — Айник объяснил, что там выставляют волков против медведей. Танкуил не мог решить, что же беспокоит его сильнее — что люди готовы платить, чтобы посмотреть на

такое, или что Дрейк притащил сюда и медведя и волков, чтобы удовлетворить их желание.

По мере того, как они пробирались к центру флота, число клиентов увеличивалось, и хотя некоторые выглядели, как обычные люди из Диких Земель, другие казались богачами-одиночками, или парами, а многие вообще не были похожи на выходцев из Диких Земель.

— Люди со всех концов приезжают, чтобы потратить деньги в Приюте, — сказал Айник. — Некоторые больше не уезжают, проигрываются в пух и прах, и им приходится работать, чтобы сохранить себе жизнь.

— Рабы, — сказал Танкуил.

Айник покачал головой.

— В Приюте никаких рабов. Ни одного. Дрейк не позволяет. Около года назад приплыл работорговец с полным трюмом народу, ожидавшего продажи. Капитан корабля хотел задержаться здесь на несколько дней, поразвлечься. Дрейку это не понравилось. Он захватил рабовладельческий корабль, убил команду, освободил рабов и присоединил корабль к Приюту. Некоторые из тех рабов до сих пор здесь работают.

— Так люди, которые проигрываются в пух и прах... — напомнил Танкуил.

— Кто хочет работать, отрабатывают долги, а потом могут идти, куда захотят. Кто работать не хочет... У нас есть для таких обычное решение. Их наказывают в назидание другим. Нынче мало кто хочет не платить по своим долгам.

— И как же я ни разу не слышал об этом месте? — спросил сам себя Танкуил.

Айник взял на себя ответ.

— Сомневаюсь, что многие из твоих слышали. Вряд ли сюда часто приглашают охотников на ведьм.

— Боятся, что мы можем прийти со значительными силами и всё здесь прикрыть, — сказал Танкуил, оглядываясь с отвращением и изумлением. Сотни и сотни кораблей. Он повидал из них всего лишь горстку, и на этой горстке увидел почти всё худшее, что могут предложить люди — женщины и мужчины, продающие себя любому, у кого есть монета, и готовые унижаться за эту монету как угодно. Люди платили деньги за то, чтобы посмотреть, как другие избивают друг друга до смерти. Наркоманы, у которых уже настолько поехала крыша от их порока, что они уже не могли без него существовать. Танкуил отлично знал, как работает зависимость, и знал об опасностях потакания ей. Он решил, что большинство людей здесь зависело от чего-то — от боли, от удовольствий, от наркотиков. Он сомневался, что здесь есть настоящие еретики, но это не остановило бы Инквизицию от того, чтобы закрыть это место, просто на всякий случай.

— Мы на месте, — сказал Танкуил. Корабль, на который они пришли, назывался "Измена Тейгана" — ухоженное судно из Пяти Королевств, и перед люком на нём стояла маленькое вооружённое воинство стражников. На палубах ближе к корме корабля сидела группа мужчин, наслаждавшихся прохладной ночью и игравших в карты на освещённом фонарём столе.

— Ага, — сказал Айник. — На месте. Этот и два следующих корабля — игровые притоны. Но здесь не играют без денег, арбитр. Если хочешь попытать удачу, то тебе потребуются монеты.

Танкуил сунул руку в карман по-прежнему сырого плаща и вытащил маленький кошелёк. Внутри лежало всего несколько монет, и он сомневался, что среди них есть хоть одна крупная, но это было начало, и он мог бы поспорить, что уже скоро у него будет намного больше.

Айник выглядел озадаченным.

— Ты вроде говорил, что потерял свой кошелёк.

— Нашёл другой, — ответил Танкуил.

Айник похлопал себя по карманам и с облегчением обнаружил, что его кошелёк всё ещё на месте. Бывший пират отступил на шаг.

— Пожалуй, тогда оставлю тебя здесь, арбитр. Впрочем, вот тебе предупреждение — заведение всегда выигрывает. — С этими словами он повернулся и быстро ушёл прочь. Танкуил смотрел, как тот уходит, и как оглядывается, чтобы убедиться, что за ним никто не идёт. И только когда Айник полностью пропал из вида, Танкуил повернулся к стражникам у люка и подошёл к ним с широкой улыбкой на лице.

Одна из стражниц, женщина с кривым носом, короткими каштановыми волосами и едва заметными бугорками груди под курткой, встала между Танкуилом и люком.

— Что ты здесь делаешь, охотник на ведьм?

Танкуил подошёл ближе и в награду ему женщина поспешно отступила назад.

— Я предпочитаю название "арбитр". Ничего не делаю. Я здесь ради удовольствия, — сказал он, разводя руки в стороны. — Азартные игры это моё хобби, а я слышал, нет места лучше, чтобы проиграть пару монет.

Женщина выглядела далеко не убеждённой. Она осмотрела Танкуила снизу доверху, задержав взгляд на завёрнутом мече, висевшем на его поясе. Соблазны Миорзо стали уже настолько постоянными, что Танкуил почти забыл о мече. А теперь, подумав об этом, он понял, что снова слышит шёпот, и, судя по обмякшему лицу женщины, она тоже что-то слышала. Танкуил быстро запахнул плащ, скрывая клинок кожаными полами. Женщина встряхнулась от транса и снова обратила внимание на Танкуила.

— Мы не отбираем у людей оружие, арбитр, но настоятельно просим не использовать его. Если просьба не срабатывает, то мы обычно начинаем настаивать, и уверяю тебя, это происходит не миролюбиво.

Танкуил направился к люку.

— Буду иметь это в виду.

Он спустился в плохо освещённое шумное помещение, с запахом пота и травки кашер. Корабль был битком набит столами, прикрученными к деревянному полу, и каждый из них был при деле. Азартные игры — карты, игральные кости, гонки скорпионов, и даже такие игры, о которых Танкуил никогда раньше не слышал. В одной, похоже, играли маленькими глиняными плитками с нарисованными на них символами. Некоторые выглядели очень похоже на руны, и Танкуил быстро решил украсть несколько плиток, чтобы пополнить свой утраченный запас подготовленных рун.

Некоторые клиенты обратили на него внимание, некоторые не спускали с него глаз, а другие смотрели на него, как на мишень, на ещё одно тело, с которого можно стясти денег. Айник, конечно, предупреждал, что заведение всегда выигрывает, но далеко не все игры ведутся против заведения. А других игроков всегда легче обвести вокруг пальца, чем персонал.

Танкуил невольно отметил, что здесь внизу вооружённых пиратов, замаскированных под стражу, было ещё больше. Он не сомневался, что если кто-то из них поймает его за жульничеством, то он мгновенно снова окажется в воде, чего ему совершенно точно не хотелось. Но с другой стороны раньше его никогда не ловили.

В азартных играх была одна хитрость, и она отличалась от воровства. Карманнику

нужны ловкие пальцы, быстрая реакция и способность оценивать потенциальную жертву, чтобы определить, кто из них бдителен, и следит за своими кошельками или драгоценностями, а кто не замечает эпидемию воровства, поразившую все части человеческого общества. Жулъничество в игре предполагало отвлечение внимания, или, как давно понял Танкуил, он мог использовать для жульничества магию.

Три направления магии, которые изучают арбитры, это Руны и Заклятья, Благословения и Проклятья, и Колдовство. Из всех трёх Танкуил особенно преуспел в Благословениях и Проклятьях — на самом деле он был одним из четырёх членов Инквизиции, кто мог сплести пять Благословений в один поток, и такого не удавалось даже великому инквизитору. А вот Колдовства не было среди специальностей Танкуила.

Школа Колдовства была очень близка к возможностям ведьм. В ней не собственная сила арбитра наполняла магию, а сила Вольмара. Арбитры использовали свои тела, чтобы провести силу Бога для воздействия на мир, и уже сам Вольмар таким образом его изменял. Некоторые арбитры, не говоря уже об обоих инквизиторах из семейства Вэнсов, специализировались на Колдовстве. Вне всяких сомнений они были силой, с которой необходимо считаться, и Танкуил искренне надеялся, что его это не коснётся. Его собственные возможности в Колдовстве ограничивались салонными трюками и редкими взрывами стен. Последнее в нынешней ситуации не очень-то помогло бы, поскольку означало бы смерть в воде.

Встав за стол для игральных костей, Танкуил потянулся за своим украденным кошельком и вытащил серебряную монету Диких Земель.

— Не возражаете, если я брошу, — сказал он, протягивая руку за костями.

Игрок перед ним попятился на шаг, но пиратка, наблюдавшая за столом, выдававшая выигрыши и собиравшая проигрыши, склонила голову.

— Простая игра, охотник на ведьм. Называешь число и бросаешь. Выпадает твоё число — получаешь свою монету, и ещё одну такую же. Если же нет, то я забираю твою монету, и тебе придётся положить следующую. Смекаешь?

— Звучит честно. Четыре. — Он взял кости, прошептал им слово и выкатил дубль двоек.

— Эт ведь один из них, а? — донёсся голос сзади. Танкуил его проигнорировал.

Спустя несколько часов он был уже неплохо поднят. Постоянное использование магии принесло ощущение некоторой измождённости, особенно вкупе с недостатком сна, но зато он обратил несколько серебряных монет в пригоршню золота. Вся хитрость была в том, чтобы не играть слишком долго за одним столом, чтобы не привлекать слишком много подозрений. И он не сомневался, что избежать открытых подозрений помогает тот факт, что он — ненавистный охотник на ведьм, которого все боятся.

— Знаете, босс, я уверен, что она права. Он выглядит в точности как один из них, — второй голос был мужским, и в нём безошибочно угадывалась лёгкость хорошего настроения.

— Да ты, небось, просто обоссался, — снова донёсся первый голос, грубый и женский. Танкуил вздохнул и взял свои карты — дерево и солнце, теперь ему нужен был только огонь, и...

— Ты знаешь, совершенно не подобает столь юной даме так разговаривать.

— Ой, ну ясно. А скажи-ка, подобает ли юной даме воткнуть кинжал в твой зад?

Некоторое время стояла тишина.

— Не очень.

— Вот именно. Так не завалить ли те своё ебало?

— С ней просто невозможно разговаривать, когда она в таком настроении, босс. Нельзя ли нам просто вернуть её на улицу, на которой мы её нашли?

Танкуил заплатил за очередную карту и вытащил копьё, щёлкнул по карте, и та приняла вид огня. Он положил все три карты на стол, услышал коллективный вздох от других игроков и сгрёб к себе все монеты.

— Ну так ты собираешься убить его? — снова донёлся первый голос. Танкуил начал засовывать в свой кошелёк нечестно заработанные доходы и решил, что, похоже, самое время повернуться лицом к своему будущему убийце.

— Эт вряд ли, — раздался другой мужской голос, который Танкуил тут же узнал. — Я этим больше не занимаюсь, Рил. И кроме того...

Танкуил повернулся и уставился в лицо призраку. Чёрный Шип остановился на полуслове с приоткрытым ртом. Он выглядел иначе: меньше волос на голове и больше на лице, и ещё, кажется, пара новых шрамов вокруг ожога, хотя сложно было сказать наверняка. А ещё, похоже, у него отсутствовал левый глаз, если только он не начал носить повязку ради красоты.

— Шип?

Чёрный Шип вздрогнул, когда принуждение Танкуила сковало его волю.

— Ага, — проворчал он. — Блядь, Танкуил, это было обязательно?

Танкуил широко ухмыльнулся и с облегчением увидел такую же ухмылку на лице Чёрного Шипа, хоть и жутко перекошенную из-за расплавленной кожи на левой стороне.

— Я слышал, ты помер, — сказал Шип, подходя поближе и так сильно хлопнув Танкуила по плечу, что тот закачался.

— Неужели. Я слышал то же самое о тебе.

Шип рассмеялся.

— Ага, этот слух уже какое-то время ходит. Правда в том, что меня немного сложнее пристукнуть, чем думает большинство народу. Хотя эт их не останавливает.

Танкуил рассмеялся.

— Рад снова тебя видеть, Шип. Похоже, у тебя нынче целая своя команда.

— Ага, — сказал Шип, кивнув. — Давай-ка ты представлю. Этот чудной еблан — Андерс, мелкая пизда — Рилли, а вон тот — Бен...

— Бен Шесть Городов, — сказал Бен.

Шип его проигнорировал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Здоровяк позади — эт Сузку, и Генри ты, небось, уже знаешь.

Танкуил не сразу заметил маленькую женщину за спинами остальных, но теперь она наклонила назад свою кавалеристскую шляпу и криво ухмыльнулась.

— Арбитр, — сказала она, приветствуя его.

— Рад снова тебя видеть, Генри. Не знал наверняка, выбралась ли ты из Хостграда, — ответил Танкуил. — Видела бы ты Шипа, он рыдал как новорождённый.

Маленькая убийца рассмеялась и сунула руки в карманы. Сейчас она уже не казалась такой злобной, как помнил Танкуил.

— А где та шляха с которой ты хороводился? — спросила Генри. — Та, что чуть не сбросила меня в Йорл?

— Точно, — встрял Шип. — Где Джеззет?

Об этом Танкуилу вспоминать совсем не хотелось — впрочем, нельзя сказать, что он об этом забывал.

— Она у Дрейка.

Андерс вышел перед Шипом.

— Дрейк её схватил? Похитил?

— Ну... — начал Танкуил, запнулся и почесал руку, покрытую шрамами. — Не совсем. Она вроде как с ним по своему желанию.

— Это куда понятнее, — ответил Андерс. Было в нём что-то знакомое, Танкуил никак не мог избавиться от ощущения, что уже видел этого человека раньше.

— Прости, Танкуил, — сказал Чёрный Шип. — Сложно, наверное, поддерживать интерес такой девахи, как Джеззет Вель'юрн.

— Нет, — сказал Танкуил. — Не в этом дело. Она... Ей пришлось, или... Я ищу Дрейка. Она у него, и мне нужна от него правда.

— Те бы порасспрашивать Андерса, где этот ублюдок, — сказала маленькая женщина по имени Рилли, ковыряясь чем-то в зубах. — Этот чистокровный хуесос работает на него.

Чёрный Шип застонал.

Танкуил посмотрел на Андерса. Андерс с улыбкой смотрел на Танкуила.

Он схватил Андерса за воротник и подтащил к себе, развернул и ударил об картонный стол. Тот немного сопротивлялся, пытаясь оттолкнуть Танкуила, но арбитр был сильнее, и лишь снова его ударил.

— Где он? — спросил он.

Андерс содрогнулся, когда воля Танкуила взяла его волю под контроль.

— Я не знаю, — захныкал тот.

— Что ты знаешь? — закричал Танкуил мужчине в лицо.

Андерс лишь стонал на столе — вопрос был слишком открытым и ответа на него не было. Танкуил уже собирался задать следующий вопрос, когда почувствовал на плече сильную руку. Он дёрнулся, но сравниться силой с Чёрным Шипом не мог, и его медленно оттащили прочь. Шип встал между Танкуилом и склонённым Андерсом. Боковым зрением Танкуил заметил, что некоторые стражники заинтересовались, но пока никто не вмешивался.

— Хватит, Танкуил, — сказал Шип. Его лицо было столь же суровым и жёстким, насколько стальным был тон его голоса. — Андерс, может, и работает на Дрейка, но он и на меня работает, и я не дам те вот так его допрашивать. Насколько я помню, было время, когда те не нравилось задавать вопросы.

— Если он хоть что-то знает...

— Не знает, — перебил Шип.

— Хрен его знает, — встряла Генри. — Может, напустить на него арбитра. Хоть вытащим наконец правду из мелкого ублюдка.

Андерс скатился со стола на пол.

— Моя дорогая, я знаю, что в нас есть различия, но сомневаюсь, что ты хочешь, чтобы меня пытали.

Генри лишь пожала плечами.

Танкуил снова посмотрел на Шипа. Теперь тот казался выше, чем он помнил, и возвышался, стоя между арбитром и Андерсом.

— Я должен быть уверен.

— Так будь уверен. Андерс ни хрена не знает. Хорошо?

Танкуил заставил себя дышать медленнее и разжал зубы. Он доверял Шипу, несмотря на всё, через что они прошли, а может, именно из-за этого. А ещё он понимал, что не было смысла спорить — их было немного больше.

— Ладно, — сказал он. — Прости, Андерс.

— Хорошо, — сказал Шип. Он протянул руку и помог Андерсу подняться с пола. — Правда в том, что мы здесь из-за Дрейка.

По ругательствам от остальных членов команды Шипа Танкуил заключил, что не он один удивился.

— Шип, мы снова работаем на этого хуилу? — спросила девчонка, Рилли.

— Не-а, — сказал Шип, и его единственный глаз таращился на Танкуила с удвоенной интенсивностью. — Мы не работаем на него. Но он знает, что мы здесь, и его пираты знают, что лучше нас не трогать.

— А зачем мы здесь? — спросил Бен Шесть Городов, а потом ухмыльнулся. — Не то чтобы мне не нравились местные достопримечательности.

Шип фыркнул и посмотрел на Генри, которая в ответ пожала плечами, а потом повернулся к Танкуилу.

— Думаю, эт одна из тех штук, о которых лучше нам погрить где-нть, где народу поменьше.

Танкуил кивнул.

— Веди.

Шип привёл их на один из кораблей Приюта Фортуны, который играл роль борделя. Он заплатил за самую большую каюту на корабле, и, к разочарованию Андерса и Бена, не взял ни одной женщины. Требование было, мягко говоря, необычным, но женщина во главе оказалась уступчивой, увидев лицо Шипа, а тем более, увидев его деньги.

Танкуил последним вошёл в комнату, и молчаливый здоровяк, Сузку, закрыл за ним дверь. Танкуил и шага ступить не успел, как его плеча легко коснулась большая рука. Он обернулся и увидел, что Сузку с изумлением и любопытством пристально смотрит на него. На нём была лёгкая бронзовая кольчуга под белой робой и белый платок на голове. Ростом он был с Чёрного Шипа, и даже шире его по комплекции.

— У тебя нет цвета, — сказал мужчина, и в его голосе не было ни следа акцента Диких Земель.

— Хм, — проворчал Танкуил, отходя от него. — Спасибо.

Он прошёл в комнату, и встал, прислонившись спиной к стене. Шип в схожей позе прислонился к другой стене, а Андерс рухнул на кровать, не задумываясь о сексуальных извращениях, которые, несомненно, совершались на ней прежде. Генри встала посреди комнаты, и закрыв шляпой лицо, Бен рухнул на стул и вытянулся, шумно зевнув, а Рилли зашагала по комнате, словно зверь в клетке, поджидающий шанса освободиться.

— Ну так вот, есть причина, по которой мы здесь. И вовсе не затем, чтобы посмотреть, в какой жопе тут живут некоторые. Генри и Андерс уже знают — похоже, у нас есть ещё один след Кессика.

На комнату опустилось молчание, члены команды Шипа обменивались выразительными взглядами, а Танкуил тяжело вздохнул про себя. Судьба, быть может, и

забыла о его существовании, но это не избавило её от ироничности. Он целенаправленно уклонялся от своих обязанностей и данных ему приказов, чтобы явиться сюда в погоне за Джезет, и вот теперь он уже знал, чем окончится эта беседа.

— Вы охотитесь на Кессика, — сказал Танкуил, специально не задавая вопрос.

— Ага, — сказал Чёрный Шип. — И охотились всё время с тех пор, как я сбежал от Инквизиции. По правде говоря, я думал, что он убил пару моих друзей. А теперь, оказывается, они оба до сих пор живы, и по меньшей мере один из них ебётся с Моррассом. Он мог бы и упомянуть об этом в прошлый раз, как я его видел.

— Она не...

— Да не в том дело. Тот ублюдок вырвал мой глаз, и я собираюсь отплатить за это. А ещё я в прошлом заключил сделку. Всё ещё хочу выполнить свою часть, если ты всё ещё готов выполнить свою.

— Мою часть сделки... — повторил Танкуил.

— Я убиваю Кессика, — сказал Чёрный Шип, уставившись одним взглядом на Танкуила, — а ты обеспечиваешь мне помилование. Мне не очень-то нравятся арбитры, которые на меня охотятся.

— Ты же никогда... Нет никаких арбитров, охотящихся на тебя.

— Да ну? Скажи эт тому, который убил папашу Рилли и брата Бена. Потому как тот ублюдок охотился за мной, эт точно. Не хотелось бы, чтоб ещё кого послали.

Танкуил кивнул.

— Хорошо, — продолжил Шип. — Человека, который знает, где Кессик, зовут Карлстон Барроу, и так уж вышло, что и с этим хуилой у нас есть незаконченное дельце. А теперь мы собирались устроить ему суровый сеанс продолжительных пыток. Думаю, Генри уж предвкушала, хотя я точно знаю, что Сузке пытки не очень-то нравятся.

Здоровяк у двери торжественно кивнул.

— Слишком много их повидал в своей жизни.

Бен Шесть Городов наклонился вперёд на стуле, потирая руки и широко ухмыляясь.

— О, жду не дождусь грязных подробностей из прошлого Сузку. Так сколько раз ты видел пытки?

Сузку пожал плечами.

— Один.

— Это уже неважно, — продолжил Шип. — Смотрю, ты, Танкуил, нынче явно не прочь позадавать вопросы, так что лучше тебе вести допрос. Используй это своё принуждение на благо.

— Погоди, — крикнула Рилли. — Мы чё, теперь работаем на арбитра?

— Эт арбитр работает на нас, — крикнул в ответ Шип.

Танкуил фыркнул.

— Арбитр работает с вами.

— Та же херня, Танкуил.

— Не-е, — Рилли всё ещё кричала. — Я им не верю, и те не советую. Эти бляди пытались убить тебя. Убили моего папаню. Да многих поубивали.

— Рилли, заткнись, а? — сказал Шип, и в его голосе появились командные нотки. — Потому как коль не заткнёшься, чёрт, я...

— Ну чё? — спросила Рилли. — Ты меня не ударишь!

— Я бил девок и помоложе и покрасивей, и которые заслуживали этого намного

меньше.

Танкуил взглянул на девушку. Тонкие черты её лица никак не вязались с её осанкой, позой и внешним видом. Ярко-рыжие волосы безумно пострижены на разную длину, серьги в носу, в ушах и в губах, чернильные каракули на основании шеи, исчезающие под воротом мешковатой куртки. А ещё она материлась больше всех женщин, кого он когда-либо встречал, а ведь Танкуил больше года прожил с Джеззет.

Она фыркнула.

— Блядь, папаша никогда меня не бил. И ты не станешь.

— Папаше твоему надо было отхуячить тя ремнём по жопе. Может, научило б хорошим манерам.

Рилли насмешливо посмотрела на Шипа.

— А с чего ты взял, что он этого не делал?

Чёрный Шип застонал и покачал головой:

— Генри.

Маленькая женщина повернулась, и Танкуил увидел под шляпой ухмылку. Она тихо подошла к Рилли, развела руки, и Рилли отпрянула, забыв гнев и храбрость.

— Ладно, — сказала Рилли, ткнувшись в дальнюю стену. — Ладно. Хватит.

Генри приподняла шляпу, и Танкуил ясно увидел шрам на губе, из-за которого на её лице всегда играла презрительная усмешка. Станным, диким образом она была красивой, но Танкуил знал, как опасна маленькая женщина.

— Рада, что мы поговорили, — сказала Генри, подмигнув, и отошла. Рилли немедленно надулась.

— Ну ладно, — сказал Шип, оглядывая каждого в комнате. — Ещё вопросы?

Танкуил поднял руку.

— Мне интересно, что этот Карлстон Барроу делает для Кессика.

— О, это я знаю, — сказал Андерс с кровати. — Что нам известно наверняка, так это то, что он обеспечивает Кессика людьми.

Танкуил подождал, пока тот продолжит. Не дождался.

— Не может быть.

— Возможно, тут всё не так просто. Люди, которых он продаёт Кессику, обладают тем, что вы, арбитры, называете потенциалом. Шустрый работал на Кессика и занимался тем же самым, пока Генри его не пришила.

Генри сплюнула.

— Ну, Сузку работал на Шустрого, и он грит, Кессик дал Шустрому чё-т вроде драгоценного камня, который светится возле некоторых людей.

Танкуил сунул руку в один из скрытых карманов своего плаща, но ничего не достал — свой камень он оставил у дочери ведьмы в форте Таллон.

— Насколько мы понимаем, он набирает людей с этим потенциалом. Создает армию злых арбитров, или чё-т типа того.

Танкуил подумал, не рассказать ли им всю правду, но решил не рассказывать. Грязный секрет Инквизиции, её связь с демонами — всё это он хотел скрывать как можно дольше. Все арбитры хотели скрывать это.

— Больше вопросов нет? — спросил Шип. — Никакого нгытя? — Он посмотрел на Рилли. — Хорошо. Потому как я знаю, где нам найти Карлстона Барроу.

По требованию Шипа Танкуил остался с Рилли. У Карлстона имелась охрана, и хитрый план Чёрного Шипа заключался в том, чтобы просто застать их врасплох, а арбитров, как он тут же отметил, сложно назвать незаметными. Хотя, на взгляд Танкуила, высоченного, одноглазого, покрытого шрамами Чёрного Шипа не заметить тоже сложно.

— У тебя в плаще дыра, — сказала Рилли. Она стояла, прислонившись к стене корабля "Та Самая", и жутко напоминая Шипа.

Танкуил посмотрел на свой арбитражный плащ. Она была права. Он пожал плечами.

— Дракон укусил.

Рилли фыркнула. Танкуил её проигнорировал. "Та Самая" была широким судном, лучше подходившим для перевозки людей или коров. Здесь было много кают от маленьких, размером со шкаф, до огромных, с постоянный двор, и постоянно проводились кулачные бои. А ещё это было одно из самых популярных заведений Карлстона Барроу, где он вёл большую часть своих дел. Он занимался ростовщицеством, посредничеством, букмекерством и ещё сотней разных делишек. У него имелись крайне обширные связи и маленькая армия крепких, склонных к насилию охранников — способных и готовых по его слову убивать или калечить. Несмотря на всё это Чёрный Шип не выглядел сильно обеспокоенным.

— Вы с Шипом давние знакомые? — спросила Рилли, глядя на Танкуила от своей стены. Они ждали, когда Шип вернётся с хорошими новостями, в одной из кают размером со шкаф.

— Мы... некоторое время сражались друг против друга, а потом несколько дольше сражались вместе. Я и послал его против Кессика. И решил, что после он сбежал обратно в Дикие Земли.

Рилли сплюнула.

— А Кессик избил его, вырвал глаз и держал в темнице вашей Инквизиции.

— Это по-видимому...

— А ты просто оставил его там, — фыркнула она. — Ёбаные охотники на ведьм.

Танкуил криво ухмыльнулся её.

— Ты почти как маленькая Генри.

Рилли ещё сильнее помрачнела.

— Я выше неё.

В шкафу повисло тяжёлое молчание. Они ждали вестей, и Танкуил уже начал думать, что план Шипа провалился, что остальные члены команды умерли, и ему придётся сидеть в шкафу с сердитой маленькой женщиной ещё дольше. Потом дверь открылась, и показалось усатое лицо Бена Шести Городов.

— Ну как вы тут, подружились? — спросил он.

— Отъебись, — сказала Рилли и врезалась Бену в руку, проталкиваясь мимо него. Тот в ответ лишь рассмеялся.

— Веришь-нет, арбитр, но обычно она довольно весёлая.

Комната превратилась в побоище. У Карлстона Барроу на борту "Той Самой" была личная каюта, и он украсил её кучей всякого убранства. Большая часть этого убранства — стол, картины, ковёр, дьявольски красивая шляпа в углу — всё было забрызгано, а в отдельных случаях и покрыто кровью. На полу внутри комнаты лежало четыре тела, и ещё одно с кровоточащей раной на спине лежало снаружи. Сам Карлстон выглядел в основном неповреждённым, если только не считать бессознательное состояние каким-то повреждением. Он оказался полным стареющим мужчиной, хоть и с кучей мышц, которые

давно не использовались, со здоровым цветом кожи, и даже в бессознательном состоянии от него воняло дымом.

— Похоже, план застать их врасплох сработал, — задумчиво проговорил Танкуил, перешагивая через труп высокого стройного мужчины, с волосами, завязанными в тугий воинский хвост.

Чёрный Шип скрежещуще рассмеялся.

— Не-а, не сработал, так что мы перешли к решительным переговорам. Вот это сработало как надо.

Генри втянула воздух через зубы.

— Вот тока Андерс чуть не пырнул меня.

Андерс был занят откупориванием бутылки из стенного шкафа.

— Чуть-чуть, моя дорогая, чуть-чуть. И заметь, что мне удалось избежать этой грубой ошибки, которая столь дорого бы нам обошлась.

— Ну, коли так, то прощаю. Поди сюда и выеби меня, — Генри сплюнула, злобно глядя на него.

Андерс недовольно воскликнул

— Я бы с радостью, миледи, но мы здесь не одни!

Чёрный Шип вздохнул.

— Когда они трахались, мне нравилось больше. — Он посмотрел на Танкуила. — Готов выяснить, чё там знает этот кусок говна?

Танкуил взглянул на лежащего ничком Карлстона, распластавшегося на своём деревянном столе.

— Надо, чтобы он очнулся.

Шип протянул руку и шлёпнул мужчину по лицу трёхпалой ладонью. Карлстон в ответ застонал, и его веки начали подниматься.

— Готово, — ухмыляясь, сказал Шип.

— Карлстон, — сказал Шип мужчине, когда тот начал озираться. — Эй, пиздюк. Помнишь меня? Помнишь её? — Он указал в сторону Генри, которая стояла, ухмыляясь от уха до уха, и два её кинжала блестели в свете лампы. — Ты пытался нас убить.

В глазах Карлстона отразилось ужасающее осознание, и по всему его округлому лицу выступили капли пота.

— Вы убили их всех!

Шип посмотрел на пять трупов.

— Да, убили. И никто из парней Дрейка не придёт, чтобы спасти тебя. Понимаешь Дрейк кой-чё знает про тя. Он знает, что ты работаешь на Кессика. И так уж вышло, что я ищу этого хуилу, так что расскажи-ка мне, где его найти, да поживее.

Глаза Карлстона посуровели.

— Ты от меня ничего не получишь, Чёрный Шип. — Он сплюнул в Шипа, крошечная капля слюны упала на порытую шрамами щёку наёмника.

— Не... — начал Шип.

— Он же букмекер, — быстро сказал Бен Шесть Городов возбуждённым голосом. — Спроси его, не хочет ли он на это поспорить.

Шип вздохнул и посмотрел на Бена.

— Блядь, я как раз и собирался. — Он снова посмотрел на Карлстона. — Не хочешь ли поспорить на это?

Шип посмотрел на Танкуила. Карлстон посмотрел на Танкуила. Танкуил улыбнулся.

— Ага, — проскрежетал Шип. — У нас тут арбитр Даркхарт. Думаю, ему удастся выпытать у тебя правду.

Танкуил уставился на перепуганного мужчину.

— Где Кессик?

Его принуждение сковало волю Карлстона и вырвало правду с его губ:

— Абсолюция[1].

Танкуил посмотрел на Шипа.

— Хм...

— И это всё? — спросила Рилли.

— Ну, я... — начал Танкуил.

— Чертовски удобно, когда рядом охотник на ведьм! — с ухмылкой сказал Бен Шесть Городов. — Абсолюция отсюда далеко, но можем взять корабль до порта Верности и отправиться оттуда на север. Возьмем там лошадей.

— Абсолюция это место, — понял Танкуил.

— Ага, — сказал Шип. — Старый городок на территории Д'роана. Раньше там была деревня лесорубов, но байки о призраках всех распугали. Нынче там по большей части ничё нету. Ну или не было.

Танкуил обошёл вокруг стола к тому месту, где сидел Карлстон, потевший в своей красной шёлковой рубашке.

— Откуда нам знать, что этот еблан не врёт? — Услышал Танкуил вопрос Рилли.

— Ты работаешь на Кессика? — спросил он мужчину.

Карлстон застонал, не в силах скрыть правду.

— Да.

— Что ты делаешь для Кессика?

— Обеспечиваю его людьми. — Его лицо стало почти таким же красным, как его рубашка.

— Людей с потенциалом?

— Да.

Танкуил наклонился поближе.

— И что Кессик делает с этими людьми?

Карлстон уставился Танкуилу в глаза, стараясь не выдавать правду.

— Он вселяет в них демонов.

Танкуил смутно слышал вокруг какие-то споры, но проигнорировал их. Он вытащил с пояса пистолет, направил Карлстону в лицо и спустил курок.

Щёлк.

Курок пистолета ударил по металлу, но искры не выскочило. Танкуил посмотрел на маленький пистолет и понял, что не заменил чёрный порох после плавания в океане.

— Хм, — проворчал он, перевернул пистолет в ладони и ударил Карлстона рукояткой по лицу. Пухлый мужчина свалился со стула на пол, снова потеряв сознание от удара. Танкуил поднял пистолет и снова и снова бил его, и продолжал бить, пока лицо Карлстона Барроу не превратилось в месиво из мозгов, крови и костей. Лишь тогда он, забрызганный кровью мертвеца, остановился, тяжело дыша.

Оглянувшись, Танкуил увидел, что вся команда Чёрного Шипа таращится на него в потрясённом молчании. Рот Андерса раскрылся, а Рилли держала в руке короткий меч.

Генри медленно подошла к столу и посмотрела на месиво, в которое Танкуил превратил лицо Карлстона.

— М-да. Награду за его голову нам уже не получить.

[\[1\]](#) В католическом и протестантском богослужении "абсолюция" — отпущение грехов.

Джез не назвала бы себя специалистом по пещерам, но в некоторых она побывала, и эта была особенно красивой. Всё дело в воде, решила она, в воде и в том, как солнечный свет снаружи отражается от воды, посылая рябь голубых волн света на свод пещеры, освещая свеживавшиеся каменные клыки.

"Как спокойно, Джез. Несмотря на всю эту воду. Как непривычно".

Она почувствовала, как что-то легонько коснулось её ноги и посмотрела вниз. Там сидела Ри. Нынче она редко отходила далеко от Джез. Паучиха тарасилась на Джез и на всё вокруг. "Удобно, когда глаза есть на всех сторонах головы". Ри медленно поставила большую волосатую конечность на её ногу, потом другую, и следующую, и начала забираться. Джез снова стала разглядывать пещеру. Вскоре Ри уселась на её плече. Она была для своего размера удивительно лёгкой, не тяжелее кошки, на самом деле. Паучиха потёрла свои клыки, издавая странные щёлкающие звуки.

В спокойной прозрачной воде под ними скользило что-то тёмное. Лагуна в пещере была полна тёмных фигур, которые с угрожающей скоростью мчались под водой, обещая мучительную смерть любому глупцу, осмелившемуся испытать воду. Они были недостаточно велики, чтобы напасть на корабль, но это не делало их менее пугающими. Джез задумалась, как они выглядят — но ни одна фигура не поднималась к поверхности достаточно близко, чтобы можно было её разглядеть.

Они заплыли в пещеру два дня назад по приказу Дрейка. Капитан лично подвёл корабль точно к проёму в утёсе, словно бывал здесь уже много раз. Затем они бросили якорь и стали ждать, хотя Дрейк не счёл нужным объяснить ей, чего именно они ждут. "Нечему удивляться, Джез. У этого красивого мерзавца тайн больше, чем зубов, а зубы у него все на месте".

Пока "Фортуна" стояла, заняться всем было особо нечем, и вскоре начала распространяться скука. Пираты пили, пели, играли и рассказывали байки, которые, Джез могла поспорить, были чистейшим враньём, и она присоединялась к ним, когда могла. Время с командой было предпочтительнее времени с Дрейком. Джеззет ненавидела себя за это, но ничего не могла с собой поделать — мерзавец привлекал её. Поэтому она решила, что для всех заинтересованных, или по крайней мере для неё и для Танкуила, будет лучше ограничить её общение с пиратом. При следующей встрече с арбитром она намеревалась говорить правду, утверждая, что никогда не трахалась с Дрейком. Но тот не облегчал ей задачу, и ему всегда удавалось заставить её одну, сыграть на её любви к хорошим сражениям или просто бросить на неё неприличный взгляд.

Ри щебетала на её плече.

— Никогда не видел, чтобы она к кому-нибудь так привязывалась, — сказал Дрейк сзади. "Кажется, он всё время появляется, когда ты о нём думаешь, Джез". — Возможно это потому, что вы обе опасные дамы.

Джез фыркнула. Ри защебетала.

— Наверное, она сильно расстроится, когда ты уйдёшь.

— Откуда она? — спросила Джез, избегая этой темы разговора. — Никогда не видела пауков такого размера.

— С острова на берегу забытой империи.

Джез повернула голову, чтобы взглянуть на Дрейка, но уткнулась лицом в ногу паучихи. Ри защебетала, но не сдвинулась.

— Никогда не слышала о забытой империи, — сказала Джез.

— Это потому, что она забыта, — ответил Дрейк, и Джез по голосу услышала, что он улыбается. — Когда-то она была далеко к югу от Драконьей империи, и это было процветающее королевство, во всяком случае, так я слышал. Тысячу лет назад, или около того, это была империя, соперничавшая с Сартом, богатая золотом, которое в ней добывали. Туда ездил всякий народ — торговцы, пираты, принцы и даже арбитры. Думаю, если кто и знает больше всех о забытой империи, так это Инквизиция. По слухам эта империя в один день скрылась. Никаких признаков жизни. Пропали города, исчезли порты, и никто не знает почему. Никто не выходит из леса.

— Из леса.

— Он окружает всю империю. Гигантские деревья выше самого высокого здания. Некоторые говорят, что города империи были построены в тех деревьях и вокруг них. Целые народы жили в сотнях футов над землёй. Пока вся империя не умерла. В наше время туда никто не заходит и никто оттуда не выходит. Некоторые пытались найти затерянные сокровища, древнюю цивилизацию, или что-то вроде того, но никто не вернулся. Большинство теперь даже не знает, что она когда-то существовала, потому эта империя и называется забытой.

— А Ри? — напомнила Джез.

Дрейк усмехнулся.

— Остров у крайнего южного побережья. Я увидел... кое-что на берегу. Зофус решил возглавить группу высадки на берег и проверить, что там к чему. Взял с собой в шлюпку восьмерых. Вернулся он один и привёз с собой её, хотя тогда она была намного меньше и далеко не такая привлекательная.

Джезет повернула лицо к капитану, и тогда Ри соскочила с её плеча, подпрыгнула на добрых десять футов до такелажа и быстро скрылась из вида. Джез снова прислонилась к поручням корабля и втянула воздух через зубы.

— Что мы здесь делаем, Дрейк? Не то чтобы мне не весело каждую ночь развлекаться, напиваясь с командой. Насколько я тебя знаю, у тебя всегда есть план, и это...

— Да, план всегда есть, Джезет Вель'юрн, это его часть. Но она уже как раз подходит к концу. — Он указал в сторону задней части пещеры.

Там было темно, кругом холодные твёрдые камни, но Джез разглядела слабый мерцающий свет, который выглядел ужасно похоже на фонарь. Словно там была небольшая площадка, твёрдая земля посреди лагуны коварной воды, и группа людей там загружалась в шлюпку.

— Берём пассажиров? — спросила Джез, и голос выдавал её любопытство.

Дрейк пожал плечами.

— На самом деле ссаживаем одного. Ты готова нас покинуть?

Джез почувствовала, как что-то сдавило внутри. Она уже месяц находилась на "Фортуне", и не была уверена, что хочет уходить. Несмотря ни на что, она обнаружила, что пиратская жизнь ей нравится.

"Пора уходить, Джез. Пора найти Танкуила".

— Куда мы отправляемся? — спросила она.

— Не мы, — с грустной улыбкой ответил Дрейк. — Только ты, милая.

Джез отринувла нахлынувшее чувство, и решительно отвергла его существование.

— Так что это, в общем-то, последний шанс. Думаю, уже довольно прошло времени, чтобы я...

— Кто это? — быстро спросила она. — На лодке?

— Они работают на моего доверенного партнёра. Она тоже на лодке. Известна под именем Роза. Кажется, ты встречала её брата, до его безвременной, но весьма приятной кончины. Они сопровождают тебя дальше.

— Дальше?

Дрейк молчал некоторое время — как раз столько, чтобы Джез поняла, что что-то не так.

— Пожалуй, сейчас мы заберём твоё оружие, Джезет.

Она повернулась взглянуть на Дрейка и увидела Зофуса и армию пиратов — ту самую команду, с которой она уже месяц пиратствовала, — "и ту самую команду, которая пыталась изнасиловать тебя, Джез", — которые приближались по палубе. Её длинный меч быстро покинул ножны и оказался в правой руке, а левая ладонь нащупала рукоять одного из коротких мечей, пристёгнутых за спиной. Она опустила в боевую стойку.

"Никогда не доверяй пиратам, Джез. И особенно ёбаному Дрейку Моррассу".

— Ты не сможешь сражаться со всеми, Джезет, — сказал Дрейк. У некоторых пиратов в руках было оружие, но их капитан стоял с пустыми руками, словно зная, что Джез не нападёт. Она шагнула в его сторону. "Лучшая защита — это пырнуть кого-нибудь в лицо. Обычно после такого они не дерутся".

— Ладно, — сказал Дрейк, поднимая руки. — Может, ты и сможешь сражаться со всеми. Чёрт, может, ты даже победишь, будешь долго отбиваться, а потом рванёшь к берегу...

— По крайней мере, заберу тебя с собой, — выплюнула она.

Пиратский капитан кивнул.

— Звучит весело. Но сомневаюсь, что ты выживешь, если поплывёшь. Тут в воде мерзкие твари.

— Украду лодку.

— Ага, это может сработать. — Дрейк оглянулся на своих пиратов. — Можем даже облегчить тебе задачу. Спустить шлюпку.

— Чего? — Джез подошла ещё на шаг, и Дрейк оказался на расстоянии удара.

— Если хочешь уйти, сбежать, никогда больше нас не увидеть, тогда вперёд, — сказал Дрейк. — Мы не станем тебя останавливать.

— Чё? — это донеслось от Зофуса, стоявшего за спиной капитана.

Дрейк глянул на своего первого помощника.

— Она этого не сделает.

Джез фыркнула.

— Чёрта с два не сделаю.

— Если ты так поступишь, то могу гарантировать, что ты никогда не увидишь снова своего арбитра. Сомневаюсь, что у него много шансов выжить без тебя.

Джез бросилась со скоростью гадюки. Она прыгнула к Дрейку, направив на него свой длинный меч, в то время как левая рука вытаскивала короткий из ножен. Пиратский капитан даже не вздрогнул. Длинный меч коснулся его шеи, а короткий — яиц, и оба прижались так сильно, что на шее показалась капля крови и покатила по клинку. Джез смотрела на него

поверх своего меча, а Дрейк лишь улыбался в ответ. Впервые за всё время их знакомства непреодолимое желание пырнуть его полностью затмило желание с ним трахнуться.

— Где Танкуил? — Спросила она, отлично зная, что команда Дрейка занимает позиции вокруг неё.

— Точно сказать не могу. Наверняка не знаю. Зато могу сказать, где он точно будет — это то же место, куда направляешься и ты. — Дрейк медленно поднял руку и сунул два пальца перед лезвием длинного клинка. Он попытался оттолкнуть клинок, но Джек ему не позволила.

— Уверен, ты помнишь арбитра по имени Кессик, — сказал Дрейк.

"Трудно такого забыть. Даже когда он просто был рядом, по спине мурашки бегали".

— Да, ты его помнишь. Ну так он уже не совсем арбитр.

— Кессик жив? — спросила Джек. "А что случилось с Шипом?"

— Ага. Похоже, он победил Чёрного Шипа, и, думаю, убил его. Очень жаль на самом деле, мне всегда нравился этот ублюдок, убивающий арбитров. Так что Кессик выжил и сбежал, приехал в Дикие Земли и взялся за то, что не удалось его госпоже.

— Инквизитору Герон... — сказала Джек.

— Ага, той самой еретичке, которую твой арбитр убил в Сарте. Чем бы она там не занималась, теперь всем заправляет Кессик.

— И какое тебе до этого дело?

Дрейк ухмыльнулся и вздрогнул, когда клинок Джек чуть сильнее вонзился в его шею.

— У меня с Кессиком давняя история. Достаточно сказать, что он хочет моей смерти, и это чувство более чем взаимное.

— Так иди и убей его.

Дрейк фыркнул.

— Легко сказать. Кессик заранее заметит моё приближение, и к тому же бóльшая часть моей силы и влияния сосредоточена вокруг воды. Я же пират и всё такое. И к тому же у Кессика сейчас есть своя армия. Он убьёт меня прежде, чем мне удастся приблизиться. Думаю, пусть лучше охотник на ведьм убьёт охотника на ведьм. Один из моих людей уже вступил в контакт с ним, рассказал твоему арбитру, что Кессик всё ещё жив, и где его найти. Так как считаешь, Джек Вель'юрн? Думаешь, арбитр Даркхарт просто оставит всё как есть? Или отправится за Кессиком?

Джек чувствовала, что дрожит от гнева.

— Танкуил убьёт еретика.

— Ага, попытается.

Джек сплюнула на палубу Фортуны и убрала мечи от Дрейка.

— Скажи, где их найти.

— Я сделаю лучше, — сказал Дрейк, снова ухмыляясь. — Я собираюсь доставить тебя прямо Кессику в качестве заложницы. И нет способа лучше подобраться к нему ещё ближе, верно? И как он может отказаться? Какой подарок с предложением мира от Дрейка Моррасса может быть лучше, чем любовница арбитра, которого послали убить его.

— Он будет держать меня при себе, — сказала Джек, наконец, начиная понимать суть плана Дрейка.

— Под охраной, но близко. Чтобы использовать, как только объявится арбитр. И тебе останется лишь...

— Выждать и ударить в нужный момент.

Дрейк глубоко вдохнул и выдохнул с хитрой ухмылкой. Его золотой зуб выделялся среди белых собратьев.

— Всё это часть плана.

Джез изо всех своих сил пнула его коленом между ног, и насладилась видом Дрейка Моррасса, рухнувшего, хнычущего от боли, свернувшегося, чтобы защитить свои самые уязвимые части. Она швырнула перед ним на палубу своё оружие.

— Это тоже часть плана?

Сон нынче не шёл к Танкуилу. А точнее, хуже того — шёл слишком легко, но арбитр старался избегать его, когда только возможно. Перед тем, как покинуть "Приют Фортуны", он собрал себе новую котомку. Бумага и чернильница были дорогой роскошью на борту пиратского дома удовольствий, но Танкуил считал их необходимыми. Теперь у него на руке была новое заклятье бессонницы, более надёжное, чем обрывок бинта, и теперь уже прошло почти четыре дня с тех пор, как он спал последний раз. Это дурно влияло на него, и хуже того, бодрствование уже не спасало от снов, они уже приходили к нему во сне и наяву, днём и ночью.

— Хреново выглядишь, Танкуил, — сказал Шип с другой стороны каюты "Ложной Надежды". Остальные уже спали, некоторые храпели, некоторые лежали тихо. Рилли изредка дёргалась и бормотала вычурные слова. Даже на борту транспортного корабля в закрытой каюте команда Чёрного Шипа выставляла часовых, и сам Шип вызвался первым.

— Ты и сам выглядишь несколько измученно, Шип.

— Потрёпан, помят и пообтесался, эт точно. Но ты выглядишь хреново. Ты вроде не спал с самой нашей встречи, и говоришь сам с собой, когда думаешь, что тя никто не слышит.

Танкуил не знал, что беспокоило его сильнее — то, что другие слышали, как он сам с собой разговаривает, или что он этого не помнит. Его левая рука касалась меча, подвешенного у бедра. Да, клинок покрывали защитные и сдерживающие руны, но он всё равно слышал голос демона внутри.

— Шип, я в порядке.

— А потом ещё вся эта штука с Карлстоном... Разбил его, как тухлое яйцо.

Танкуил тихо фыркнул, чтобы не разбудить остальных. Плохо уже и то, что ему приходится говорить об этом, не хватало ещё, чтобы кто-нибудь из остальных услышал.

— Интересно, тебя больше заботит то, что я убил его, или то, что ты потерял награду за его голову.

— Да уж, денег мне эт стоило немало, но щас не в этом дело...

— И Чёрный Шип стал охотником за головами, — перебил Танкуил. — Не думал, что доживу до такого дня. Если я правильно помню, ты был самым страшным человеком во всех Диких Землях.

— И остался, — кивнул Шип. — Просто нынче меня боится в основном другая сторона. Те, с кем я убегал, терь испуганно разбегаются, а те, кто за мной гонялся, покупают мне выпивку. По правде говоря, люди вроде меня в игре живут не долго, так что я решил сменить правила, и поиграть охотником, а не добычей. И денег по эту сторону закона побольше. По крайней мере, пока арбитры не превращают в кровавое месиво наши цели.

Чёрный Шип втянул воздух через зубы — казалось, он лишился ещё парочки с тех пор, как Танкуил его видел в прошлый раз. У самого Танкуила не хватало всего лишь одного зуба из всех, и это именно Шип его выбил, узнав, что Танкуил солгал ему, обманом заручился его поддержкой, чтобы разобраться с тремя еретиками в Инквизиции.

— По правде говоря, я волнуюсь за тя, Танкуил. Мы ж идём на Кессика, с тобой или без тебя. Скажу прямо, с тобой лучше, но не хотелось бы, чтоб ты совсем спятил. Дело не только в том, чтоб завалить ублюдка, который вырвал мой глаз. У меня терь есть команда, и я не

собираюсь терять никого из них.

Танкуил видел сон. Его зрение раздвоилось, и он видел одновременно и каюту на "Ложной Надежде" и старый амбар в Чаде. Это был тот самый амбар, который он купил больше года назад, и он уже знал, что будет дальше.

Он вошёл в амбар через трухлявую дверь, которая представляла собой несколько сколоченных вместе досок и даже не подходила к косяку. Он был ранен: дюжина мелких повреждений, в основном оставленных стражниками Чада, но два, включая самое серьёзное, были подарками от Чёрного Шипа. Они столкнулись в особняке лорда Зхо и сражались. Танкуил видел месиво, в которое Шип превратил лорда Колта, но сейчас уже знал, что Шип тогда был ни при чём. Это один из убийц Дрейка Моррасса изуродовал жирного лорда, кто-то с бала.

Танкуил споткнулся и упал в старый ящик, прогнивший насквозь и пахнувший смертью. Он перекатился на спину и достал заклятье из кармана плаща — заклятье бессонницы, но оно ведь уже было на нём.

Чёрный Шип с любопытством смотрел на него с другой стороны каюты.

— Ты как там, Танкуил?

Танкуил кивнул, с трудом поднялся и захромал в сторону другого трухлявого ящика. Его котомка была спрятана внутри, там были нужные медицинские припасы, бинты и мази, чтобы обработать раны оставленные стражниками; раны, оставленные Чёрным Шипом.

— Я в порядке, — объявил Танкуил, хотя сильно в этом сомневался. — Просто устал.

— Ясно, — сказал Чёрный Шип, когда Танкуил принялся обрабатывать раны в амбаре, счищать воспалённую плоть и наматывать бинты на больные места. — Танкуил, мне нужно знать, что ты будешь выполнять приказы и делать то, что тебе говорят. Хорошо?

Танкуил фыркнул.

— Арбитр, исполняющий приказы Чёрного Шипа. — В амбаре Танкуил выкрикнул имя Джеззет, чтобы удостовериться, что здесь никого нет. Ему нужно было выполнить задачу, которую ей нельзя видеть, нельзя смотреть на то, что Танкуил собирался делать. В конце концов, он не хотел её убивать. — Ты за главного, Шип. В любом случае, у меня всегда было плохо с планированием.

Танкуил вытащил пустую полоску дерева и чернильницу, и тщательно нарисовал на пластинке три символа. Потом убрал чернильницу в котомку и встал, покачиваясь от потери крови. А потом, помедлив мгновение, он сломал пластинку напополам и бросил обе половинки на пол, где они запылали холодным синим пламенем.

Чёрный Шип выглядел озадаченным. Потом раздался лязг цепей.

Шип мгновенно вскочил на ноги, ошеломлённо глядя на Танкуила, с топором в пятипалой руке и кинжалом в трёхпалой. Он закричал, и остальные стали просыпаться. Мгновением позже Танкуил понял, что сон ему уже не снится. В комнате стало холодно и темно, казалось, мерцающий свет лампы давал всё меньше и меньше света, и Танкуил увидел пар от своего дыхания перед лицом.

Остальные быстро вскочили, как только между половинками сломанной руны начал принимать форму демон. Сначала это было пятно тьмы в темноте, потом оно стало принимать форму, жуткую шипастую форму, с головой размером почти с взрослого мужчину. Танкуил почувствовал, что меч на его бедре потяжелел.

— Чё эт за хуйня? — вскричала Рилли, когда глаза демона замерцали, оживая.

Танкуил по-прежнему не мог сдвинуться с места, застигнутый между сном и явью.

Потом демон заговорил.

— Я раскрыт, арбитр Даркхарт, — холодный скрежещущий шум, словно сталью по льду. Как раз то что нужно, чтобы вывести его из транса.

— Возвращайся в пустоту, — приказал он демону, надвигаясь на него.

Лицо демона склонилось в подобии поклона.

— Мы повинемся, — сказал тот пастью, полной зубов и сводящего с ума белого света, а потом исчез. Свет и тепло вернулись в каюту, Танкуил обнаружил, что напротив него шестеро очень сердитых, очень озадаченных, очень вооружённых охотников за головами.

— Чё эт была за хуйня?

— Ты можешь управлять этими тварями?

— Твою ж мать!

— Ёбаные охотники на ведьм.

И только Генри и хонин, Сузку, не принялись немедленно кричать на Танкуила. Он же не знал даже, кто что сказал, не говоря уже о том, что отвечать.

— Да, — сказал Танкуил всем и никому. — Это был демон.

— Пожалуй, эт я поняла, — сказала Генри тихим опасным голосом. — Припоминаю, как один такой откусил лицо Боссу. Припоминаю, как ещё несколько таких порвали целый гарнизон, а потом взялись за горожан Хостграда.

— Ага, — встрял Чёрный Шип. — А я припоминаю, как всю эту хуету повесили на меня. Так, гришь, эт ты вызвал тех тварей?

— Нет, — быстро сказал Танкуил. — Демонов в Хостграде вызвал Х'ост.

— Кажись, припоминаю, что и тогда ты приказал одной съебаться, — обвиняюще сказал Шип.

Танкуил поморщился.

— Да-а.

— Ну, — сказал Шип, шагнув вперёд и нависая над Танкуилом. — Пожалуй, самое время те рассказать, чё за хуйня тут случилась, и постарайся-ка обойтись без вранья.

Поэтому Танкуил всё им рассказал. Группе охотников за головами, которые сами не сильно отличались от преступников, и большую часть из которых он не знал. И он рассказал им самый грязный секретик Инквизиции. Рассказал им, как Вольмар вызвал первого демона, и как Бог впоследствии связал всех обитателей пустоты, заставив служить Инквизиции. Рассказал им, что демонов изначально использовали для доставки сообщений Инквизиции арбитрам на задании. Рассказал, что Кессик вселял демонов в людей с потенциалом. Он рассказал им почти всё, кроме той части, что он носит Миорзо, и о своих приказах на тот случай, если все другие средства потерпят крах.

Публика сосредоточенно слушала весь рассказ, включая и часть истории Инквизиции, и лишь изредка доносились цветистые ругательства, в основном от Рилли. Чёрный Шип молчал всё время, но взгляд его единственного глаза не отрывался от Танкуила, а лицо застыло мрачной уродливой маской.

— Ёбаные лицемеры, — выплюнула Рилли, стоило Танкуилу закончить.

— Чё? — проворчал Шип.

— Босс, это значит, что они не практикуют то, что проповедуют, — ответил Андерс. — Арбитры убивают людей за сношения с демонами, но сами они не лучше.

— Мы лучше, — заспорил Танкуил. — Демоны связаны с нами, они ничего не получают, выполняя наши приказы, поскольку у них нет другого выбора. — Аргумент, даже

на его взгляд, был слабоват.

— Ничё не понимаю, — сказал Бен. Он стоял в углу каюты, держа перед собой обеими руками тяжёлую стальную булаву, словно та одним своим видом могла бы отпугнуть демона, вздумай тот вернуться. — Я ни черта не понимаю во всей этой хрени с магией и демонами. Если ты можешь отдавать приказы демонам, то чё-ж ты просто не прикажешь тем, которых Кессик... уф...

— Вызвал, — добавил Перн.

— Точно. Тем, которых Кессик вызвал, чтобы они просто... убралась.

Танкуил покачал головой.

— Похоже, всё работает иначе, если демон вселился в тело. Они уже не управляются узами, которые их связывают.

— Цепями? — спросила Рилли. — Которые сделал Вольмар?

— Да.

— Шип, мы не отказываемся от дела? — спросила тихим голосом Генри. — Сдаётся мне, эт слегка выходит за рамки нашего опыта. Мы ж не охотники на ведъм, мы всего лишь охотники за головами. Я ни черта не знаю о том, как убивать демонов, и, судя по тому, что видела, лучше б так оно и оставалось. Мы сражались с людьми по всем Диким Землям, и ни у одного из нас за плечами не больше, чем несколько убийств, даже вон у Андерса. А тут демоны, охотники на ведъм, магия. Никто из нас на такое не подписывался. Видала я, чё те демоны могут, как и ты, и не охота мне помирать в бою, который не выиграть.

Маленькая убийца глубоко вдохнула и тяжело выдохнула.

— Я эт к тому... Ты главный, Шип, и мы с тобой заключили сделку. Ты помог мне пришить того охуйка, Шустрого, — она помедлила, и едва заметно кивнула Сузку, — а я помогу те убить Кессика. Похоже на то, что выбор за тобой. За остальных не скажу, а я пойду за тобой.

Чёрный Шип почесал обожжённую сторону лица и по очереди осмотрел каждого члена своей команды.

— Генри дело грит. Кажись, мы гонялись за Кессиком, не зная, с чем придётся столкнуться. Демоны, и к тому же дохрена, и хуй знает чё ещё. Ну, я-то всё равно в деле. — Он глянул на Танкуила. — Я уже давно заключил сделку, и сложно ожидать, что Танкуил выполнит свою часть, если я не выполню свою. А ещё я не прочь отплатить Кессику за то, что он со мной сделал. У вас есть выбор, так что пора его сделать, терь, когда вы видели, с чем мы будем драться. Генри своё слово сказала, и Андерс тоже с нами.

— Стойте. Что? Я не соглашался...

Шип взглядом заставил Андерса замолчать.

— А чё бы от тебя хотел Дрейк?

Андерс фыркнул.

— Да кому не насрать, чего хочет Дрейк...

— Самое умное, чё я от тя слышал, — оборвал его Шип. — Бен, ты всё ещё с нами?

Бен выглядел далеко не убеждённым.

— Хрен знает, босс. Демоны и всё такое. Я простой парень, и ничё не знаю, как со всем этим сражаться. Ты ещё не видел, чё делал тот арбитр, который гнался за тобой в Чаде, прежде чем я его свалил.

— Бен, я тя не заставляю.

— Да? Как думаешь, насколько высоки шансы помереть?

— Думаю, очень высокие.

— Ага, и чё сказал бы Джоан, если б я отпустил тебя одного.

— Думаю, он назвал бы тебя трусом, или ещё похуже.

Бен втянул воздух через зубы.

— Ну, если помру, то вернусь и буду за тобой охотиться.

— Справедливо, — с ухмылкой сказал Шип. — Сузку?

— В деле.

— Отлично. Рил?

Девушка шагала вперёд-назад в маленькой каюте, сильно нахмурившись.

— Я им не доверяю. Не доверяю ему, — она кивнула в сторону Танкуила. — Эти твари

— люди, одержимые демонами, и кто знает, какие у них сверхъестественные способности.

Как мы будем с ними сражаться?

— Я могу помочь, — вставил Танкуил. — Могу создать руны, чтобы зачаровать оружие, и тогда оно будет изгонять демонов.

— И мы должны тебе просто доверять?

Шип шагнул вперёд, встав между Танкуилом и Рилли.

— Ты должна доверять мне.

Рилли шагнула вперёд и уставилась на Шипа.

— А чё если я не доверяю?

— Хм, тогда, наверно, я сильно расстроюсь.

Несколько секунд стояла тишина, потом Рилли яростно крикнула и умчалась за дверь, громко ею хлопнув. Шип немного постоял, а потом обернулся к остальным.

— Наверно, это было "нет"? — спросил он.

Андерс пожал плечами, Бен рассмеялся, а Сузку промолчал. Танкуил решил не вступать в дискуссию.

— Шип, иногда ты просто ебучий идиот, — сказала Генри, направляясь к двери. — Я с ней проговорю. Верну её. Ей щас вроде как некуда податься, в нашем-то положении.

Генри вышла вслед за Рилли, только не так драматично, оставив в каюте лишь озадаченных мужчин.

— Так, хм, что теперь, босс? — спросил Андерс.

Чёрный Шип громко втянул воздух через зубы.

— Поспать надо, если сможете. До земли ещё несколько дней. До тех пор делайте, чё хотите.

Танкуил повернулся, чтобы вернуться к стене, у которой сидел раньше, но Шип схватил его за руку.

— Какого чёрта тут случилось? — спросил он. — Выглядело так, будто ты в каком-то, хм, трансе.

Танкуил фыркнул от смеха.

— Думаю, я наполовину спал, наполовину бодрствовал.

— Ты используешь заклятье от бессонницы?

Танкуил кивнул.

— Тогданими его и поспи. От твоего теперешнего состояния всем только хуже.

— Это не поможет, я...

— Эт не просьба. Считай приказом и поспи, блядь. Мы скоро будем в порту Верности, и нельзя, чтоб ты там носился и вызывал демонов повсюду.

Танкуил кивнул, отошёл к своей стене и сделал, что было велено. Он убрал заклятье бессонницы и уснул впервые почти за неделю. Он спал и видел сны о демонах.

Роза урчала. "Как кошка. Кокетливая, надоедливая кошка". Это было бы ещё ничего, если бы Роза флиртовала только с мужчинами — Джез в своё время и сама подобным занималась. Но Роза флиртовала и с мужчинами, и с женщинами, включая Джеззет. "Она, небось, и с лошадьми флиртует".

— Ты уверена? — Роза спросила это с лёгкой улыбкой на губах, не отрывая взгляда от Джеззет.

— Наверняка, — коротко ответила Джез.

— Ни разочка? — настаивала та.

— Наверное, я бы такое запомнила, а?

Роза снова заурчала.

— О-о, уж ты бы запомнила.

— Не возражаешь, если мы сменим тему? — спросила Джез таким тоном, чтобы это не было похоже на просьбу.

— Ты из-за меня чувствуешь себя неловко?

— Из-за тебя все чувствуют себя неловко. Чёрт, даже деревьям неловко, — сказала Джез. Деревья зашелестели в ответ.

Роза театрально вздохнула.

— Как хочешь, хотя думаю, большинство наших спутников слегка разочарованы. Кажется, они очень внимательно слушали.

— Ага, не сомневаюсь.

Роза была чрезвычайно привлекательной знойной женщиной. Все изгибы у неё были на месте, и к тому же она носила обтягивающий кожаный костюм для верховой езды, который их ничуть не скрывал. У неё были прекрасные симметричные черты лица, полные надутые губки и, как на зло, такие же тёмные волосы, как у Джез, только намного длиннее. Все мужики в их группе соперничали за её внимание, соревновались друг с другом и красовались, как могли. Большинство женщин в основном завидовали, дулись и бросали на неё мрачные взгляды, когда она на них не смотрела. Но Джез видела Розу насквозь: она видела женщину, которая хорошо понимала всех вокруг и использовала внимание окружающих как оружие. А ещё Джез насквозь видела кинжалы, которые Роза прятала под своим облачением, и, судя по её почившему братцу, и она знала, как ими пользоваться.

Они вели своих лошадей по небольшому лесу в южной части земель Д'роана. Джез хорошо помнила эти места. Спустя несколько месяцев после того, как она завоевала себе свободу, убила Катерину, Джеззет стояла лагерем к северу от этого леса с Д'роаном и его армией. Там случилась небольшая стычка: остатки старой бандитской шайки недооценили в темноте силы Д'роана и напали. Они застали армию врасплох и причинили немало урона, но как только солдаты организовались, то сразу наголову разбили бандитов и перерезали их всех. Джез стояла возле Д'роана и спасла ему жизнь, свалив четверых и напугав ещё троих. Потом она и лорд, чью жизнь она спасла, продемонстрировали друг другу страсти не меньше, чем показывали на поле битвы.

Джез терпеть не могла думать о тех днях. Д'роан держал её в заключении и насиловал, а потом она завоевала себе свободу и осталась с ним по своей воле. Самой мысли о том, кем она была раньше, сейчас хватало, чтобы разозлить её, а злость сейчас ей была вовсе не

нужна.

— А как насчёт Шипа? — спросила Роза.

Джез вздохнула и посмотрела на женщину. Роза поморгала в ответ.

— Нет.

— Тут ты определённо промахнулась. Видела бы ты, какой у него.

— Разве не он убил твоего брата?

— О да. И уж я его за это не раз отблагодарила, хотя мне и самой было приятно.

Джез отчётливо ощущала, что они снова в центре внимания всех тридцати членов их группы сопровождения. Но всё же она не могла не рассмеяться в ответ на хвастливые инсинуации Розы.

— Так что же ты работаешь на Дрейка? — спросила она.

— С Дрейком, — поправила Роза. — Я работаю с нашим добрым капитаном. Чада принадлежит мне, а не ему, но пока наши интересы и амбиции совпадают, не вижу никаких причин отказывать ему. У него отлично выходит получать то, что он захочет, и кое в чём он определённо весьма талантлив.

— Как именно совпадает доставка меня Кессику с твоими интересами? — прямо спросила Джез.

Роза пожала плечами и тряхнула головой, так что её чёрные, как ночь, волосы заколыхались.

— Он просит меня об услуге, а я в свою очередь прошу его об услуге такой же ценности. И к тому же у меня было свободное время, и я не могла упустить предложение встретить тебя и насладиться твоей компанией.

— Ясно, — сказала, фыркнув, Джез. — Надеюсь, я оправдала твои ожидания.

Роза надула губки и вздохнула.

— Ты пока немного сурова.

Джез искоса глянула на Розу.

— Вот именно, — сказала та, улыбаясь.

— Не думала, что меня тут кто-нибудь знает. В прошлый раз, как я здесь проезжала, никто обо мне не слышал, а теперь магистрат Чада с нетерпением хочет составить мне компанию.

Роза гортанно рассмеялась.

— О тебе все слышали, Джезет Вель'юрн. Мастер Клинка. Женщина, которая убила Кровавого Ангела и в той же дуэли выколола глаз Мертвоглазой. Не говоря уже о том, что после убила её там, где она была сильнее всего. Может, вся слава за резню в Хостграде и досталась Чёрному Шипу, но всем отлично известна и твоя роль в этом деле. Д'роан любит хвастать о том, сколько раз он имел тебя. Этот человек совершенно несносен.

— Ты и понятия не имеешь, насколько.

— Он неподалёку, — сказала Роза, неожиданно холодным голосом. — Уверена, Дрейк не будет возражать, если мы сделаем небольшой крюк, чтобы нанести визит Д'роану.

Джез сплюнула.

— И зачем нам это?

Роза улыбнулась, словно волчица, показав все свои белые зубы.

— Могли бы убить его.

Джез быстро посмотрела на женщину и пришла к выводу, что та говорит серьёзно. "Начинаю понимать, почему Дрейк поставил её во главе Чада. Я встречалась со

смеющимися собаками, которые были менее безжалостными".

— Думаю, я буду счастлива, если больше никогда не увижу Д'роана. Пусть бахвалится, если считает, будто есть чем. Танкуила ведут к Кессику, так что чем быстрее мы туда попадём, тем лучше. И что ты имела в виду под словом "сурова"?

— Ну, что-то вроде этого, — сказала Роза, надув губки и изобразив недовольную гримасу. — Я-то ожидала, что когда ты рядом, постоянно будет что-то захватывающее. Приключения и отважные эскапады. Должна признать, я несколько разочарована.

Джез пригнула голову под низкой веткой дерева.

— Как жаль тебя разочаровывать. Я-то думала, что тебе хватает веселья, раз приходится управлять Чадом и следить, чтобы никто не ударил в спину.

— Хм-м-м? Думаю, Чад несколько изменился с твоего последнего визита, Джеззет. Я всех держу в узде — это немного скучно, но зато нет разногласий и намного больше порядка. В спину мне в основном никто не бьёт.

— И как тебе это удаётся?

— За счёт уничтожения конкуренции. Ко времени, когда почил мой братец — а это случилось как раз вовремя, — он владел половиной города, а второй половиной владел Дрейк. Будучи единственной наследницей громадного состояния своего брата, я взяла город под контроль после того, как Дрейк отдал мне свою половину. И теперь больше нет никаких ударов ножом, и никакого совета. Только я во главе всего.

Джез фыркнула.

— Звучит скучно.

— Да, — согласилась Роза. — Так оно и есть. Очень похоже на проституцию, только далеко не так честно.

С этим Джез могла согласиться. Возможно, проституция — единственная честная профессия, оставшаяся в Диких Землях, а ещё она была одной из немногих, которыми сама Джез отказывалась заниматься. Она пользовалась сексом для развлечения, и чтобы выйти из потенциально смертельных ситуаций, но никогда ради денег.

— Так что же ты не переспала с Дрейком, когда был такой шанс? — спросила Роза невинным тоном. — Уверяю тебя, это производит впечатление.

Джез поёрзала, чувствуя себя неуютно.

— Потому что я с Танкуилом.

— С арбитром? — сказала Роза, оглядываясь. — Что-то я его здесь не вижу.

"Как и я".

Джез потёрла деревянное кольцо на пальце.

— Что делает его таким особенным?

Джез промолчала, а её мысли вернулись к Танкуилу. Она скучала по нему, как по части себя. Он не давал ей сходить с пути истинного и больше защищал её от себя самой, чем от кого-то ещё. И всё же, Джез чувствовала опасность, когда была с ним — словно от змеи, которая свернулась в темноте и ждёт, когда ударить. Он возбуждал и утешал, защищал и пугал её, и отлично знал, как сделать её...

— О, я понимаю, — сказала Роза, ухмыляясь до ушей, и только что не сияя. — Ты его любишь.

— Чего?

— Это странное чувство, не так ли? Неопишуемое, и в то же время такое тёплое и приятное, возбуждающее и... Однажды я его испытала.

— Правда? — слишком быстро спросила Джек, желая увести разговор от себя и от своих чувств. Она и себе-то не готова была признаться, что чувствует, не говоря уже о ком-то ещё.

— М-м-м. Был один парень по имени Фей, в Биттерспрингсе. Он был молод, страстен и отлично умел работать языком. — Роза подмигнула Джек. — Начал он с того, что покупал время со мной так часто, как только мог себе позволить — раз в неделю или около того. Вскоре он начал грабить людей, приезжавших на воды, только чтобы ему хватило денег заплатить за меня. Было время, когда он приходил каждый день, и иногда мы даже не трахались. Просто наслаждались компанией друг друга, разговаривали, а он держал меня за руку.

— И что случилось? — спросила Джек, удивившись, что ей искренне интересно.

— Моя мать случилась. Убила Фей на улице. Выпотрошила его, как рыбу. Пыталась, чтобы всё выглядело, как несчастный случай — вроде как просто ограбление закончилось неудачно для вора. Но она ведь сама меня тренировала, и я отлично знала, как она работает, поэтому разглядела в этом её руку. Тогда я ничего не могла поделать: она держала магистрата за его скукоженные яички, да и кому было дело до одной мёртвой помойной крысы, как и до меня... Я иногда скучаю по нему, даже сейчас. У тебя также с твоим арбитром?

Джек не ответила. Она смотрела в редяющий лес, освещённый лучами яркого утреннего солнца, и вспоминала, как в таком же лесу на неё напали. Вспоминала о времени, когда ей приходилось сражаться за свою жизнь, забывая все прочие размышления. Ей отчаянно хотелось, чтобы кто-нибудь напал на них прямо сейчас.

Рилли шумно жевала куриную ногу, или по крайней мере то, что выглядело, как куриная нога. Танкуил ещё не видел этих птиц в Диких Землях, но, судя по остальной фауне на этом континенте, они должны были быть похожи на кур, только намного, намного больше. Размер местных животных его всегда поражал — в Сарте самым большим зверем была домашняя тягловая лошадь, но даже самые крупные из них бледнели в сравнении с некоторыми животными, бродившими по просторам Диких Земель.

— Так и чё ты с ними сделал? — спросила девушка с набитым жареным мясом ртом. Ошмётки непрожёванной курицы упали на стол.

— Ничего. Просто отпустил их. Нет смысла убивать людей, которые ничем этого не заслужили.

— Я уверен, они были за это очень признательны, — встрял Андерс с другой стороны стола. Перед ним стояли две пустые пивные кружки, а третья покачивалась в его руке, и Танкуил точно знал, что тот сегодня по меньшей мере дважды опустошил свою фляжку. — В конце концов, со злом были связаны их дети, а родители были всего лишь невинными свидетелями во всём этом деле.

— Я посчитал, что они невиновны в ереси своих детей.

— Как великодушно. Они вас поблагодарили?

— По-моему, он поступил правильно, — сказала Рилли, махая половиной куриной ноги перед Андерсом. — По крайней мере, у него есть сила духа хоть что-то сделать.

Андерс фыркнул в своё пиво, отчего тёмная пена выплеснулась за край оловянной кружки.

— Моя дорогая, в своё время я встречал множество разных убийц...

— Да ты, видать, стареешь.

— И никогда не встречал убийцу, вызывающего такое же отвращение, как праведный убийца. К слову сказать, вы чудесный человек, и просто счастье находиться в вашей компании. Пожалуйста, не сжигайте меня.

Танкуил не мог не рассмеяться. Чёрный Шип оставил его в компании Андерса и Рилли в сомнительной местной таверне, пока остальные члены команды охотников за головами отправились в давнюю погоню отъявленного убийцы и насильника, известного под именем Дикий Расчленитель. Прозвище не было оригинальным, и обвиняемая его не заслужила, но она сама так себя называла, криво вырезая грубые буквы на жертвах. Пока у команды не было доказательств, что они закончили дело, но все, похоже, знали, что Шип гнался за Диким Расчленителем возле городка под названием Обретённые Небеса, и после непродолжительной погони убийца *претерпела экстремальное внутреннее и наружное кровоизлияние* — из этих слов Андерса Танкуил понял, что Чёрный Шип вонзил в неё топор.

Они были в нескольких неделях пути от Абсолюции и Кессика, и Танкуил уже чувствовал, как крутит его внутренности. Он не знал численности еретиков, не знал, сможет ли их маленькая команда подобраться на расстояние удара, и не знал, хватит ли у него храбрости и сил исполнить план инквизитора Вэнса, если не удастся убить Кессика. В плане было больше "если", "но" и "может быть", чем бегущих с тонущего корабля крыс, но на кону, если он проиграет, стояло слишком многое. Одно дело несколько еретиков внутри Инквизиции — но Кессик собирал армию демонов в человеческом обличье, и стоит ему

утратить контроль, как эта армия разбежится по миру, неся неисчислимые разрушения. Только Инквизиция могла справиться с такой угрозой, и хоть средства у неё и были, но Танкуил уже сомневался, что совету хватит силы духа на такой бой.

— Знаете, а мы с вами могли бы сработаться, — пробубнил Андерс Танкуилу с другой стороны стола. Его глаза были прикрытыми, но при этом лихорадочно яркими, и он указал на Танкуила четырёхпалой рукой, мизинец которой оканчивался маленьким обрубком.

Танкуил в ответ просто прищурил глаза, отчего пьянчуга ухмыльнулся.

— Я наблюдал за вами, мой дорогой, и заметил, что вам нравится... — он приглушил голос до хриплого шёпота, — брать вещи, которые вам не принадлежат. А я ведь и сам довольно искусен на этом поле самообеспечения. Возможно, нам стоит сотрудничать?

Рилли втянула через зубы воздух и сплюнула на стол косточку.

— Шип ты может и не понимает, когда ты бросаешься своими чудными словечками вроде этих, но я-то, блядь, всё понимаю, а Шип сказал, не привлекать внимания.

Андерс жеманно улыбнулся.

— Моя дорогая, с таким курьёзным лицом, как у тебя, и ртом, красноречивым, как ночной горшок, ты привлекаешь столько внимания, что нам за тобой ни в жизнь не угнаться.

— Отъебись.

— В точности, что я и имел в виду. И к тому же, чего босс не знает, то... а?

Танкуил покачал головой.

— Сомневаюсь, что хочу принять участие в таком упражнении, Андерс, — он помедлил. — У меня есть чувство, что я тебя раньше встречал.

Пьяница побледнел.

— Ну, мы просто провели немало времени в тесном контакте на борту корабля, в каюте размером с уборную. К тому же я слышал, что все чистокровные похожи. Ярко выраженное строение лица, наверное. А теперь один из них в основном занимается искусством подбирания вещей, которые, в самом строгом смысле этого слова, ему не принадлежат. И не последним стимулом здесь является возможность увеличения его денежных запасов. Я легко могу в одиночку потратить безмерную сумму денег в изумительно короткий срок. — Он наклонился над столом и ещё сильнее приглушил голос. — Трата денег — моя специализация.

— Вот чё ты Шип к казне не подпускает, — сказала Рилли с самодовольной ухмылкой.

Андерс пьяно кивнул.

— И босс совершенно прав, настаивая на такой предосторожности. Однако это оставляет мне затруднительную необходимость обеспечивать очень дорогостоящую привычку, на приобретение которой у меня ушло немало времени.

Рилли бросила испепеляющий взгляд на Танкуила.

— Андерс имеет привычку получать тумачков.

Пьянчуга фыркнул.

— И куда хуже того. За время после первой встречи с боссом я претерпел больше повреждений, чем за все предыдущие годы моей жизни вместе взятые. И многие из них получены от этой маленькой мегеры.

Рилли показала ему язык.

— А нечего было трогать меня, пока я спала.

— Ты ведь не жаловалась, когда не спала. На самом деле совсем наоборот, так почему такая мелочь, как состояние твоего сознания, должна иметь какое-либо значение? — Рилли

открыла рот для ответа, но Андерс продолжил: — И к тому же не на эту привычку я ссылаясь. Я о выпивке, милая девочка. Алкоголь.

— Не откажусь от парочки, — согласилась Рилли.

— Именно. Пьяная ты куда сговорчивей. Как, могу вас заверить, и я.

Танкуил рассмеялся и вытащил из кармана серебряную монету.

— Вырубайтесь.

Андерс широко ухмыльнулся и стрёб монету ладонью.

— О-о, я намерен попробовать.

И Рилли и Андерс оказались великолепными собутыльниками, но, в отличие от девушки, Танкуил не пытался перепить Андерса. Он с радостью напивался, искренне надеясь, что это избавит его от снов о демонах, но не собирался набираться до полной потери самоконтроля. Неконтролирующий себя арбитр грозит катастрофой, особенно арбитр, находящийся под губительным влиянием демонического меча. И Танкуил не сомневался, что в какой-то мере находится под этим влиянием. Его сны были тому доказательством. Он сомневался, что выпивка сработает, но по крайней мере, весело было попробовать.

Они втроём обменивались историями, остротами, и, в случае с Андерсом и Рилли, многозначительными взглядами. Их отношения были очевидными, если не навязчивыми, и странным в них казалось лишь то, что Андерс вдвое старше Рилли. Конечно, не Танкуилу было выступать на этот счёт — ведь Джеззет его почти вдвое младше, хотя с виду и не скажешь. Его вера и магия Вольмара давала ему возможность стареть медленнее, как и всем арбитрам.

К тому времени, как вернулись Чёрный Шип с командой, Рилли уже сидела у Андерса на коленях, нащёптывая ему на ухо и иногда поёрзывая. В свою очередь Андерс изо всех сил старался игнорировать девушку и продолжал рассказывать историю о том, как однажды сбежал с осады Ясной Погоды — маленького портового поселения на пиратских островах — спрятавшись в сундуке.

— ... И конечно я тщательно зарылся под грудой дамских платьев. Не знаю точно, почему пираты решили взять тот сундук, но должен сказать, я рад, что они так поступили. Я предпочитаю выжить, чем сгореть в восставшем городе. Но, скажу я вам, я напугал их до полусмерти, когда они открыли сундук на своём корабле.

Андерс затих, когда Шип уселся за стол, но Рилли не обратила на них никакого внимания, продолжая покусывать ухо пьяницы. Бен со смехом подставил стул, а Генри села напротив Танкуила, выразительно пожав плечами кивнув в сторону остальных. Танкуил тоже пожал плечами, и Генри ухмыльнулась. Он не переставал изумляться, как эта женщина изменилась — ведь раньше она была маленьким сердитым клубком ненависти и убийства, открыто ненавидела охотников на ведьм, и однажды пыталась пырнуть Джеззет на мосту через реку Йорл. Хонин не стал садиться — Сузку встал за спиной Генри, и она едва заметно улыбнулась ему из-под своей шляпы.

По таверне пошёл тихий шёпот, и многие взгляды обернулись к ним. Похоже, жителям Дальнего Поста было известно о присутствии Чёрного Шипа в их городке.

— Вы двое закончили? — спросил Шип.

Андерс прочистил горло, но Рилли глянула на босса через плечо.

— Для тя, Шип, чё угодно, — пробубнила она, сползла с коленей Андерса и подошла вокруг стола к Чёрному Шипу. Здоровяк схватил её за плечо и заставил сесть на стул рядом с

собой. Она надула губы и ничего не сказала.

— Танкуил, я тя тут оставил с ними, чтоб не давать им влезть в неприятности, — ухмыляясь, сказал Шип. Танкуил в ответ лишь помахал своей кружкой. — Ну ладно. Я б тоже не отказался выпить.

— За мой счёт, — сказал Бен Шесть Городов и вскочил, направившись в сторону толстого бармена с лицом, как поросычья задница.

— Хорошие новости и плохие, — сказал Чёрный Шип. — До Абсолюции недалеко, и поедем отсюда напрямки. Завтра утром соберём припасы в дорогу и к восходу солнца выедем. Эт хорошие новости. Но мне удалось перекинуться словечком с мужиком, который с месяц назад проезжал через Абсолюцию. Грит, там нынче народу — сотни, как раньше, а то и больше. А ещё грит, все они ненормальные. Страшные, так он их назвал. Неестественно тихие, и некоторые вдобавок спятили. Звучит похоже на одержимых?

Танкуил медленно кивнул.

— Возможно.

— Ну, Танкуил, нас семеро против ёбаной армии — и эт не похоже на хорошие шансы. Пожалуй, план бы нам не помешал, если мы туда отправимся, и припоминаю, что твои-то планы обычно больше похожи на самоубийство.

Танкуил фыркнул.

— В Хостграде мы все выжили.

— Босс не выжил, — сказала из-под шляпы Генри, и гигантское перо ярко-синего цвета закачалось.

— Он был мёртв ещё до того, как мы прибыли в Хостград, только ещё не знал об этом. И в Сарте ни один не умер.

Шип похлопал по повязке, закрывавшей левый глаз.

— Но ты же не умер! — отметил Танкуил.

— Всё равно. Пожалуй, Танкуил, этот план надо разработать потщательнее, а не как у тя обычно выходит.

Бен подбежал к столу без выпивки в руках, но с мрачным выражением на лице.

— Беспорядки на главной улице города. Человек в робе игнорирует стражу. Босс, похоже на шанс заработать денег.

Шип кивнул и громко засопел.

— Возможно. Пожалуй, можно выделить на это время. Пойдём, посмотрим. — Он повернулся и посмотрел на Танкуила. — В небольших городках, вроде этого, где лишь грязная дорога да несколько зданий, стражники на самом деле не привыкли разбираться с настоящими проблемами. И люди вроде нас могут помочь им и заработать немного монет.

Танкуил кивнул и присоединился к остальным, направившись к дверям таверны.

— Припоминаю время, когда ты сам начинал такие неприятности.

Шип фыркнул.

— Чёрт, а уж вы-то, охотники на ведьм, никаких проблем не причиняете.

Как и сказал Шип, главная улица Дальнего Поста была всего лишь грязной дорогой, чуть шире других грязных дорог, и ездили по ней чуть чаще. Твёрдые доски приземистых уродливых зданий, стоявших по обе стороны от дороги, скреплялись лишь ржавыми гвоздями и полным пренебрежением к безопасности. В отличие от большинства мест Диких Земель, в которых побывал Танкуил, в Дальнем Посту не было стен — Д'роан разбирался в своей провинции с бандитами в обмен на грабительские налоги. И хотя народ этому не

очень-то радовался, но всё равно платил. Лучше заплатить, чем рисковать попасть под гнев лорда и обнаружить, что тот же самый человек, который тебя защищает, обчищает тебя до нитки.

Люди выглядывали на крылечки своих домов, магазинов и местного борделя. Танкуил и команда Шипа вышли из таверны не первыми, и им пришлось проталкиваться на свободное место на крыльце таверны, хотя вид Шипа и Сузку, возвышавшихся над всеми, заставлял большинство народу слинять в поисках местечка поспокойнее.

Ночь была светлой, светили бессчётные звезды и луна размером едва ли не с солнце. У каждой двери висели бессмысленные фонари, не дававшие почти никакого дополнительного света, но люди их всё равно вывешивали. На свет слетались насекомые, и Танкуил предположил, что ради этого их и вывешивают.

По центру улицы медленно, спокойно и никому не угрожая, шла одинокая фигура ростом с Шипа и одетая в длинную, толстую, чёрную робу. Лицо полностью скрывали тени. Вокруг фигуры сновали вооружённые стражники, которые грозили оружием, приказывали человеку остановиться и назвать своё дело, или развернуться и уйти. Фигура продолжала молчать и не останавливалась.

— Не понимаю, почему стражники так напуганы, — сказал Танкуил.

— Люди не любят неизвестного, арбитр, — громко сказал Шесть Городов. Он так сделал, подозревал Танкуил, чтобы все вокруг знали, что тут охотник на ведьм. Возможно, такое знание кого-то и успокоит, но Танкуил так же подозревал, что из-за этого всё могло стать и куда хуже.

— А ещё люди не любят людей в робах, — сказала Генри. — Нервничают из-за них.

Фигура в робе продолжала идти, направляясь точно вдоль улицы, и казалось, будто весь городок вышел посмотреть. Один из стражников, самый храбрый или самый глупый, бросился вперёд перед фигурой, размахивая коротким ржавым мечом. Он глянул под капюшон, резко споткнулся, бросил меч и со всех ног умчался прочь. Храбрый глупый стражник не остановился, пока не скрылся из вида, а фигура в мантии продолжала идти.

Танкуил и команда Шипа наблюдали, как из борделя вышел величественный мужчина в выцветшем мундире цветов семейства Д'роанов и уставился на идущую фигуру.

— Капитан стражи, — с презрением сказала Генри.

Танкуил посмотрел на маленькую убийцу.

— Он уже внушает мне уверенность.

Генри рассмеялась, и заговорил Шип.

— Этот бесполезный болван может попробовать драться, а может попробовать найти добровольцев. В любом случае, думаю, мы тут пару монет заработаем. Парень в мантии идёт так, будто знает, чего хочет.

— С чего ты взял, что это "он", — проговорила заплетающимся языком Рилли, покосившись на фигуру на дороге. — Много ты знаешь, эт, блядь, может оказаться и деваха.

Шип даже не взглянул на пьяную девушку.

— Единственная известная мне женщина такого роста померла в Хостграде, и если Мертвоглазая вернулась из могилы, то наверно нам придётся поверить, что и сам ад следует за ней.

— Стой! — крикнул капитан стражи, не приближаясь к фигуре в мантии. — Я сказал, **СТОЙ!**

Танкуил отметил, что один ботинок мужчины расшнуровался, а на его щеке виднелось

пятно от женской помады. У него был прямой нос, как лезвие ножа — свидетельство недостатка опыта, по мнению Танкуила, — и редущие волосы, зализанные назад. Старый меч, который, вероятно, вынимался лишь для церемоний, стучал в ножнах на боку, а ремень, на котором он висел, был расстёгнут.

— Ставлю две монеты на робу, — сказал Танкуил.

Чёрный Шип хрипло рассмеялся. Человек в робе остановился и посмотрел прямо на них.

— Хорошо, — сказал капитан стражи и оглянулся на собравшихся горожан. — Сим приказываю вам назвать ваше дело.

Человек в мантии поднял руку и указал в сторону команды Чёрного Шипа. Шип молча шагнул вбок, и палец последовал за ним.

— Наш друг? — спросил Бен Шесть Городов.

Шип фыркнул.

— Думаю, все друзья, что у меня есть, по эту сторону пальца.

— Тогда враг?

— Их у меня немало. Большинство не стало б утруждаться тыкать в меня, или в мою сторону уже летел бы клинок.

— Цвета этого безумны, — сказал сзади Сузку. — Я вижу кружащийся вихрь эмоций без конца и без ограничений.

Некоторое время все молчали.

— Философская херня, — пробубнила Рилли.

Капитан стражи посмотрел в их сторону.

— Таверна? Что ж, тогда всё в порядке. Мы здесь не любим проблем, так что пока...

Фигура в мантии проигнорировала капитана и направилась в сторону Чёрного Шипа. Капитан, явно неверно оценив ситуацию, совершил главную и последнюю ошибку в своей жизни. Он схватил фигуру в робе за руку. Тот мгновенно вывернул руку, развернул капитана стражи и ударил. Раздался тошнотворный хруст, когда кулак коснулся шеи, и тело капитана стражи рухнуло на грязную улицу, а голова выгнулась явно намного сильнее, чем сидела при жизни.

Танкуил услышал вздох Чёрного Шипа:

— Ой, бля.

Когда первое потрясение прошло, ещё три стражника бросились на человека в робе. Первый подбежал к нему сзади, держа меч перед собой, словно копье. Человек в робе спокойно и плавно уклонился вбок, подставил стражнику подножку, и тот рухнул на землю рядом с безжизненным капитаном.

Второй стражник набросился с топором дровосека, и махал им так, словно использовал по прямому назначению. Фигура в робе на полпути перехватила древко топора, вырвала из руки стражника, повернулась, завершив круг, и срезала голову владельца топора его собственным орудием.

Шип тихо присвистнул. Танкуил глянул в его сторону.

— Чего? Нелегко срубить голову одним ударом, вот и всё.

Третий стражник споткнулся и предпринял тактическое отступление. Человек в робе шагнул к первому мужчине, который всё ещё барахтался в грязи, схватил его за ногу и, закричав, подбросил на двадцать футов вверх и футов на тридцать в сторону таверны. Крик оборвался глухим ударом, когда мужчина стукнулся об здание. Потом донёсся ещё один

удар, и звук чего-то тяжёлого, катящегося по навесу над крыльцом. В конце концов, тело стражника свалилось и упало на землю прямо перед командой.

— Ну ладно, — спокойно сказал Шип, перешагивая через изломанное тело стражника и выходя на улицу. Остальные члены команды чуть помедлили, а потом последовали за ним. Танкуил, не зная, что делать, неохотно пошёл следом. Его разум всё ещё пытался оценить силу фигуры в робе.

— Демон, как думаешь? — проскрежетал Шип, когда его команда рассредоточивалась вокруг человека в робе.

Из-под капюшона фигуры в робе исторгся жуткий гогот. Потом медленно поднялись руки и откинули капюшон назад. Лицо человека было покрыто татуировками — неразборчивые письмена сплошь покрывали его кожу. Челюсть слегка скошена вбок, глаза тёмные и не отражающие света, на правой стороне головы копна светлых волос. Танкуил ощутил странное чувство узнавания.

— Это он, — сказал Бен Шесть Городов, и его голос был холоднее льда. — Этот хуй убил Джоан.

— Ага, — пробормотала Рилли рядом с Танкуилом. — И моего папашу тоже он убил. Чёрный Шип сдвинулся, чтобы встать перед Рилли и оглянулся на Танкуила.

— Он один из ваших. Охотник на ведьм, вроде тебя.

— Бет его нипочём бы не отпустила, — сказал Бен. — Наверно, он её убил.

— Ты, небось, можешь с ним поболтать? — продолжал Шип, игнорируя Бена. — Может, убедишь его, что выгоднее сдаться.

— Уф...

— Какого хуя? — крикнула Рилли. — Ты хочешь болтать с ним? Не ты ли знаменит убийствами таких, как он?

— Печально знаменит, — объявил Андерс команде и был шумно проигнорирован.

— Рилли, — начал Чёрный Шип, повернув к девушке своё лицо. — Пожалуйста, хотя б разок, завали ебало. По правде говоря, я бы предпочёл, чтоб этот ублюдок не убивал никого из нас, особенно сейчас, когда мы не в полной силе.

— Чё?

— Ну, для начала ты надралась, как Андерс, вот тока, если он сдохнет, мне насрать...

— Спасибо, босс.

— И к тому ж, он невыносимо трезв, так что его мы ещё потерпим, а вот ты едва на ногах стоишь. Так что, если удастся выбраться без кровавой резни, думаю, мы на это согласимся. Хорошо?

— Ничё хорошего, — донеслось от Бена Шести Городов. — Он убил Джоан. Моего брата, твоего друга. И ты думаешь, я эт так просто спущу? Шип, да у тя крыша поехала.

Танкуил заметил, что охотник за головами держал в руке свою тяжёлую булаву наготове. И, похоже, он знал, как ей пользоваться. Танкуил также заметил, что Генри стоит позади Бена с обнажёнными кинжалами, сдвинув шляпу назад для лучшего обзора.

— Не хочешь ли отступить, Бен, — сказал Шип, и его голос был тёмен, как его имя. А Генри тем временем подкралась на расстояние удара ножом. — Пока я не сделал кой-чё, чего ты не переживёшь.

Бен нахмурился.

— Чё?

— Думаю, старина, он угрожает тебя поранить, — весело проговорил Андерс в свою

плоскую флягу.

Бен немного постоял, а потом чуть расслабился и сплюнул на грязную улицу.

— Ладно. Пускай арбитр болтает. Тока думаю я, что всё эт не закончится, пока тот кровожадный ублюдок не будет валяться носом вниз в луже своей крови.

Шип кивнул.

— Не сказал бы, что совсем не согласен с тобой на этот счёт.

Танкуил выдохнул, заметив, что задержал дыхание, и увидел, что татуированный человек наблюдает за ними с весёлой улыбкой.

— Давай уже, Танкуил, — сказал Чёрный Шип. — И постарайся не бесить его.

Танкуил двинулся вперёд и обнаружил, что на плечо ему легла большая рука. Она не держала его, а просто давала знать, что Сузку здесь. Он оглянулся на хонина, но тот пристально смотрел на татуированную фигуру на улице.

— Он нестабилен.

Танкуил подождал, пока Сузку продолжит, но скупой на слова хонин больше ничего не произнёс. Несколько секунд спустя Танкуил кивнул и пошёл дальше. Приближаясь, он не мог избавиться от ощущения, что уже видел раньше этого татуированного мужчину. Тот казался жутко знакомым, или быть может просто жутким. Татуировки определённо придавали ему угрожающий вид, от которого у Танкуила сводило зубы.

Он остановился в нескольких метрах от мужчины и пристально взглянул на него. Татуированный мужчина спокойно смотрел в ответ, не моргая, не говоря ни слова. Просто смотрел. Не только сам мужчина выглядел знакомо — его татуировки выглядели знакомо, письма были практически теми же самыми, что Танкуил использовал в создании заклятий.

Мужчина кивнул Танкуилу и собрался пройти мимо него. Осознание ударило Танкуила, словно бронированный кулак, зажавший горькие воспоминания.

— Джейкоб?

Татуированный человек остановился и снова посмотрел на Танкуила. Глубокие глаза, которые прежде были голубыми, теперь содержали лишь бесконечную тьму. И снова мужчина кивнул.

— Это я, Танкуил. Арбитр Даркхарт.

Тот снова кивнул и улыбнулся, продемонстрировав, что множества зубов у него не хватает.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Танкуил. Почувствовав удовольствие от бессильного принуждения.

Джейкоб Ли пожал плечами и указал пальцем на Чёрного Шипа. Танкуил глянул назад, на охотника за головами и на его команду.

— Тут какая-то ошибка, — запротестовал Танкуил. — Чёрного Шипа следует оставить в покое, и даже по возможности избегать. И к тому же, он мне помогает...

— Это вы помогаете нам, — услышал он бормотание Андерса.

— Мне пригодилась бы и твоя помощь, Джейкоб.

— Чё он грит, Танкуил? — крикнул Шип.

— Мало чего. Я его знаю. Он... старый друг.

Жители городка, переварив услышанное, зашумели, решив, что им совсем не нравится, когда поблизости два арбитра, и особенно когда один из них только что убил их городскую стражу. Один мужчина выкрикнул какие-то оскорбления охотникам на ведьм.

Танкуил развернулся и увидел, как мужчина средних лет с грязными волосами, связанными в хвост, наклоняется за камнем, который вполне можно было счесть и булыжником. Танкуил не терял времени даром, вытащил с пояса свой пистолет и угрожающе направил на мужчину.

— Предлагаю положить камень, развернуться и идти прочь, — сказал Танкуил самым командным голосом, какой только мог изобразить.

Мужчина замер с камнем в руке. Он немного подумал, а потом решил, что Танкуил не похож на тех, кто бросается пустыми угрозами. Или же он просто испугался смертоносного татуированного мужчину, стоявшего прямо за Танкуилом.

Тщательно осмотрев остальную собравшуюся толпу, Танкуил снова повернулся к Джейкобу. Тот смотрел на него своими тёмными глазами с выражением любопытства на лице. Танкуил не понимал, значило ли это, что Джейкоб впечатлён, или просто раздумывал о том, как пробить в нём дыру, а потом и во всех остальных в городе.

Глубоко вздохнув, Танкуил продолжил:

— Думаю, лучше всего нам уйти с дороги, Джейкоб. Нам о многом надо поговорить.

Джейкоб рассмеялся. Глубоко, искренне и ужасающе. Потом он открыл рот и продемонстрировал Танкуилу красный обрубок, который очевидно когда-то был языком, но теперь выглядел маленьким и сморщенным.

— Эх... Хм... Ну, пожалуй тогда мне придётся о многом рассказать, а тебе — выслушать.

И снова Джейкоб указал на Чёрного Шипа. Танкуил медленно покачал головой.

— Сначала мы поговорим. Я поговорю. А потом ты решишь, хочешь ты убить Шипа, или нет. — Танкуил пошёл по главной улице, и Джейкоб неохотно последовал за ним. Команда Шипа держалась на уважительном расстоянии. Он всё раздумывал, что сделал бы, если бы Джейкоб предпочёл убить Шипа.

Когда они отошли от города достаточно далеко, Танкуил уже не мог сдерживать любопытство. Он подошёл к Джейкобу и долго рассматривал татуировки арбитра. Те вились вокруг контуров его лица, изгибались над костями и заворачивались друг вокруг друга концентрическими узорами. И тут Танкуила мгновенно озарило.

— Это благословения, — сказал он, уже зная, что прав. Джейкоб всё равно кивнул. — Клянусь яйцами Вольмара. Они сделали из тебя тамплиера.

Джейкоб рассмеялся, пожал плечами и, в конце концов, покачал головой.

— Что случилось? — спросил Танкуил.

Джейкоб провёл пальцем по лицу, а потом закатал рукава рубашки и показал другие татуировки, покрывавшие его ладони и руки. Танкуил понял мысль — татуировки, скорее всего, покрывали всю кожу Джейкоба. Тамплиер указал пальцем на свою голову, а потом поднял обе ладони, словно держал что-то, и яростно дёрнул ими в разные стороны.

— Уф...

Джейкоб повторил это движение.

— Твоя, хм, голова взорвалась? Разум раскололся? Разум не выдержал?

Джейкоб кивнул и снова указал на свои татуировки, а потом опять повторил своё движение.

— Но ты выжил, — сказал Танкуил, обходя Джейкоба и осматривая татуировки, которые мог разглядеть. — Благословения всегда активны, хочешь ты того или нет?

Джейкоб кивнул.

Когда дело касалось заклинаний и проклятий, Танкуил считался одним из самых способных арбитров Инквизиции, но даже он мог сплести их не больше четырёх или пяти одновременно. Судя по всему, Джейкоб пропитался силой сотен благословений. Он и всегда был самым сильным арбитром Инквизиции, но теперь... теперь он стал тамплиером.

Танкуил присвистнул, изумившись изобретательности тех, кто проводил эксперимент. Когда-то тамплиеры были железным кулаком Инквизиции. До того, как мир очистили от колдунов и некромантов, до того, как выкосили друрров и загнали их под землю, Вольмар создал Инквизицию, собрав вместе людей с потенциалом, и обучил их вере и своей магии. Он сформировал ряды арбитров, как разведчиков и командиров, и тамплиеров, в качестве их войск. Постоянное истощение потенциала не давало тамплиерам использовать настоящую магию, но сила и возможности, которые они получали из благословений, делали их идеальной пехотой.

Вот только когда противники инквизиции были разбиты, побеждены, сломлены или уничтожены, тамплиеры стали не нужны. Они превратились в реликты, слишком могущественные, чтобы их отпустить, и слишком дорогие, чтобы содержать. Танкуил читал исторические тома, и знал, что последний тамплиер умер около двух тысяч лет назад. С тех пор описания того, как создавать таких воинов, были забыты и утеряны, но явно кто-то в Инквизиции захотел заново открыть, как создавать такие могущественные орудия. Танкуил не мог отделаться от мысли, знал ли бог-император об этой попытке и о Джейкобе.

— Тебя кто-то послал сюда? — спросил Танкуил. — Отправил за Шипом? За Чёрным Шипом?

Джейкоб кивнул.

— Кто?

Предсказуемое молчание.

— Совет?

Джейкоб поднял один палец.

— Инквизитор?

Джейкоб кивнул.

Это всё сильно усложняло. Не во власти Танкуила было отменить приказ инквизитора здесь или где-либо ещё. Он мог дать слово, что получит помилование для Чёрного Шипа, но прямо сейчас у него не было способа выполнить свою часть сделки. Не говоря уже о том, что он считал Шипа другом и предпочёл бы, чтобы Инквизиция его не допрашивала. Чёрный Шип, может, и был в ответе за смерть шестерых арбитров, но определённо не являлся еретиком.

— Джейкоб, послушай. Чёрный Шип не еретик.

Джейкоб пожал плечами.

— У тебя нет причин охотиться на него. Он и правда помогает мне, помогает Инквизиции.

И снова Джейкоб пожал плечами, увидел вдалеке Шипа и пошёл в его сторону. Танкуил быстро встал на пути тамплиера.

— Джейкоб, остановись, — Танкуил, говоря это, шёл задом наперёд, отлично понимая, что нет смысла пытаться остановить тамплиера физически. — Дело больше и важнее, чем просто приказ любого инквизитора. Ты слышал о том, что случилось между мной и инквизитором Герон?

Джейкоб кивнул, но продолжал идти.

Танкуил поднял ладонь.

— Джейкоб, выслушай меня...

Рука тамплиера дёрнулась так быстро, что у Танкуила не было времени среагировать. Джейкоб схватил его запястье и вывернул. Танкуилу ничего не оставалось, кроме как изогнуться самому, чтобы запястье не сломалось. Он упал на колени — рука вывернута, плечо вырывалось из сустава, и казалось, его пронзила вся боль этого мира. Джейкоб посмотрел вниз своими тёмными безжалостными глазами.

Следовало признать, тамплиер вёл себя мягко. Танкуил уже видел его силу и не сомневался, что пожелай Джейкоб, он уже выкрутил бы его руку из тела, но он просто её держал. Танкуилу удалось выставить другую руку, чтобы остановить практически наверняка самоубийственную попытку Шипа спасти его. Потом он схватился за своё правое плечо.

— Инквизитор Герон работала с двумя арбитрами, — прошипел Танкуил сквозь стиснутые зубы. — Кош мёртв, но Кессик выжил, и он здесь, собирает армию, чтобы закончить начатое Герон. Он вселяет демонов в людей и делает из них воинов, способных сражаться с Инквизицией.

Джейкоб отпустил Танкуила, и тот прижал руку к груди. Арбитр посмотрел вверх и увидел, что тамплиер смотрит на него прищуренными глазами.

— Это правда, — Танкуил с трудом поднялся на ноги и неловко шагнул назад, за пределы досягаемости Джейкоба. Хотя вряд ли это имело значение, с учётом того, как быстро тот мог двигаться. — Чёрный Шип помогает мне найти и убить Кессика и раз и навсегда положить конец его безумию. Джейкоб, мне нужна его помощь, и твоя тоже пригодится, но ещё мне нужно твоё обещание, что ты не станешь пытаться убить Шипа. — Танкуил сглотнул и сделал глубокий вдох. — Пожалуйста.

Джейкоб хранил молчание. Он стоял, прямой, как столб, слегка склонив набок голову, словно слушая какой-то отдалённый звук. Некоторое время спустя он нахмурился, вздохнул, посмотрел на Танкуила и кивнул.

Лёгкая часть осталась позади, теперь предстояло убедить Шипа принять сверхъестественного тамплиера, которому приказано его убить. Пока они шли к маленькой команде охотников за головами, Танкуил прокручивал в голове множество аргументов, и ни один из них ему не нравился. Он чувствовал, как в карманах дрожат руки.

— Ты убедил его, что выгоднее не нападать на меня? — спросил Шип, когда они приблизились.

Танкуил некоторое время осматривал команду, отметив, что Генри не хватает. Шип стоял с топором в руке и мрачным выражением на одноглазом лице. Андерс нервно глотал из плоской фляжки, теребя эфес своей рапиры. Сузку с виду был спокоен и уверен, как обычно, и ни намёка на эмоции не отражалось на его лице. Рилли и Бен Шесть Городов, казалось, вот-вот взорвутся — у обоих было оружие, и Танкуил не сомневался, что оба готовы им воспользоваться.

— Он согласился присоединиться к нам, пока мы не разберёмся с Кессиком, — сказал Танкуил. Его рука сжимала украденный ключ, хотя он понятия не имел, какой замок тот открывает.

— Ну уж нахуй, — вскричал Бен. — Лучше я прям шас пришью пиздюка.

Если Джейкоб и встревожился, то никак этого не показал.

Шип кивнул, игнорируя Бена.

— Думаю, нам стоит принять это предложение. Кажись, он знает, как драться, а нам эт

пригодится.

— ЧЕГО? — завопила Рилли. — Эт убийца моего отца! Хуя с два я буду с ним в команде!

Девушка бросилась вперёд с коротким мечом в руке, но Шип поймал её, развернул и сбил на пыльную землю.

— Вряд ли я позволю тебе помереть, Рил.

— Я и не помру. Мы можем победить его, все вместе.

— Ага, — вставил Бен. — Я его уже однажды побил. Оставил тот шрам на голове. И убил бы, да Бет хотела сделать это медленно.

Шип жёстко посмотрел на Бена.

— В прошлый раз те помогала маленькая армия, и этот арбитр перебил половину её, включая твоего брата. Точно грю, он тя легко, блядь, прибьёт, и думаю, такой человек мне нужен на моей стороне, когда мы выйдем против Кессика.

Рилли вскочила на ноги и плюнула в Шипа — смачная капля попала ему на плащ.

— Эт без меня.

— И без меня, — вставил Бен.

Шип глубоко вздохнул и кивнул.

— Думаю, эт и к лучшему. Пожалуй, он сто́ит больше, чем вы оба, и думаю, вам обоим лучше посидеть в Дальнем Посту, чтоб остыть и вспомнить, кто, блядь, здесь главный. Будете ещё здесь, когда мы вернёмся — добро пожаловать назад. Нет, так нет. До тех пор вы оба уволены.

Бен сплюнул и зашагал прочь, но Рилли открыла рот, чтобы возразить.

— Я сказал, ты уволена нахрен, тупая баба. А терь пиздуй.

Танкуил заметил блеск слёз на глазах Рилли, а потом она развернулась и побежала в сторону города. Он медленно выдохнул, оглянулся и увидел, что Джейкоб смотрит на это представление, и эмоций на его лице было не больше, чем у Сузку. Танкуил услышал шорох сапог по грязи позади и увидел Генри в нескольких шагах с двумя кинжалами в руках. Тамплиер лишь коротко глянул на неё.

— Просто меры предосторожности, арбитр, — сказала Генри, подмигнув. — Не знала ж, куда он ударит. — Она указала на Джейкоба.

Чёрный Шип громко засопел, подошёл к Джейкобу, оказавшись лишь на дюйм-другой выше, с расстояния удара посмотрел тамплиеру в глаза и кивнул. Джейкоб молча смотрел в ответ.

— Коль идёшь с нами, то исполняешь мои приказы, — сказал Шип, и его голос был холодным, как могила. — Хорошо?

Джейкоб моргнул, но больше никак не пошевелился.

— Когда разберёмся с Кессиком, если решишь, что меня всё ещё надо убить, тогда и сведём счёты. — Шип повернулся. — Если, конечно, мы оба выживем, — сказал он себе под нос. — Танкуил, на пару слов.

Они довольно далеко отошли в темноту, далеко за пределы слышимости и почти за пределы видимости. Оба молчали, и Танкуил воспользовался временем, чтобы подумать, какую кашу он только что заварил.

— Думаешь, ему можно доверять? — спросил Шип, останавливаясь глядя в небо на яркие мерцающие звёзды.

Танкуил пожал плечами.

— На этот раз. И, пожалуй, лучше доверять ему, чем с ним драться.

Чёрный Шип посмотрел на него сверху вниз.

— Приятно знать, что в этом мы сходимся.

— Ты отослал её не просто так.

Шип кивнул и откинулся назад, глядя на небо, словно ничего интереснее в жизни не видел.

— У меня плохое чувство, Танкуил. Ну, вроде как некоторые из нас это дело не переживут, может даже большинство. Девчонка и так уже вынесла больше, чем нужно, нет смысла к её проблемам добавлять и смерть. Пожалуй, лучше ей здесь побыть, безопаснее. А на тот случай, если кто-нибудь из нас выживет, она будет ждать. Насчёт Бена, правда, не знаю. Думаю, он присмотрит за девчонкой.

Танкуил решил заполнить тишину, пока разговор не зашёл о нём самом. Меньше всего ему хотелось думать о своих проблемах, а уж тем более говорить о них.

— Так почему ты решил этим заняться? Дело только в мести?

И снова Шип взглянул на него своим глазом.

— Прозвучало жутко похоже на вопрос.

И он не ошибся. Танкуил слабо улыбнулся и попытался не думать, почему ослабло его принуждение.

— Врать не буду, дать Кессик у сдачи было бы неплохо, но это не единственная причина. Дрейк Моррасс тоже хочет смерти этого ублюдка. Грит, Кессик для Диких Земель — всё равно, что гниющая рана. Нечасто такое бывает, но тут я с Моррассом согласен. Я у Диких Земель в своё время дохренища взял, и теперь, наверно, верну немного, пристукнув ублюдка, вырвавшего мне глаз. А ты, Танкуил, здесь только из-за приказов?

Шип достал из плаща маленькую фляжку, вытащил пробку, глотнул и передал её Танкуилу. Тот её поднял, но на полпути замер, услышав шёпот издалека — какой-то тёмный и жуткий голос на грани слышимости. Он коснулся меча на боку и хорошенько отхлебнул из фляжки. Передавая её назад, он мельком заметил Джейкоба вдали, который пристально смотрел в его сторону, снова склонив голову набок, словно слушая.

— Мне было дано задание искоренить ересь в Инквизиции. Раз Кессик выжил, значит, я потерпел поражение. А ещё он вырвал твой глаз.

— Ага, — сказал с ухмылкой Шип, глотнул и передал флягу обратно. — Вырвал.

Абсолюция. Таких уродливых пустынных куч пыли Джез в своей жизни повидала немало. Поселение окружали низкие деревянные стены, но их состояние было неважным, и всюду виднелись дыры. Местами в прорехи мог пройти даже взрослый мужчина, а в некоторых Джез могла проехать и на коне. Впрочем, не на своём — её животное охромело днём раньше, и теперь она ехала за спиной Розы. Теперь постоянно приходилось нюхать её аромат, и Джез не нравилось, как та тёрлась об неё. Некоторым женщинам такие штучки нравятся, но Джез явно была не из них.

По стенам Абсолюции не ходили патрули, и внутри не поднимался дым. Путешественники, торговцы или рабочие не входили и не выходили, и единственным признаком жизни были птицы, которые каркали со своих сторожевых постов высоко вверху. Единственная одинокая фигура сидела за столом перед главными воротами, но казалось, что этот человек дремал под полуденным солнцем, пока немалая свита Розы рысью приближалась к городу.

"Настоящая крепость. И как только Танкуил сможет сюда проникнуть?"

— Безлюдно тут вроде, — сказал один из охранников Розы.

Магистрат Чада неодобрительно цыкнула на него и недовольно надула губки.

— Внешний вид бывает обманчивым. Кессик здесь, скрывается от своих врагов и выжидает. Копит силы.

— Враги, — протянула Джез. — Похоже, их у него немало.

— Как и у всех нас. Я заметила, что врагов с годами становится больше... и морщин.

Джез фыркнула.

— Говори за себя.

Они остановились перед мужчиной за столом и подождали. Коническая соломенная шляпа скрывала его лицо, но Джез видела прямые белые волосы, связанные в воинский хвост и спадавшие по накидке цвета грязи. Рядом, в пределах досягаемости, лежал старый меч, ножны которого были потёрты и исцарапаны от постоянного использования. Джеззет почувствовала покалывающее чувство, которое часто у неё появлялось при виде воина. Чувство, что этот человек опасен, и ей хотелось проверить, насколько именно.

Меч Севера однажды сказал ей, что Мастерами Клинка не становятся, а рождаются, и сам он постоянно доказывал это, бросая вызов всем и каждому, просто чтобы проверить свои способности. В то время Джеззет этого не понимала. Она решила, что он спятил и испугалась его. Сейчас всё было иначе, она держала свой страх на поводке и понимала его мотивы, хотя и до сих пор у неё не было и тени сомнения, что Мечу Севера она не ровня.

"Пока".

Роза соскочила с лошади, оставив Джез одну, и очень осторожно приблизилась к мужчине.

— Мы прибыли на переговоры с Кессиком. Я привезла подарок от Дрейка Моррасса.

Медленно, очень медленно мужчина вытянул левую руку, выпрямил один палец и приподнял свою странную соломенную шляпу, только чтобы приоткрыть глаза. Он был старым, седовласым, и его лицо было обветрено и покрыто шрамами. Его белая бородка была аккуратно пострижена, и он вяло жевал маленькую коричневую палочку. Старик бросил ленивый взгляд карих глаз на каждого члена группы, а потом пожал плечами,

опустил руку, и шляпа снова скрыла его лицо.

Роза эффектно выгнулась и вздохнула.

— Так мы просто... войдём?

Тишина.

— Хорошо. Приятно было с вами познакомиться.

Роза махнула рукой своим людям и пошла в ворота Абсолюции. Внутри им открылся призрак города. Джеб бывала в таком количестве мелких грязных поселений Диких Земель, что и не счесть, и все они выглядели одинаково. Абсолюция выглядела в точности такой же, только безлюдной. Приземистые здания, построенные из дерева, обветренные, ветхие и заброшенные. На пыльных улицах обычно хлюпало от грязи и экскрементов животных, но здесь их не было, зато пыли имелось более чем достаточно. Вывески над магазинами и тавернами качались на ржавых петлях, тёмные дверные проёмы не казались гостеприимными. Это был не первый город-призрак, из тех, что видела Джебзет, но, пожалуй, самый зловещий.

Неожиданно она почувствовала потребность слезть с лошади, соскользнула с неё и быстро подошла к Розе. Настроение магистрата в кои-то веки не было хорошим, и Джеб не могла её винить. Этот городок вызывал какое-то чувство, и не из приятных. Словно насекомые ползают по коже. Джеб содрогнулась.

— Не пойми меня неправильно, — Роза осматривала здания в поисках признаков жизни, — но я очень рада, что я не ты.

— Хм?

— Я ведь просто оставлю тебя здесь и съебусь отсюда, — Роза бросила на Джеб извиняющийся взгляд. — А тебе придётся остаться.

— Спасибо за сочувствие.

— Угу.

— Ты обратила внимание, что за нами наблюдают? — спросила Джеб, заметив блестящие глаза, пристально смотревшие из окна наверху.

— Я ещё всё думала, что это за чувство, — сказала Роза дрожащим голосом. — Я-то надеялась, это ты снова пялишься на мою задницу.

Джеб фыркнула.

— Второго взгляда она не стоит.

Роза остановилась и повернулась к Джебзет.

— Мужчины платили неплохие деньги за возможность потрогать эту попку, и никто никогда не жаловался.

Джеб снова охватило то чувство. Чувство, что она окружена и по уши в проблемах.

— Просто говорю, что моя лучше. Не так заезжена.

— Заезжена?

— Дамы, сейчас для этого не лучшее время, — сказал один из мужчин, крепкий охранник по имени Нолан.

Все сбились в кучу, перепуганные лошади и люди, и, хотя ни один на самом деле не видел причину их страха, но все знали, что они окружены со всех сторон.

— Может, мы должны сдать? — спросила Джеб.

Роза посмотрела на неё и кивнула.

— Кто-нибудь, наденьте на неё кандалы, — сказала она своим людям, а потом крикнула:

— Мы здесь не ради драки. Я принесла подарок и послание от Дрейка Моррасса. Он хочет перемирия с тобой, Кессик.

Джез насупилась, когда Нолан защёлкивал наручники на её запястьях. Здоровяк пожал плечами и извинился, но всё равно их защёлкнул. Джез подумала, не придушить ли его цепью, но решила, что в этом нет никакого смысла.

— Вы пришли с миром, но привели в мой город группу воинов, — разнёсся над площадью глубокий голос. Джеззет узнала этот голос, давным-давно она встречалась с его владельцем.

— Они не ради тебя, — крикнула Роза, оглядываясь в поисках источника голоса. — Всего лишь для путешествия. Для защиты. — Она заговорила шёпотом. — Сколько там их? На случай, если всё пойдёт наперекосяк.

— Достаточно, — также шёпотом ответила Джез. — Слишком много.

Роза вздохнула.

— Обычно это два моих любимых слова. — Она снова закричала: — Мы здесь только чтобы доставить подарок, а потом мы уедем... ну, во всяком случае, большинство из нас.

— Почему вы думаете, что хоть кто-нибудь из вас уедет? — Голос донёсся слева — там в тёмном проходе стоял мужчина, глаза которого не отражали ни капли яркого полуденного света, а руки парили над рукоятями двух длинных мечей в ножнах.

— Ты Кессик? — спросила Роза, махнув своим охранникам, чтобы опустили оружие.

— Ага.

— Нет, это не он, — быстро вставила Джеззет. — Не знаю, кто это, но с Кессиком я встречалась, и это не он.

Роза повернулась и жеманно выпятила губки, глядя на мужчину в проходе.

— Прости друг, но я здесь, чтобы поговорить с твоим боссом. Наёмные работники меня не очень интересуют. Слетай-ка за ним и приведи его сюда.

Мужчина вышел из прохода, а потом отошёл в сторону. На свет вышла другая фигура, и на этот раз Джеззет её узнала. Кессик совсем не изменился — по-прежнему невысокий, ростом примерно с неё, коренастый, седые волосы коротко пострижены, и лицо человека, который никогда не смеётся, с резкими, суровыми чертами. Оружия у него не было, но Джеззет чувствовала — это из-за того, что оно ему совершенно не нужно. Он даже до сих пор носил плащ арбитра, хотя Джез отлично знала, что его имя давно вычеркнуто из списков Инквизиции.

— Тебя я помню, — сказал Кессик. Его голос скрежетал, и, словно песок по стеклу, скрёб по её нервам. — Ты называла себя Джеззет Вель'юрн и утверждала, что тебя нанял Х'ост. Ты убила арбитра Коша.

Джеззет засопела.

— Дважды.

Роза взглянула на ней.

— Как можно дважды убить человека?

— Первый раз не сработал, так что пришлось попробовать ещё раз.

Джез не нужно было оглядываться, чтобы узнать, что силы Кессика начали стекаться на улицу. Отлично натренированные чувства предупреждали её, что насилие, скорее всего, неизбежно. Она коснулась руки Розы и кивнула назад. Магистрат повернулась, и Джез увидела, как та побледнела.

— Ты же хотела чего-то захватывающего и жёстких схваток, — сказала Джез, натужно

улыбнувшись. — Побудь со мной подольше, и что-нибудь непременно случится.

Она услышала, как один из сопровождающих Розы читает быструю молитву Богу, имени которого Джек не знала. В воздухе разнёсся острый запах, и у неё сложилось впечатление, что один из закалённых охранников или охранниц обмочился. Она решила удовлетворить своё любопытство и оглянулась. Улица наполнилась мужчинами, женщинами и даже детьми. Их тут были сотни, и многие ещё прибывали, молча выходили из открытых дверей и окружали их маленькую группу.

— Я бы предложила сложить оружие, — сказала Джек своим. — Может, Кессик решит проявить великодушие... хотя вряд ли.

— Я не сдамся без боя, — проворчал Нолан через стиснутые зубы. — Возьмём с собой столько уёбков, сколько сможем.

Джек рассмеялась.

— То есть никого. Ты не сможешь их убить.

— Чё?

Он чувствовала то же самое, что рядом с Кошем в Сарте, и то же, что чувствовала, когда Танкуил вызвал демона в Чаде, хоть она никогда и не говорила ему, что стала свидетельницей той сцены. Окружавшие их люди, может, и выглядели, как обычные селяне, торговцы, рабы, попрошайки или наёмники, но это только снаружи. Каждый из них был демоном в человеческой шкуре, и чтобы убить их, холодной стали было недостаточно.

— Ты знаешь больше, чем говоришь? — спросила Роза, и в её правой руке появилась пара метательных ножей.

— Да, — признала Джек. — Но нет смысла говорить тебе об этом. Ты хотела переговоров с Кессиком, Роза. Вот твой шанс.

Роза помедлила, а потом схватила цепи Джек и пошла вперёд, потянув Мастера Клинка за собой из круга охраны.

— Кессик, — крикнула магистрат. — Дрейк Моррасс хочет мира между вами. Он говорит, что оставляет Дикие Земли навсегда, и тебя будут рады видеть в них. И он проинструктировал передать тебе это. — Роза сильно дёрнула цепи, и Джек, споткнувшись, шагнула вперёд. Спустя мгновение она почувствовала, как сзади по ногам её ударил сапог, и она упала на колени в пыль. — Подарок.

"Тебя называли и хуже, Джек. Было время, когда Танкуил называл тебя..."

— Какая мне нужда в Мастере Клинка, чей клинок работает лишь на моих врагов? — спросил Кессик. — Мне не интересна месть за Коша или за Герон. Подарок твоего хозяина так же бесполезен, как и ваши жизни. Подозреваю, он знал это, когда посылал вас ко мне.

— Прости за это, — прошептала Роза, а потом снова крикнула: — Арбитр Танкуил Даркхарт знает, что ты ещё жив, Кессик.

— Неужели?

— Инквизиция отправила его убить тебя, — продолжила Роза, крепко прижимала руку к плечу Джек, словно пыталась удержать её на земле. Джек кратко подумала, не сломать ли ей запястье и не вскочить ли на ноги, но Роза начала уже ей даже нравиться, и не очень-то хотелось причинять ей боль. И хотя ещё ей не очень-то хотелось, чтобы её в цепях передали Кессику, но всё равно, она собиралась пройти это до конца.

— Значит, это заложник, чтобы сдерживать арбитра? — Рот Кессика двигался, исторгая слова, но остальное его лицо оставалось неподвижным, будто вырезанное из камня. Джек чувствовала, что в этом человеке нет ни капли юмора. — Почему ты думаешь, что она

понадобится мне, когда под моим началом целая армия?

Роза стиснула плечо Джез. На самом деле стиснула и потёрла.

"Ещё чуть-чуть, и можно будет назвать это массажем".

— У Х'оста была армия, и куда больше, чем эта шайка жутких еретиков, — сказала Роза. — Как я слышала, арбитр Даркхарт запытал его до смерти в его собственной крепости, а потом устроил в городе резню.

— Я слышал, это был Чёрный Шип, — сказал один из людей Розы.

— А я слышал, это была она, которая в цепях, — сказал другой.

Джез глянула на них, хищно ухмыльнувшись, а потом снова повернулась к Кессику.

— Оставляй её или нет, — продолжила Роза. — Выбор за тобой. В любом случае, Дрейк уехал и больше не вернётся.

— А ты?

— О, я всё ещё здесь. Присматриваю за свободным городом Чад, открытым для всех и *каждого*.

Кессик раздумывал, и тем временем всё больше его людей окружало группу. В конце концов, казалось, он принял решение и указал на Джез.

— Привести её, — проговорил он, и женщина одного возраста с Джез в выцветшем жёлтом платье, разорванном выше колен, двинулась вперёд, чтобы выполнить приказ.

Роза сжала плечи Джезет и поднесла рот к самому её уху, так что она чувствовала её дыхание.

— Удачи.

Женщина в жёлтом платье схватила Джез под правую руку и подняла её на ноги.

"Сильнее, чем выглядит. Сильнее, чем должна быть".

— Ну, мы тогда пойдём, — объявила Роза с лёгким поклоном.

Джезет увидела, как Кессик передал что-то мужчине с двумя мечами, а потом снова повернулся к группе Розы.

— Проверьте каждого, — сказал он. — Убейте всех, кто не подходит. — Он пошёл прочь, а потом остановился. — Женщину отпустите. Союзники в Чаде могут быть полезны.

Джез услышала сзади протесты, но у неё не было времени оглянуться. Женщина в выцветшем жёлтом платье тащила её за Кессиком. Когда её втокнули в крепкое каменное здание, она услышала, как крики протеста превратились в вопли боли.

Он никогда не видел демона во всей его чудовищной величине, а этот совершенно точно был впечатляющим зрелищем. Танкуил во все глаза смотрел на него, и разум отказывался вычислить его размер, хотя сочетание "ОЧЕНЬ большой" казалось вполне подходящим. Его громадная фигура была массой движущейся, шипастой темноты, а его голова... ну, Танкуил мог бы поспорить, что демон в состоянии проглотить целого слона. Из-за его зубов изнутри сиял яркий белый свет, а его глаза полыхали жёлтыми огнями, слепящими не хуже солнца.

А ещё цепи, которые связывали существо с Инквизицией. Гигантские чёрные звенья из металла, тёмного, как сам демон, оборачивались вокруг твари, стягивая, связывая. Танкуил раньше не видел цепи, и теперь раздумывал о том, как они устроены, и о существе, которое могло их создать. Он задумался о силе Вольмара.

Он чувствовал гнев твари — этот жар, словно раскалённая кузня, волнами омывал его, изгоняя все прочие мысли. Тысячи лет демон и все его собратья были рабами существа, которое их победило, и они не были рады такой несправедливости. Они ничего не хотели так сильно, как свободы. Демон знал, что не может убить своего мучителя — Вольмар был слишком могущественным и находился вне его досягаемости, — но это не значило, что он не мог убивать Вольмаровых слуг. Демоны хотели освободиться, и хотели отплатить Инквизиции за тысячи лет вынужденной службы.

Демон завопил, издал первородный крик, заключавший в себе чувства, которых Танкуил не понимал, не мог осмыслить, но казалось, его мощь вырывает саму душу из тела.

Он услышал цепи.

Глаза Танкуила раскрылись, и он сел прямо, вытащив свой пистолет, и...

— БАМ!

Что-то взорвалось в фонтане крови, костей и перьев.

Шип вскочил на ноги, держа топор в пятипалой руке, а нож в трёхпалой, и шурясь одним глазом в темноту. Танкуил слышал, как остальные вскакивали с той же поспешностью. Он покрылся холодным потом, часто и тяжело хватая воздух ртом. Джейкоб стоял у стройного белого дерева, забрызганного пятнами крови.

— Хули это было? — спросил Шип, глядя в темноту.

— Уф... — начал Танкуил, подыскивая слова.

— Ворон, — ответил Сузку, который сидел, скрестив ноги, на земле возле Танкуила и подозрительно глядел на Джейкоба. — Арбитр подстрелил его.

— Да? — сказал Шип. — Зачем?

Сузку пожал плечами. Танкуил до сих пор не мог подобрать слова. Сон ещё никак не выходил из его головы. Вид демона, звук цепей, вид демона.

— Возможно, это был ворон-еретик? — предположил Андерс, уже прикладываясь к фляжке.

— Эт чё... такое возможно? — спросила Генри. Она прошла перед Танкуилом и уселась возле Сузку, ухмыляясь хонину.

— Ну, вряд ли Танкуил сможет его допросить, чтоб узнать, — сказал Шип. — И раз уж все встали, можно сменить дозорных.

Танкуил медленно опустил пистолет и убрал обратно на пояс, решив, что лучше, наверное, пока оставить его незаряженным. Потом встал и потянулся.

— Я подежурю.

— Я тоже спать не буду, — сказал Сузку, не отрывая глаз от Джейкоба, который также тарасился в ответ.

Шип посмотрел на них.

— И вы просто сидели вот так и пялились друг на друга всю ночь?

Сузку пожал плечами.

— Иногда один из нас моргает... впрочем, не часто.

Танкуил похлопал меч на боку — ощущение, что Миорзо всё ещё висит у бедра, успокаивало и пугало. Он выбрал направление и пошёл в ночь.

— Арбитр, не заходи слишком далеко, — сказала сзади Генри. — Не хотелось бы, чтобы ты пал жертвой еретической стаи смеющихся собак.

Он утвердительно проворчал и пошёл дальше, остановившись, лишь когда ушёл из поля зрения остальных. Его рука так сильно дрожала в кармане, что ему пришлось стискивать её, отчего заболели старые ожоги.

Андерс вышел перед Танкуилом, сунул руку в штаны и вытащил член. Громко, театрально вздохнул и испустил мощную струю.

— Арбитр, здесь, в Диких Землях, нет смысла скромничать.

Танкуил отвернул взгляд.

— У некоторых из нас больше причин скромничать, чем у других.

Пьянчуга засмеялся.

— Знаете, почему я вообще начал обчищать карманы, арбитр?

У Танкуила возникло неприятное чувство по поводу этой беседы. Кажется, он в последнее время ничего у команды не воровал, но он не всегда знал о том, что стащил что-то, пока оно не оказывалось в его владении.

— В основном из-за скуки, — продолжал Андерс, несмотря на явный дискомфорт Танкуила. — Сам научился, просто потому что больше нечем было заняться. А может, искал внимания. Мой отец был... довольно суровым человеком. Я не рассказывал, как он недавно хотел меня казнить?

Эту историю Танкуил слышал с трёх различных точек зрения, и все они между собой не совпадали.

— Сначала у меня часто не получалось, и соответственно, мой отец часто ловил меня и наказывал. Тогда его наказания были немного легче, но лишь потому, что он ещё не знал меня, иначе не сомневаюсь, что сейчас у меня не хватало бы не пальца, а руки. — Андерс помахал искалеченной рукой, потерял контроль над струёй и чуть не обмочил Танкуила, а потом снова схватился за член и перенаправил поток. — Так было до тех пор, пока меня не отрезали от семейной казны, вот тогда-то я и нашёл законное применение своим навыкам. В конце концов, нужно же где-то находить деньги, если у тебя нет ни гроша в кармане, и отчаянно нужно проспиртоваться.

Андерс закончил мочиться, стряхнул член и засунул обратно в штаны. Танкуил вздохнул.

— В те дни я быстро узнал множество мелких знаков. И главный среди них, что у многих людей, особенно у тех, кто боится что-то потерять, есть привычка регулярно проверять, на месте ли оно. И это лучший знак, потому что всегда знаешь, что у них можно украсть что-то ценное... за исключением одного раза, когда я нашёл в кармане одного человека мышь... — Казалось, Андерс не знал, что сказать.

— Я вот о чём, арбитр — я всё думаю, что же так чертовски боится потерять охотник на ведьм, особенно тот, который прекрасно знает всё об этих мелких знаках? — Танкуил обернулся и увидел, что Андерс смотрит на него без обычной пьяной дымки в глазах. — Что у вас там замотано под плащом, арбитр?

— Тебя не касается, — сказал Танкуил, отворачиваясь, но Андерс проворно выскочил перед ним.

— Ах, не смешите меня, конечно, это меня касается. Думаю, это касается всех. — Он махнул рукой в сторону команды. — Но пусть это касается только меня. Или я мог бы рассказать боссу о том, что касается меня.

Танкуил прожёт бы взглядом дыру в нём, если бы только мог, и в кои-то веки ему хотелось быть выше кого-то ростом.

— Это меч, выкованный Вольмаром, чтобы заточить первого и самого могущественного демона из всех, кого когда-либо призывали из пустоты. В клинке заключён демон, и эта проклятая тварь всё время нашёптывает мне и насылает кошмары.

Андерс выглядел теперь сильно ошеломлённым и ещё более скептическим.

— Так зачем вы его носите? — спросил он, и по голосу было ясно, что он не уверен, не дурачит ли его Танкуил.

— Знал бы я. Мне его доверил инквизитор, чьи инструкции были чем-то средним между расплывчатыми и отсутствующими.

— Хм-м-м, — проворчал Андерс.

— Хм-м-м, — согласился Танкуил. — А я-то и впрямь надеялся услышать от тебя какое-нибудь полезное озарение.

— Ну, знаете, как говорят, арбитр. Проблема, которой поделился, уже не твоя проблема.

Неловкое молчание тянулось, казалось, вечность. Танкуил смотрел на Андерса, пока пьяница не решил, что маленького клочка темноты между ними определённо недостаточно.

— Что ж, оставлю вас трогать ваш злой меч, — сказал Андерс и отступил назад. — Но, арбитр, до Абсолюции осталось несколько дней. Надеюсь, вы готовы... к тому, что запланировали.

Танкуил смотрел, как Андерс уходит прочь, пока тот не исчез в темноте. На самом деле арбитр понятия не имел, что будет делать, когда доберётся до Абсолюции. Он просто знал, что должен покончить с Кессиком, чтобы продолжить поиски Джеззет.

Глаза Джеззет резко открылись, и она потянулась к мечу, которого на месте не оказалось. Она знала, что никогда не избавится от этого рефлекса, и не хотела от него избавляться. На самом деле он не раз спасал ей жизнь. "А ещё с его помощью удобно пугать ненасытных арбитров".

Она увидела прутья решётки, и её сердце ёкнуло, что было равносильно тяжкому вздоху. "И почему всем так необходимо меня запереть? Я не совершала преступлений по меньшей мере... несколько недель". Тюремные камеры уже стали обыденностью в её жизни. Кажется, она знакомилась с очередной каждые полгода или около того, хотя на самом деле все они были весьма похожи друг на друга, и ни одну нельзя было назвать роскошным жилищем.

Левое запястье болело, словно его порезали, а Джез как никто другой знала, как болит порез. Танкуил как-то раз хотел сосчитать её шрамы, но арбитр никогда не славился своим терпением, и скоро сдался, найдя другие способы занять себя и её. Она лениво потёрла запястье и замерла.

На внутренней части левого запястья был шрам. Старый шрам. "Это твой самый старый шрам, Джез. Самая первая рана". Но сегодня он ощущался по-новому: кожа вздулась, сморщилась и воспалилась. Судя по ощущениям, шрам был свежим, не старше пары недель. Джез ещё потёрла его и тщательно осмотрела. Кожа на шраме срослась, но она была новой. Либо Джез была несколько недель без сознания, либо здесь замешано что-то неестественное.

"Заклятье!"

Джез потыкала в запястье, поморщившись от боли, и прощупала плоть. Это был её первый шрам, поскольку Юрий хотел использовать её тело без последствий. И поэтому он вшил в запястье оберёг от беременности.

Её пальцы коснулись крошечного деревянного амулета, и захлестнувшая Джез волна облегчения вырвалась наружу диким хохотом, который эхом разнёсся по маленькой камере. Отсмеявшись, она рухнула на солому, устилавшую пол.

Она заметила небольшую крысу, сидевшую у маленькой дыры в стене. Мелкое создание сидело на задних лапках, глядя на Джез, и нервно подёргивало носиком. Она улыбнулась крысе. Та сбежала.

"Не очень-то приятно, что ублюдок ковырялся в моём теле, но по крайней мере он не взял амулет". Теперь, когда Джез об этом подумала, сама мысль о том, что её разрезали, принесла такое чувство, будто её изнасиловали. Она даже не помнила, как заснула. В один миг она радостно хлебала воду из чашки, а потом... "Тебя опоили, Джез. Ублюдок тебя накачал. Но по крайней мере они удосужились снять оковы. Неважно, как всё плохо, всегда есть, чему порадоваться". Это была любимая поговорка Катерины, и можно с уверенностью сказать, что эта сука знала, насколько плохо всё может стать.

Потянувшись, и снова хорошенько потеряв запястье, Джез поднялась на ноги и тщательно осмотрела прутья. "Прочное ржавое железо". Она всё равно хорошенько их покачала, надеясь, но не веря, что какой-нибудь вывалится, принесет свободу, которая была ей нужна, чтобы отыскать своего пленителя и перерезать ему глотку.

Прутья не пошевелились на дюйм, так что Джез подвергла столь же тщательному осмотру остальную часть камеры. Судя по тому, что она мельком видела, тюрьма была

одним из немногих каменных зданий в городе. Абсолюция, как и большинство убогих поселений в Диких Землях, была построена из всего подряд, что можно накопать, украсть или обменять в округе. Здесь имелось несколько зданий с несколькими этажами, но Джек не поставила бы свою жизнь на то, что лестницы в них хоть кто-то в здравом уме назвал бы безопасными. У большей части зданий имелся лишь один этаж, и у большей части из них было не больше пары комнат. Абсолюцию строили для людей с тяжёлой жизнью, и эти люди были не прочь уехать, когда жизнь становилась слишком тяжёлой. Джек раздумывала, сколько коренных жителей до сих пор здесь живут, только с демонами внутри.

Джек услышала, как распахнулась дверь тюрьмы. "Если они пришли снова меня резать, просто убей первого через прутья, Джек". Она ждала, расслабив все мышцы, но готовая мгновенно наброситься при первом же удобном случае.

В поле зрения показался Нолан с широким мечом у бедра и бессмысленным выражением на лице. Его кожаные доспехи были порваны и окровавлены, но он не казался раненым.

— Нолан, — сказала Джек, бросаясь вперёд и схватившись за прутья. — Что случилось с Розой?

Большой солдат бесстрастно посмотрел на неё. В поле зрения вышел Кесик. Он остановился неподалёку от прутьев, чуть-чуть не дойдя на расстояние, с которого можно было бы разбить ему нос.

— Он тебя понимает, но ещё не научился выговаривать наши слова, — монотонно проговорил Кесик. — Сначала это сбивает с толку, но в итоге они учатся.

Джек невольно шагнула назад, готовясь к бою.

— Что ты имеешь в виду?

Кесик некоторое время выглядел озадаченно.

— Ты же сражалась с арбитром Кошем, и знаешь, кем он был. Да, знаешь.

— Демон? — спросила Джек.

— Да. Арбитр Даркхарт рассказал тебе о них? Да, он всё тебе объяснил. В вашей группе подходили лишь двое. Этот был одним из них.

— А Роза?

— Женщина. Жертва Дрейка. Она не поняла, что он послал её на смерть. Она не подходила.

— Ты убил её?

Кесик покачал головой.

— Дрейк хотел её смерти, и этого достаточно, чтобы я не хотел её убивать. Я отослал её назад. Возможно, она вернётся в свой город, хотя я думаю, тебе известно, что одинокая женщина здесь может столкнуться с множеством трагедий. Да, ты знаешь. И всё же я подозреваю, что она-то выживет.

— А я? — спросила Джек. — Ты засунешь в меня демона? — Она посмотрела на запястье. — Или уже засунул?

— Нет, — выдавил Кесик, качнув головой. — В тебе нет ни капли потенциала, Джекзет Вель'юрн. Возможно, поэтому арбитр Даркхарт считает тебя столь очаровательной.

Внутри Джек облегчённо вздохнула — мысль о том, чтобы делить тело с демоном совсем её не радовала. В конце концов, она видела одного, и он не был похож на приятного соседа.

— Я предпочитаю верить, это из-за того, что он меня любит.

— Во что ты предпочитаешь верить, и что является правдой — это две разные вещи. Я тебе покажу. — Кессик указал на дверь камеры, и Нолан вытащил ключ, сунул в замок, повернул его и открыл решётку. Джез спокойно пошла, осторожно шагая вперёд, пока не оказалась у дверного прохода, а потом прыгнула.

Она миновала Нолана, прежде чем тот успел среагировать, махнула кулаком в Кессика, и тут же вторым. Бывший арбитр отбил оба удара, словно Джез была всего лишь неуклюжим слабым ребёнком. Она почувствовала, как сзади большая рука схватила её за шею, а потом Джез уже летела назад и рухнула на пол своей камеры. Она тут же перекатилась по соломе, вскочила на ноги, не добившись ничего, кроме нового синяка.

Дверь камеры не закрылась, но выход перегородил Нолан, стоя спокойно, как камень, и его морщинистое лицо было бесстрастным, как плита.

— Я понимаю, ты должна была попытаться, — сказал Кессик, держа руки в карманах плаща так, что это напомнило Джез Танкуила. — Пожалуйста, не пытайся снова. Это было бы неблагоразумно. А теперь пойдём.

Джез осторожно подошла к двери камеры и подождала, пока Нолан отойдёт — здоровяк повременил немного, но в итоге отступил. Джезет последовала за Кессиком из тюрьмы на главную улицу Абсолюции, купавшейся в мягком вечернем свете Диких Земель. В воздухе дул прохладный ветерок, и Джез знала, что это значит. "Приближается гроза". Хотя отсутствие облаков говорило об обратном.

На улицах было полно людей, занимавшихся своими делами, но эти дела уж точно мало кто счёл бы нормальными. Мужчины, женщины и дети, одетые в разодранные доспехи, прекрасную шёлковую одежду, в сорочки и робы — а некоторые даже почти голые, выставлявшие тела напоказ, — занимались на главной площади Абсолюции строительством осадных машин, ковали оружие или смешивали ингредиенты в нечто, выглядевшее очень похоже на чёрный порох Танкуила — вещество, которое он использовал для стрельбы из своего смертоносного пистолета. Здесь были крестьяне и знать, воины и попрошайки, дети и старики, и все готовились к войне.

— Собираешься их использовать? — Джез кивнула в сторону военных машин.

Кессик оглянулся, взглянув на неё, а потом продолжил идти.

— Дикие Земли не покорятся без боя, а они должны мне покориться.

— Если ты хочешь взять Дикие Земли, то людей тебе потребуется больше, чем несколько сотен в твоей армии.

— А кто говорит о людях?

Джезет сплюнула на пыльную улицу.

— Джезет, я хочу перед тобой объясниться, — сказал Кессик таким голосом, который кто-то мог бы посчитать искренним.

— Почему?

— Потому что я хочу, чтобы ты убедила арбитра Даркхарта присоединиться ко мне.

Она фыркнула.

— Когда дело доходит до убийства еретиков, мой голос для него мало значит.

— Тогда тебе придётся быть убедительной, — голос Кессика перемалывал в пыль её нервы. — Сначала я должен дать тебе урок истории, Джезет Вель'юрн.

Джез застонала и заметила, что к ним присоединились ещё двое одержимых демонами солдат Кессика — юная женщина с волосами цвета угасающих углей, и седой ветеран с одной рукой. Она ещё сильнее, чем в камере, почувствовала себя узницей. "Похоже, в

последнее время ты часто была узницей, Джек. Может, пора вырваться на волю".

— Тысячи лет назад миром правили джурры, — начал свой урок Кесик, не обращая внимания на то, что Джезет было совершенно плевать на его слова. — Они жили повсюду, от Диких Земель до Сарта, и от Пяти Королевств до Драконьей империи, хотя в то время ещё не было таких названий. Люди были слабы и бессильны перед магией, которой обладали джурры. Люди тогда не сильно отличались от животных, и использовались в качестве рабов и скота. И освободили нас от джурров не твои Боги, и даже не Вольмар, как многие верят. Нас освободили Повелители Ужаса.

— Кто?

Кесик оглянулся на Джез и пристально на неё посмотрел.

— Их было семеро, и, боюсь, я не знаю о них никаких подробностей — такие детали давно утрачены. Они изучали тайны магии, тёмной магии. Такой, о существовании которой современные люди даже не подозревают. Они владели колдовством и некромантией, и они начали войну с джуррами ради своего народа.

— Выходит, они победили, — высказала Джез очевидную мысль.

— Они проиграли.

— Ох... неожиданно.

— Это было до того, как они стали известны в качестве Повелителей Ужаса. Они бросили на джурров армию, подкрепив удар апокалиптической магией, и проиграли. Их армию вырезали до последнего человека, но сами они сбежали целыми и невредимыми. Спустя многие годы они вернулись на родину джурров, в земли к югу от Пяти Королевств.

— Ты имеешь в виду Земли Мёртвых?

— Да. Они вернулись со знанием бессмертия. Спрятавшись в столице своих врагов, они завершили ритуал превращения в личей — в некромантов, отбросивших свои смертные оболочки и ставших теми самыми, кого они хотели контролировать, мёртвыми. Но Повелители Ужаса не стали привязывать свою сущность к какому-либо объекту — они связали себя с самой землёй. Они создали Земли Мёртвых и за одну ночь победили в войне — а их враги даже не знали, что сражаются в ней. Легионы мертвецов поднялись из могил и перерезали джурров — мужчин, женщин, детей, — и каждый умерший поднимался и продолжал резню. Чума смерти прошлась по родине джурров, оставив за собой ожившую смерть. И тогда Повелители Ужаса достигли пределов своей мощи — как бы сильны они не были, но не могли дальше распространить своё влияние. Оно остановилось к югу от земель, ныне известных как Пять Королевств. Но Повелители Ужаса этим не удовлетворились. Власть разлагает, а они уже разложились до самых душ. Они начали выставлять свои войска, поскольку, хоть их сила не могла дотянуться за пределы Земли Мёртвых, но их монстры вполне могли. И тогда пришёл Вольмар. Маяк света в темнейшие времена. Живой Бог, посланный с небес спасти нас от того самого оружия, что спасло нас от джурров. Вольмар объединил под своим знаменем разросшиеся королевства людей и научил тех, кто мог, пользоваться его магией. Вольмар вступил в бой с Повелителями Ужаса и победил. Потом он создал Инквизицию, чтобы они отслеживали оставшихся джурров, очищали тех, кто ещё использовал тёмную магию и вместо него защищали мир от Повелителей Ужаса, когда те вернуться, а он знал, что так и будет.

— Очаровательно, — Джез закатила глаза.

Кесик развернулся, и тыльная сторона его ладони врезалась в лицо Джез. Она обнаружила себя на четвереньках в пыли, сплёвывая кровь и удивляясь, как она тут

оказалась. "Какой быстрый ублюдок. И бьёт, как медведь". Джеб поводи́ла языком во рту и почувствовала, что один зуб шатается. Раньше она зубов не теряла, по крайней мере за исключением молочных в детстве, но, похоже, этот ей не сохранить. Она снова сплюнула кровью. Губа была совершенно разбита, и Джеб решила, что вскоре она распухнет разноцветным синяком.

"Возможно, лучше его больше не бесить, Джеб". С этой мыслью она поднялась на ноги, немного пошатываясь, поскольку мир слегка покачну́лся.

Кессик бесстрастно смотрел на неё. Убедившись, что она достаточно запугана, он повернулся и пошёл дальше.

— Повелители Ужаса возвращаются, Джебзет. Их сила уже начинает воздействовать на мир. Земли Мёртвых кишат ходячими трупами, и скоро Повелители Ужаса снова вступят в этот мир. Демоны показали мне это, и они показали мне, насколько мы не готовы.

— Про это Танкуил мне говорил, — сказала Джебзет. — Твоя мёртвая начальница говорила нечто похожее. Тьма идёт, а Инквизиция слишком слаба, чтобы с ней сражаться.

Кессик не остановился, не замедлился, просто продолжал идти.

— Инквизитор Герон была марионеткой. Мне нужна была помощь кого-то выше меня в Инквизиции, и я выбрал её.

— Ты её выбрал?

— Арбитр Даркхарт когда-нибудь рассказывал тебе, что его послали найти меч Вольмара в качестве дара богу-императору?

— Да. Который был утрачен где-то с вечность назад, а он нашёл его в Землях Мёртвых.

— Что ж, не одного Даркхарта отправляли на поиски меча. Он нашёл клинок Вольмара, а я нашёл кое-что ещё. Я отыскал Миорзо, демонический клинок. Демон внутри меча показал мне правду, и я отдал меч инквизитору Герон, чтобы он показал и ей. Гордыня не позволила бы ей играть вторую роль. Так что я позволил инквизитору думать, что она во главе. В конце концов, важен лишь итог.

Кессик остановился перед двухэтажным деревянным зданием с разбитыми окнами и старой ржавой вывеской, на которой была написана большая красная "X". Он повернулся и посмотрел на Джебзет.

— Инквизиция слаба. В ней полно бессильных трусов, которые хотят лишь продвигать себя и не заботятся о том, чтобы взглянуть на картину в целом. Они не знают о том, что грядёт, и не будут готовы с этим встретиться. Но я буду. К тому времени, как восстанут Повелители Ужаса, Инквизиция уже исчезнет, а под моим началом встанет армия демонов. Я отправлю личей обратно в забвение и восстановлю Инквизицию, сделав её сильнее, чем прежде. — Впервые в голосе Кессика послышались эмоции, и Джеб увидела в его глазах огонь самодовольного рвения. Не имело значения, прав он или нет. Кессик верил, что он прав, и сделает всё, принесёт в жертву кого угодно, чтобы достичь своих целей. Это её пугало.

"Нет никого хуже того, кто совершает зло и думает, что совершает добро, Джеб".

Кессик уставился на неё, осматривая её лицо.

— Ты мне не веришь. Да, я вижу это. Идём.

Он открыл дверь в здание, отмеченное красной буквой "X", и вошёл внутрь. Его сопровождающие вели Джебзет за ним. Она потёрла шрам на запястье и пошла за бывшим арбитром в грязное здание. Здесь пахло пылью, потом и кровью — эти запахи были отлично известны Джебзет. За годы запустения стены покоробились и покрылись тёмными пятнами,

пол был покрыт пылью и грязью, которую наносили с улицы и никогда не убирали. На первый этаж вела лестница, но Кессик её проигнорировал, направившись по короткому коридору в покорёженную дверь. Джез прошла за ним и замерла.

В комнате, привязанный к прочному деревянному столу — возможно, самой прочной вещи, виденной Джез с момента прибытия в Абсолюцию, — был мужчина, которого она узнала. Это был один из охранников Розы, большеротый, большеносый лысеющий ветеран по имени Рэбб, который вечно паялился то на Джез, то на Розу. Сейчас он был крепко привязан, и его лицо стало жутким месивом красного, синего и чёрного цветов. "Похоже, его хорошенько избил тот, кому это явно нравится".

Джез втянула воздух через зубы.

— Что ты с ним делаешь?

Кессик немного посмотрел на Рэбба, а потом повернулся к Джез.

— У него есть потенциал. Я собираюсь вселить в него демона.

Джез шагнула назад и упёрлась в мужчину, который раньше был Ноланом, а теперь смотрел на неё мёртвыми безжалостными глазами.

— А я-то здесь нахуя? Ты же сказал, что у меня потенциала нет.

— У тебя нет, — проскрежетал Кессик. — Но я всё равно хочу, чтобы ты посмотрела. Я хочу, чтобы арбитр Даркхарт ко мне присоединился, Джезет, и я хочу, чтобы ты его убедила. Это, — он указал на Рэбба, — чтобы дать тебе мотивацию. Если ты не сможешь убедить арбитра Даркхарта ко мне присоединиться, то я заставлю его сотрудничать.

Абсолюция. Странное название для города в Диких Землях, где большинство людей даже не знало значения этого слова, а те, кто знали, ни к чему подобному не стремились. Ещё удивительнее, что Кессик выбрал этот городок своим домом. Выглядел он не очень, но в Диких Землях такое не редкость. Танкуил провёл значительную часть своей жизни в славном городе Сарте, где повсюду мрамор и тысячи тысяч рабов чистят его ежедневно. У Сарта красивое лицо, но под шкурой он прогнил. В Диких Землях города даже о красоте внешнего вида не заботились, и Абсолюция не являлась исключением.

— И как только нам удастся попасть внутрь, — сказал Танкуил, уставившись на стены.

Шип громко засопел за его спиной.

— Возможно, там есть...

— Нет, — перебила его Генри, сдвигая назад шляпу и злобно глядя на Шипа.

— Чего?

— Ты собирався предложить канализацию. Ты всегда предлагаешь канализацию. Блядь, да чё у ты с этой канализацией?

Шип выглядел слегка возмущённо.

— Да просто нормальный способ куда-нить пролезть. Никто никогда не проверяет канализации.

— Эт потому что в них полно говна других людей. Те своего, что ли, мало? Чё ты так хочешь, чтоб от ты ещё и чужим воняло?

— Раньше ты эт, вроде, не волновало...

Генри сплюнула.

— Блядь, да всегда волновало, тока по ту сторону закона выбора нихера не было. А терь, думаю, мы выше того, чтобы ползать по канализациям. Вряд ли Вешатель или Святоша когда-нить ползали по говну на четвереньках.

Шип фыркнул.

— Ты б удивилась, чё Святоша в своё время отмачивал. Поспрашивай Бена, когда вернёшься в Дальний Пост.

— Мне кажется, вы, возможно, хотели сказать "если мы вернёмся в Дальний Пост". — Все развернулись и молча многозначительно посмотрели на Андерса. — Просто выставляю ситуацию в правильном ракурсе. Нас шестеро, армия демонов, практически никаких шансов выжить. Скажу как игрок... как раз с такими шансами мне нравится играть... разумеется, этот факт, возможно, объясняет мою многолетнюю экстраординарную нехватку денежных поступлений.

Молчание.

— Так значит, никакой канализации? — сказал Андерс с преувеличенной весёлостью.

Генри покачала головой.

— Знаешь, иногда мне хочется, чтобы Дрейк оставил его себе.

Чёрный Шип пожал плечами.

— Тогда стены?

— Выберем заброшенный участок... похоже, есть из чего выбирать, проникнем в дыры и осмотримся в городе, — сказал Танкуил. — Разведаем местность, узнаем, где залёг Кессик, и убьём ублюдка.

— Всё у тебя так просто, — сказала Генри. — Мы ж вроде не хотели позволять ему планировать, поскольку никто из нас не хочет сдохнуть.

Танкуил сердито посмотрел на маленькую убийцу, но Генри в ответ лишь ухмыльнулась.

— Ага, — проворчал Шип. — Так-то ты верно гришь, но вряд ли тут он ошибается. Лучше всего провернуть всё незаметно. Убьём Кессика, когда он не ожидает — вроде как лучше и не придумаешь.

— Не помню, что соглашался убивать кого-то, — сказал хонин. Он так давно не говорил, что Танкуил уже почти забыл звук его голоса.

— Ага, — согласилась Генри. — Припоминаю, что мы вроде как завязали с этой работёнкой.

Танкуил решил не ввязываться в спор. Убийства не было в словаре арбитров, они предпочитали называть это "праведное воздаяние".

Шип сурово посмотрел на Генри.

— А я припоминаю время, когда ты не боялась немножечко поубивать.

Генри не менее сурово посмотрела на Шипа.

— И я припоминаю время, когда и ты был не прочь. А ещё мы вроде оба решили, что пришло время для перемен.

— Мы не собираемся никого убивать, — прорычал Шип. — Если всё пойдёт как надо, то никаких убийств и не потребуется. Нам тока надо провести Танкуила внутрь и дать ему разобраться со своим инквизиторским еретиком. Мы никуя не делаем, Кессик подыхает, и может тогда мой глаз, которого, блядь, уже нету, перестанет чесаться. Хорошо?

Танкуил смотрел, как скрежещет Генри, крепко стиснув зубы, но в конце концов она кивнула. Сузку кивнул так, словно с ним и вовсе никаких проблем не было, а Андерс лишь ухмыльнулся.

— Значит, решено, — сказал Шип. — Ждём темноты, потом тихо проскальзываем, делаем дело и тихо ускользаем.

Темнота спустилась быстрее, чем хотелось бы Танкуилу. Он не чувствовал, что готов к тому, что их ждало. Не знал, почему он так нерешителен — возможно, потому что знал то, чего не знали другие. Он похлопал меч, висевший на бедре. Возможно потому, что знал, как это похоже на конец.

Они прокрались к стене, быстро передвигаясь от тени к тени. С собой они взяли лишь то, что понадобится, оставив всё остальное с лошадьми. Все шестеро членов команды были вооружены, за исключением Джейкоба, который оружия не взял, и, судя по экстравагантным жестам руки, не верил, что оно ему понадобится. Они прижались к стене и ждали. Когда Шип решил, что их никто не заметил, он махнул Генри в сторону крупной прорези в стене. Она нырнула туда и исчезла. Спустя несколько очень долгих минут она снова появилась, быстро кивнула и снова исчезла. Танкуил последовал за ней.

За городскими стенами Абсолюция казалась печальным, жалким местом. Всюду приземистые здания, вонь гниения и кучи пыли.

Они оказались позади большого деревянного дома — судя по уличной печи Танкуил догадался, что это пекарня, хотя вряд ли они нашли бы здесь свежего хлеба на продажу.

Шип прошёл через стену последним, огляделся и махнул рукой в направлении переулка у пекарни. Там они останавливаться не стали, ища удобный проход в центр городка.

Генри добежала до конца переулка и остановилась. Некоторое время она стояла без

движения, а потом повернула голову и сказала Шипу:

— Похоже, у нас тут небольшая проблемка.

Она вышла на улицу, и Шип вышел вслед за ней. Танкуил и остальные, все по-своему озадаченные, направились за ними. Улица была слабо освещена, перед каждым зданием на ветру покачивалась весело горевшая лампа. Посреди улицы стояла одинокая фигура — мужчина в бурой накидке поверх потёртой кожи, с белыми волосами, связанными в воинский хвост, и в странной конической соломенной шляпе, закрывавшей лицо. В левой руке мужчина держал слегка изогнутые ножны, которые показались Танкуилу странно знакомыми.

— Не очень-то он похож на проблему, — сказал Андерс, рассматривая мужчину. — Нас некоторым образом больше.

Сузку вышел вперёд и прошёл по улице.

— Вам надо идти, — тихо сказал он. — Это не ваш бой.

Танкуил видел, как здоровяк выпятил челюсть, и как он поднёс руку к мечу в слегка изогнутых ножнах, и понял, что это страх. Возможно, это была первая эмоция, которую Танкуил увидел у Сузку, и это не обнадеживало.

— Сузку, мы так нынче дела не делаем, — сказал Шип, подходя к хонину. — Ты теперь часть команды, и это значит, мы должны друг за другом присматривать. Нельзя позволять своим сражаться в одиночку. И к тому ж, нельзя, чтоб он предупредил Кессика.

Мужчина в соломенной шляпе совершенно не двигался. Танкуил не сомневался, что даже статуя была бы эмоциональней.

— Он никого не предупредит, — заверил Шипа Сузку. — И со всем уважением я вынужден покинуть твою команду.

— Чё?

— Этот бой мой и только мой. Этого требует та честь, что у меня ещё осталась.

Шипа это явно совершенно не обрадовало. Его желваки заходили, будто змеи в мешке. Он схватил Сузку за плечо и повернул его, глядя ему в глаза своим единственным глазом.

— Те надо драться тут в одиночку — валяй, но не думай, что потом просто слиняешь. Ты всё ещё часть команды. Как закончишь, догоняй. Хорошо?

Сузку кивнул.

Шип долго смотрел на человека в соломенной шляпе, потом отпустил плечо Сузку и отошёл. Остальные пошли за ним, и Танкуил вместе со всеми. Лишь Генри осталась позади с Сузку, тихо сказала ему что-то, чего Танкуил не расслышал, а потом поспешила вперёд догонять остальных.

Танкуил оказался возле Джейкоба. Он посмотрел на тамплиера:

— Как думаешь, что это было?

Джейкоб усмехнулся и пожал плечами. На его лице играла дикая ухмылка, которая пугала Танкуила куда сильнее, чем старик с мечом в странной шляпе.

Она нырнули в следующий переулок, и Шип махнул остановиться.

— Похоже, тут нам повезло, — сказал Танкуил, вздохнув от облегчения.

— С чего это? — спросила Генри сзади. Её голос стал тёмным и опасным, как в прежние времена.

— Улица была пустынна, за исключением одного человека. Я сказал бы, что могло быть и хуже.

Маленькая женщина протолкнулась мимо него к Шипу.

— Вряд ли этот город слишком большой, — тихо сказал Шип. — Пожалуй, пройдем по этой улице, и на следующей выберем дом для базы.

— По главной улице пробовать не охота, — ответила Генри. — Эту должно быть где-то близко к центру. Думаю, там мы и найдём Кессика.

— Там же будет и куча другого народу. Лучше пойдём окраинами в сторону центра. По крайней мере, пока не поймём, куда нам надо.

Генри кивнула. Шип тоже кивнул. Андерс кивнул Танкуилу. Танкуил пожал плечами. Джейкоб стоял, не прячась, молча и бдительно.

— Пошли, — проворчал Шип и побежал по пустой улице. Остальные последовали за ним с той же скоростью и нырнули в следующий переулок. Людей они по-прежнему не встречали.

— Эта безлюдность мне всё больше не нравится, — сказала Генри.

— Возможно, в этом нам повезло, — ответил Танкуил.

Андерс фыркнул.

— Удача похожа дешёвую шляпу. Платишь ей, а потом на члене выскакивает мерзкая сыпь.

Танкуил посмотрел на него, а потом на свой пах.

— Не волнуйся, дорогой мой. Уверю тебя, через несколько месяцев она пройдёт.

— Сюда, — сказал Шип, указывая на здание справа.

Генри согласно проворчала, высунулась из переулочка, огляделась и выскользнула из укрытия, бросившись по грязному крыльцу к двери нужного здания. Дёрнула ручку, а потом исчезла из вида, скрывшись внутри. Спустя несколько напряжённых секунд наружу высунулась её рука и замахала им заходить внутрь.

Они по очереди забежали в дом, который подходил на роль опорного пункта, и всё прошло без происшествий. Танкуил не знал, что ему нравилось меньше — отсутствие людей вокруг, или что у всех до единого зданий горели лампы. Это казалось ему очень странным, но остальные не придавали этому значения, так что он решил промолчать.

Когда все очутились внутри, закрыли дверь и затворили окна, выдалась минутка расслабиться, что оказалось кстати, поскольку нервы Танкуила уже были на пределе. Он похлопал по мечу на боку, но быстро прекратил, заметив, что Андерс и Джейкоб за ним наблюдают. Генри подошла к окну и выглянула через ставни наружу, высматривая на улице любое движение.

— Надо сказать, это довольно странно, — сказал Шип. — Вряд ли я видел другой такой безлюдный город.

Джейкоб покачал головой, указал на ухо, а потом в направлении центра.

— Ты слышишь, как там впереди что-то происходит? — спросил Танкуил.

Тамплиер кивнул.

— Я ничё не слышу.

Танкуил посмотрел на татуировки на голове Джейкоба, вокруг его ушей.

— Его слух... лучше чем у многих.

— Ну, полезно это знать, конечно. Вот бы ещё, блядь, он мог сказать это, не махая руками.

Танкуил услышал шёпот. Что-то близко и в то же время далеко. Что-то пронзительное, глубокое и... он почти мог разобрать слова, если бы они были чуть отчётливее.

Генри у окна зашипела и подняла руку, требуя тишины, другой рукой приподнимая

ставень.

— Идут люди, — прошептала она.

— Сколько? — спросил Андерс.

— Ну, я во всех ваших цифрах особо не разбираюсь, так что скажу, что дохуя. — Она уставилась в окно и ругнулась. — Похоже, у них твоя баба, — сказала она.

— Что? — спросил Танкуил.

Генри заворчала, когда его воля сковала её волю, заставляя сказать правду.

— С ними Джеззет Вель'юрн.

Какое-то время для Танкуила в этих словах не было никакого смысла. Потом он понял, что ему всё равно. Он бросился к двери. Шип встал у него на пути, но Танкуил снова понял, что ему плевать. Прошептав благословение, он сильно толкнул и отбросил Шипа. Генри и Андерс двинулись, чтобы остановить его, но было уже поздно. Танкуил пинком распахнул дверь.

В жизни Джеззет нечасто, но случалось так, что слово "удивление" не могло полностью передать её чувства. Это был как раз такой случай. Не то её поразило, что дверь распахнулась, когда мимо проходила она, Кессик и их сопровождающие. Не то, что дверь так сильно ударилась о здание, что слетела с петель и рухнула, так что человеку, пнувшему её, пришлось пнуть ещё раз, чтобы убрать её с дороги. Всё её удивление было основано на том факте, что там стоял Танкуил. Наверное, ей следовало понимать, что так и будет — она же знала, что он придёт. Но по какой-то причине, быть может из-за его театрального выхода, его появление внезапно потрясло её, и сердце — вероломная тварь — ёкнуло в груди. Она бы обрадовалась, увидев его, и должна была обрадоваться, если бы не то, чему только Джез что стала свидетелем.

"Дыши, Джез!"

Она сплюнула, наверное в сотый раз за последние пять минут, и быстро вытерла рот рукой. Вероятно, от неё до сих пор пахло рвотой, и она знала, что это не очень-то важно, с учётом нынешнего положения. Но какая-то её часть, причём, довольно настойчивая, не желала, чтобы воссоединение с Танкуилом было испорчено вонью изо рта, словно у пьяницы. Нечасто Джеззет Вель'юрн не могла совладать с желудком из-за чего-то, кроме плохой еды и излишней выпивки. На самом деле раньше в её жизни такое случалось лишь однажды. Но то, что она увидела в том здании с красным крестом... она почувствовала, что желчь снова поднимается, сдержала позыв и сосредоточилась на Танкуиле.

Арбитр спустился с деревянного крыльца на пыльную улицу. Кессик так и стоял с каменным лицом, но пара демонов из его свиты, казалось, чувствовала себя слегка неудобно. "Разумеется, это может быть из-за того, что демонам неудобно в этих оболочках из мяса, Джез".

— Танкуил, — сказала Джез. Чертовски глупо было это говорить, и Джеззет понимала это лучше всех, но иногда её рот работал быстрее, чем мозги, которые в этот момент работать и вовсе отказывались.

— Джез, — сказал Танкуил, бесцветно улыбнувшись. Она подумала, что выглядел он неважно. Лицо покрылось морщинами, казалось, он постарел на добрых пять лет с последнего раза, как она его видела. Под глазами виднелись мешки, что придавало ему слегка угрожающий вид, а неухоженная щетина начала превращаться в кудрявую чёрную бороду. Джеззет этого не одобряла.

— Как трогательно, — сказал Кессик, и его голос скрежетал, словно ломающийся лёд. Джеззет бы и набросилась на него, но он был слишком далеко, и между ними стояло не меньше восьми одержимых демонами охранников.

— Вот уж точно, — сказал знакомый голос изнутри здания, из которого выскочил Танкуил. За голосом показался мужчина, которого она считала давно мёртвым, и немало порадовалась, увидев, что это не так.

Чёрный Шип вышел в дверной проём, остановился возле Танкуила и мрачно на него посмотрел.

— Пожалуй, надо бы нам перекинуться словечками о том, что ты тока что меня сбил. — Несмотря на глазную повязку — Джез могла лишь догадываться, что та не просто так — Шип выглядел нормально. Он был на добрый фут выше Танкуила, и к тому же шире в плечах.

Голова обрита, и рыжая борода покрывала большую часть его лица, частично скрывая шрамы. На нём был тяжёлый чёрный плащ, и Джек не сомневалась, что в карманах полно обычных для Шипа острых предметов. И он был не один.

Один за другим они выходили из здания. Здоровяк, чуть выше Шипа, у которого каждый дюйм кожи был покрыт татуировками. Маленькая женщина, подозрительно напоминая одного человека, которого Джек однажды сбросила с моста. Чистокровный мужчина, подозрительно напоминая одного человека, которого Джек однажды выбросила из окна. "Не совсем армия, но пятеро лучше одного".

— Ну, — сказал Шип. — Кажись, у нас тут прям встреча друзей.

— Рада, что ты здесь, — сказала Джек, и это была лишь наполовину ложь. Она была рада его видеть, просто не хотела, чтобы он сюда приходил.

— Чёрный Шип, — сказал Кесик.

— Мы с вами раньше не встречались? — сказал чистокровный.

— Кесик, ты, блядь, вырвал мне глаз!

— Джек, ты что тут делаешь?

— Который из них Кесик? — спросила Генри.

— От тебя с самого начала одно сплошное разочарование, Шип, — проворчал Кесик.

— Мне нужно выпить.

— Вся эта история с Дрейком...

— О, точно ещё ты хитростью пытался заставить меня убить Дрейка Моррасса!

— О, Дрейк, — просветлел чистокровный. — Он передавал привет.

— Довольно! — закричал Танкуил. Его голос был достаточно громким, чтобы все притихли. По крайней мере все, кроме татуированного мужчины, который весело мычал себе под нос, а его безумные глаза метались, осматривая собравшиеся перед ним силы.

— Кесик, — продолжил Танкуил. — Думаю, ты знаешь, зачем я здесь.

— Уж точно не ради гостеприимства, — промямлил чистокровный.

— Да. Я знал, что ты придёшь. Это Дрейк сказал тебе, что я здесь, или тебя послала Инквизиция? Я думаю, это был Дрейк.

Джек увидела, как Танкуил коснулся чего-то на бедре.

— На самом деле того и другого понемногу. Впрочем, это уже неважно. Снова ты не сбежишь.

Чёрный Шип немного наклонился к Танкуилу.

— Не уверен, что этот бой мы можем выиграть. — К Кесику прибывало пополнение, и многие из них несли остроконечных заточенных друзей. Другие несли тупых друзей, которые, тем не менее, казались не менее опасными.

— Вам не победить, — согласился Кесик. — Но я бы предпочёл, чтобы боя и вовсе не было. Мне нужны такие люди, как ты, арбитр Даркхарт. Люди, которые верят в общее дело. Ты знаешь, что Инквизиция слаба, да и все вы это видели.

— Я уже слышал эту песенку раньше, Кесик, — сказал Танкуил мрачным голосом, тёмным, как мешки под его глазами. — Инквизитор Герон пыталась убедить меня присоединиться к вам. Я сжёг её... дважды.

— Правда? — спросил Шип. — Дважды?

Джек увидела, как Танкуил пожал плечами и ухмыльнулся. Она не могла не последовать его примеру — казалось, так давно она не видела его улыбки.

— Если дело стоящее, — сказал Танкуил, — то можно его сделать и дважды.

Кессик перевёл взгляд на неё.

— Джеммет...

Она потёрла запястье, а её разум пытался придумать, что сказать. Она не доверяла Кессику, и уж точно не верила ему, но по мере того, как всё больше и больше одержимых воинов прибывало на площадь, всё выглядело для Танкуила только хуже и хуже. Она не хотела, чтобы он умер, не хотела, чтобы он страдал, только не... "Не думала, что увижу, как человеческую душу вырывают и сжигают дотла у меня на глазах". Она не могла допустить, чтобы такое случилось с Танкуилом, но сомневалась, что сможет столкнуть его с пути, даже если попытается.

"Все на тебя смотрят, Джем. Ждут тебя. Он на тебя смотрит".

Джем встретилась взглядом с Танкуилом и улыбнулась.

— Нахуй.

С той же улыбкой она пнула демона справа по колену, свалив того на землю, схватила меч в ножнах у него на поясе и отошла, обнажая клинок как раз вовремя, чтобы отпрыгнуть назад и отрубить руку очередного чудища в человеческой коже. Ей показалось, что она услышала, как ругнулся Кессик, и от этого её ухмылка стала только шире, когда на неё напал следующий демон.

У Джем всегда была способность начинать хаос, и можно было с уверенностью сказать: то, что исторглось на улицы Абсолюции, лучше и не опишешь. Команда Танкуила рассыпалась, разбежалась друг от друга, чтобы сражаться поодиночке. Танкуил бросился по улице к Кессику, вытаскивая свой старый побитый меч для защиты от демонов, но Джем потеряла его из вида, когда эти создания набросились на неё со всех сторон.

На неё напала демоница, изящная женщина с плоской грудью и в одной туфле — Джем пришлось нырнуть и покатиться, в последнюю секунду уклонившись от дикого взмаха булавы. Пока она катилась, её меч срезал ломоть ноги — недостаточный чтобы убить, тем более бессмертного демона, но этого хватило, чтобы сбить тварь на землю. Она почувствовала, что позади кто-то есть, крутанулась и поднялась лицом к преследователям. Проворно увернувшись влево и развернувшись, она рубанула мечом по большому черепу мужчины. словно дубиной ударила — расколотила часть черепа в мягкую бело-розовую массу, брызжущую кровью.

"Хорошая мысль, Джем. Пора найти клинок получше. Что-нибудь с острым лезвием".

На неё набросились ещё два демона, оба со своими острыми предметами, ни один из которых не выглядел лучше, чем заострённый кусок металла Джем. Она метнулась прочь от первой атаки, изумившись силе этой женщины, отбила вторую своим клинком, перенаправив удар в тело первой нападавшей, которая тут же пронзительно завизжала от боли.

"Приятно узнать. Ты не можешь убить их, Джем, но, чёрт возьми, ты можешь их покалечить, а уж это ты умеешь".

Ещё до того, как чокнутая сука заговорила, Генри по её лицу знала, что случится. Эта жестокая улыбка появляется на лицах людей, когда они собираются совершать насилие, и знают, что даже если случится худшее, они повеселятся. Генри видела это, и знала это, потому что и сама не раз так улыбалась. Впрочем, в последнее время не так уж часто. Теперь они представляли закон, и насилие стало куда более редким. Впрочем, насилие таких масштабов, как то, что видимо, случится тут, было просто неслыханным. В прошлый раз, когда Генри была в настоящей битве, половина Хостграда сбежала, а другая половина сгорела. И к тому же померла половина её команды, включая Босса. Мысль о том, что такое случится снова, ей не особенно нравилась. Так что лишь увидев улыбку на лице Мастера Клинка, и прежде, чем упали первые капли крови, кинжалы-близнецы были уже у неё в руках, и Генри применяла маленькие полоски магической бумаги арбитра.

Она повидала немало битв, слышала о том, как они должны протекать с участием организованных войск, о манёврах и о прочем. А то, что происходило здесь, напоминало пьяную драку. Люди на стороне Кессика разделились на группы и нападали на членов команды. Большинство мчалось в сторону арбитра — не Танкуила, а молчаливого, с татуировками. Но свою долю сражения получил каждый участник команды, и вместо того, чтобы поступать по-умному, держаться вместе и прикрывать друг другу спины, все разделились и сражались поодиночке. Это было не особо удивительно — в конце концов, все они были перевоспитанными преступниками. Порядок не являлся их сильной чертой.

Демоны были быстры и сильны, но и Генри медленной не назовёшь, и к тому же за её плечами был многолетний опыт садистского искусства убийства людей. Первый демон, добравшийся до неё — тощий каменнолицый попрошайка — умер как и любой неподготовленный болван, думавший, что она всего лишь та девчонка, какой кажется. Генри нырнула под его тяжёлым замахом, и, когда он потерял равновесие, воспользовалась его собственной силой, чтобы всадить ему в живот один клинок, а вторым пробила основание черепа. Труп упал, истекая прекрасной красной кровью, которую быстро впитывала бурая пыль. Либо работала магия арбитра, либо эти демоны были далеко не такие неубиваемыми, как о них говорили. Не такие, как демоны в Хостграде. Совсем не такие!

Следующий демон оказался другим: сморщенный от несчётных лет старик, одетый в обрывки мантии. Его длинная белая борода спускалась почти до пояса, а во рту остался лишь один зуб. Несмотря на внешний вид, он двигался как волк — размашисто мчался в сторону Генри, а потом бросился на неё, одним прыжком покрыв невозможное расстояние. Он застал её врасплох, возможно из-за своего внешнего вида, или из-за её задумчивости, и чуть не насадил Генри на свой меч — ей едва удалось вовремя отвести удар. Клинок скользнул вдоль кожаных доспехов и срезал маленький кусочек с её бока. Она зарычала от боли, отшатнулась назад, не став хвататься за кровоточащую рану, хотя и чувствовала, как та намокает. Не смертельная, и Генри тут же оправилась.

Старик не ослабил натиска. Он ещё пару раз размашисто шагнул и снова бросился на неё, осыпая градом тяжёлых ударов. Генри отступила, отражая те удары, которые могла, и уклоняясь от остальных. Её кинжалы не могли сравниться с увесистым мечом старика, по крайней мере в таком бою. Она идеально рассчитала удар, подождав, пока тот не махнёт мечом, шагнула в сторону, прыгнула к нему и вонзила оба клинка ему в грудь, и снова, и

снова и снова. Жаркая красная кровь брызнула на её одежду, на руки и на лицо. Старый демон снова попытался сделать выпад, но ему удалось лишь сбить шляпу с головы Генри, и его дрожащее окровавленное тело рухнуло на землю.

Двое готовы. Генри считала в уме убитых. Когда всё это закончится, она подождёт, пока Андерс не начнёт хвастаться, сколько он убил, и затмит его, упомянув невзначай, сколько убила она. Разумеется, чтобы хорошенько унизить болвана, понадобится больше, чем двое убитых. Но, судя по тому, сколько демонов хлынуло на площадь, ей ещё представится немало шансов.

На этот раз на неё набросились трое. Два мужчины и женщина средних лет. Женщина в голубой сорочке, а мужчины в модных костюмах. Они выглядели очень похоже, братья, возможно даже близнецы, и напали в унисон, а женщина старалась зайти сзади. Генри сделала обманный выпад в сторону мужчин, потом повернулась, подбежала к женщине и атаковала, легко отбив слабый удар суки и выпотрошив её, словно рыбак рыбу. Ещё больше красного окропило землю, превращая пыль в липкую грязь.

Два мужчины набросились, игнорируя павшую соратницу, словно женщина и с самого начала была для них всего лишь мёртвым мясом. Генри оглянулась на поле битвы. Множество демонов окружило арбитра — не Танкуила, второго, но тот вроде держался. Андерса нигде не было видно, скорее всего, он давно сбежал и прятался в шкафу. Шип был поблизости, он ворчал и хрипел, а вокруг валялось несколько трупов. Хотя, пока Генри смотрела, один из них встал и снова набросился на Чёрного Шипа. Сузку нигде было не видно, и это беспокоило её больше всего. Что-то в большом хонине успокаивало её, заставляло чувствовать себя сильнее, снижало её склонность к убийствам. Ей это нравилось. Он ей нравился. И больше всего ей нравилась она сама, когда хонин был поблизости.

Её нога ударила в деревянное крыльцо, и Генри едва не свалилась. Она почти и не заметила, что отступает. Близнецы не тратили времени и воспользовались моментом её замешательства для атаки. Набросились с двух сторон, один атаковал сверху, другой снизу. Она шагнула к демону справа, заблокировала удар обоими кинжалами и надавила изо всех своих сил. Демон навалился ещё сильнее, и прежде, чем Генри очухалась, ударил её по лицу. Она почувствовала, что нос сломан — хруст хряща и боль; столько боли, что она стала хватать воздух ртом, и это принесло ворох новых проблем. Генри сглотнула кровь, красную и красивую, которая текла из носа в раскрытый рот. Металлическая, липкая и алая, как самый прекрасный восход.

Она скорее почувствовала, чем увидела меч. Перед глазами всё плыло, стояли пятна таких цветов, названий которым она не знала, и даже они размывались от боли, но она знала: что-то приближается. Генри долгие годы была убийцей, и обострённые чувства предупредили её, что она вот-вот умрёт. Она рухнула на колени и почувствовала, как клинок коснулся головы, скорее всего срезав несколько волосков. Тогда она поднялась и отшатнулась назад, снова ударила об деревянное крыльцо, ввалилась в здание, вскочила на ноги и встала перед зияющим дверным проёмом.

Из света факела снаружи влетела размытая фигура. Из-за крови и боли Генри не видела её отчётливо, и ей было наплевать. Она метнула свой кинжал в то, что скорее всего было головой, и услышала глухой удар. Размытая фигура плюхнулась на пол у стены, а следующая взревела от злости. Генри метнула второй кинжал. Фигура бросилась на неё. Сначала её сбilo с ног, а потом целый мир врезался Генри в спину, вышибив из неё дух. Демон резанул её когтями, сделанными, казалось, из металла — один прорезал кровавые полосы на груди, а

второй попал по голове. Судя по ощущениям, оторвало левое ухо, но у Генри не было возможности посмотреться в зеркало, чтобы узнать наверняка. Она быстро, как змея, потянулась вверх, схватила обеими руками голову демона, отыскала глазницы и изо всех своих сил надавила большими пальцами. Демон вырывался из рук, но Генри не отпускала, игнорируя жгучую боль, и давила, давила, давила.

Снова кулак ударил её в голову. Она его видела — последняя отчаянная попытка демона сбросить её. Это сработало. Генри упала назад и поползла прочь. Как можно дальше от ярившейся твари, к стене, откуда она стала наблюдать за ней. Тварь врезалась в стену, потом отшатнулась и врезалась в другую. Лицо превратилось в кровавое месиво, и даже в темноте здания Генри не сомневалась, что демон обеими руками сжимает голову, вопя и шатаясь. Наконец тварь вывалилась на улицу и помчалась прочь от здания, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь на ноги.

Генри подождала, не зная, как долго. Боль в руках, в груди, в животе и в голове постоянно пульсировала, и Генри не могла её игнорировать. Она осторожно подняла руку и коснулась левой стороны головы. Ухо качалось. Нехороший знак, качающееся ухо, особенно с учётом того, как оно болело.

— Поднимайся, — сказала она сама себе, и её голос дрожал, как деревце в грозу. — **ПОДНИМАЙСЯ!** — крикнула она себе.

Люди на неё рассчитывают. Шип, Сузку, и чёрт, даже Андерс. Она не могла просто сидеть в уголке и плакать, надеясь, что демоны пройдут мимо неё, как прошли в Хостграде. Как она сидела в Хостграде.

Она вытерла слёзы из глаз и заметила, что руки целиком покрыты кровью — её и демонов. Что-то в этом придало ей сил. Так всегда бывало с видом крови. Было в ней что-то королевское, изначальное, прекрасное. Генри заставила себя подняться на ноги, забыть о боли и подобрать свои кинжалы — один с пола и один из лица демона. Вышла на улицу, быстро оглядела поле битвы и принялась разыскивать свою команду.

Андерс отскочил назад, а потом сделал выпад рапирой, сильно хлестнул по рёбрам мужчины и издал триумфальный вопль, который устрасил бы и самого отважного спарринг-партнёра. Но если спарринг-партнёр, стоявший перед ним сейчас, и почувствовал что-то — боль, удовольствие или хотя бы лёгкий дискомфорт, — он никак этого не показал. Проигнорировав кровавую рану, судя по всему уже закрывшуюся, он набросился на Андерса, размахивая топором. Андерс, зная, что с рапирой против топора не устоять, отступил, снова сдав позиции.

Проблема заключалась в том, посетовал Андерс, что он просто неважный боец. Из-за него умерло немало человек, но собственно в убийствах он никогда не был особенно хорош. За исключением пары смертельных несчастных случаев, убийства Фарина Колта по приказу Дрейка и нескольких стражников или преступников (в Диких Землях их часто сложно было их различить), на его счету было не так уж много убийств.

К драке присоединился ещё один демон — на этот раз изумительно красивая женщина с прекрасными чертами, огненными волосами и одной открытой грудью. Андерс остутился, отшатнулся от неё, а потом отскочил от мужчины с топором. Странно, но даже посреди хаоса и кровопролития вид бледной открытой груди возбуждал его. Напоминал о Рилли. Напоминал о Генри.

Он поднялся на ноги и встретил соперников с высоко поднятой головой, прямо как должен поступать настоящий мужчина, по уверению его отца. Разумеется, здоровяк с топором и прекрасная женщина с коротким мечом никак не оценили его отвагу.

Финт влево, уклон вправо, и Андерс оставил ещё один порез на рёбрах мужчины, и снова на тварь это никак не повлияло. Отскакивая назад, Андерс мельком заметил Чёрного Шипа, рубившегося среди четырёх человек. На это стоило взглянуть, хотя Андерс искренне надеялся, что ему больше никогда не выпадет шанс снова посмотреть на такое, но его взгляд привлекло золотистое сияние вокруг окровавленного топора. Разумеется, это могла быть просто игра света, но она вызвала в опьянённом разуме Андерса воспоминание, и тогда он сунул руку в карман, вытащив полоску бумаги.

С короткой молитвой Богам отца, Андерс разрезал своей рапирой бумажку напополам, и в награду его оружие тоже засияло.

— Пожалуй, теперь мы в более равных условиях, а? Всё ещё думаете, что у вас есть шансы? — усмехнулся он.

Оба демона ответили лишь яростными атаками, от которых Андерс, несмотря на свой сияющий меч, отошёл — и он отлично знал, что это было синонимом слова "отступить", которое, в свою очередь, являлось синонимом слова "драпать", а уж драпать-то он умел прекрасно.

Прекрасная женщина запуталась в своём порванном платье, и, несмотря на первый инстинкт Андерса помочь ей и стащить её кошелек, он воспользовался этим сомнительным преимуществом, чтобы броситься в бешеную и, вполне вероятно, самоубийственную атаку на человека с топором. Увернувшись от топора, пролетевшего в дюйме от него, и бессловесно вскрикнув от ужаса, Андерс оказался перед демоном, с футом стали, вонзённым под впечатляющим углом в брюхо твари. Наградой ему стал рёв боли. Андерс как раз собирался поздравить себя с отличной работой, когда мужчина прекратил рычать и взглянул на него

полными ярости глазами. С девчачьим вскриком Андерс вытащил клинок из живота мужчины, и вонзил ему в шею и в голову. Демон некоторое время качался, жуткий хрип сорвался с его губ, а потом он завалился набок, выкрутив клинок Андерса из руки.

Другой проблемой, пришлось признать Андерсу, было то, что он оказался совершенно один. Ему всегда было намного лучше в толпе людей, которым он нравился, или которые по крайней мере могли его терпеть. Они придавали ему сил, а он в свою очередь старался быть лучше в их присутствии. Здесь же, наедине с собой, он отлично понимал, что он практически бесполезный пьянчуга, не способный хранить верность своим нанимателям. С тяжёлым вздохом он протянул руку, чтобы высвободить рапиру. К несчастью у прекрасной демоницы были другие идеи, и, пренебрегая мечом, она как раз в это время решила врезаться в Андерса и сбить его на землю.

Некоторое время они боролись в пыли и грязи, и каждый миг был для Андерса жуткой вечностью. Несомненно, она была сильнее и быстрее, но Андерс вырос в условиях постоянных неожиданных стычек, и, хоть ни одна из них ему не понравилась, он научился себя защищать. Изгибаясь, извиваясь, пихаясь и один раз нахально схватившись за грудь, он высвободился из-под женщины и отполз, пытаясь найти свою рапиру. Демоница снова набросилась на него задолго до того, как он отыскал клинок.

"Осмотрительность", — однажды сказал Андерсу Дрейк, вдрызг напившись чёрного, как смоль, рома — "это безо всяких ёбанных сомнений самая охуенная часть бесстрашия". Этот урок Андерс принял близко к сердцу, и он не раз спасал ему жизнь. И сейчас, как он страстно надеялся, как раз один из тех случаев. С этой мыслью он пустился наутёк.

Он мчался мимо крови и насилия, мимо трупов, и мимо трупов, которые поднимались, чтобы снова окунуться в кровь и насилие. Он заметил приветливо открытую дверь, которая словно приглашала внутрь, и тут же направился к ней. Андерс не знал, с чего он решил, что в здании будет безопасно. Но в конце концов он действовал скорее инстинктивно, чем обдуманно, и инстинкт сказал ему, что четыре стены и крыша неминуемо безопаснее, чем отсутствие стен и крыши. Инстинкты Андерса часто заводили его в неприятности, в этом на них можно было рассчитывать.

Он резко остановился в коридоре обветшалой лачуги и захлопнул за собой дверь как раз вовремя, чтобы ударить прочной деревянной дверью по лицу вопящую, хоть и прекрасную демоницу. Потом он развернулся и обнаружил другую женщину, куда менее красивую, но куда более серьёзно вооружённую. В её руках был длинный меч, причём довольно острый с виду.

— А-а... — сказал Андерс, умиротворяюще поднимая руки. — Моя дорогая, я вот думаю...

Женщина, зарывав, прыгнула на него, размахивая своим длинным мечом. Андерс бросился в бок, ударился в покрытую плесенью стену и ускользнул в ближайшую комнату, отлично зная, что тварь за спиной следует за ним по пятам. Он уже наполовину пересёк комнату, когда что-то громко разбилось об его затылок, отчего он рухнул на пол, прихватив с собою стол.

Андерсу хотелось лишь схватиться за голову и немного постонать, но он знал, что такое потакание себе, скорее всего, станет для него неизбежной смертью, так что он перекатился на спину и стёр кровь с лица. Кровь, которая на вкус была подозрительно похожа на вино. Он облизал губы.

— Ты бросила в меня кувшин с вином? — спросил он вошедшую демоницу.

Она не ответила, лишь прыгнула на него, схватила за шею и ударила мечом в грудь.

Андерс Брекович знал одно: если уж он и умрёт, то, чёрт возьми, это будет лучшая сцена смерти, сыгранная когда-либо. И плевать, что увидит её лишь демоница, которая его убьёт, да маленький кузнечик, сидевший на подоконнике. С этой мыслью он завопил от боли и страданий, и этот крик мог бы тронуть даже сердца статуй. Он выбросил руки, вскричал о несправедливости мира и наконец испустил последний выдох. Только чтобы вдохнуть снова.

К чести демоницы — уродливой, покрытой шрамами, зверской, безносой твари — она выглядела так же озадаченно, как и Андерс. Она приподняла свой меч и обнаружила, что тот попал во что-то в его куртке. Их глаза встретились, и они оба поняли, что она ударила в его фляжку. Он ухмыльнулся. Что-то тёмное и сердитое ударило демоницу и стащило с Андерса. Демоница и яростный вихрь клинков завозились на полу, потом вихрь одержал верх, уселся на демона и начал колотить. Андерс некоторое время ошеломлённо лежал на полу, а потом понял, что Генри только что снова спасла его жизнь и теперь проверяет внутренности демоницы на предмет каких-нибудь ценностей. Разумеется, она нашла там только кровь, и немало. На самом деле, кровь с неё капала ещё до начала атаки, так что, если уж на то пошло, теперь она, пожалуй, казалась даже чуть менее окровавленной.

Когда демоница перестала дёргаться, Генри поднялась. Её шляпа давно потерялась, лицо превратилось в алую маску, левого уха не хватало, и два глаза лихорадочно блестели. Она протянула ему окровавленную руку. Он не стал медлить и принял её.

— Думаю, благодарность будет уместна, — сказал Андерс. — Миледи, вполне возможно, что вы только что спасли мне жизнь.

Генри кивнула на дверь комнаты и на окно, и Андерс увидел ещё трёх приближающихся демонов — двух тощих мужчин и одну очень красивую женщину со сломанным носом.

— Андерс, вряд ли стоит благодарить, пока эт не стало фактом, — сказала Генри, перехватывая кинжалы и готовясь к атаке.

— Тогда как насчёт извинений, — сказал он, улыбаясь ей своей печально известной и тщательно отрепетированной улыбкой. Она её проигнорировала. — Я прошу прощения за всю эту историю, из-за которой ты утратила ко мне доверие.

Демоны медленно приближались, осторожно глядя на Генри и на её светящиеся кинжалы.

— Какую историю? — спросила она. — Ты о той херне, что ты работаешь на ёбаного Дрейка Моррасса?

Андерс поднял сломанную ножку стула — она не очень-то походила на оружие, но Андерс полагал, что разбить череп — всё равно, что разбить яйцо, только надо махать сильнее.

— Именно. Прошу прощения.

Генри фыркнула.

— Если хочешь прощения, прекращай, блядь, на него работать.

— Нельзя просто перестать работать на Дрейка Моррасса, моя дорогая. Обычно он отпускает людей только... с большой высоты.

— Трус.

— Я никогда и не заявлял об обратном.

— Готов?

— Нет.

— И так сойдёт. — Генри бросилась в атаку, Андерс за ней.

Они не шевелились. Ни Перн, ни мастер Кочин. Лица старого учителя он ещё не видел, но в этом и не было необходимости — он знал каждую его чётточку, каждую морщинку, каждый шрам и каждое выражение. Мастер Кочин был старым, ещё когда Перн был ребёнком. Самый долгоживущий хаарин клана, ни разу не терял клиента, ни разу не подводил клан. Кочин — само воплощение хаарина, и он находился здесь, чтобы убить Перна.

Здесь нечего было говорить. Перн знал, что настанет день, когда хаарин из клана его настигнет. Он сильно надеялся, что это окажется кто-то другой, кто угодно, но мир работает по своим законам, и, сколько ни надейся, этого не изменишь. Они будут сражаться. Один умрёт. Скорее всего, умрёт Перн, хотя он и надеялся на иной исход.

Донеслись звуки битвы — лязг металла по металлу, крики, вопли, даже пара взрывов. Ни Перн, ни Кочин по-прежнему не двигались. Ночь была прекрасной, воздух чуть прохладный, и лампы, как могли, разгоняли темноту. Над головой мерцали звёзды, то пропадая, то появляясь, а они вдвоём так и стояли друг в десятке шагов друг напротив друга.

Действие посредством бездействия — часть обучения хаарина. Битвы нужно выигрывать одним ударом клинка, и в этой дисциплине неподвижность так же важна, как и движение. Перн прокручивал в голове сотню движений, а потом обдумал другую стойку и прокрутил ещё сотню. Возможно, Кочин занимался тем же самым — скорее всего так оно и было.

Перн не знал своего отца. Как и любой хаарин. Их забирали в детстве, старейшины давали им имена и воспитывали как следующее поколение всего клана хааринов. Он не знал отца, но в минуты слабости, в полётах фантазии, представлял себе, что был зачат Кочином. Сильные руки, твёрдая ровная стойка и небесно-голубая аура глубочайшего контроля. Любой хаарин гордился бы, будь он зачат Кочином, и Перн не был исключением.

Издали донёсся очередной крик, на этот раз похожий на Генри, и на миг глаза Перна дёрнулись.

— Пришло время исполнить твой контракт, хонин, — голос мастера Кочина был густым, глубоким и с сильным акцентом от долгих лет жизни в Диких Землях.

Он отработал не меньше четырёх контрактов. Большинству хааринов в лучшем случае доводилось отработать два. Перн не исполнил даже первого — он едва начал его, а потом помог убить человека, которого поклялся защищать.

— Клан выдал контракт Кессоку? — спросил Перн.

Мастер Кочин медленно поднял шишковатую руку и наверху меча приподнял на дюйм свою шляпу. Перн увидел глубокие зелёные глаза на старом морщинистом лице, сердито смотревшие на него из-под соломенного конуса.

— Кессик пришёл к нам. Он не просил контракта. Он сказал, что ты с Чёрным Шипом, и что Чёрный Шип придёт за ним.

— Тогда, если вы меня убьёте, — медленно сказал Перн, — прошу вас, сделайте то же и с Кессоком.

Молчание. Оно тянулось так долго, что Перн начал думать, что старый учитель хааринов не ответит.

— Это не моё дело. Я хаарин.

Перн стиснул зубы. Впервые в жизни он почувствовал, что бездействие претит ему. Его друзья сражались, может даже умирали. Чёрный Шип и Андерс. Генри. Его зубы заскрежетали друг об друга, и он медленным движением вытащил свой меч. Когда клинок полностью вышел из ножен, он взял рукоять двумя руками — направив острие вниз и вправо.

Мастер Кочин по-прежнему не вытаскивал свой меч.

— Если вы не убьёте Кессика, тогда мне придётся убить вас, — сказал Перн сквозь сжатые зубы. Грязно-красный цвет стал просачиваться в его ауру. Если бы Кочин мог её видеть, то почувствовал бы отвращение. Хаарину не нужны эмоции, особенно гнев.

— Конец у этого может быть только один, хонин. Если ты одержишь верх надо мной, то, пока дышит хотя бы один хаарин из нашего клана, за тобой будут охотиться.

Сузку нахмурился.

— Я вижу два возможных конца.

Мастер Кочин убрал меч от шляпы, позволив ей снова скрыть его лицо.

— Ты уничтожишь свой клан ради этого?

— Я видел людей, которых защищает наш клан. И сам я должен был защищать самого злобного из всех, кого я когда-либо знал...

— Не дело хаарина судить клиента.

Перн выпрямил спину и встал в полный рост.

— Я хонин. Я могу судить, кого угодно.

И снова сокрушающая тишина. Даже сейчас, спустя год после того, как он стал хонином, разочарование мастера Кочина ранило Перна до глубины души. Он сосредоточился, стараясь скрыть чувства, как учили хааринов. Плохо, что он не мог от них избавиться, не мог снова обрести то ощущение покоя, которое было у него, когда он знал, что всё делает правильно, служа своему клану.

По улице полетели пепел и горячая зола. Что-то где-то горело — скорее всего, здание, а возможно и весь город. Перн не собирался оглядываться, чтобы выяснить. Отвести взгляд от оппонента было бы равносильно смерти, и сам мастер Кочин собирался пригласить смерть.

Перн чуть склонил свой меч и отставил левую ногу на дюйм назад, всё ещё пытаясь решить, как лучше атаковать. Сам мастер Кочин однажды сказал: "Иногда лучший способ победить — это сделать не то, что противник не ожидает, но то, что он ожидает, только лучше, чем он ожидает". Редко можно услышать слова мудрее, но Перн по-прежнему плывал в море возможностей. Кочин был самым опасным противником из всех, с кем Перну доводилось встречаться, и теперь, когда Перн стал хонином, он, не колеблясь, нанесёт смертельный удар бывшему ученику.

Перн выставил вперёд правую ногу. Кочин атаковал.

Для человека его лет хаарин двигался как молния. За несколько мгновений он покрыл разделявшее их расстояние, а Перн всё ещё стоял в нерешительности. Он слышал, как меч Кочина вылетел из ножен, увидел наклон его левой ноги и начал действовать.

Перн шагнул влево, опустился на одно колено и ударил. Его меч в правой руке взмыл по смертоносной дуге вверх и вперёд. Он почувствовал, как меч Кочина кольнул его в грудь, боль пронзила, будто раскалённое копьё, и исчезла.

Перн встал на трясущихся ногах и сделал глубокий неровный вдох.левой рукой он достал из кармана грязную белую тряпку. С преувеличенной тщательностью стёр кровь с клинка, убедившись, что на мече не осталось ни пятнышка. Сунул тряпку в карман и медленно убрал меч в ножны. Потом Перн вздохнул, прозрачная улыбка появилась на его

губах, и он рухнул рядом с телом своего старого учителя. Их кровь смешалась в пыли.

Уже так давно мир был тихим. Джейкоб не слышал музыки с того самого дня в Чаде; с тех пор, как очнулся без языка. Теперь всё было иначе. Играл целый ансамбль, и они издавали такой шум, что Джейкоб больше ничего не слышал. Нестройно играли барабаны, дудки, лютни, свистульки, скрипки, флейты и даже арфа. Иные посчитали бы мешанину нот и звуков всего лишь шумом, но Джейкоб за хаосом слышал порядок. Звуки тащили его, словно лист по течению, и он всей душой отдавался этому потоку. Он позволил ему увлечь себя, тянуть, толкать, кружить и двигать. И его партнёры — вокруг было так много партнёров, — ожесточённо знакомились с радостью и ужасом его танца.

Юная девушка, у которой, вероятно, ещё и кровь ни разу не шла, дотянулась до него, страстно желая слиться с ним в джиге. Джейкоб схватил её запястье, развернул, сломал ударом руку и бросил в весёлых зрителей. Её крики лишь добавили танцу ритма.

Следующая женщина была значительно старше. Её плоть говорила о недавно рождённом ребёнке, а бедра — о том, что это был последний из многих. Она вступила в танец и принесла с собой холодную сталь. А ещё старик со шрамами от оспы и зубами, словно ножи. Джейкоб был не против нескольких партнёров. Музыка играла громко, ночь в разгаре, так что чем больше, тем веселее. Он увернулся от топора мужчины, нырнул под мечом женщины и, словно гром, ударил её кулаком в живот. Он насчитал четыре сломанных ребра. Когда она рухнула, Джейкоб вырвал сталь из её рук, вонзил мужчине в лицо и оттанцевал от струи крови. Встав за женщиной, он схватил её подбородок, вывернул назад и услышал и почувствовал, как хрустнула её шея.

Всё больше и больше партнёров выходило на сцену, и Джейкоб танцевал со всеми. Может, они и были демонами, которые сильнее и быстрее, чем выглядят, но он был лучше их всех. Их кости ломались, как веточки, а кровь была такой же красной, как и у всех. Его благословения пылали мощью, и с каждым новым партнёром Джейкоб чувствовал себя сильнее.

Раскрытой ладонью он отвёл в сторону меч и направил удар в другого человека. Разбил локтем челюсть мужчины, словно стекло. Поднял бездушное мёртвое тело ребёнка с демоном внутри и бросил в толпу. Упал, перекатился в пыли и стал разбрасывать тела потоком ударов, каждый в такт барабанам. Демоны продолжали прибывать, его сила привлекала их, как свет влечёт мотыльков, и Джейкоб сожжёт их всех.

Ритм ускорился и ускорился, и Джейкоб плясал всё быстрее. Он стал размытым пятном. Вспышкой. Молнией, которая била снова и снова и снова. Он схватил чью-то ногу — демона с лицом мужчины, большого как медведь, — и вывернул. Кости хрустнули, и демон упал ничком, но Джейкоб его не отпустил — он прыгнул демону на спину и потащил. Плоть разорвалась, и нога вырвалась в потоке крови и криков. Джейкоб развернулся, орудя ногой, словно булавой.

Его схватил за руку мужчина, два длинных когтя попытались впиться в кожу. Джейкоб подошёл к нему ближе и трижды боднул в голову, пока их лица не покрылись кровью. Отошёл назад, потом шагнул вперёд, а потом в сторону в странном вальсе, и обмякшее тело человека висело в его руках. Музыка снова сменилась, все инструменты кроме скрипки затихли. Джейкоб сунул руку в рот мужчине, схватил его за нижнюю челюсть и вырвал, ударив осколком кости в глаз следующему партнёру.

Одному партнёру удалось его удивить — он так рвался потанцевать, что ударил сзади. Металл проколол кожу, и Джейкоб охнул от боли. Они оба упали, покатались в пыли среди тел, но Джейкоб вскочил первым. Схватил партнёра за руку — женщину с глубокими синими глазами — и поднял. Оболочка полетела, крутясь в воздухе, словно тряпичная кукла — раз, другой, — а потом грудой рухнула на землю. Джейкоб вытащил из бока кинжал, и снова застучали барабаны, и с каждым ударом наносился укол, и наступала смерть.

На миг музыка замедлилась. Арфа сыграла грустную ноту, и Джейкоб увидел её на другой стороне улицы. Женщина, которая начала бой — та, которую знал Танкуил. Даже будь у него язык на месте, Джейкоб онемел бы от её вида. Она плясала в своём собственном ритме. Её движения были водой, а удары — огнём. Она была художником, рисующим все оттенки смерти, и вся жизнь была её холстом. На миг Джейкоб замер, в благоговении любуясь её грацией, и ничего ему не хотелось так сильно, как станцевать вместе с ней. Но она не была его партнёром, и никогда не будет. Джейкоб был благословлён, ему не суждено было умереть, но он знал, что в бою с ней ему не победить.

Перед Джейкобом возник солдат с двумя ножами, и музыка вернулась, обрушилась, как цунами, и Джейкоб врезался в этого человека. Он стал вихрем ударов, каждый из которых дробил кости и разрушал плоть. Он швырнул наземь голову солдата, и всего лишь на миг остальные демоны замерли. Всего лишь на миг.

Чёрный Шип

Ничто не разгоняет кровь лучше хорошего боя, за исключением, может, хорошей ебли, но её сейчас не предлагалось, и Бетрим рад был подраться. По правде говоря, уже много времени прошло с последней стычки вроде этой. Он был избит и весь в крови, и шансы были никудышными, но он не сдавался. И если эти падлы хотели завалить его, то, чёрт возьми, он не сомневался, что прихватит нескольких с собой.

Из пореза на лбу потекла крупная капля крови, задержалась на кончике покрытого шрамами носа и упала в пыль. Демоны набросились на него прежде, чем успела набухнуть следующая капля. Четверо, и каждый вооружён мечом. Три мужчины и женщина, и все выглядели так, словно когда-то были солдатами, стражниками или даже охотниками за головами, как он сам. Шип взмахнул левой рукой, и очередной кинжал полетел в горло женщине. По правде говоря, у него быстро кончались острые предметы для метания, и от них было не очень-то много проку — разве что немного сбивали с толку жертв, которым приходилось вытаскивать металл из тела.

Он подступил к первому демону, отбив топором меч, потом к следующему, поступив также, потом скользнул вокруг третьего врага, отрубив тому кусок ноги лезвием топора. Впервые разрубив руну пополам, он почти ожидал, что его оружие запылает, но этого не произошло, оно всего лишь слегка засияло. Словно отблеск фонаря на золоте, вот только сияние, казалось, исходило из самого клинка.

Он отскочил назад на несколько шагов, чуть не споткнувшись о тело одного из предыдущих противников. Проклятая баба воняла, как бордель — застарелым потом, сексом и кровью. Не самый заманчивый аромат, это уж точно. По правде говоря, было время, когда Чёрному Шипу он показался бы притягательным. По правде говоря, с тех пор прошло много времени.

Женщина набросилась на него, короткий меч блестел в свете огня. Похоже, какое-то здание рядом хорошенько полыхало, и несомненно в этом обвинят Бетрима. Чёрный Шип рассмеялся, отходя от удара, и вонзил топор женщине в горло, прямо рядом с кинжалом. Чёрт, от всей этой инерции едва не срубил ей голову начисто. Он вырвал из её руки меч, пока труп падал наземь, и приготовился встретить трёх остальных демонов. Ему не очень-то нравилось фехтовать на мечах, но иногда нужда заставляет, а прямо сейчас нужда уже серьёзно припекала.

Три демона приближались медленно, не спеша. Они шли так медленно, что Бетрим уже начал думать, будто они планируют дать ему истечь кровью до смерти. Порезов уже было немало, хотя вроде ни один из них жизни не угрожал.

— Тока не грите мне, что вы все пересрались от страха, — проскрежетал он. — Я-то думал, понадобится больше таких, как я, чтоб напугать демона.

Один из них, мужик с большим носом, покрутил головой и убежал прочь. Остальные всё так же приближались. Бетрим попытался не спускать глаз со всех, что было непросто, когда глаз только один.

Оба оставшихся демона бросились на него. Он быстро обдумал возможные исходы своего первого побуждения, потом проигнорировал советы разума, и сам бросился на врагов. Новым мечом отразил атаку правого демона, потом отбил топором атаку слева. Затем ткнул мечом в лицо левому демону, а правому рубанул промеж глаз топором.

Левый демон с криком отшатнулся, вцепившись в сталь, торчавшую у него изо рта. Правый демон рухнул наземь, и, судя по виду, помер. Бетрим нагнулся, с кряхтением вытащил топор из его головы, а потом швырнул его в раненого демона. Лезвие вонзилось твари в грудь, и демон со стоном глухо упал на землю. Вышло отлично, и Бетрим ухмыльнулся, отлично зная, как отвратительно это выглядит со стороны, и ничуть об этом не беспокоясь.

Что-то острое болезненно и крайне несвоевременно вонзилось в мышцу левого бедра. Шип развернулся и увидел маленькую девочку лет шести, рычащую на него. Он посмотрел на свою ногу.

— Копьё? Ебучее копьё? — взревел он. По правде говоря, оно, похоже, попало бы ему в задницу, если бы не плащ. Никогда ещё он так не радовался дорожному плащу. Не то чтобы он за него платил. Вышло так, что это был подарок от Розы, и дыра на нём Бетрима вовсе не обрадовала.

Он схватил копьё и сломал его другой рукой, выкрутил наконечник из ноги, чуть не вырубившись при этом, а потом подтащил к себе девочку и воткнул металлический наконечник копья в макушку её черепа.

Бетриму уже доводилось разбираться с мертвецами, и он знал, что иногда после обычного убийства они остаются несколько более живыми, чем ему бы хотелось. Поэтому-то он не сильно удивился, когда девочка рухнула наземь и забилась, словно рыба на берегу, вместо того, чтобы просто спокойно помереть. А ещё он знал, что топор покончит с девочкой раз и навсегда, вот только топор был там, а Бетрим здесь, так что у него появилась другая мысль. Он наступил на бьющуюся спину девочки, поднял большой окованный металлом сапог и топнул ей по голове. Та хрустнула и разорвалась, очень похоже на дыню.

Девочка замерла окончательно.

Бетрим поднял сапог, теперь липкий от красного, розового и серого, и неловко шагнул назад. Он многое повидал в своей жизни, и многое натворил, кое-что даже похуже этого. И всё же по какой-то причине оказалось нелегко сдержать внутри последний обед, но он справился. Едва-едва.

Он оглянулся в поисках своего топора и нашёл его там, где и оставил. Бетрим неспешно подошёл к нему и вытащил.

— Пожалуй, надо в будущем ты из рук не выпускать, — сказал он, ухмыльнувшись.

Странно, но он вдруг понял, что никто больше не пытается его убить. Поблизости от него шёл серьёзный бой — демоны, больше чем он мог сосчитать, хлынули, чтобы свалить арбитра с татуировками. Похоже, и тот демон, что сбежал от Чёрного Шипа, тоже был там. Было в этом что-то слегка досадное. Как будто бы Бетрим Шип оказался недостаточно ужасным, так что демон решил поискать смерти где-то в другом месте. Из круга вылетело тело и врезалось в землю, и ещё два демона кинулись занять его место.

Тогда Шип мельком заметил арбитра. Джейкоб крутился, бил, уклонялся и отбивался. Пока Бетрим смотрел, два демона прыгнули ему на спину и свалили на землю. Ещё больше демонов напрыгнуло сверху, и все они стали извивающейся массой плоти и диких, жестоких атак.

Похоже, бедняге не светило ничего хорошего. Арбитр свалился, и некому было ему помочь. Возможно, Чёрный Шип оставался единственным, кто мог прийти на помощь. Бетрим пожал плечами и продолжил осматривать улицу.

Он заметил Генри и Андерса, которые крались вдоль здания, прикрывая друг друга. Оба

выглядели неважно, а Красная Генри полностью оправдывала своё прозвище. Поблизости бродила целая группа демонов-людей, по меньшей мере семеро — готовились отправиться на охоту. Чёрному Шипу это не понравилось.

Кессик стоял на другой стороне улицы, направляя своих подручных безумными жестами и безумными приказами. Шип подумал, что может и добежать до ублюдка. У того было несколько охранников, возможно, лучших, но Чёрный Шип не боялся хорошего боя. Решение было принято до того, как он всё хорошенько обдумал, и Бетрим сомневался, что принял бы какое-то другое, даже будь у него на это целая вечность безделья. Он поднял топор, дико ухмыльнулся, прорычал что-то бессмысленное и, как решило бы большинство людей, гневное, и бросился на помощь своей команде.

Джез в жизни никогда не было легко. Сколько себя помнила, она сражалась, дралась, царапалась и трахалась каждую минуту своего нередко мучительного существования, и сейчас это не было исключением. Она каждый миг отбивалась, рубила, парировала, рычала, блокировала, била, колола, уклонялась, пиналась и кричала, и каждый миг всё больше и больше становилась той женщиной, которой должна была стать по словам Юрия Вель'юрна.

Многие годы назад Джеззет убила своего старого учителя, как и полагается всем Мастерам Клинка. Последнее испытание и самый главный вызов — убить человека, которому она стала доверять свою жизнь, человека, который обучил её всему, что она знала. Это не было чистым убийством. Она нанесла ему смертельную рану, а он улыбнулся и сказал: "Хоть я был Мастером Клинка, но прожил бесполезную жизнь, гоняясь лишь за своими желаниями и очередными сокровищами. Но ты, Джеззет, ты станешь великой, величайшей и даже более того. Твоё имя будет...". Тут он умер, но мысль Джеззет поняла. Она всегда считала это глупостью, бормотанием старого умирающего человека. Но в Сарте, отбросив страх и комплексы, она поняла, что Юрий был прав. Ей не хватало только цели.

Мастера Клинка прошлого следовали благим целям, поддерживали великих королей и королев, или же сражались на стороне повстанцев, помогая тем, кто не мог помочь себе самостоятельно. У Джеззет Вель'юрн никогда не было цели. По крайней мере, до тех пор, как она встретила Танкуила. Может, они и не верила в его Бога, как и в его Инквизицию, но это и не имело значения. Она верила в него, и это сделало Танкуила её благой целью.

Джез раздобыла себе второй клинок — это оказалось несложно, теперь клинков на улице было полно. Отбила атаку одним, вторым отрубила мужику руку по локоть, и тут же плавно перешла в следующую атаку, ударив двух демонов разом. Она знала, что клинки не убьют этих тварей, но без рук демоны становились чертовски менее опасными. "Или без глаз, Джез — ты же нынче неплохо их выбиваешь".

Она увернулась от дикого удара, в процессе подрезала сухожилие женщине, отскочила и осмотрелась. Сначала она пыталась добраться до Кессика, но вскоре поняла, что это безнадежная затея. Просто его защищало слишком много демонов-людей. Сейчас она искала Танкуила, чтобы помочь ему, защитить его, да и просто снова оказаться с ним рядом.

Она нашла его возле горящего здания. Джез увидела, что Танкуила окружили четыре демона, и приходилось ему несладко. Он пробивался к Кессику, отражая постоянные нападения, которые велись, чтобы покалечить, а не убить. Он был далеко, может даже слишком далеко, и между ними стояло немалое воинство. Но Джез чувствовала пламя битвы в жилах, и Мастера Клинка не так-то легко отпугнуть. "Совсем нелегко, Джез".

Она шагнула к демонице и заблокировала её меч своим, только чтобы спустя миг отступить, отрубив твари руку по запястье. А потом повернулась и бросилась прочь от них, прочь от Танкуила. Быстро дёрнулась вправо, повернула влево и помчалась со всех ног, оббегая преследовавших демонов. На пути встал мужчина — большой, дородный и с лицом, заросшим бородой. Джез прыгнула на него, отвела его топор в сторону и изо всех сил ударила в грудь. Оба свалились и покатались в пыли — он барахтался, стараясь найти точку опоры, а она старалась выдернуть из его груди один из мечей. "Проще оставить его там, Джез". Она выхватила кинжал из ножен на его поясе, вскочила на ноги и снова побежала. Её преследователи нагоняли, но она всё ещё была впереди и быстро приближалась к Танкуилу.

Один из демонов ударил арбитра молотом, тот отбил, но от удара упал на колени, и ещё одна тварь показалась за его спиной. Тогда до них добралась Джем.

Она на полной скорости врезалась в демона за спиной Танкуила и сбила тварь с ног. Не тратя времени и не думая о безопасности, Джем перепрыгнула через Танкуила и пнула второго демона по лицу. Арбитр поднялся на ноги, повернулся, и теперь они с Джем стояли спиной к спине, с обнажённым оружием в руках и готовые отбиваться от врагов. Довольно быстро их окружили многочисленные демоны в человеческом обличье.

— Вовремя, — сказал Танкуил. — Я уж начал думать, что ты не придёшь.

Джем поняла, что улыбается.

— Пришлось оставить это на последний момент. Люблю эффектные выходы.

Он засмеялся, но лишь на миг.

— Прости, Джем.

— А?

— За то, что не поверил тебе. Насчёт Дрейка. Прости.

Сердце Джем затрепетало.

— Может, сейчас не лучший момент для этого, — сказала она, не в силах прекратить улыбаться.

— Возможно, — сказал он, сунув что-то ей в руку. Оказалось, это полоска бумаги, и Джем не тратила времени, а разрезала её мечом напополам, и тот отчётливо засиял золотистым светом. — Но не уверен, что другой случай представится, так что этот момент вполне сойдёт.

Надо было сказать ему, что она чувствовала. Она хотела сказать ему, хотела высказать нужные слова, но горло перехватило и отказывалось озвучивать её мысли, так что она принялась думать. "Я люблю тебя".

— Мне нужно, чтобы ты прикрывала мне спину, — сказал Танкуил, и Джем отметила, что демоны немного отступили.

— Всегда, — удалось прохрипеть ей.

Джем почувствовала, что его спина исчезла, а значит, он пошёл, и она оглянулась на него.

— Не знаю точно, как они отреагируют, — сказал он, выгаскивая что-то из-под плаща. Спустя миг на землю перед ним посыпался целый ворох бумаги. Демоны отпрянули, расступаясь перед ним, вокруг него. Джем медленно пошла за ним, держа дистанцию и наблюдая, оглядываясь на него, когда могла. Потом она увидела, что у него в руках — меч, чёрный как ночь, который выглядел так, словно выполз из самого ада. Клинок был неровным, зазубренным, и на нём трудно было сфокусироваться. "Он похож на демона, Джем. Похож на демонический клинок".

— Танкуил... — начала она, не зная, что именно хотела сказать, и не зная зачем, но казалось, нужно озвучить какие-то мысли. Её перебил Кессик.

— И где же ты взял это, арбитр Даркхарт?

— С дымящегося трупа твоей хозяйки, — услышала она слова Танкуила, и его голос был холоднее, чем она когда-либо слышала. — Собирался оставить его в твоём.

Опустилась тишина, или по крайней мере такая тишина, какая возможна на поле битвы, поскольку где-то неподалёку сражение явно по-прежнему продолжалось. Полыхающее здание справа решило в этот миг обвалиться в фонтане пламени, которое быстро перекинулось на два соседних глинобитных строения. Демоны смыкались за Танкуилом, так

что Джек держалась к нему как можно ближе, прикрывая его спину, как они и решили.

— Понимаю, — сказал Кесик, и Джек услышала звон стали, покидающей ножны. Она оглянулась и увидела, что оба мужчины, которых разделяло лишь несколько шагов, стоят с мечами в руках. Джек, как могла, научила Танкуила драться, но он был далеко не мастером, и она сильно сомневалась, что он может победить Кесика. Но если уж он принёс тот меч, то, наверное, у него есть план, и Джек верила, что он справится. Конечно, это не означало, что она не воспользуется шансом хорошенько пырнуть Кесика, если таковой представится, на что она искренне надеялась.

Уголкем глаза Джек заметила, что Танкуил двинулся, готовясь ударить, но Кесик отступил назад, выставив перед собой ладонь.

— Постой! На твоём месте я бы подождал. Если убьёшь меня, то Джек Вель'юрн тоже умрёт.

— Что? — в унисон сказали Джек и Танкуил.

— Наши судьбы связаны. Если умру я, то умрёт и она...

Кесик продолжал, но Джек его не слышала, не слышала ничего из-за стучащей в ушах крови и оглушительно бьющегося сердца. "Заклятье!". Она посмотрела на левое запястье, на свежий шрам вдоль чёткой линии старого. Шрам, сначала оставшийся от вшитого в запястье заклатья против беременности. И она знала, что нужно сделать.

Джек бросила меч и, почти не раздумывая, приложила кинжал к левому запястью. Она охнула от боли и стиснула зубы. Юрий наносил ей куда более серьёзные раны во время тренировок, уж это она вытерпит. "Недостаточно глубоко, Джек". Она отвела кинжал и воткнула его в запястье. От боли Джек рухнула на колени, слёзы потекли из глаз, и мир расплылся в мешанине цветных пятен и боли. Она врезалась в плоть под кожей, и ковыряла кончиком, пока тот не коснулся чего-то твёрдого, и Джек вознесла молитву любому Богу, что готов был слушать, чтобы это оказалась не кость. Отбросив кинжал, она сунула пальцы в раскрытое кровоточащее запястье и закричала. "Вот оно, Джек. Вот оно!". Её пальцы коснулись заклатья, и мир почернел.

Танкуил

Танкуил открыл глаза в темноте. Только это была не темнота. Чернота, бесконечная чернота, и не было похоже на то, что он лишился зрения. Он увидел перед собой свою вытянутую руку, увидел в ней Миорзо, и увидел, что его кончик воткнут в грудь Кессика. Он увидел и Кессика — бледного, с лицом озадаченным и скривившимся от боли, но всё равно это был Кессик. Его рука тоже была вытянута, но клинка в ней не было.

Танкуил оглянулся, посмотрев сначала налево, а потом направо. Определённо, он мог видеть, вот только смотреть было не на что.

— Помоги мне, — тихо выдохнул Кессик.

Танкуил повернулся к нему.

— Зачем?

Кессик холодно уставился на него.

— Я не с тобой разговаривал.

В небытии раздался смех. Громкий, безжалостный и удивительно знакомый. Он эхом разносился повсюду, пока Танкуил не понял, откуда тот доносится. И тогда из-за спины Кессика вышло отражение Танкуила.

— А может и с тобой, — сказал Кессик.

Доппельгенгер Танкуила сделал два шага, оказавшись между ним и Кессиком, и взглянул на обоих. Он выглядел моложе Танкуила, но только потому, что был ещё и здоровее. Ни чёрных мешков под глазами, ни всклокоченной, давно не стриженной бороды, ни ран от сражения.

— Помоги мне, — попросил Кессик.

— Зачем? — спросило отражение Танкуила.

— Мы заключили сделку!

Танкуил рассмеялся — другой Танкуил.

— Наш контракт ни в коей мере не обязывает меня спасти тебе жизнь, и он утрачивает законную силу с твоей смертью. Скажи, зачем мне ты, — другой Танкуил посмотрел на Танкуила, — когда у меня есть он.

Кессик протестующе раскрыл рот, но ничего не сказал. Словно пыль на ветру, он просто исчез, и от него ничего не осталось.

Танкуил бросил Миорзо и отпрянул от самого себя. Оглянулся вокруг дикими глазами.

— Где мы? Где я? В пустоте?

Другой Танкуил посмотрел на него, как мудрый человек смотрит на глупое дитя, только с куда меньшим сочувствием.

— Не совсем. Это ты, Танкуил Даркхарт. Мы внутри тебя.

— А ты...

— Демон, Миорзо, — судя по тому, как демон выплюнул это слово, Танкуил сильно засомневался, что это его настоящее имя.

Игнорируя иронию вопроса, Танкуил всё равно его задал:

— Почему ты кажешься таким знакомым?

Миорзо улыбнулся.

— Потому что ты это я.

— Нет!

— Нет?

— Это не правда!

— Ты уверен? У твоего *Бога* есть инкарнация. Часть его самого, рождённая в смертной форме. Ты уверен, что я не могу сделать того же?

Танкуил уставился на себя и подумал, всегда ли у него такое самодовольное лицо.

— Ты лжёшь.

Вокруг них стала строиться комната. Кирпич за кирпичом сложились четыре стены и соломенная крыша, проявляясь всё быстрее, пока они не оказались внутри здания, внутри комнаты. В одной из стен растопился камин, не дававший, впрочем, никакого тепла, и из пола вырос стул. Часть стены отпала, открыв окно, хотя никакого света снаружи не проникало. С крыши упала соломинка, превратившись в матрас на полу возле камина.

— Ты помнишь это место? — спросил демон.

Танкуил кивнул.

— Это был мой дом. До...

На матрасе проявились две обнажённые фигуры, которые извивались, дёргались, хрипели, стонали от боли и наслаждения. Родители Танкуила.

— Тан и Иза Рыболовы, — сказал демон голосом Танкуила. — Понимаешь, она была бесплодна.

Танкуил видел, как мать вцепилась в спину его отца и охнула.

— Какой в этом смысл? — спросил он сам себя.

— Тогда мы встретились впервые, — сказал Миорзо. — Я присутствовал при твоём зачатии. Вольмар не отвечал на их молитвы, а они так сильно хотели ребёнка, что обратились к другим силам. И я ответил.

Танкуил скривился, когда его родители содрогнулись в оргазме. Он отвернулся от этого зрелища.

— И какова была цена?

— Ты. И цена и плата. Я дал им тебя. Я дал им себя.

Он ударил бы демона, если б думал, что от этого будет хоть какая-то польза.

— Это не единственный раз, когда мы встречались, — продолжал Миорзо. — Сотни раз с тех пор я приходил к тебе. Присматривал за тобой.

— Как? — спросил Танкуил. — Ты был в мече.

Миорзо рассмеялся.

— Ты мыслишь так узко. Я был там, я был здесь. Я во множестве мест одновременно. В точности как и твой *Бог*.

Демон подошёл к Танкуилу.

— Хотел бы ты увидеть то, что видел Кессик?

— Нет. — Но было уже поздно. Старый дом и родители исчезли, и под его ногами начала строиться стена. Гигантская стена. Она тянулась в обоих направлениях, куда хватало взгляда. Росла всё выше и выше, а Танкуил и его отражение стояли на вершине и смотрели, как уменьшается мир под ними.

Внизу начали двигаться фигуры. Тысячи фигур. Десятки тысяч. Движущееся море. Мёртвое море. Мёртвые тела, сливаясь, хлынули в сторону стены, бросались на неё, рубили её пиками, молотами и окровавленными обрубками рук. Взбирались друг на друга, пытались добраться до вершины.

— Ничто не растёт на земле мёртвых, — сказал Миорзо на ухо Танкуилу.

— Никто не живёт на земле мёртвых, — закончил Танкуил поговорку.

— Ты бывал там, ты видел, как ходят мёртвые.

— Я не видел армии мёртвых, — протянул Танкуил, глядя на хаос под собой.

— Одна из многих, — сказал Миорзо. — Одна из семи, и каждая жаждет затопить мир мертвецами.

— Повелители Ужаса...

— Возвращаются, — закончил демон. — Вот что я показал Кессику. Он увидел это и знал, как надо действовать. Он знал, что вашему *Богу* нельзя доверять в помощи вам.

И снова Танкуил отвернулся от зрелища.

— Он ошибался.

Миорзо встал перед Танкуилом, его лицо исказилось от гнева, и Танкуил понял, что в гневе может выглядеть довольно пугающе.

— Почему ты так за него цепляешься? — сердито спросил демон. — Почему ты в него веришь?

Танкуил открыл рот для ответа, но демон оборвал его:

— Ты хоть знаешь, кто на самом деле этот твой *Бог*? Знаешь ли ты, что он и я пришли из одного и того же места?

Танкуил постарался никак не реагировать, но всё равно демон улыбнулся.

— Ты не знал. Твой *Бог*, так же как и я, пришёл из мира, который вы называете пустотой. Он и я — мы одно и то же.

Доверие — сложная штука, его сложно объяснить и ещё сложнее сохранить. Если уж на то пошло, вера ещё сложнее.

— Это неважно, — сказал Танкуил демону. — Хотя в этом есть смысл. Я верю в учение Вольмара, в его идеалы, и во мне есть вера в то, что его план для нас — это правильный курс. И мне неважно, Бог он или демон. Я верю в него. А не в слово, которым мы его описываем.

— И ты готов бросить мне вызов? — спросил демон.

Танкуил посмотрел в глаза самому себе.

— Да.

Стена исчезла в никуда, скрылась в черноте, и перед Танкуилом появилось изображение Джезет. Она стояла на коленях, слёзы заливали глаза, с запястья капала кровь, и пальцы копались в ране.

Он почувствовал, как у него перехватило горло, и задохнулся от слёз при виде этого изображения. Он отчаянно пытался не думать о ней. Ему это не удалось. Горячие мокрые слёзы солёными ручьями потекли по его щекам в бороду.

— Она... мертва? — спросил он.

— Пока нет, — демон подошёл к Джезет и внимательно на неё посмотрел. — Время здесь течёт не совсем так. Но она умрёт. Твоими словами, демоническая магия — это сила изменять судьбу. Кессик использовал эту силу, чтобы изменить её судьбу, связать её со своей. В тот миг, как он умрёт, умрёт и она. Тебе этого не изменить.

— О-о...

— Но я могу, — демон посмотрел на Танкуила из-за её изображения и улыбнулся. — Я могу не дать ей умереть.

Танкуил не потрудился даже вытереть слёзы из глаз.

— А цена?

— Такая же, как и у твоих родителей. Ты. Мне нужны твои услуги, твои...

— Нет, — сказал Танкуил, почти задыхаясь от этих слов. Он закрыл глаза, остановил слёзы, а когда открыл, образа Джеззет уже не было. — Нет, — повторил он.

— Хм... — сказало его отражение, и при этом впервые выглядело озадаченно.

Танкуил посмотрел демону в глаза.

— Я собираюсь дать тебе то, что ты хочешь больше всего, Миорзо. Я собираюсь тебя освободить.

Демон стоял, пристально глядя на Танкуила.

— Ты не можешь.

— Могу.

— Цепи выковал сам Вольмар. Только он...

— Я воля Вольмара, — едва не вскричал Танкуил, но потом смог обуздать свои эмоции.

Он подошёл к отброшенному демоническому клинку и посмотрел на него.

— И за это ты хочешь жизнь Джеззет Вель'юрн?

Танкуил неровно выдохнул.

— Нет. За это я хочу, чтобы ты ушёл. Ты и все твои сородичи. Я освобожу вас всех, разобью все цепи, разорву все узы, связывающие вас с Инквизицией, а взамен я хочу, чтобы вы покинули этот мир и *никогда* не возвращались.

Он встал на колени и обеими руками взял демонический клинок, ожидая ответа демона. Кажется, твари понадобилась вечность на решение, а когда Танкуил обернулся, он увидел, что его собственное лицо смотрит на него с расстояния в несколько шагов.

— Я согласен с условиями контракта, — сказал Миорзо голосом Танкуила.

И демонический клинок раскололся.

Демонический клинок раскололся. Кессик с отвисшим ртом и пустым взглядом завалился набок. Тёмная сила Миорзо чёрной дымкой улетучилась из меча. Здание позади них запылало ярко-жёлтым светом, в небо полетел пепел. Танкуил отвернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джеззет падает на землю. Она не шевелилась.

Он бросился к ней, рухнул на колени у её тела и медленно прикоснулся к ней. На ней виднелась единственная рана — кровоточащее запястье, которое она сама расковыряла, и это было далеко не смертельно. Танкуил почти ожидал увидеть рану на том же месте, куда он убил Кессика, но там ничего не было. Джез была невредимой. Её глаза широко раскрылись и безучастно смотрели в ночное небо, но света в них уже не было. Джез уже умерла. Не осталось ничего, кроме тела.

Мир снова стал расплываться, и Танкуил почувствовал, как потекли слёзы, сдержал их и встал возле неё на колени. Её одежда запачкалась, не сильно отличаясь от лохмотьев. Волосы сбились в копну — длиннее, чем ей нравились. И она вся была забрызгана чужой кровью. По какой-то причине это казалось неправильным, смерть не для Мастера Клинка, смерть не для Джеззет Вель'юрн. На ней по-прежнему было его кольцо. Маленький деревянный амулет, который он сделал для неё в Сарте. Он помнил, как она с ним играла и как тёрла большим пальцем, когда нервничала.

Танкуил услышал усиливающиеся голоса неподалёку и постарался их не замечать. Он закрылся ото всего мира и просто стоял перед ней на коленях. Какая-то предательская часть его продолжала представлять, что она сейчас сделает глубокий вдох и сядет, и всё это окажется жестокой шуткой, разыгранной демоном. Но этого не произошло — сколько он ни смотрел на неё, сколько ни проливал слёз, она не поднималась.

Снова донеслись крики. Комочек пепла опустился на лицо Джеззет, прямо под левым глазом, испачкав кожу, скрыв маленький шрам. Танкуил протянул трясущуюся руку и вытер пепел, но только размазал, всё испортил, почувствовав, что её кожа холодная. Танкуил ничего не мог с собой поделаться и потряс её за плечи. Голова Джеззет упала набок, но она так и не очнулась.

Что-то сильно ударило его по лицу, больно шлёпнуло по щеке. Он почти не чувствовал боли — слишком уж был занят своей усталостью и оцепенением.

Оно снова налетело, попыталось его снова ударить, и он поймал это. Оказалось, что это ладонь и запястье, за которым виднелась окровавленная рука с кровоточащими ранами. Танкуил поднял голову и посмотрел в глаза Генри, и на миг маленькая женщина выглядела испуганной. А потом проблеск страха сменился более присущим ей гневом. Она высвободила руку и отвернула Танкуила от тела Джеззет. Он её не перечил. Похоже, это уже не имело значения.

— Вы с Шипом заключили сделку, — яростно сказала она. Её лицо было забрызгано красным и коричневым.

— Она мертва.

Генри кивнула, и её лицо можно было бы назвать сочувствующим, если б не постоянная презрительная усмешка из-за шрама на губе.

— И Шип тоже помрёт, если ты чё-нть не сделаешь. Вы заключили сделку. Жизнь Кессика в обмен на помилование. Этот уёбок мёртв. Пора исполнить свою часть.

Танкуил нахмурился и посмотрел на неё.

— Там, — указала она, и он проследил за её пальцем.

Чёрный Шип и Джейкоб стояли друг напротив друга на участке улицы, заваленном трупами. Шип в одной руке держал топор, а вторую прижимал к груди. Из пореза на лбу текла кровь, и он что-то кричал. Джейкоб Ли медленно захромал в сторону Шипа. Из его левой ноги торчал кинжал, а на лице виднелись три глубоких пореза. Казалось чудом, что раны не задели его глаз, но те выглядели невредимыми.

— Сделай чё-нить, — тихо, но решительно сказала ему Генри.

Танкуил медленно кивнул и вытер рукавом плаща слёзы из глаз.

— Присмотри за ней, — сказал он и поднялся на ноги.

Медленно он прошёл расстояние до этих двоих, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Казалось, руки и ноги наливались свинцом. Глаза с трудом фокусировались. Разум кричал вернуться к Джеззет на тот случай, если она проснётся, но Танкуил приказал разуму молчать. Повсюду валялись трупы, так много трупов, некоторые с ранами, некоторые без. Демон, верный своему слову, забрал всех своих сородичей, покидая этот мир. Они покинули человеческие тела, не оставив за собой ничего, кроме пустых оболочек. Пустые оболочки, как Джеззет.

Двое всё ещё были довольно далеко — Джейкоб с каждым шагом хромал быстрее, а Чёрный Шип пятился назад, крича тамплиеру, чтобы тот не приближался. Танкуил встал между ними.

— Стой, — сказал он, и его голос был едва громче шёпота.

Джейкоб сделал ещё один шаг.

— Стой, Джейкоб, прошу.

Ещё один шаг.

— Чёрному Шипу нельзя причинять вред. Я его помиловал.

Джейкоб сделал ещё один шаг, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от Танкуила, и остановился. Уставился на него сверху вниз. Потом покачал головой.

Танкуил кивнул.

— Это приказ, Джейкоб. Чёрному Шипу нельзя причинять вред. — Он засопел и сдержал слёзы. — Я сегодня и так потерял слишком много. И не собираюсь терять последнего оставшегося у меня друга.

Джейкоб перевёл взгляд на Чёрного Шипа, потом обратно. А потом ударил.

Рука Джейкоба схватила Танкуила за горло, и тамплиер охнул. Танкуил был готов, и сплёл столько проклятий, сколько мог. У человека пять чувств, и на каждое есть своё проклятие. Танкуил использовал их все, и эффект оказался таким, как он и ожидал. Джейкоб так привык к усиленным чувствам, что не знал, как функционировать, если все их разом у него забрать. Его зрачки расширились, кожа пошла пятнами, и губы рассеянно зашевелились. Это продлится недолго, но долго и не требовалось.

Танкуил вытащил пистолет с пояса, приставил ствол под подбородок Джейкоба и...

БАМ!

Голова Джейкоба откинулась назад, и кровь брызнула Танкуилу в лицо. Тамплиер мгновение качался, а потом завалился назад и с глухим стуком ударился об землю, подняв облако пыли. Танкуил немного постоял, глядя как кровь из дыры в голове Джейкоба течёт на грязь. Он уронил пистолет, развернулся, захромал к телу Джеззет и рухнул на землю возле неё. Она по-прежнему не шевелилась.

— Она мертва, — снова сказал он, скорее себе, чем кому-либо ещё.

Он не знал, как долго он стоял на коленях возле её тела. Может, минуты, а может и часы. Образы и звуки расплывались вокруг него. В какой-то миг он закрыл глаза Джеззет. Её прекрасные карие глаза закрылись навсегда.

— Танкуил, — донёлся глубокий грубый скрежет.

— Она мертва.

— Ага, — сказал голос и помедлил, словно тяжело было это признавать. — Наверно, надо чё-то с этим делать.

Танкуил посмотрел на Шипа. Тот казался печальным, и его единственный глаз был мокрым, несмотря на сухую жару.

— Хрен знает, чё вы делаете с трупами, — заплетающимся языком продолжал Шип. — Можно, конечно, просто оставить их тут. Тут их слишком много, нам со всеми не разобраться, так что большую часть мы просто оставим. У этого ублюдка я отрубил голову, чтоб уж наверняка. Неохота, чтобы кое-кто вернулся.

— Вернулся, — эхом отозвался Танкуил, глядя на Джеззет.

— Они так не возвращаются, Танкуил, — сказал Шип. — Но ты наверно эт и так знаешь.

Танкуил шмыгнул — из носа у него текло.

— Можем похоронить её, или сложим костёр. Думаю, тут от всего города скоро останется один пепел. Гроза прошла мимо, ни капли не упало.

Танкуил кивнул в ответ на слова Шипа, хотя едва их слышал.

— Не думаю, что она хотела быть погребённой, — сказал он. — Вся эта земля над ней. Стать пеплом — это больше похоже на свободу. Летать на ветру. Хотя гореть больно.

— Пожалуй, эт я знаю не хуже тебя, а может и лучше, да тока она этого не почувствует.

— Тогда костёр, — сказал Танкуил. — Это ей понравилось бы больше. Наверное.

Шип отошёл, и Танкуил вернулся к своему дежурству. Он не оставит её одну. Он бы просто не смог. Он будет с ней, пока она не исчезнет. Пока от неё ничего не останется.

К тому времени, как Шип вернулся, небо начало светлеть, и тусклый свет открыл настоящий ужас, что творился здесь этой ночью. Сожжённые здания, трупы и части трупов, и так много крови. Запах был ужасным, а вид и того хуже. И тело Джеззет хуже всего. Её кожа стала бледной и безжизненной, и она выглядела такой... мёртвой.

Танкуил нёс её на костёр и никак не мог вспомнить, что она была такой тяжёлой. Каждый шаг был мучением, но он выдержал это. Он положил её на груды досок, выровнял её руки и ноги, вытер её лицо, ещё сильнее размазав пепел, и убрал с лица пряди волос.

— Сам хочешь? — сказал Шип, протягивая зажжённый факел.

Танкуил кивнул и взял факел. Он почувствовал, что снова плачет, но понимал, что больше ему ничего не остаётся. Помедлив лишь мгновение, он поджёт костёр, отошёл и стал ждать. Шип ждал вместе с ним.

Вскоре сухое дерево занялось и затрещало. Ещё немного спустя языки пламени коснулись Джеззет и начали уничтожать её тело. Её волосы, одежду, кожу. Танкуил отошёл на шаг назад от жара, но не отвёл взгляд. Так и смотрел на похороны женщины, которую он любил, и свет огня плясал в его глазах.

— Остальные... — сказал он, когда рухнул костёр, и уже было не различить фигуру Джеззет.

— Они занимаются Сузку, делают что могут. В целом все чувствуют себя неважно, но он... он на пороге смерти. Не знаю, выкарабкается ли.

Танкуил кивнул. Он весь оцепенел.

— Интересно, куда мы отсюда отправимся, — сказал он.

— Мы как можно быстрее вернёмся в Дальний Пост, может, найдём какого-нть целителя для Сузку. А после отправимся в Чад. Думаю, там ты найдёшь корабль в Сарт... если захочешь.

Танкуил не мог получить то, что хотел. Её больше не было. Он повернулся и посмотрел на друга, на единственного оставшегося.

— Пошли.

Облегчение, наверное, или счастье, и немного нервного предвкушения. Вот что нынче вызывал вид стен Чада. Бетрим никогда не мог назвать какое-то место своим домом, кроме семейного ранчо, ещё до того, как сбежал, но Чад определённо начинал казаться домом. Особенно теперь, когда заправляла там Роза. Сама мысль об их воссоединении после нескольких месяцев разлуки могла вызвать ухмылку на его лице, так что Бетрим быстро свернул разум на более мрачные мысли. Последнее, что нужно было видеть людям Чада, это улыбку на его уродливом лице, от которой оно становилось только намного уродливее.

Путешествие назад в свободный город из Абсолюции сложно было назвать приятным. По правде говоря, это был почти месяц длинных дней, вытянувшихся лиц и вспыльчивых характеров. Бен и Рилли ждали их в Дальнем Посту. Они жаловались и стонали о том, что хотели убедиться в смерти арбитра, но Бетрим уверил их, что после такой смерти никто не возвращается. Дыра в голове, потом обезглавливание, и наконец кремация. История его кончины творила чудеса по пробуждении любви в этих двоих к Танкуилу.

Генри и Андерс, побитые и окровавленные, довольно быстро восстановились, хотя потеря уха Генри придавала ей слегка дьявольский вид, и к тому же она не прекращала ковырять струп. На её руках до конца дней остались отвратительные шрамы, но в команде не было никого без нескольких шрамов. Андерс вышел из Абсолюции на удивление здоровым. Чистокровный пьянчуга всюду, куда бы ни отправился, получал повреждения, и готов был болтать о них днями напролёт, но на этот раз оказался по большей части невредимым. Теперь он тоже выглядел немного более сосредоточенным, хотя и оставался неуёмным алкоголиком и занозой в заднице, когда трезв.

Сузку и впрямь внушал опасения. Хонин не стал говорить о своём бое, сказал лишь, что старик был хаарином из его клана, и что это не последний. По правде говоря, ему чертовски повезло, что Генри была так решительно настроена присматривать за ним. Понадобилось много бинтов и немного магии Танкуила, чтобы не дать этому ублюдку помереть, но он выжил и выглядел так, будто со временем мог полностью восстановиться. Он уже снова начал тренироваться по утрам. Бетрим никогда не видел, чтобы Генри о ком-нибудь так беспокоилась, как о Сузку, и думал, что из них получится чертовски странная пара.

Больше всего Бетрим беспокоился о Танкуиле. Его друг впадал то в замкнутость, то в оцепенение. Он целыми днями сидел на своей лошади, не говоря ничего и не выказывая никаких эмоций. Потом они добрались до города, и он собрался сравниться с Андерсом в выпивке — бесплодная затея, которую Бетрим считал практически самоубийственной. И не раз ему приходилось вытаскивать бесчувственного арбитра из таверны.

Бетрим такое раньше видел много раз. Некоторых так сильно охватывало горе, что они просто отключались, прекращали волноваться о чём-либо, словно у них ничего в жизни больше не осталось, и Танкуил был очень близок к тому, чтобы попасть в эту категорию. По опыту Бетрима люди в таких случаях либо успокаивались и брали себя в руки, либо довольно быстро доводили себя до смерти. Он надеялся, что его друг не относится к последним, и даже помолился бы за это, если б верил в какого-нибудь Бога.

Солнце только начинало вставать, когда они увидели стены Чада, и уже низко опустилось к тому времени, как они добрались до ворот квартала Старый Город. Всего лишь год назад здесь был район военных действий, и банды вооружённых головорезов шастали на

улицах, а мирные горожане запирались в домах, надеясь, что никто за ними не придёт. С тех пор всё несколько изменилось, и по большей части благодаря новому магистрату города, Розе.

Со стен отскребли грязь и подлатали, где было нужно, так что снаружи город выглядел как новенький. Все ворота заменили на новые из твёрдого дерева Рыжего леса, окованные сталью. А на стенах поставили новые военные машины, названий которых Бетрим не знал. Роза утверждала, что это превентивные меры, чтобы предотвратить угрозу нападения, но Бетрим уже научился распознавать её ложь. Ему эта тема просто была не очень интересна, и выбивать из неё правду он не собирался.

А ещё Роза постепенно заменяла стражников. Те, которые сейчас стояли на стенах, патрулировали улицы и отправляли правосудие, не были уже головорезами или наёмниками, как это часто бывало в Диких Землях. Они были солдатами, хорошо тренированными, дисциплинированными и верными только своему магистрату. Несколько месяцев городская тюрьма была битком забита, потом заключённых стало поменьше, но нынче Чад уже был, возможно, самым законопослушным местом во всех Диких Землях. Эти перемены хорошо подходили к переменам в профессии Бетрима. Хотя из-за них его команде иногда не хватало работы, но жизнь охотника за головами предполагает много путешествий, чем они и занимались.

Насколько Бетриму было известно, за всю историю Диких Земель ни за чью голову не назначали вознаграждения больше, чем за его, а теперь он сам охотился на людей ради вознаграждения. Это иногда казалось ему странным.

Когда они подвели усталых лошадей к воротам, к ним приблизилось несколько солдат. Нынче они проверяли большинство въезжавшего народа, но увидев, чья это команда, махнули им проходить, при этом подмигивали им, а один даже зааплодировал. Бетрим не знал, что такого сделал, чтобы заслужить аплодисменты, но и прерывать их не собирался — в своё время ему доставались и куда более холодные приветствия.

На улицах было чисто и ходило немало народу. Утренний свет был тусклым, но для работы его хватало, и многие разделяли это мнение. Квартал Старый Город, который раньше в Чаде считался бедным, теперь уже не был ветхим скоплением лачуг, как до недавнего времени. Повсюду росли новые дома, построенные не из дерева, а из камня, и плотники с каменщиками уже усердно трудились над удовлетворением спроса.

Множество людей наблюдало за командой, когда они вели своих лошадей по пыльным улицам. У Розы имелись планы замостить старый квартал, но похоже это улучшение ей воплотить пока не удалось.

— Это ненормально, — сказал Танкуил, оглядываясь на людей, которые за ними следовали.

Генри фыркнула.

— Ты, арбитр, кажись, удивлён. Шип-то здесь герой — а ты не знал?

Бетрим вздохнул.

— Думаешь, они уже слышали?

— Слова это воздух, а ветер по Диким Землям путешествует быстро, — сказал Сузку, морщась от каждого шага лошади.

— Я и сам не сказал бы лучше, — согласился Андерс. — Дорогой мой, ты отлично обращаешься со словами.

— Чудной способ сказать "да", если спросите меня, — сказала Рилли, и её

презрительная усмешка неприятно напомнила Бетриму женщину, которой когда-то была Генри. Впрочем, девушка была далеко не такой страшной, как ей бы хотелось.

— Герой... — сказал Танкуил. Бетрим отметил, что арбитр снова старается не задавать вопросов. Эту перемену он одобрял.

— Лучше те не спрашивать, — проскрежетал Бетрим. — Всё равно большая часть там враки.

— А я когда-нибудь говорил, почему Чад — один из моих шести городов? — спросил Бен Шесть Городов.

Генри сплюнула.

— А кто-нибудь из нас интересовался?

— Нет.

— Ну, в этом, наверно, и причина?

Бен ухмыльнулся — похоже, с возвращением в Чад всем вернулось и хорошее настроение.

— Как хотите.

— Идите в "Конец Бастарда". Пожалуй, немного отдыха мы заслужили. А я схожу, отмечусь у магистрата, — сказал Бетрим, направляя лошадь прочь.

— Отметь её и от меня тоже, — крикнул Бен сзади.

— Мои люди сказали мне, что в мой славный город прибыл герой, и, вижу, они были правы, — сказала Роза, плавно вставая с кресла и подходя к Бетриму. На ней было красное шёлковое платье, которое открывало немалую часть ложбинки между грудей. Бетрим уже представлял, как легко будет стащить с неё одежду.

— Странное времечко, раз такого человека, как я, называют героем. Совсем недавно те же самые люди называли меня куда как хуже.

Роза шагнула в его объятия и закинула голову назад. От неё пахло цветами и фруктами, и от близости к ней его сердце забилось чаще. Он чуть наклонился и поцеловал её, а она поцеловала его в ответ. Бетрим подумал, что странное времечко, раз такой человек, как он, может назвать своей женой такую женщину, как Роза, хоть и мало кто об этом знал.

Роза громко гортанно заурчала и немного отодвинулась, положив голову Бетриму на грудь.

— Но ведь ты герой. Ты убил Х'оста, прежде чем он смог спустить свою армию на Дикие Земли.

— Я там только присутствовал, — возразил Бетрим. — А ещё на меня свалили всю вину за резню половины этого чёртова города.

— Ты в темпе вальса сгонял в Сарт, убил инквизитора и возвратился к нам из мёртвых.

— Сомневаюсь, что хоть раз в своей жизни хоть что-то делал в темпе вальса, и инквизитора я не убивал. Просто дал злему арбитру хорошенько меня исколоть, в процессе потерял отличный глаз, потом немного оклемался и сбежал при первой возможности.

— М-м-м, — протянула Роза. — Что одному мусор, то другому сокровище. Ты освободил рабов в Солантисе и начал восстание.

— Забавно, что рабы не освобождаются везде, где я ступаю. Большинству восстания не очень-то нравятся. Много хороших людей помирает во время восстаний.

— Каждый день умирает много хороших людей. Восстания восхитительны. Ты убил моего брата, тирана Чада, и избавил людей от его злобных махинаций.

Бетрим не мог даже сказать слово "махиинии" по буквам, и уж точно не знал, что оно значит.

— Думаю, моя роль в его смерти была продиктована далеко не благородными целями.

— Причина не так важна, как действие. А теперь, совсем недавно, ты убил похитителя, Кессика, и сровнял его город с землёй.

— Они и это на меня повесили? — спросил он. Казалось, большую часть того, за что прославляли в последнее время Чёрного Шипа, совершали другие люди, в основном Танкуил, и всё же только Бетриму достался весь груз последствий.

— Люди повсюду называют тебя Страж Диких Земель.

Бетрим зарычал:

— Твои проделки?

— Да, — улыбнулась она, и он понял, что не может сердиться на неё, особенно когда она выглядит так чертовски красиво. — Чистокровные напуганы, что дальше ты придёшь за ними. Преступники бегут и прячутся при упоминании твоего имени, а простолюдины беспокоятся, что ты вернёшься к своим прежним занятиям.

— Ясно, — сказал Шип. — Значит, герои нужны, чтоб при их виде все обсирались от страха?

Она уткнулась носом в его грудь.

— Иногда. На этот раз. — Она начала рассеянно теребить завязки его штанов, и по правде говоря, ему не очень-то хотелось её останавливать. Прошло уже много времени, а потом ещё немного, да и её стол выглядел отличным местом для правильного воссоединения.

— Джезет убила его? — спросила она. — Кессика.

И хотя разум его был затуманен ароматом её духов и желанием, вопрос развеял туман и показался ему крайне странным. Бетрим схватил её за плечи и отпихнул на расстояние вытянутой руки.

— Откуда ты знаешь о Джезет?

Роза посмотрела на него и нахмурилась.

— Я доставила её Кессика, — медленно сказала она.

— По приказу Дрейка? — он почувствовал, что желание сменяется гневом. Не впервые они спорили о Дрейке, и не раз дело доходило до ударов, хотя Бетрим не ударил её ни разу.

— По его просьбе.

— Дрейк не просит.

— А я не принимаю приказов.

Бетрим отпустил Розу, отвернулся, отошёл к окну и сердито посмотрел в него единственным глазом.

— Джезет была моим другом.

Некоторое время Роза ничего не говорила. Он решил, что она даёт ему немного поостыть.

— Мне жаль, Бетрим. Она мне нравилась...

— Пожалуй, мне нужна услуга, — перебил он её. — Нужно, чтоб ты как можно скорее организовала корабль до Сарта. Самый быстрый, какой только сможешь найти.

Он почувствовал её руку на спине, и Роза встала рядом с ним. Проклятая женщина умела двигаться тихо, как призрак, если хотела.

— Прости. Не думала, что ты захочешь сбежать в Сарт.

Он посмотрел на неё.

— Эт не для меня. Думаю, надо как можно быстрее найти Танкуилу корабль. Если он узнает, что ты хоть как-то связана со смертью Джез, он может попытаться тя убить. Не уверен, что смогу его остановить.

В уголке её рта появилась улыбка.

— Ты меня защищаешь?

Бетрим глубоко вдохнул и выдохнул.

— Ну, я ж обещал, не так ли?

Тогда она взяла его руку — такая маленькая, но хватка железная, когда ей того хотелось — и он позволил отвести себя к столу.

Бетрим стоял, глядя на дорогу Путешественников, и Танкуил стоял рядом с ним. Арбитр неплохо воспользовался временем в цивилизации. Он сбрил свою спутанную бороду, купил новую одежду и даже вычистил плащ. По правде говоря, он стал больше похож на охотника на ведьм, чем на пьяного попрошайку. Но всё-таки он по-прежнему выглядел встревоженно, словно, куда бы ни шёл, повсюду видел её призрак.

— Два дня, — сказал Танкуил. — Кто угодно решил бы, что ты захотел от меня избавиться.

— Оставайся, коли хочешь, — предложил Бетрим, уже зная ответ. — Такой, как ты, в команде чертовски полезен. Тока те надо будет охотиться на преступников, а не на еретиков.

Танкуил безрадостно улыбнулся.

— Спасибо.

— Предложить стоило. Ты возвращаешься в Инквизицию?

Танкуил кивнул и продолжил наблюдать, как моряки загружают маленький изящный корабль.

— У моих действий есть последствия, и я должен их достойно встретить.

Бетрим в свою очередь кивнул.

— И чё они с тобой сделают?

— Ну, я убил инквизитора, и они меня пожурили. А теперь я навеки уничтожил их средства связи... я ожидаю, что меня повесят.

Бетрим рассмеялся.

— Как думаешь, сюда ещё когда-нть вернёшься?

Он увидел, что Танкуил опустил голову.

— Надеюсь, нет.

— Ну, если чё, то заходи поздороваться.

— Спасибо тебе, Шип.

Моряки закончили загружать груз, и капитан замахал им — ему хотелось поскорее отплыть, но ему было приказано ждать, пока арбитр не будет готов.

— Ну, удачи?

Танкуил кивнул и направился к кораблю. Через несколько шагов он остановился и оглянулся.

— Если увидишь Дрейка Моррасса... скажи ему, пусть бежит.

Бетрим робко улыбнулся и кивнул. Он смотрел, как его друг поднимается на маленькое судно. Какая-то часть его надеялась, что он ещё увидит этого человека, а другая часть боялась, что такое случится.

Дворец бога-императора Сарта казался меньше, чем Танкуил помнил. Меньше и тусклее, но тут нечему было удивляться — весь мир сейчас казался меньше и тусклее.

Его путешествие в Сарт прошло без особых приключений — ни пиратов, ни чудовищных морских змей, лишь один очень мокрый шторм. Они быстро добрались. Он немедленно сделал доклад Инквизиции, и совет инквизиторов не тратил времени, требуя отчёта. Уже два месяца у них не было связи со всеми арбитрами, и они до сих пор не знали, почему. Так что Танкуил сделал доклад, не приносил извинений и ни с кем не делился правдой. Сам великий инквизитор был не рад, что его сын доставил Танкуилу демонический клинок. Но всё же инквизиторы не стали убивать его, пытаться или заключать в тюрьму. Однако они приказали ему не покидать Сарт, пока не будут оценены последствия его действий.

Спустя два дня после прибытия в город солнца за ним послал бог-император. С виду знакомый молодой человек с густой и очень тщательно ухоженной бородой пришёл за Танкуилом, и на этот раз не было похоже, что он готов ждать, пока Танкуил примет ванну. Не то чтобы Танкуил волновался о своём внешнем виде.

Дворец по-прежнему блестел, но казалось, что из него ушёл свет. Коридоры стали менее парадными, но убранство Танкуил всё равно едва замечал. Вооружённые стражники бдительно за ним наблюдали, подозрительно следили, как им и полагалось, а он их всех в равной степени игнорировал. Даже зал приёмов бога-императора теперь казался меньше. И даже сам бог-император казался меньше — теперь он был меньше похож на того титана, которого помнил Танкуил, и больше на обычного мужчину.

— Спасибо что пришли, арбитр Даркхарт, — сказал бог-император, когда Танкуил вошёл, и бородатый юноша ушёл, закрыв за собой дверь.

Танкуил осмотрел аскетичную комнату с громадным камином, мраморными полами и рядами книжных полок. Никакой стражи, отметил он. Здесь бог-император чувствовал себя в безопасности.

— Мне не показалось, что у меня есть выбор, — сказал Танкуил, а потом подошёл к императорскому столу с рунами, отбросил несколько прочь и, не скрываясь, сунул в карман руну правосудия.

— Как раз у вас, из всех людей, и есть выбор, арбитр Даркхарт.

Танкуил фыркнул от смеха.

— Вы уже всё знаете?

— Я слышал о вашем докладе. Нет нужды повторять его.

Этому Танкуил был рад. За последние два дня он уже слишком много раз повторял свою историю, и финал всякий раз был, как нож в грудь. Понадобилось много времени, чтобы признать, что он пожертвовал жизнью Джеззет ради Инквизиции, и это признание перед другими снова возвращало боль.

— Я и не собирался.

— Я должен поблагодарить вас, — сказал бог-император Сарта с самой искренней, тёплой улыбкой на красивом лице. Его короткие светлые волосы и светлая постриженная бородка идеально подчёркивали его лицо.

— Валяйте.

— Спасибо.

Танкуил сердито посмотрел на него.

— Ну, теперь-то ясно, что оно того стоило.

— Осторожнее, арбитр Даркхарт. — Бог-император изобразил на лице суровое выражение. — Дальше моя добрая воля не распространяется.

У Танкуила всегда была привычка проверять пределы доброй воли других людей.

— Что теперь будет делать Инквизиция? — спросил он.

Лицо бога-императора вновь смягчилось.

— Мы справимся. Вольмар никогда не думал, что цепи навсегда, но это был единственный способ, который он нашёл, чтобы контролировать демонов.

— Кто вы? — спросил Танкуил.

— Вы уже спрашивали. Неважно, кто я — важно, во что вы верите...

— Я согласился, что вы возрождённый Вольмар. Демон сказал, что вы пришли из пустоты.

— А-а, — проворчал бог-император. — Я не весь Вольмар, а лишь... его часть. Его аватар в этом мире.

— И это не ответ на мой вопрос, — неумолимо проговорил Танкуил.

Бог-император глубоко вздохнул и встал. Он возвышался над Танкуилом даже сильнее большинства людей, но, чтобы запугать его, потребовалось бы нечто большее, чем просто человек в больших сапогах.

— Вольмар пришёл из пустоты.

— Так он демон?

— Нет, — сказал бог-император. — Он нечто иное.

— И вы — его часть?

— Да.

Танкуил не знал, делал ли этот факт более вероятным или менее, что сам он — часть Миорзо. И ещё меньше он понимал, хотел ли он знать, так ли это на самом деле.

— Демон показал мне то же, что показывал Кессику, — сказал Танкуил. — Армию мёртвых. Повелители Ужаса поднимаются и как чума обрушиваются на мир. Демон сказал, что это случится скоро.

Некоторое время бог-император молчал. Казалось, он обдумывал информацию.

— Демоны лгут, арбитр Даркхарт. Часто они выдают полуправду, чтобы убедить людей заключить с ними контракт. Но... я потребую это расследовать. Просто на всякий случай. Но это ведь та самая причина, по которой была создана Инквизиция — оберегать мир от возвращения Повелителей Ужаса. Если они действительно вернуться, мы будем готовы.

Танкуил кивнул, но это его совсем не убедило.

— Я должен попросить об услуге, — сказал он.

Бог-император нахмурился.

— Вы предполагаете, что я должен вам услугу?

— Я предполагаю, что вы должны мне не одну, — быстро ответил Танкуил.

Бога-императора это явно не убедило.

— Я хочу, чтобы вы помиловали Чёрного Шипа, — сказал Танкуил. — Инквизиция отправила тамплиера убить его. Он не еретик. Он помог мне убить Герон и помог убить Кессика. Он послужил Инквизиции больше, чем большинство арбитров, и я обещал ему помилование за его прошлые преступления. Я не могу исполнить это обещание, но вы

можете.

Бог-император кивнул.

— Хорошо. Я почти ожидал, что вы потребуете помилования для себя.

Танкуил фыркнул.

— Всё, что я сделал, я сделал по вашей просьбе, на вашей службе. Разве мне нужно помилование за исполнение воли Вольмара?

Тишина наполнила помещение. Раньше Танкуил почувствовал бы неловкость, вспотел бы, задрожал и начал бы искать, что украть. Сейчас он понял, что ему просто наплевать. Инквизиция сделает с ним, что захочет, и нет смысла об этом переживать. Он даже не знал, заслуживает ли помилования. Он не знал, хочет ли его.

— Ступайте, — приказал бог-император. — Вскоре мы поговорим снова.

Танкуил развернулся.

— Жду не дождусь, — пробубнил он и направился к дверям, но остановился, протянув руку, чтобы их открыть.

— Инквизитор Вэнс сказал мне, что у меня нет будущего. Он сказал, что я словно существую вне судьбы. Демон сказал мне, что сила изменять судьбу — это демоническая магия. — Он оглянулся на бога-императора. — Кто сделал это со мной? Демон или Вольмар?

— Это имеет значение? — спросил бог-император.

— Да.

Некоторое время бог-император молчал.

— Я не могу ответить, что мог или не мог сделать демон, но могу сказать, что Вольмар не демон. Не в его власти вырвать кого-то с пути судьбы.

Не сказав больше ни слова, Танкуил толкнул дверь и вышел. Он обнаружил, что его ждёт инквизитор Хирон Вэнс. Тот, как всегда, был опрятен, в безупречном белом плаще поверх выглаженной коричневой робы, и его красивое лицо ничего не выражало.

— Арбитр Даркхарт, — сказал инквизитор.

— Вэнс, — ответил Танкуил.

Инквизитор прочистил горло. Если стоявшие рядом стражники и посчитали забавным недостаток уважения Танкуила, то они этого никак не показали.

— Совет принял решение, — объявил инквизитор Вэнс.

— И они послали вас огласить вердикт?

— Они не знали, как с вами поступить. Я их убедил.

Танкуил ничего не сказал, просто буравил его взглядом.

— Инквизиция... обеспокоена, что возможно есть другие... коварные элементы в её рядах, — сказал инквизитор Вэнс. — Вы, возможно, единственный арбитр вне подозрений. Ваша лояльность неоспорима.

Танкуил не мог не нахмуриться. Если демон говорил правду, то его лояльность очень даже оспорима.

— Они наделяют вас исключительным правом отслеживать эти коварные элементы. Вы будете отчитываться непосредственно перед богом-императором и передо мной.

Танкуил понял, что его рот раскрылся, но никаких звуков не издал.

— Не такого вердикта вы ждали? — спросил инквизитор.

— Хм...

— Я понимаю, что с учётом вашей недавней потери вам понадобится время, чтобы...

восстановиться.

От этих слов разум Танкуила резко сфокусировался. И боль тоже вернулась.

— Что вы знаете о том, что я *потерял*?

Инквизитор нахмурился, услышав в голосе Танкуила мрачные нотки.

— Не спешите, дайте себе время смириться, арбитр. Когда будете готовы, у меня будет для вас задание.

— Что вы от меня хотите, Вэнс? — спросил Танкуил.

— Если вам надо подождать...

Последнее, что нужно было Танкуилу, это ждать. Если Инквизиция хочет, чтобы он отслеживал своих товарищей-арбитров, то так тому и быть. Он сделает за них грязную работу.

— Что вы от меня хотите, инквизитор Вэнс?

Для Дрейка заходить в порт Сарта всегда было опасно. "Фортуну", едва заведя, наверняка взяли бы на abordаж, и вполне возможно затопили бы. За его голову была назначена такая цена, что, пожалуй, стоило бы явиться с повинной. Однако иногда нужда заставляла, и сейчас Дрейка ждала важная встреча. Поэтому он и находился в городе Сарт, в столице священной империи Сарт. Не многие знали, что он родился в этом королевстве и в этом городе, и всё потому, что он убил почти всех, кому это было известно.

В "Бородатом Громиле" горел тусклый свет, сильно воняло и всюду виднелись пятна от пива. Слава у этой таверны была дурная, но будь он проклят, если они подавали не лучший эль из всех, что Дрейк когда-либо пробовал. Он сидел, положив ноги на стол в центре помещения, покачивался на задних ножках стула и потягивал чудесный напиток. Других посетителей сегодня не было. Таверна была закрыта. Его люди стояли на страже снаружи, и ещё двое сидели с владельцем таверны в подвале. Дрейк в полном одиночестве наслаждался выпивкой.

Следовало поздравить себя с результатами последнего предприятия. Оно не только помогло облегчить изменения в системе управления целой империи, но ещё, благодаря самому комплексному плану из всех, что он когда-либо разрабатывал, ему удалось сделать в точности то, что от него просили. Он убил Кессика, поставил нового влиятельного героя в Диких Землях, укрепил свои силы как минимум в трёх крупнейших городах Диких Земель и в процессе спас Инквизицию. И, хоть самому ему не пришлось много бегать, но всё это было его планом. Во всей истории он сожалел лишь о смерти Джеззет Вель'юрн. Сказать по правде, эта женщина ему нравилась, но больше всего ему хотелось оказаться у неё между ног. Иногда не всё шло по плану — не часто, но время от времени.

Он сделал ещё глоток и развёл руки, словно чтобы обнять всю пустую таверну. Разумеется, не всё спланировал он сам, не в этот раз. Тут на Оракуле лежала немалая часть ответственности, хоть он бы этого никогда и не признал. Дрейк работал за кулисами, манипулировал людьми, чтобы они исполняли его волю, а Оракул давал советы. Дрейк давно понял, как чертовски полезно иметь на своей стороне Оракула. Зная будущее, легко подтасовать колоду, а Дрейк никогда не играл, если не был уверен в победе.

Дверь открылась, и внутрь вошёл Оракул. Дрейк ухмыльнулся, убрал со стола свои большие сапоги, вернув стул на все четыре ножки. Потом поднялся, поправил свою саблю и оправил свой синий лоскутный плащ. Внешний вид — значительная часть репутации, а ему требовалось поддерживать чертовски внушительную репутацию.

Оракул посмотрел на Дрейка и расплылся в улыбке.

— Рад снова видеть тебя, братец. — Он поправил свой белый плащ.

— Ага, как обычно, — сказал Дрейк, за три широких шага пересёк комнату и заключил младшего брата в объятия. — Рад тебя видеть, инквизитор.

— Есть у тебя ещё такая? — спросил Хирон Вэнс, указывая на кружку пива.

— Ага, за баром.

Хирон взял кружку и сел с Дрейком за стол в центре комнаты.

— Слышал, всё прошло по плану.

Дрейк ухмыльнулся.

— Почти. Мог бы и рассказать мне о Джеззет.

Хирон пожал плечами.

— Судьба — сложная штука, особенно там, где замешан арбитр Даркхарт.

— Слышал, он меня не очень любит.

— На твоём месте я бы держался от него подальше. В любом случае, у меня пока есть для него занятие.

Дрейк сделал большой глоток и наклонился вперёд.

— Ну ладно. Я сделал, что ты хотел. Инквизиция спасена. Чёрт, совет боится своих собственных теней.

— Так и есть. Вскоре я смогу начать восстанавливать его, ставя туда своих людей.

Дрейк провёл рукой по волосам и откинулся на стуле.

— Тогда, наверное, пора перейти к моей части сделки.

Хирон кивнул.

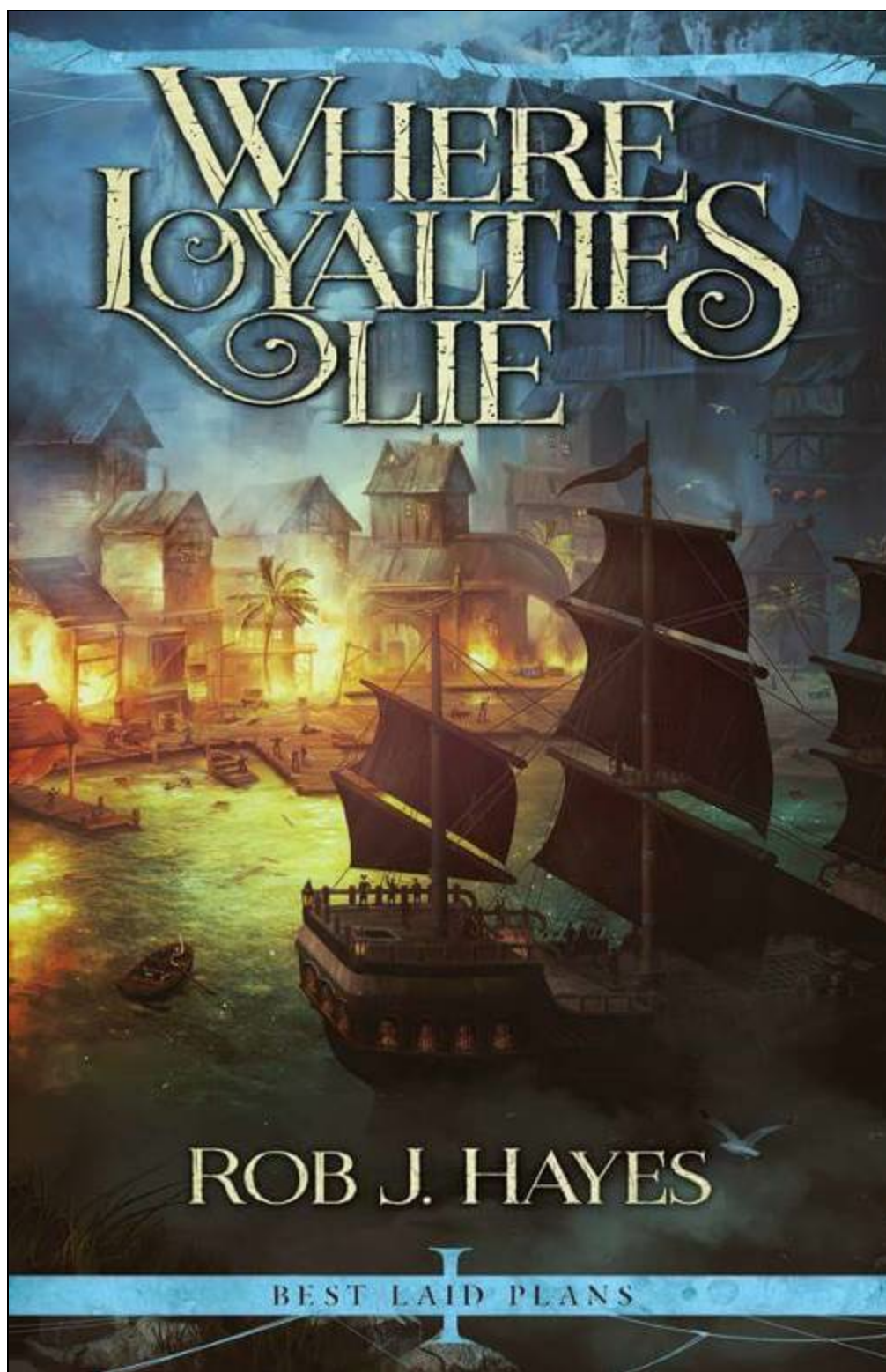
— Пираты.

Дрейк кивнул, и его золотой зуб заблестел в тусклом свете таверны.

— Ага.

Бонус

Отрывок из книги "Where Loyalties Lie" — первой в дилогии "Best Laid Plan" продолжения трилогии "Связующие узы".

Чёрные Пески горели, и огонь плясал в глазах Дрейка. Это был не первый город, который на его глазах исчезал в дыму и пепле, и, чёрт возьми, наверняка не будет последним, до тех пор, пока его план не осуществится полностью.

Языки пламени жадно охватывали всё, чего касались — от тёмного песчаного берега до близлежащих джунглей. Огромные клубы чёрного дыма вздымались в небо, закрывая мерцающие звёзды.

Это был мрачный день для пиратов с островов, но славная ночь для капитана Дрейка Моррасса. Остальные члены его команды наблюдали, как умирают сотни, и как уничтожается одно из последних убежищ для мерзавцев, вроде них. А Дрейк наблюдал за рождением империи. Своей империи.

Одиннадцать человек команды в одиноком баркасе неуклонно гребли в сторону "Фортуны". На берегу "Песёлая Вогодка" — самое крупное здание и единственная таверна в Чёрных Песках — рухнула под своим весом, и даже с их места в бухте вся команда слышала треск, когда обломилась последняя опорная балка. Команда долгое время молчала — каждый из них не раз напивался, если не сказать "упивался в стельку", в этой таверне. Спору нет, и Дрейку будет этого местечка не хватать, но есть много мест, где можно купить грог, и он не собирался лить слёз по одному из них. И к тому же все его силы уходили на то, чтобы не ухмыльнуться, радуясь своей удаче.

Баркас ударился о корпус "Фортуны", и тишина тут же закончилась — пираты бросились за работу, зная, что лучше не сачковать. Опускались и вязались концы, люди взбирались на борт, и спустя впечатляюще короткое время шлюпка уже поднималась на борт корабля Дрейка.

К передней палубе, на которой в уединении стоял Дрейк, подошёл человек. Обветренная непогодой кожа, сальные волосы, сухопарое телосложение — очевидно, что этот пират много лет провёл в море. Если уж на то пошло, он был немного старше Дрейка, и выглядел на все свои годы.

— Как дела на берегу, Принцесса? — спросил Дрейк своего первого помощника.

— Город горит, — беспечно ответил Принцесса.

— Да ты что, не может быть, — Дрейк позволил себе чуть ухмыльнуться, но тут же посерьёзnel, чтобы остальные пираты не заметили. — Выжившие есть?

— Ни одного. Похоже, эти мерзавцы хотели провернуть всё, как вы это называете, досконально.

— Удалось ли тебе узнать, кто в ответе за эту ужасную трагедию?

Принцесса кивнул, и прядь волос упала ему на лицо, так что ему пришлось убрать её за ухо.

— Так вышло, кэп, что я взял несколько парней, проверить другую сторону острова. И вы не поверите, там как раз один из этих новеньких кораблей Сарта ложился на курс, прочь от своего дежня.

— Хорошо. Принцесса, убедись, что вся команда об этом узнает. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь упустил этот жизненно важный кусочек головоломки. Мы с рассветом ляжем на курс в порт Сев'рилейн, и я хочу, чтобы вся команда только об этом и говорила.

— Ясно, кэп. — Принцесса развернулся и пошёл прочь, оставив Дрейка снова в

одиночестве на передней палубе.

Некоторое время он стоял там, глядя, как горит город.

— Распечатайте бочку рома, парни. Хочу, чтобы все выпили за Чёрные Пески. А потом пусть все выпьют за то, чтобы никогда не позволять ублюдкам повторить такое.

Его команда радостно вскричала — мрачное настроение уступало место буйному характеру, более присущему пиратам. Но его команда — лёгкие мишени. Настоящее испытание начнётся, когда придётся вербовать других капитанов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net